МЕМУАРЫ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

И. П. КОЗЛОВСКИЙ

ПЕРВЫЕ ПОЧТЫ И ПЕРВЫЕ ПОЧТМЕЙСТЕРЫ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

ТОМ 1

DirectMEDIA

И. П. Козловский

Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве

Опыт исследования некоторых вопросов из истории русской культуры во 2-й половине XVII века

Том I
(текст исследования)

Москва
2022

УДК 656.8(091)(47)
ББК 63.3(2)45-7+65.385(2)г
К59

Козловский, И. П.

К59 Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве : опыт исследования некоторых вопросов из истории русской культуры во 2-й половине XVII века. В 2 т. Т. I (текст исследования) / И. П. Козловский. — Москва : Директ-Медиа, 2022. — 468 с.

ISBN 978-5-4499-3130-6 *(т. 1)*
ISBN 978-5-4499-3131-3

Докторская диссертация известного российского историка Ивана Павловича Козловского (1869–1943) посвящена исследованию состояния и развития почтовой связи Московского государства во второй половине XVII века. Работа состоит из двух томов, в которых рассматриваются вопросы зарождения почтового дела в России, описывается деятельность первых почтмейстеров, раскрываются особенности создания почтового сообщения в различных регионах русского государства. Автор относит почту к важнейшим культурным приобретениям человечества после изобретения алфавита и книгопечатания.

Первый том издания посвящен истории становления почты на Руси в XVII в. Читатели узнают о том, какой вклад в организацию регулярно действующих почтовых сообщений в Русском государстве внесли голландец Йохан ван Сведен, инженер Петр Марселис, дворянский род Виниусов. В конце тома приведены подробные статистические данные о почтовых отправлениях, дорогах и станциях, представлена карта Московского государства с изображением почтовых трактов.

УДК 656.8(091)(47)
ББК 63.3(2)45-7+65.385(2)г

ISBN 978-5-4499-3130-6 (т. 1)
ISBN 978-5-4499-3131-3

Глубокоуважаемому учителю,
профессору
Владимиру Степановичу Иконникову
с чувством искренней признательности
посвящает автор свою настоящую работу.

Посвящая настоящую свою работу проф. В. С. Иконникову, наставлениями и руководительством которого я пользовался в своих ученых занятиях 20 лет, не могу также не выразить своей глубокой благодарности Историко-Филологическому Факультету и Совету Императорского Варшавского Университета за материальную поддержку, без которой настоящая работа не могла бы появиться в печати.

АВТОР.

Введение

Давно уже по достоинству оценена почта, одно из важнейших культурных приобретений человечества. По справедливому замечанию Маколея, наибольшую услугу в истории цивилизации после изобретения алфавита и книгопечатания, оказали те изобретения, которые способствовали сокращению расстояний между людьми. Всякое улучшение в средствах сообщения служило человечеству не только к материальной выгоде, но и к моральному и умственному преуспеянию. Среди таких изобретений, которые способствовали улучшению средств сношений и как бы сокращению расстояний, почта играет весьма видную роль. «История почты, это — история благодеяний, оказанных народу[1]. Нет такой отрасли народной жизни, где бы почта не играла огромной, чуть не провиденциальной роли. Нет надобности распространяться о том, какую пользу извлекает из почты промышленник и торговец: расширение производства немыслимо без надлежащей осведомленности о нуждах рынка, а без расширения производства немыслимо увеличение материальных благ человечества и широкое удовлетворение его потребностей. Но не одни материальные блага увеличиваются в числе; почта благоприятствует и культурному обмену, облегчая умственную работу человечества, размножая и шире распределяя его умственные приобретения. Она «служит связующим звеном во всех делах и переговорах; благодаря ей, отсутствующие делаются присутствующими: она — утешение жизни!»[2] Но при этом она есть и «великий учитель жизни»[3]: сколько бедствий устраняют правильно организованные сношения между людьми! Почта быстро осведомляет людей с потребностями их соседей, что особенно важно в

---

[1] Эдвардс. Британская энциклопедия.

[2] Вольтер. Философский словарь.

[3] См. речь С.-Ам. президента Гранта, произнесенная в конце 60-х годов прошлого века.

случаях общественных бедствий: стихийных разрушений, болезней и эпидемий, голода и пр. Почта облегчает деятельность правительственных учреждений, давая им возможность шире и своевременнее узнавать о народных нуждах и предупреждать бедствия, причиняемые силами природы и злой волей человека. Множество преступлений могут быть предупреждены благодаря своевременному вмешательству правительства во́ время осведомленного о положении дел.

Все эти обстоятельства очень рано стали понятны культурным народам, и поэтому везде мы замечаем, что с развитием культуры возникают и организуются по всем направлениям почтовые сношения. Наполеон I говорил, что о прогрессе общественного благосостояния можно судить по результатам счетов почтовых дилижансов[4]; вместе с тем почта, созданная для того, чтобы удовлетворять наиболее разумным потребностям общества, сделалась в некотором отношении показателем степени развитии народов. Вследствие этого, в истории русской культуры, в особенности в эпоху «европеизации» России в XVII и нач. XVIII века, почте должно быть отведено почетное место. В своем месте мы увидим, достаточно ли уделила ей внимания русская историческая литература; теперь же бросим общий взгляд на историю письменных сношений вообще и в России до XVII в. в частности. Это последнее даст нам возможность правильнее оценить впоследствии значение первых русских почт.

Слово «почта» (*нем.* Post, *франц.* poste) латинского происхождения (posita, подразум. statio). Понятие почты передавалось у римлян словами — cursus publicus. Под словом «почта» обыкновенно разумеют учреждение, главная цель которого посредством нарочно определенных для того лиц, доставлять с одного места на другое письма, пакеты, посылки и даже людей — проезжающих. При таком определении не

[4] Почт.-Тел. Журнал 1899, июль, 795.

принимаются во внимание возможные разнообразные детали в постановке этого учреждения: оно может содержаться правительством или частным лицом (физическим или юридическим) и, притом, или для нужд одного лишь правительства, или одного класса общества, или для всех лиц; может быть наперед определено вознаграждение за доставку, постоянное время прибытия и отправления пересылаемых вещей или людей и пр. В нынешние времена, впрочем, слово «почта» получило более определенное значение. Теперь для всякого ясно, что цель почты настолько же практическая, насколько культурная. Посредством пересылки всякого рода писем, извещений и перевозки вещей и людей почта облегчает сношения, как между отдельными государствами и народами, между правительством страны и различными местами и лицами, так и между отдельными частными людьми и таким образом доставляет бесчисленное множество способов к культурному обмену, к успехам и развитию образования, наук, искусств и промышленности, как внутри каждой отдельной страны, так и в целом мире[5]. Развитие такого рода сношений вызывает необходимость их упорядочения и регламентации, издания почтовых правил и законов, заключение соответствующих договоров между государствами.

Сообразно с таким характером учреждения, в истории почт необходимо останавливаться на следующих вопросах: 1) какого рода сношения предшествовали появлению правильных почт в стране и в чем состояли их несовершенства; 2) что вызвало необходимость устройства правильных почтовых сообщений; 3) какова была первоначальная организация почт и результаты, ими достигнутые: а) для сношений вообще, как внутренних, так и международных; б) для усовершенствования путей сообщения, развития торговли и промышленности; в) для культурного обмена в смысле передачи всевозможных сведений и знаний всему обществу. Та-

[5] Ст. Бржозовского в Юрид. Сб. Мейера, стр. 341—342.

ким образом история почты касается географических условий страны, дорог, дорожных сооружений, экипажей, почтовой администрации, почтовых правил, международных почтовых договоров, развития путей сообщения, товарного обмена, поднятия или упадка тех или иных видов промышленности, писем и корреспонденции всякого рода — как официальной, так и частной, появления газет или ведомостей и тех сведений, которые в них сообщались обществу.

Уже с первых времен исторической жизни человек ощущал необходимость передавать известия на расстоянии, и мы имеем целый ряд весьма древних известий о том, что люди пользовались вестниками для передачи словесных сообщений или условных знаков.

В великих монархиях древнего мира очень рано возникли сношения при посредстве особых посланцев между резиденциями властителей и отдаленными провинциями. По свидетельству Масперо, в Египте, во времена XII династии, особые скороходы передавали распоряжения фараонов даже в Азию. Относительно Персидского царства у нас имеется целый ряд свидетельств о том, что там уже с VI века существовало постоянное учреждение для сношений: на проведенных дорогах устраивались постоянные станции с достаточным количеством курьеров и лошадей для смены; в экстренных случаях прибегали даже к передаче известий на расстояние при помощи быстрого разведения костров в определенных пунктах. Приказания царя сатрапам передавались с быстротой, изумлявшей даже греков, которые ограничивались в передаче известий услугами скороходов.

Далеко опередили всех древних народов в деле развития сношений — римляне. Государственные потребности их обширного государства, особенно со времени централизации управления при императорах, вызывали крайнюю необходимость в постоянных сношениях с отдаленными частями империи. По повелению Августа все великолепные римские дороги были снабжены станциями, курьерами и экипажами.

Это учреждение, усовершенствованное при преемниках Августа, своим названием «cursus publicus» вводило в заблуждение многих историков. Оно отнюдь не было «публичным», устроенным для нужд всех граждан вообще и каждого в отдельности; оно было исключительно политически-полицейским учреждением. На главных дорогах, в определенных расстояниях друг от друга, были устроены станции для перемены лошадей: на этих станциях путешественники могли подкрепляться пищей и даже ночевать. Здесь всегда находилось достаточное количество верховых и вьючных животных, имелись экипажи и телеги. Пользование этим учреждением разрешалось только государственным чиновникам и только для государственных целей; впрочем, иногда выдавались разрешительные билеты на пользование cursus publicus частным лицам (legatio libera) — путешествующим чиновникам, военным (особенно — отставным солдатам), позднее — духовным лицам; не обходилось также и без злоупотреблений. Управление cursus publicus сосредоточивалось в руках определенных сановников в столице и целого ряда чиновников в провинциях. Средства на содержание этого учреждения получались с народа, местные жители несли на себе ряд повинностей, вроде барщины, что вызывало зачастую ропот населения. Жалобы жителей на злоупотребления тех, кто пользовался путями сообщения, на чрезмерное отягощение населения всякого рода работой, на дурное обращение чиновников, на истязание лошадей, поставляемых ими для пользования и пр., вызывали целый ряд законодательных постановлений правительства по этому поводу (до Юстинианова Свода включительно). Все-таки злоупотребления власть имущих были так велики, что жители, привлеченные к тем или другим повинностям по содержанию cursus publicus, разбегались. Таким образом, учреждение, долженствовавшее быть благодетельным для страны, становилось бичом для населения.

Но даже в таком виде римская почта имела огромное значение. На бесчисленных дорогах империи, по всем станциям, заметно было большое оживление. Всюду встречались путешественники, передавались письма, делавшие громад-ные расстояния — от Британнии до Кавказа и от устьев Рейна до Сахары. Из всех провинций ежедневно получались известия в Риме. Станции cursus publicus сделались также центрами частных сношений: устраивалась передача частных известий, перевозка пассажиров и багажа частными предпринимателями, которые нередко объединялись в арте-ли. В эпоху Константина Вел. cursus publicus представляется учреждением развитым, соединявшим в себе много удобств и даже роскоши. Около времен Юстиниана Вел. содержание императорских почт было отнесено на общественные доходы городов.

С упадком римского государства в Зап. Европе пришли в расстройство и сеть римских дорог и cursus publicus. Когда в лице Карла Вел. явился государь, власть которого могла восстановить империю, — дело сношений возродилось; но это было только до распадения Карловой монархии. Государственная власть в средневековых государствах, стесненная и ослабленная феодализмом, не могла взять в свои руки крупное дело устройства повсеместных сношений; но общественная потребность в сношениях была так сильна, что за удовлетворение её взялись духовные и светские общественные учреждения. Особенно велика была потребность в сношениях для церкви, при развитии её владений и централизации их управления. Сохранились в большом числе донесения епископов и аббатов их начальству, циркуляры пап и их повеления; это доказывает существование передачи письменных распоряжений и пересылки корреспонденции в большом количестве. Несомненно известно, что духовные ордена пользовались услугами странствующих монахов, периодически правильно совершавших свои путешествия по разным направлениям. Таких лиц снабжали особыми билетами, удостоверявшими их личность и цель их посланничества. Часто эти монахи брали на себя передачу частных писем;

мешок с письмами сделался всегдашней принадлежностью их костюма. Тевтонский орден, поселившись в Пруссии, должен был широко пользоваться такого рода посланцами для сношений со своим магистром, который жил сначала в Венеции, а затем в Мариенбурге. Сношения эти были тем нужнее, что орден широко раскинул по Европе сеть своих владений-поселений; в эпоху своего расцвета он имел уже целый штат чиновников, заведовавших рассылкой и получением писем, наблюдением над конюшнями и посланцами.

Примеру церкви последовали университеты. Для сношений молодежи, отовсюду стекавшейся в университеты, с её родными местами, нужны были постоянные учреждения посыльных, снабженных охранными грамотами властей. Среди такого рода учреждений наиболее хорошо была организована артель посланцев при Парижском университете. Эти посланцы начинают, кроме писем, брать на себя доставление денежных и ценных посылок. В Германии такое учреждение появилось впервые в XIV веке; были назначены особые посланцы, которые приведены к присяге и обязались доставлять ad diversas mundi partes вещи, книги, одежду и пр. tam per terram, quam per aquam.

Наконец дошла очередь и до светских корпораций. В эпоху расцвета цехового строя мясники, совершавшие на лошадях и в экипажах длинные и правильные переезды по своим профессиональным нуждам, послужили первыми посредниками для почтовых сношений. Вследствие того, что дни и часы их отправления всегда были точно определены, передача ими писем принимает характер правильно устроенной почты. Эта так наз. Metzgerpost просуществовала в южной Германии до конца XVII века. Примеру мясников последовали лодочники.

Все такого рода частные предприятия скоро уступали место городским учреждениям. С развитием городов в Европе, эти последние устраивают у себя артели гонцов, которые с XIV в. становятся повсеместными, особенно в итальянских и немецких торговых городах и по всем важнейшим торговым

дорогам. Управление городов приводило таких гонцов к присяге, платило им определенное жалованье и поручало доставление городской корреспонденции. Эти гонцы могли также принимать на себя за определенную плату доставку писем частных лиц в определенные дни. Гонцы рейнского городского союза поддерживали правильные сношения от Кёльна и Майнца через Франкфурт до Нюренберга; ганзейский союз установил правильные курсы от Гамбурга до Бремена, Амстердама и Антверпена с одной стороны до Штеттина, Данцига, Кенигсберга и Риги с другой стороны.

Конец XV и начало XVI века были весьма важной эпохой в истории европейских сношений и не только на Западе, но и на Востоке. В Западной Европе появляются правильно устроенные почтовые предприятия, получающие почти значение международных, а у нас на Руси в это время нарождаются более или менее правильные сношения между отдельными частями только что сложившегося обширного Московского государства. Как на Западе, так и в Московском государстве политическое объединение страны и усиление центральной власти способствовало развитию сношений.

Людовик XI, современник Иоанна III, сломив власть сильных феодалов, основал единое государство, и он же считается основателем французской почты. Эдиктом этого короля от 19 июня 1464 г. были учреждены сношения по всей Франции при посредстве особых курьеров; впрочем, этим курьерам, под страхом смертной казни, запрещено было исполнять частные поручения жителей. Преемник Людовика XI, Карл VIII, преобразовавший это учреждение, впервые дал ему имя почтового (chevaucheurs en postes). С тех пор входит в употребление слово poste; в слегка измененной форме оно появляется одновременно в Германии и Италии. Под этим именем стали разуметь учреждение, основанное правительством, находящееся под его надзором и заведующее всеми средствами сношений — курьерами и перевозкой частных писем и пассажиров. В таком смысле о почтах в Московском

государстве пока нечего было и думать: у нас только что формировалось наше cursus publicus, —нмские учреждения.

В то же время, как раз на рубеже XV и XVI веков, в Германии сделана была попытка устройства почтовых сношений с международным характером. Эта попытка связана с именем Таксис. В 1500 г. Франц фон-Таксис получил титул capitaine et maistre des postes в Нидерландах и Бургундии (принадлежавших двум союзным государям — Испанскому и Французскому королям). В 1504 году Он принял на себя обязанность доставлять корреспонденцию между дворами Императорским, Французским и Испанским. Эта обязанность выполнялась сначала в очень скромных размерах: — на станциях было всего по одной лошади. Но по договору, заключенному братьями Таксис с Испанским королем Карлом I в 1516 г., первые обязались продолжить почтовые сношения до Рима и Неаполя, содержать на станциях по 2 лошади, и срок доставки писем был сокращен. Курьеры Таксиса совершали путь от Брюсселя до Парижа в 36—40 час., в Рим — в 10 1/2—12 дней, в Неаполь — 14 дней. Почта эта отнюдь не была исключительно правительственной: население также могло пользоваться ей. Когда Карл I сделался императором в Германии с именем Карла V, Иоганн Баптист Таксис сделался постоянным его спутником по Германии, Венгрии и даже до Туниса. Этот Таксис был основателем «почтовой династии», члены которой имели крупные заслуги в деле развития почтовых сношений в Нидерландах, Испании и Германии.

Проследив историю почтовых сношений от древних времен до начала XVI века, мы могли подметить три фазиса в их развитии. На первой ступени своего развития почты являются учреждением чисто правительственным: правительства сами их учреждают и сами только ими и пользуются; самое отправление почт не регулярно и происходит по мере надобности. Таков cursus publicus и почты Людовика XI. На второй ступени, как это мы впервые замечаем в теократических государствах средневековья, а также во Франции при Карле VIII,

к пользованию почтами допускаются уже и частные лица, за известную плату; при этом круг действия почт и их значение для общества увеличиваются, постановка дела совершенствуется, направление и время хода почт становятся постоянными, хотя право учреждения и эксплуатации почт правительство старается оставить за собой. Наконец, на третьей ступени развития, почты являются уже предприятием промышленным, устроенным для всеобщей пользы и дающим известный доход лицам, получившим право их эксплуатации (Metzgerpost, предприятие Таксисов). Часто бывает, что и на третьей ступени развития почт правительство оставляет за собою те или другие виды почтовых отправлений, но это делается ради сохранения единообразия в функционировании почтовых учреждений и устранения возможных злоупотреблений, связанных с монополией почты.

Нам удобно остановиться здесь в обзоре истории Западно-европейских почт[6]; рассмотренные нами явления найдут себе аналогии в истории русских почтовых сношений включительно до той эпохи, которая нас интересует. Поэтому обратимся к истории передачи известий и средств сношений на Руси; рассмотрим ее также вкратце в виду того, что до интересующей нас эпохи она уже была предметом изучения и исследована весьма обстоятельно.

История сношений и передачи известий на Руси представляет три резко отграниченных друг от друга периода: период исключительно ямских учреждений, период параллельного существования ямских и почтовых учреждений и период правильных почтовых сношений. Во все эти три периода почта никогда не выходила из-под строгой опеки

[6] Главнейшими пособиями при составлении очерка истории почтовых сношений в Зап. Европе нам послужили следующие сочинения: Veredarius Das Buch von der Weltpost, 1885; Arth. de Rothschild, Histoire de la Poste aux lettres, 3 изд., 1876, 2 тома; *М.* Geistbeck, Der Weltverkehr, 1887; Ad. Effenberger, Grundzüge der Postgeographie, 1884; Fischer, Post (Handwörterbuch der Staatswissenschaften, Band VI, Jena, 1904).

правительства и попытка превращения почты в промышленное учреждение, попытка, имевшая место в ту эпоху, которую мы намерены изучать, не имела успеха; она продолжалась в течение полвека, и в конце концов правительство окончательно снова взяло почтовые сношения в свои руки.

Мы уже могли убедиться, что в первые времена существования государств, когда потребности их просты и немногочисленны, тогда и способы удовлетворения этих потребностей несложны. Так было и у нас на Руси. Древние князья по своим делам посылали каждый раз особенных лиц. Способы передвижения для этих лиц должно было доставлять население. В земле Новгородской в начале XIII в. эта повинность называлась повозом, в других землях — подводой. Рядом с упоминанием о подводе встречаем упоминание о «корме», а иногда о проводниках. Уже в те давние времена повинность эта считалась тяжелой, и мирские власти, обязанные заботиться о ней, часто не могли справляться с этим делом. Гонцы должны были быть обеспечены всем необходимым на время своего пути, иначе частая передача вестей и писем и непрерывная сеть сношений между князьями были бы невозможны. Иногда послы, ехавшие за рубеж, с особого позволения покупали себе у обывателей лошадей на счет казны: после возвращения, они передавали лошадей в казну. Иностранным послам и гостям, приезжавшим в Россию, по особому распоряжению князя или его наместника, население выдавало от города до города обывательские подводы, за что хозяевам этих подвод выдавалось от казны небольшое денежное вознаграждение. Что касается частных лиц, то сношения, конечно, производились каждым по его усмотрению и на его личные средства. Посылка писем между частными лицами существовала, вероятно, с самых ранних времен (вспомним «ярлыки скорописчаты» наших былин).

После татарского погрома в деле сношений на Руси произошли крупные перемены. В XIII веке Чингиз-Хан, утвердив

свое владычество над огромными пространствами Азии, назначил, по примеру Китая, для разъездов своих чиновников, послов и гонцов, по большим дорогам велел поставить станции, на которые окрестные жители должны были доставлять лошадей и продовольствие проезжавшим по поручению хана. Порядок этого сообщения и поведение проезжающих, во избежание злоупотреблений, определены были особенными правилами. О существовании почтовых сношений у татар находим сведения также у европейских писателей-путешественников XIII века, как Марко Поло и Плано Карпини. Завоевав русскую землю, татары, несомненно, требовали заведения постоянных сношений по всем областям для своих целей. Обязанность доставлять татарским гонцам подводы, лошадей и содержание должна была войти в круг повинностей, наложенных татарами на русскую землю. Но для русской земли это не было новой повинностью; это было только увеличением старой, требовавшейся древними князьями; только из случайной, периодической, эта повинность сделалась постоянной. Во второй половине XIII в. встречаемся в документах с новым термином, относящимся к этой повинности — «ям». Происхождение этого слова можно считать окончательно выясненным[7]. Слово «ям» постепенно приобрело значение особой повинности вроде той, которая была у татар или сбора денег на удовлетворение тех же нужд средств сообщения. В ярлыке Менгу-Тимура (1270—1276) в первый раз встречаемся с вышеуказанным термином. Этот ярлык[8] дает льготу русским митрополитам: «не надобе им дань, ни тягло, ни поплужное, ни ям, ни подводы».

Итак, вместо прежнего обычая давать подводы по требованию княжеских гонцов и посланников, видим уже постоянную обязанность всех жителей доставлять лошадей для

---

[7] «Дзямъ» (монг.) — дорога, «дзямчи» — гонец, проводник. «Дз» в тат. языке исчезло. О разнообразных теориях по вопросу происхождения слов «ям» и «ямщик» см. Гурлянд, Ямская гоньба, стр. 29—31.

[8] С. Г. Г. и Д., II.

всех вообще проезжавших с поручениями князей и для ордынских чиновников. С того же времени, с конца XIII века, имеем грамоты, на основании которых можем судить о том, в каком положении находилось это дело. Жители местных посадов, деревень и волостей дают подводы в натуре и продовольствие всем, проезжающим, по государевым делам; эти последние должны только представлять княжескую грамоту на право взимания подвод[9]. С начала XIV века находим грамоты, дающие некоторым лицам и учреждениям льготу по отношению к подводной повинности[10]. Но слово «ям» в русских грамотах является целым веком позже появления его в ханских ярлыках на Руси. В жалованной грамоте Тверскому Отрочу монастырю 1361—5 гг. говорится: «не надобе им никоторая дань, ни ям, ни подводы»[11]. Из позднейших памятников видно, что ямом называлась станция с лошадьми и людьми для перевоза, с кормом для проезжающих, с судами и гребцами (в том случае, если дальше дорога шла по реке); подводы же сгонялись по особому требованию, они не стояли наготове и для них требовались новые средства помимо того, что давалось окрестными жителями на содержание ям[12].

Великие князья московские, получив от хана полномочие на сборы по всей Руси всевозможных податей, распределяли по областям и «ям», и «подводы». Для собирания ямской дани ездили по селам особые сборщики. Ямское дело, ям и подводы, считаются очень обременительной повинностью; в грамотах XIV в. очень часто встречается пожалование освобождения от этой повинности; но с развитием государства эта крайне важная повинность, несмотря на всю тяжесть её для населения, развивается, и освобождение от неё становится все реже и реже. Уже в XIV веке все пограничные и важ-

[9] А. А. Э., I, № 85 и 86.

[10] Ibid. I, № 3 и 4, 17—19, 21, 23, 28 и мн. др.

[11] Ibid., I, № 5.

[12] В организованном виде второй род повинности получил впоследствии название «мирских отпусков».

нейшие места были соединены посредством ямов с Москвой; но тем же местам, где ямов не было, оставалась во всей силе старая дань, корм и подводы, а иногда приходилось давать и проводников[13]. Как денежная повинность, «ям» нужен был в первое время только для татар. Конечно, нет никаких указаний на то, что татары устраивали у нас дорожные сооружения на собираемые деньги; но возможно, что эти деньги расходовались по распоряжению ханов на надобности этого рода самими же сборщиками податей, хотя бы и князьями. При таком предположении не будет надобности думать, что взимаемый татарами ям имел значение откупа от подводной повинности[14].

Итак, развитие ямских учреждений на Руси современно утверждению монгольского ига. Особых узаконений по устройству этих учреждений мы не знаем. Во всяком случае невозможно согласиться со Шторхом в том, что ямские учреждения обязаны своим возникновением частной промышленности и что правительство воспользовалось в своих целях уже существовавшими учреждениями[15].

Хотя с ямами мы встречаемся в документах XIV и даже XIII века, но при Иоанне III в устройстве ямов произошли такие крупные перемены, что это княжение, рубеж XV и XVI веков, справедливо может считаться эрою в истории ямских учреждений. По справедливому замечанию историка ямской гоньбы — «если понимать под ямской гоньбой известную форму регулярного сообщения... то началом гоньбы следует считать годы великокняжения Иоанна III»[16]. Упоминовение о ямах и ямщиках в новом значении этих слов встречаем в подорожных грамотах с 1489 г. Вот текст одной из таких грамот «от великого князя Ивана Васильевича всея Руси.

---

13 А. А. О. I, № 51.

14 Как это думает И. Я. Гурлянд, стр. 43.

15 Storch, Historisch-statistisches Gemäldi des Russischen Reichs, Leipzig, 1803. B. VII, стр. 241.

16 Гурлянд, op cit., 48.

От Москвы по дороге, по нашим землям по Московской и по Тверской, по ямам ямщиком до Торжку, а в Торжке старосте, а от Торжку по Новгородской земле по ямщиком до Новгорода. Послал есми Сеньку Зезевидова с немчином, а вы бы давали Сеньке по 2 подводы по ямам, а немчину по две же от яму до яму, а корма для немчина на яму, где случится стати — курья, да две части говядины, да две части свинины, да соли, и заспы, и сметаны, и масла, да два колача полуденежные по сей моей грамоте»[17]. Из этой грамоты ясно видно, что к концу XV века существовала уже целая сеть ямов с определенными обязанностями ямщиков и старост. Важность этого учреждения отмечается даже в духовных завещаниях великих князей.

Доставляя на ям подводы, обменивая таковые по дороге, доставляя на ямы корм, население обязано было, сверх всего этого, расчищать дороги, строить и чинить мосты и гати, ямские дворы. Хорошо сознавая трудность этой повинности, правительство начинает вводить в употребление наемную плату за подводы — прогоны.

Техническая сторона этого дела казалась образцовой даже приезжим иноземцам. Герберштейн удивлялся обилию лошадей на станциях и быстроте их езды. Один из его служителей совершил путь от Новгорода до Москвы в 72 часа.

Итак, Иоанн III может считаться основателем первых постоянных ямских учреждений. Правда, определенного закона на этот счет все-таки издано не было; но устройство ямов приобретает вполне определенный характер. Таким образом, заведение правильных постоянных сообщений в Московском государстве современно его объединению; начался первый фазис в истории развития русских почт, когда в Зап. Европе начинался уже третий. Расширение границ государства, новые цели, которые ставила внешняя политика, развитие централизации управления и некоторые другие моменты были

---

[17] Пам. Дипл. Сн., I, стр. 113.

поводом к возникновению целого ряда новых почтовых дорог[18]. Путь от Москвы до Новгорода оставался все время главным; его называли «большой московской дорогой»[19].

Неопределенность ямской повинности и возможные от того злоупотребления, неудобство для жителей во всякое время давать подводы в натуре и неудобство для правительства не иметь постоянных и надежных исполнителей известной обязанности — все это привело к переменам в половине XVI века. Окрестные жители стали избирать из своей среды особых лиц, которые, поселившись в отдельных местах, должны были отправлять за все население ямскую гоньбу. Эти лица получили название ямских охотников, а места их поселения стали называть ямскими слободами. Устройство таких слобод и постановка ямов поручалась особо командируемым из центрального учреждения лицам, называвшимся ямскими стройщиками. Центральным органом управления ямскими учреждениями с 1550 г. становится Ямская изба, которая с 70-х годов постепенно начинает приобретать название Ямского приказа. Интересно, что эта реформа совпадает с другими крупными реформами, предпринятыми правительством Иоанна IV после 1550 г.

В дальнейшей истории ямов следует отметить грамоту царя Бориса Годунова от 30 янв. 1600 г., касающуюся учреждения яма в Епанчине юрте. В этой грамоте говорится не только о порядке устройства новых ямов для сношений Московского государства с Сибирью, но упоминаются также и меры к водворению гражданских порядков в этом крае по отношению к Ногаям, Татарам, Остякам, Вогулам; устройство ямов, как видно по этой грамоте, вызывало построение городов и острогов, возведение церквей. Так развитие сношений шло рука об руку с распространением культуры.

Смутное время произвело всеобщее расстройство государства; но по восстановлении порядка правительство

---

18 Brückner, Russ. Postwesen (Zeitschr für allg. Gesch., 1884), стр. 889.

19 Доп. к А. И., I, 104.

прилагает горячие заботы о восстановлении и даже расширении ямских сношений[20]. Главные черты ямского устройства в том виде, в каком оно было в первой воловине XVII века, заключались в следующем. От Москвы, как от главного центра страны, во все стороны шли ямские дороги, мимо важнейших городов, к окраинам государства. По этим дорогам устроены были станции, ямы, снабженные всем необходимым для гоньбы. Расстояние между ямами первоначально не было точно определено; но с начала XVII века существовала «Поверстная книга», бывшая дополнением к «Книге Большого Чертежа»; она содержала в себе подробное перечисление городов Московского государства с указанием расстояний их от Москвы и друг от друга, а также от Москвы до различных заграничных городов. Поверстная книга была составлена для дьяков и подьячих Ямского приказа, которые руководились сведениями, помещенными в ней, при определении количества прогонных денег, подлежащих выдаче ямщикам. Возле ямов располагались ямские слободы в расстоянии 30—100 верст друг от друга Слободы эти заселялись ямскими охотниками и их семьями. Каждая деревня и посад обязаны были ставить на ям одного охотника с полусохи по собственному своему выбору. Податные лица селений, далеко отстоявших от ямов, вместо натуральной повинностью несли денежную, платя т. наз. «ямщину».

Если повинность отправлялась натурой («ямская посоха»), то, выбрав охотника, жители заключали с ним договор. По таким договорам ямские охотники обязывались содержать лошадей и проводников со всеми необходимыми принадлежностями («гонебною рухлядью»), суда, кормщиков и гребцов, и отправлять гоньбу по известной очереди, сообразуясь со временем года и природными условиями местности,

[20] Обстоятельные сведения приводит г. Гурлянд о деятельности боярина кн. Сулешена в Сибири (1623—25 гг.), отличавшейся чрезвычайной энергией в деле обновления ямских сношений.

как сухим, так и водным путем, на стругах[21]; кроме обыкновенной государевой гоньбы, охотники обязывались по первому приказу встречать и провожать послов и гонцов, доставлять с яма на ям государеву казну и пр. За все это от своей деревни ямской охотник получал денежное пособие, а в случае большого разгона — подводы; жители обязывались также строить и чинить ямские дворы, избы, сенники, конюшни. Скоро ямщики стали получать сверх всего вышеупомянутого — государево жалованье, денежное и хлебное.

Заключив договор с охотником, избиратели обеспечивали его исправность перед правительством своим поручительством. Затем избранные ямщики должны были ехать в Москву для присяги и получения деловых книг. Избранным в ямщики мог быть человек всякого чина. Зажиточность, хозяйственность и доброе поведение были условием, без которого человек не мог быть избранным на такую ответственную должность. Живя в той слободе, к которой были приписаны избравшие их деревни, ямщики постепенно составили как бы особый класс населения, занявший исключительное положение. Ямские охотники мало-помалу обособлялись от своих родных общин, образовали целые ямские поколения и превратились в служилых людей. Неся государеву службу, они в свободное время занимались хлебопашеством, торговлей и извозом, посылая за себя обыкновенно младших членов своей семьи или нанятых работников. В половине XVII века ямские слободы состояли каждая из 30, 40, 100 дворов и находились друг от друга на расстоянии 30, 40, 60 и даже 100 верст. О числе охотников на яме до половины XVII в. имеем мало сведений; в одной грамоте выставляется, как желательное, число — 70 охотников[22], но неизвестно, удалось ли осуществить такую цифру.

Надзор над ямщиками и их лошадьми на каждом яму имел ямской пристав или приказчик, без согласия которого

---

[21] А. Ю., № 192, 278, 294; А. А. Э., IV, 54 и 78.

[22] А. А. Э., II, № 54.

даже воевода не мог распоряжаться ямскими лошадьми[23]. Письменные дела, в особенности ведение загонных книг (книги для записи платимых прогонов), лежали на целовальнике или присяжнике (ямской староста). Эти книги представлялись на ревизию в Москву, в соответствующую четь[24]. Царским гонцам и всем служащим для получения ямских лошадей выдавались особенные грамоты — записи, подорожные. В подорожных точно определялось число подвод, взимать выше указанного числа, а равно накладывать на возы слишком много тяжестей, строго запрещалось[25]. В 1627 году был издан указ о количестве подвод, предоставляемых разного чина людям; высшая цифра — 20 подвод — назначалось для митрополитов и бояр[26]. Причиной появления этого указа были злоупотребления чиновных людей, часто пользовавшихся ямскими подводами для своих частных нужд.

Проезжавшие по казенной надобности получали из казны для платежа за гоньбу — прогоны, количество которых определялось особыми постановлениями. С начала XVI века обыкновенно выдавалось по 3 деньги на 10 верст, да и то иногда не на все расстояния.

Таким образом ямская гоньба становится все более и более надежным и правильным учреждением. Натуральная повинность все более и более заменялась денежной, и правительство от себя уже приискивало ямских охотников, переводя их часто из отдаленных мест. Платежу ямских денег подлежали все посадские и уездные люди, кроме получивших льготные грамоты. Сбор производился ямскими сборщиками. Окончательное превращение ямской повинности из натуральной в денежную совершилось к концу 40-х годов XVII века.

---

[23] А. А. Э., II, № 18.

[24] А. А. Э., III, № 40.

[25] А. А. Э., II, № 71.

[26] Др. Р. Вивлиоф., XX, а также в прилож. к соч. Хрущова о ямских и почтовых учреждениях.

Правительство чрезвычайно внимательно относилось к нуждам ямщиков, защищало их от притеснений воевод, наделяло их землей, освобождало от всяких податей. Иногда, действительно, служба ямщиков становилась очень тяжелой — особенно в военное время: иногда им приходилось терпеть от самовластия воевод, от нападений разбойников, и бывали случаи, что целые слободы пустели, ямщики разбегались. Но большей частью, доля ямщика считалась завидной и их слободы зачастую были в цветущем состоянии; их общественное положение было значительно лучше, чем положение их братьи — крестьян, отягченных податями и тяжелой работой на помещиков.

Иногда ямщики, в свою очередь, позволяли себе злоупотребления. Наряду с жалобами ямщиков на насилия, грубость и чрезмерные требования проезжающих — встречаются жалобы частных и официальных лиц на медленность, недобросовестность и пьянство ямщиков; иногда такого рода жалобы поступают от всего населения той или иной местности[27].

Несмотря на усиленные заботы правительства о развитии ямских сношений, многие местности все еще не имели постоянных ямских дорог и ямов. В таких случаях правительство поручало воеводам заботиться о снабжении гонцов всем необходимым на счет населения[28]. Общим правилом было,

---

[27] Примером может служить дело муромских охотников, присвоивших себе монополию извоза в г. Муроме и притеснявших жителей, которые поставлены были в такое положение, что никто сам для себя не мог привезти ни дров, ни хлеба. По жалобе жителей, царь Михаил приказал «унять» ямщиков (А. А. Э. III, № 297).

[28] В 1635 году, когда был послан с царской грамотой на Дон Григорий Щеглеватый, то ему дана была особая проезжая грамота, по которой воеводы Серпухова, Тулы, Новосиля, Ливен, Оскола и Валуек обязаны были позаботиться о предоставлении ему лошадей подвод и провожатых. Из особой грамоты Валуйскому воеводе по этому поводу убеждаемся, что постоянных ямских сношений с Доном не было. «А лошади», говорится в грамоте, «на чем ему (т е. Щеглеватому) ехать, и

чтобы в тех местах, где не было ямов или когда, вследствие значительного запроса на подводы, ямы не могли удовлетворить потребности, население несло подводную повинность. Иногда это несение повинности становилось постоянным и приобретало даже некоторую организацию; такая форма повинности называлась «мирскими отпусками».

Центральным государственным учреждением для управления ямской гоньбой с полов. XVI в., как мы видели, сделался Ямской приказ[29]. При царе Михаиле Ямской приказ достиг уже полной выработки своих функций. 1) Он посылал стройщиков для учреждения новых ямов и ставил приказчиков на ямах; 2) посылал предписания областным властям по предметам своего ведения и вел с ними переписку; 3) заведовал сборщиками ямских денег и принимал от них сборы; 4) определял выдачу ямщикам следуемых по загонным книгам прогонов и жалованья; 5) содержал списки ямщиков с описанием их земель; 6) выдавал подорожные; 7) разбирал жалобы ямщиков на проезжающих. В Приказе был судья (иногда — два), несколько дьяков, подьячих, приставов и сторожей.

В обозрении истории ямских учреждений[30] мы дошли до половины XVII в., т.е. до той эпохи, когда возникают в Мос-

---

вожа велено ему дать на Осколе; а будет ему на Осколе вожа не дадут, а скажут, что такого человека, кому в вожех ехать, на Осколе нет, и ты бы ему вожа дал на Валуйке, который бы на Дон дорогу знал достаточно; а нашего жалованья тому вожу дал бы еси 10 рублев из Валуйских доходов и лошадь, на чем ему ехать, дал, взяв в цену у Валуйских людей, оценить велев прямой ценой». Когда же Щеглеватый возвратится с Дону в Валуйки, воевода должен был эту лошадь возвратить прежним хозяевам. (Русская Истор. Библиотека, Донские дела, кн. I, стр. 448).

[29] Различные мнения о времени его возникновения (иные относят возникновение Ямского приказа ко времени Иоанна III, другие — ко времени ц. Михаила) см. у Гурлянда, 299—300.

[30] Мы пользовались при этом главным образом классической работой И. Я. Гурлянда «Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII в.», Ярославль, 1900. В этой же книге читатель найдет и полное

ковском государстве собственно почтовые сношения и значение ямских учреждений в почтовом деле перестает быть исключительным. Уместно будет теперь сделать некоторые заключения о той роли, которую сыграли ямские учреждения в деле сношений и в истории культуры страны, а равно и провести некоторую параллель между ямскими учреждениями и аналогичными учреждениями в Западной Европе.

Мы видели, что ямские учреждения, сложившись приблизительно в половине XV века, развивались безостановочно до Смутного времени. С водворением спокойствия после смуты они быстро восстанавливаются, ямское управление становится более правильным и единообразным, начинается соединение все бо́льшего и большего количества пунктов с Москвой. Промышленность пробуждается после застоя, устанавливаются более или менее правильные сношения с иностранцами; это требует дальнейших реформ в деле устройства сношений.

Средства сношений в древней Персии представляют полное сходство с татарскими ямскими учреждениями; эти последние были пересажены на Русь. Таким образом, русские ямские учреждения являются результатом восточного влияния. С XV века, с проникновением влияния Зап. Европы, ямские учреждения реформируются и начинают походить на римский cursus publicus; а когда в XVII веке Россия решительно повернулась на Запад лицом, то одним из результатов западного влияния были почты[31].

В ямских учреждениях было мало тех признаков, которые характеризуют почты в том виде, как мы теперь понимаем это слово. Ямские лошади служили для всевозможных целей правительства, начиная от перевозки иностранных послов и правительственной корреспонденции, кончая перевозкой людей и тяжестей вообще. Это была казенная тяжелая почта

обозрение литературы вопросов. Важнейшие для нас из указанных там сочинений будут нами упомянуты и рассмотрены несколько ниже.

[31] Срв. Брикнер, op. cit., 882.

без постоянных курсов. При таких условиях частным лицам немыслимо было пользоваться ямскими учреждениями, и для своей корреспонденции частные лица пользовались услугами частных наемных гонцов, путешественников и лишь изредка ямщиков — в тех случаях, когда последние были почему-либо свободны от служебных обязанностей, причем плата за услуги ямщику определялась каждый раз особо. В особенных случаях правительство иногда разрешало иностранным и своим купцам пользоваться ямами; но это были редкие исключения[32].

О сходстве ямских учреждений на Руси с учреждениями восточными много говорить не приходится; что же касается сходства их, начиная с XV в., с римским cursus publicus и византийскими учреждениями этого рода, то об этом свидетельствуют: исключительность правительственной эксплуатации ямов, непостоянство курсов, сходство в текстах подорожных, доставление проезжающим продовольствия и даже содержание ямов населением, отсутствовавшее в Риме, но появившееся в Византии со времен Юстиниана В.[33] Мы, впрочем, не беремся доказывать рецепции в этом случае, хотя всякому известно, что эпоха Иоанна III могла давать ход и римским (из Италии) и византийским культурным воспоминаниям (при посредстве приезжих греков).

Принимая во внимание все выше сказанное о ямских учреждениях, их функциях и постановке дела, мы можем сделать следующие заключения о той роли, которую они сыграли в истории русской культуры.

1) Ямские учреждения дали возможность правительству установить тесную связь между объединенными областями северо-восточной Руси.

2) Они помогли правительству упорядочивать административную организацию страны, облегчая передачу правительственных распоряжений.

---

[32] Storch, op. cit., IV, 415. Др. Росс. Библ., XX, 415.

[33] Бржозовский, op. cit., 357.

3) Они дали возможность правительству быстрее узнавать о нуждах отдаленных областей и быстрее удовлетворять их, что имело особенно важное значение при чрезмерной обширности государства.

4) Ямские учреждения принесли большую пользу государственным финансам, представляя дешевые средства сношений и облегчая сбор денег в нужных случаях.

5) Они облегчали передачу всякого рода сведений из отдаленных мест к центру и этой передачей сведений мимоходом пользовалось все население.

Но только тот в состоянии оценить значение развития ямских сношений, кто припомнит, в каком положении находились пути сообщения Московского государства в XV—XVII веках. О каких бы то ни было искусственных дорогах тогда не было и речи. Население было рассеяно по громадному пространству, группируясь в малолюдные и далекие друг от друга селения. Дальность расстояний делала невозможным сооружение дорог, которое обошлось бы слишком дорого. В Западной Европе в это время также не были избалованы хорошими путями сообщения; но тем не менее иностранцы с ужасом отзываются об отсутствии сколько-нибудь порядочных путей сообщения в Московском государстве. Весной, летом и осенью, по словам иностранных путешественников, переезды по Московскому государству соединены с величайшими трудностями: весной — разлитие вод, в дождливое лето — невысыхающие болота представляли неодолимые препятствия для путешественника. Дорога от Ивангорода до Новгорода, напр., вела через леса и пустыри, и местность была почти необитаема: лишь изредка попадались жалкие группы лачужек; дорога из Новгорода в Москву (важнейшая из всех) иногда также проходила по местностям, совсем не тронутым культурой; дорога из Москвы в Вильну (через Смоленск) была невозможна летом. При таком положении дела путешествия были возможны по сухому пути лишь зимой, а по рекам летом[34].

[34] Brückner, Die Europäisirung Russlands. Gotha; 1888. Стр. 64.

Для первых двух веков существования объединенного государства роль ямских учреждений была, таким образом, вполне заслуживающей внимания. Ямские учреждения сделали свое дело. Время создало новые нужды, новые интересы и должно было явиться новое учреждение, которое должно было стать ближе к самому народу и удовлетворять даже частным нуждам развившегося населения. Вместе с тем и правительству необходимо было иметь больше органов для его развившихся сношений. Появились почты — не как учреждение, заменившее ямы, но как учреждение самостоятельное, нужда в котором была ясно сознана правительством. Первые шаги русских почт, те стороны этого дела, которые указаны нами в начале этого введения, те культурные явления, которые связаны с появлением и развитием почт, — все это и послужит предметом нашего исследования. Оговоримся, что мы ограничиваем нашу работу исследованием явлений только одного определенного периода времени — второй половины XVII века, и нас занимает не столько юридическая, сколько культурная сторона дела — значение первых русских почт в смысле начала и развития сношений с Зап. Европой и распространения в русском обществе всякого рода сведений, а равно вообще прогресса в культурной жизни русского народа перед реформами Петра Великого.

В заключение бросим беглый взгляд на почтовое дело в Западной Европе с того момента, на котором мы остановились выше, до конца XVII и начала XVIII века, т. е. рассмотрим почтовое дело в Зап. Европе в тот период, который хронологически совпадает с периодом в истории русской почты, составляющим предмет нашего изучения.

Выше мы видели, что ко времени возникновения и организации русских ямских учреждений в полов. XV в. западноевропейские почты в руках деятельных предпринимателей начали получать международный и промышленный характер. Блестящие результаты, достигнутые при помощи частной инициативы в почтовом деле, повлияли впоследствии и

на первые шаги русской почты: она также родилась под опекой правительства при частной инициативе и управлении.

В том году, когда корабли Магеллана совершили первое кругосветное плавание, через всю Германию прошла первая почта Франца фон-Таксиса. В половине XVI в. почтовые сношения Брюсселя, Антверпена, Аутсбурга, Праги, Вены. Венеции, Милана, Рима, Мадрида и др. городов находились в руках и под управлением фамилии Таксис. Всё течение политической, церковной и коммерческой жизни, вызванной развившейся деятельностью мировой монархии Габсбургов, открытием Америки и реформацией, нашло в путях, проложенных Таксисом, как бы каналы для свободного распространения во все стороны. Нечего и говорить о тех заслугах, которые оказало почтовое дело при появлении книгопечатания, которое, благодаря почте, сразу проявило свое могучее влияние на культуру во всех направлениях, разбрасывая по всем, странам творения человеческой мысли то в виде печатных листков, то книг, и наконец — периодических изданий. Почта Таксиса, несмотря на свое испанско-нидерландское происхождение, сослужила службу главным образом Германии. Карл V создал для Таксисов должность генерал-почтмейстера; Рудольф II провозгласил Леонарда Таксиса генерал-почтмейстером Священной Римской империи; Матфий объявил эту должность императорским леном и возвел Ламораля Таксиса в ленное достоинство. Скоро Таксисы сделались имперскими графами, затем князьями. Но за то тщетно Таксисы старались уничтожить всякие посторонние почты. Даже императорские указы, направленные против почт гонцов, мясников, и всяких других, не имели надлежащего успеха. Почта Таксиса с самого начала получила и навсегда сохранила характер частного предприятия, который мешал ему играть роль учреждения, созданного для общественного блага. Кроме того, бесчисленные владения, входившие в состав империи, учреждали собственные местные почты и смотрели на почту Таксиса, как на учреждение,

насильно им навязанное; так напр., курфирст Бранденбургский Фридрих-Вильгельм отклонил претензии графа Таксиса на почту в его владениях.

С упадком Империи после Тридцатилетней войны связан и упадок почтовых сношений Таксисов. Местные почты остались и развивались все более и более. Выгоды, приносимые почтовым делом, заставляют князей стремиться захватить его в свои руки и превратить в регалию, устранив частную инициативу. Мало-помалу начал прививаться новый взгляд на почтовое дело: что учреждение правильных почтовых сношений в стране составляет обязанность правительства, что цели фискальные должны идти рука об руку с целями народного блага, культурными. Особенно много забот было приложено к устройству почтового дела в Бранденбурго-Прусском государстве при Фридрихе-Вильгельме I. Черезполосность его владений требовала аккуратно устроенных почтовых сообщений. С 1655 г. от Клеве на Рейне до Мемеля почта ходила по 2 раза в неделю, совершая путь от Кенигсберга до Берлина в 4 дня, а до Клеве — 10 дней. Эта почта была поставлена в связь на Западе с Голландией, а на востоке — с Польшей (Варшава, Вильна) и Швецией (Рига), и имела ветви на Гамбург, Штеттин, Лейпциг и Бреславль. Курфирст уверял императора, что он у себя устроил почты гораздо лучше, чем это сделал бы Таксис. Рижская ветвь прусской почты несколько лет спустя была продолжена русскими предпринимателями (хотя иностранцами по происхождению) до Новгорода и Москвы; то же случилось с Виленской ветвью, продолженной до Смоленска и до той же Москвы; а к концу XVII века от Москвы пошла ветвь в Восточную Сибирь, о чем будет речь в нашей работе.

Во Франции в 1610 г. была учреждена должность генерал-почт-контролера, замененная в 1630 г. должностью почтмейстера. Эти чиновники собирали почтовые доходы по объявленной правительством таксе; но в 1676 г., по совету Лувуа, Людовик XIV отдал почты в аренду некоему Патэну, предо-

ставив ему право регулирования почтовых такс. К концу XVII в. арендная плата за почту составляла 1.400.000 франков.

Английские почтовые сношения шли тем же путем, как и континентальные. Есть сведения, что правильно распределенные почтовые станции появились в эпоху Алой и Белой Роз, для военных целей. Однако долго эта почта служила лишь государственным целям, а частные лица должны были с большими затратами пользоваться услугами гонцов. В 1581 г. первый обер-почтмейстер Англии, Томас Рандольф, начал допускать частных лиц к пользованию почтой, однако значение регалии за почтой осталось навсегда, хотя она часто отдавалась в аренду.

К началу XVIII века почти во всех местах Европы утверждается за почтой значение регалии, вводятся правительственные тарифы и издаются почтовые законы. Почти то же самое случилось и с молодой русскою почтой в конце царствования Петра В., т. е. в 1-й четверти XVIII в. Но в период своего нарождения, во 2-й половине XVII века, почта в Московском государстве напоминает не более, как почту Таксисов.

Глава 1
Начало почты в Московском государстве. Семья фан-Сведена

I

Обзор литературы о начале почты в России вообще и о первых почтмейстерах в частности

В своем сочинении, неоднократно цитированном нами во введении, И. Я. Гурлянд дает обстоятельный разбор литературы о ямской гоньбе; а так как вопрос о ямской гоньбе тесно связан с вопросом о почте в первое время её существования, то в сочинении г. Гурлянда указаны многие важнейшие сочинения о первых почтах в России. Нам необходимо выделить их и оценить с нашей точки зрения, а затем прибавить сюда указания некоторых книг и статей, большею частью появившихся в последнее время.

Литература о первых почтах в России весьма небогата. Причина этого заключается отнюдь не в состоянии источников, а прямо в поверхностном отношении к ним. Большинство историков отнеслось к первым почтам, как к явлению, не заслуживающему особого внимания. Юристы видели в них учреждение, организованное довольно первобытным способом и потому представляющее мало интереса; историки видели в них простое коммерческое предприятие нескольких иностранцев и недостаточно ценили не только культурное, но даже экономическое значение этого предприятия.

В Московском Главном Архиве Министерства Иностр. Дел хранится несколько рукописей, представляющих наиболее давнюю литературу о почтах. В портфелях Миллера имеются: «Об учреждении и уничтожении Ямского приказа, Ямской канцелярии и о немецкой почте» на 12 *л.* (№ 588, тетр. 4); «Указ об определении почты» (№ 133, V, тетр. 451 и 461); «Алфавитный указатель городов, в которые отправляет-

ся ямская и немецкая почты и в какие дни недели» (№ 385, II, тетр. 7, на 7 *л.*). Наконец, в том же «Архиве находим 2 рукописи начала XIX века: 1) рукописное сочинение г. Каразина «Историческая записка о почтах в России, когда оныя учреждены и изъяснение слова ямы, ямщики и пр., сообщ. 1807, авг.» и 2) «Выписка о первоначальном заведении и дальнейшем образовании почт в России» (последняя в 2 экземплярах, черновой в Почтовых Делах, картон 1-й и беловой в рукописях Библиотеки Архива, № 226—396[35]. С этими рукописями почти тождественны по содержанию рукописи Императорской Публичной Библиотеки F. IV. № 648 («о почте») и F. IV. № 647 («Сведения, касающиеся до первоначального учреждения почт в России, составленные по распоряжению гр. В. И. Кочубея в 1806 г.»). Эти сочинения представляют первую попытку истории русской почты, весьма несовершенную, но оставшуюся главной в течение чуть не 80 лет, несмотря на ряд появившихся за это время книг и статей, касавшихся почты. В них затронута главным образом юридическая сторона дела, которая, при первобытной организации этого дела, как мы уже выше сказали, не представляет большого интереса. Тем не менее весьма важно то обстоятельство, что во 2-й рукописи помещены весьма ценные и довольно обильные выписки из материалов, что должно было сослужить большую службу будущим историкам почты для ознакомления с содержанием «Почтовых Дел» Московского Архива.

В первый раз печатные сведения по истории почт в России появились в «Историческом Описании Российской Коммерции», соч. М. Чулкова (М. 1781—88), но подлинных документов в этом сочинении напечатано не было.

Некоторые, весьма важные документы по истории почт в XVII в. впервые были напечатаны в Собрании Государственных

---

[35] Министр Вн. Дел гр. Кочубей просил Министра Ин. Дел А. Я. Будберга доставит ему сведения по истории почт и по предписанию последнего, 20 мая 1807 г. были ему представлены 2 экз. этой «Выписки» (она обнимает время с 1618 по 1782 гг.).

Грамот и Договоров (т. IV) и Полном Собрании Законов Российской Империи (т. I—III). Тогда сделалось возможным и появление первой ученой статьи о почтах.

Первая ученая статья о почтах принадлежит г. Сергееву. Статья эта («Исторический взгляд на почтовое управление в России», в Учен. Записках Казан. унив., 1840 г., № 1), равно как и статья неизвестного автора «Историческое обозрение почт в России» (Прибавл. к Общ. Цирк. по Главн. Упр. почт и тел., 1843 г., № 5) не только не дали ничего нового по сравнению с вышеупомянутыми рукописями, но далеко не использовали даже того материала, который был в этих рукописях. Ничего не дала для нас также статья Бельшева «О почтовых сборах с самого учреждения почт в России до настоящего времени» (в тех же Прибавл., 1843 г., № 6). Гораздо важнее было появление в печати некоторых материалов под заглавием «Собрание законов по управлению почтовому», т. 1 и 2, Спб., 1846. Это дало возможность появиться второй ученой статье И. Гана, О почтах в России (Сборник статист. сведений о России 1854 г., кн. 2). И. Ган впервые прибавил к документальным данным известия, заимствованные из иностранного источника (соч. Кильбургера).

Третья ученая статья была действительно крупным вкладом в литературу по истории почт. Это была статья О. Бржозовского «Историческое развитие постановлений русского законодательства по почтовой части» (Юридический Сборник, изд. Д. Мейером, Казань, 1855). Правда, она не дает нового материала, но он привлек к своей статье весь материал, накопившийся уже в разных изданиях памятников (кроме вышеуказанных, — издания Археографической Комиссии: Акты Археограф. Экспедиции, Акты, относящиеся до юрид. быта, Акты Исторические и Дополнения к ним и пр.). Его статья важна уже потому, что автор впервые осветил смысл и значение первых почт с исторической, культурной и экономической стороны, дал несколько удачных примеров для аналогии русских почт с европейскими и азиатскими и во-

обще обратил внимание исследователей на интересующие ныне нас вопросы.

О статье М. П-ского «История почт в России» (Владим. Губерн. Ведомости 1849 г., перепеч. в Москов. Губ. Вед. 1849 г., № 2 и Ведомостях Моск. Гор. Полиции 1849 г. № 115 и 116) упоминаем лишь для полноты обзора.

«Описание постепенного развития почтовой гоньбы в России», изд. Почт. Департ., 1860, представляет сочинение, составленное на основании рукописей, упомянутых нами в начале настоящего обзора и потому довольно подробно перечисляющее известные факты из истории первых почт. Но это сочинение не имеет характера ученого исследования.

То же надо сказать и о статье Н. М., помещенной в Одесск. Вестнике за 1861 г., № 32 и 34 под загл. «Исторический очерк почтовых учреждений в России».

Статья «Почты в России» (Харьк. Губ. Вед. 1863 г. № 47 и 48) носит характер заметок, помещаемых обыкновенно в так наз. «смеси» в журналах и газетах и потому не имеет никакого значения.

Двухсотлетний юбилей русских почт дал повод г. Л. Фабрициусу выступить с тремя, близкими друг к другу по содержанию, сочинениями: Записка о начале почты в России, в ж. «Эпоха» за 1864 г., «Почта и народное хозяйство в России в 17 стол., Спб. 1864» и «Zur Geschichte des russischen Postwesens», Riga, 1865. Работы эти дополняют существовавшие до этих пор исторические обзоры — сведениями, заимствованными из сочинений иностранцев, писавших о Московском Государстве в XVII в. Сведения эти, касающиеся путей сообщения, средств сношений и цен на рынках, не лишены интереса, но изложены без всякой системы и надлежащего освещения.

Важные дополнения к материалам по истории почт (впрочем, не для начала их) дал «Сборник постановлений и распоряжений по почтовому ведомству», Спб. 1869.

После появления статей Бржозовского и Фабрициуса особенно неприятное впечатление производит статья г. Капивеца «Русская почта» (Вестник Европы 1869 г., № 11). Это — «такая смесь вымысла и действительности, что потребовалось бы немало труда, чтобы только выяснить, что основано автором на точных данных, что неправильно понято и что прямо сочинено» (И. Я. Гурлянд). Присоединяясь к этому мнению, прибавим от себя, что г. Канивец совершенно не сумел оценить первых почт, упоминая о них как бы мимоходом и сосредоточивая все свое внимание на ямских учреждениях.

Весьма большую пользу принесло появление «Указателя материалов по истории почт в России, М., 1881» Левинского и Токмакова. Хотя этот указатель касается главным образом Москов. Архива Иностр. Дел, но, если принять во внимание, что главные материалы по вопросу о почтах находятся именно в этом Архиве, то ясно, что такая книжка была как нельзя более кстати.

Указатель Левинского и Токмакова принес большую пользу г. И. П. Хрущову, автору первого более обширного труда о русских почтах. «К истории русских почт. Очерк ямских и почтовых учреждений от древних времен до царствования Екатерины II. Спб., 1884». Это — первая, более обширная и с перечислением фактов, история наших почт. Ея появление вызвало появление других статей и сочинений, беспрестанно на нее ссылающихся. Доверие, с каким эта книга была встречена, с нашей точки зрения — его совершенно не заслужено. Правда, г. Хрущов воспользовался многими материалами, до него не бывшими в печати; он использовал и рукописные сочинения 1806-7 годов, и рассеянные по разным изданиям документы и материалы, заглянул даже в подлинные Почтовые Дела Московского Архива Мин. Иностр. Дел. Но приступить к изучению подлинных документов г. Хрущов не решился. Он выхватил из них наудачу 2—3 места и при этом не обошлось дело без промаха: он поместил у себя рассказ об одном деле, заглянувши лишь в начало и ко-

нец взятой им наудачу рукописи, отчего получилось большое недоразумение (срв. стр. 23 его книги и соответствующее место в изданных нами документах, см. т. II, стр. 147—152). Уже г. Гурлянд упрекал Хрущова за неточность изложения содержания источников и неправильное понимание некоторых явлений. Мы прибавим сюда еще крайнюю беспорядочность изложения, отсутствие системы и хронологической последовательности, что также часто ведет к недоразумениям. Отдельные ошибки г. Хрущова будут нами отмечены в своем месте.

Книга г. Хрущова вызвала появление двух отдельных статей, посвященных почте: А. Brückner'a, «Rassisches Postwesen im 17 п. 18 Jahrhundert» («Zeitschrift für allgemeine Geschichte» 1884, Heft XII) и Е. П. Карповича «Русские почты в XVII и начале XVIII стол.» («Исторический Вестник» за 1884 г., кн. 3). Вторая статья не представляет ничего интересного; что же касается первой, то она заслуживает большого внимания, как самостоятельный научный очерк на основании материалов, сделавшихся известными, благодаря книге г. Хрущова. Знаток вопросов, касающихся деятельности иностранцев в России в XVII и XVIII вв. г. Брикнер сумел извлечь из вышеназванных материалов обильные выводы для характеристики европейского влияния на русское общество того времени. Эта точка зрения казалась особенно важного и нам, когда мы приступали к настоящей работе; поэтому упоминаемая статья, равно как и сочинение того же г. Брикнера «Dip Europäisirung Russlands. Land und Volk. Gotha, 1888», в котором есть также ряд страниц, посвященных почте, — сослужили нам большую службу на первых шагах нашего исследования.

Весьма интересные сведения о положении первых почт в провинции дает статья г. Л. Вейнберга «Воронежская почта. Истор. Очерк» («Воронежский Юбилейный Сборник». Т. I. Воронеж, 1886). Г. Вейнберг извлек некоторые весьма ценные материалы по затронутому им вопросу из воронежских

архивов. В сокращенном виде эта статья была повторена в «Почт.-Телегр. Журнале» за 1899 г., сент. и окт.

В последнее время историей почт занялся Н. И. Соколов, которому принадлежит ряд довольно интересных статей в «Почтово-Телегр. Журнале» (напр. «Краткий очерк истории почтового управления в России». 1893 г., апр., «Ямская гоньба и почта в русской литературе», 1900 г.) и весьма ценная монография «С.-Петербургская почта при Петре В., Спб. 1903», где он использовал много неизвестных в печати материалов из Петербургских архивов.

Для полноты обзора не лишне упомянуть еще о двух статьях, помещенных в «Почтово-Тел. Журнале»: М. Пилецкий, Как велика была и во что обходилась пересылка корреспонденции в России во времена Петра В. (1892 г., февр.) и Об учреждении почты от Москвы до Воронежа в 1700 году (1898 г., февр.). В последнее время почты коснулись в своих ученых работах г. А. Покровский («К истории газеты в России», см. II вып. «Ведомостей времени Петра В.». М., 1906) и г. А. Шлосберг («Начало период. печати в России», Ж. М. Н. Пр., 1911 г., № 9)[36].

Рассматривать сочинения, касающиеся вопросов, связанных с проникновением европейского влияния в Россию в XVII в. и с ролью иностранцев в Москве в ту эпоху, мы не станем; важнейшие из этих работ будут цитируемы в соответствующих местах нашей работы. Необходимо было бы рассмотреть еще литературу, касающуюся тех деятелей, биографии которых входят в нашу работу; но, за исключением семьи Винкуса, ни один из этих деятелей не привлек к себе

[36] Мелкие библиографические указания. «Отрывки, содержащие в себе некоторые рассуждения о почтах и о почтовой гоньбе», Спб., 1816; П. Кеппен, «О письменных сношениях в России» (чит. в Засед. Импер. Академии Наук 1841 г.); заметки о соч. Бржозовского в журналах за 1855 г.: Отеч. Зап., № 4, Москвит., № 5 и Ж. М. Н. Пр. №9 (г. Пахмана); рецензии на «Описание постеп. развития почт. гоньбы» в журн. 1860 г.: Рус. Инв. № 61 и 62, и Спб. Вед., № 27.

внимания в русской исторической литературе. О Виниусе речь будет в 4-й главе нашей работы, и тогда мы сделаем обозрение литературы о нем. Что же касается семьи фан-Сведена и Марселиса, то тщетно было бы искать о них хотя бы самой краткой отдельной статьи. Довольно много отрывочных сведений: о них помещено в обширном труде проф. Д. В. Цветаева «Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890»; остальные сведения о них нам пришлось крупицами собирать в разных изданиях. К этому мы присоединили и некоторые, впрочем, небогатые находки в архивах, на что в своем месте будут сделаны ссылки. Сочинения, которые прямо или косвенно пригодились нам, как пособия, будут указаны в примечаниях.

Наша работа имеет целью представить ряд очерков из истории русской культуры во 2-й половине XVII века, поскольку изучение истории первых почт давало нам возможность наблюдать культурные явления той эпохи. Поэтому мы обратили особое внимание на биографии лиц, принимавших непосредственное участие в деле устройства почт, эти лица интересны для нас не только как почтмейстеры, но и как деятели культуры, принимавшие участие в экономической, общественной и культурной жизни русского народа. Мы далеки были от мысли всесторонне исследовать культурную, экономическую и общественную жизнь Московского государства той эпохи; мы не идем далее скромной задачи посильно способствовать её изучению, освещая только ту группу фактов, которая примыкает к избранному нами предмету исследования.

Для настоящей работы мы постарались привлечь насколько возможно более архивного материала. Нами основательно изучены Почтовые Дела Московского Архива Министерства Ин. Дел, многие документы Дел Тайного Приказа и Кабинета Петра В. в Государственном Архиве, некоторые документы Моск. Архива Министерства Юстиции и несколько рукописей Румянцевского Музея. Общества Любителей древ. письменности и Императорской Археографической Комиссии.

Почтовые Дела Моск. Архива Мин. Ин. Дел мы поместили в приложениях к настоящей работе (т. II); дела эти представляют интерес не только для избранной нами темы, но и для исследователей экономических и юридических вопросов той эпохи вообще, и мы уверены, что их издание принесет пользу труженикам русской исторической науки.

II

Стремление Московского правительства создать новые средства сообщений. — Договоры с Швецией и Польшей и их значение в деле международных сношений. — Отношение иноземцев к этому вопросу. — Де-Родес и его записка. — 10 и 17 статья Кардисского договора. — Сообщения Юрия Крижанича о почте

Несовершенства громоздкого учреждения ямов, устройство которого было далеко от идеала, необходимость увеличения, расширения и облегчения способов сношений, нужды промышленности и торговли, которые также искали улучшенных способов передачи товаров и всякого рода сведений. Все это подготовляло переворот в истории путей сообщения и средств сношений в Московском государстве.

Во внутренних сношениях последовали сперва отдельные предприятия нового характера. Так как доставка правительственной корреспонденции при посредстве ямских учреждений казалась медленной, то необходимым казалось создать что-нибудь новое для этой цели. 6 июля 1659 года состоялся указ: поставить между Москвой и Путивлем *трубников* которые должны были от Москвы до Путивля с государевыми грамотами и из Путивля к государю в Москву с отписками ездить от стану до стану наскоро. Это учреждение сразу же оказалось действующим неаккуратно. В том же 1659 году пришлось послать особого чиновника для ревизии сообщений, а с ним 12 конюхов с 48 лошадьми для усиления деятельности нового учреждения. В 1668 году вновь были расчислены станы от Москвы до Севска; на каждом стане бы-

ло поставлено по 2 *пристава* и каждому выдано было из Конюшенного приказа по 4 лошади для скорой доставки правительственной корреспонденции[37]. *Ямщикам* все реже и реже поручалось доставление этого рода корреспонденции: денежные посылки и письма особой важности поручались для доставки *верным головам* и *целовальникам,* которым на эти случаи выдавались из Ямского приказа особые подорожные. Для экстренных распоряжений существовало нечто вроде эстафет — *нарочные посыльщики*; употребляли и курьеров — *скорых гонцов*[38]. Толчком к возникновению настоящей, европейской («немецкой») *почты* послужили дипломатические сношения.

Начавшись еще в XV веке, наши дипломатические сношения с Зап. Европой развились в полов. XVII в. до таких размеров, что правительству необходимо стало иметь под рукой безостановочно действующее учреждение для получения заграничных сведений. Это учреждение должно было не только исполнять правительственные поручения, но и самостоятельно и заблаговременно доставлять известия обо всяких событиях, чтобы московское правительство всегда было au courant положения европейской политики и жизни. Политические события благоприятствовали предприятиям этого рода. В 1661 г. был заключен Кардисский мир со Швецией, в 1667 — Андрусовский с Польшей. Установление мирных отношений с соседями открывало возможность, которой давно ждали в Москве — возможность *прямых* сношений с Зап. Европой вместо круговых — через Ледовитый океан.

Кто же мог взяться за предприятие этого рода — создание учреждений для правильных и постоянных сношений Москвы с заграничными странами? Конечно, к этой роли более всего пригодны были иностранцы. В то время число иностранцев, живших в Москве, было очень значительно. Военные, врачи, духовные лица, купцы, промышленники,

---

[37] П. С. З., I, № 251, 257, 432.

[38] Вейнберг. Воронеж. почта, с. 411.

ремесленники — разнообразных национальностей: немцы, голландцы, англичане, шотландцы и пр. — заселяли обширную «Немецкую слободу» возле Москвы, превратившуюся в целый город. Иностранцы и сами сознавали крайнюю необходимость учреждения почтовых сношений между Москвой и Зап. Европой. Им самим крайне нужны были эти сношения для их личных целей[39], и они решительно высказывались за неотложность этого дела как раз в это время. Первым из них, определенно высказавшимся по интересующему нас вопросу, был приезжий коммерческий агент шведского правительства — Иоганн де-Родес[40]. Он представил своему правительству доклад под заглавием: «Подробное донесение о происходящей в России коммерции». В этом докладе он, между прочим, пишет следующее:

«Иностранная корреспонденция производится в земле Вашего Королевского Величества к очевидному и особенному ущербу ваших подданных, потому что заграничные письма, отправляемые в Москву, идут из Риги через Псков и приходят в Псков в то же время, когда приходят в Ревель, Нарву и Ниен другие письма от того же числа, так что письма, отправляемые из Риги через Псков, приходят часто в Москву скорее, чем получаются в Новгороде письма от того же числа, но идущие в Москву из Ревеля через Нарву, Ниен и Новгород. Оттого-то голландские и другие купцы получают гораз-

---

[39] Еще при Борисе Годунове Ганзейские купцы не прочь были воспользоваться нашими ямскими учреждениями (Почт.-Тел. Журн., 1900, авг., 961).

[40] Де-Родес с молодых лет служил по торговой части в Рижской акцизной камере, потом в Ревеле. В Москве он был несколько раз, с 1647 по 1655 г. (в этом последнем году он в Москве скончался). Его письма и донесения находятся в Стокгольмском Госуд. Архиве. Интересующее нас его «Подробное донесение» написано в Ревеле в 1653 г. и по рижской рукописи напеч. Эверсом в его Beiträgt zur Kenntniss Russlands (Dorpat, 1816), откуда переведено И. Бабстом (см. Магазин землеведения и путешествий Н. Фролова, т. V, М., 1858). О де-Родес см. статью Б. Курца в Ж. М. Н., П., 1912 г., кн. 3.

до скорее известие о том, как можно будет повести дела с тем или другим товаром, нежели купцы, торгующие теми же товарами и получающие из Ревеля или Ниена обратить внимание на то, либо другое и закупить те, либо иные, товары, так что они остаются всегда последними и являются с заказами, когда торгующие в Архангельске все уже устроили и все обделали. Помочь этому, по моему малому соображению, можно, запретив под опасением строжайшего наказания рижским гражданам отсылать во Псков письма, к ним адресованные и назначенные в Москву, но приказывать им сдавать их на почту для отсылки к почтмейстеру в Нарву. В Нарве они могут лежать до тех пор, покуда не придет почта от того же числа из Голландии или Англии или других заграничных торговых мест через Ревель и Ниен; потом уже отсылать их к почтмейстеру с нарочным, который должен отправляться постоянно через каждые 4 часа в Новгород, на шведский двор. Отсюда уже могут идти письма все вместе далее в Москву. Адресовать должно их на шведский двор и отсылать с особенным нарочным. Точно таким же путем могут идти письма из Москвы обратно, и отсюда образуется наконец мало-помалу никем не подозреваемое почтовое сообщение. Ежегодные издержки не могут превышать по моему расчету 50 талеров, которые могут покрываться весовым сбором. К тому же и Ваше Королевское Величество может надеяться получать от Ваших слуг точные известия о России, которые иначе не могут быть доставляемы, потому что приходится посылать письма с ямщиками или путешественниками, которые ездят по большей части медленно, в неудобное время, и на которых нельзя без особенного страха положиться»[41].

Читая вышеприведенное донесение, нельзя не обратить внимания на то, как уже в 1653 году вопрос о почтовом сообщении между Москвой и Балтийским берегом был назревшим. Невольно чувствуешь, как нарождаются неразрывные

[41] Перев. Бабста, стр. 254—255.

торговые связи, как они растут и осложняются, каким естественным является установление прочных, постоянных и даже регулярных сношений между потребителями и производителями. Создающиеся как бы сами собою сношения сразу же приобретают, кроме экономического, и политическое значение — своевременное осведомление правительства о том, что делается в соседней стране, также становится их естественной обязанностью.

Немного лет спустя, в Кардисе был подписан договор между Россией и Швецией, некоторые статьи которого придают важное значение торговым сношениям через границу. Напр. в 10 статье написано:

«Договорено и утверждено, что ц. в-ства подданным торговым людям торговать Свейского королевства в городех в королевственном городе Стеколне, в Риге, в Выборге, в Колывани, в Ругодиве, и в Ижере, и в Кореле, и в Канцах, и в иных городех в Свейской и в Лифлянской и в Финской и в иных его кор. в-ства землях, каковы им имена ни есть с его кор. в-ства подданными торговыми людьми всякими товарами и с прямой мерой и весом и после показательства своих проезжих памятей начальных людей, откуды они приезжали у первых порубежных генералов и те проезжие, как покажутся прямы и им нигде в своих проездах и в торговле кор. в-ства от генералов и от губернаторов и от ратных и иных всякого чину людей нигде никаким обычаем, горою и водою, задержанным и помешенным и не новых проезжих иманьем и никакою неволею утесненным не быть, наипаче всякими мерами к их поезду к торговле и делу вспоможение учинить по достоинству».

17-я статья указывает и на способы сношений:

«Гонцом, которых с обеих сторон бояре, и воеводы, и генералы, и губернаторы с листами друг к другу посылати учнут и тем вольно и безопасно и без задержания везде приезжать и отъезжать и листов у них нигде не отнимать и не

прочитать, а где случится им ехать мимо войск и им в проезде спомогательство чинить»[42].

Таким образом, Кардисский трактат придает большое значение торговым сношениям обеих договаривающихся сторон и предусматривает пересылку корреспонденции через границу (правда — только правительственной, но и таковая могла касаться интересов торговых людей). Сопоставляя его текст с донесением де-Родеса, ясно видим, что советы этого последнего не пропали даром и шведское правительство, выставляя главным образом выгоды русских от торговых сношений, имеет в виду лишь добиться бреши в стене между Московским государством и Швецией.

В нашем распоряжении имеется еще одно свидетельство современного той эпохи литературного деятеля, что почта в то время была уже общеевропейским учреждением и присоединение Московского государства к сети почтовых сношений казалось необходимым. Известный Юрий Крижанич, взяв на себя роль культуртрегера в Москве, написал целый политико-экономический трактат, под заглавием «Разговоры о владательству» (беседы о государственном управлении); в этом сочинении находим место, где он дает совет, как устроить почту. Он подробно говорит об «уставных гонцах» в европейских государствах, эти гонцы не что иное, как почтари. Почтовые сношения Крижанич выставляет, как меры, необходимые для развития торговли. Вот его слова:

«Торговство общее ся поспешает сими способами: 1)... 5) в Европских странах, опрочь Польския земли, обретаются везде некаковы уставны гонцы, кои суть повинны всякий тедень (неделю) от влака (волока) до влака течи на коню с грамотами всяких людей. Во всяком граду есть назначен в тедню день и час, в кий час морает гонец засесть и потечь целым скоком.

---

[42] Цитируем по приказной выписке, помещенной в Почт. Делах Моск. Арх. М. Ин. Дел, карт. 7 (см. т. II нашей раб., стр. 178); текст, помещенный в П. С. З., I. № 301 кажется нам подновленным и вообще средактирован иначе.

И бежит он с листми токмо чрез свой влак, с 15 или с 20 верст, до ближнего другого гонца. Другой гонец онже час приемше листы повинен есть побежать, будь в день, будь в ночь, в сухо и в дожджено время... А где ко коему граду приезджает, затрубит в рог и гражаны суть повинны во всякую пору ночи отворить ему град. Всякий чловек может к таковому гонцу принесть лист и две деньги: и гонец есть повинен приять и занесть лист. По тех гонцех поспешается торгование и торговеческо взаемное проразумение».

Так знакомил приезжий иностранец русское общество с устройством почты Таксисов (Крижанич был хорват).

Итак: русское правительство сознало крайнюю необходимость реформы сношений главным образом для политических и государственных целей; иностранцы, развивая торговые сношения с Москвой, ощущали такую же необходимость в экономических целях; программа реформы предлагалась, а Немецкая слобода готова была поставлять её исполнителей. Интересы иностранцев и московского правительства не совпадали: но способ удовлетворения их оказался одним и тем же. Правительство взялось за реформу, а иностранцы-исполнители повели ее с соблюдением собственных интересов.

III

Год начала почты. — Вестовые письма и способы их получения из-за границы. — Биография фан-Сведена: его промышленные предприятия. — Договоры его с Тайным приказом. — Случай на Рижской почтовой дороге

Шторх, как мы выше видели, склонен даже ямские учреждения считать возникшими в интересах частной промышленности; тем более это его мнение относится к учреждению почты. Относительно последнего его мнение было бы вполне приемлемым, если бы найден был источник его сведений о появлении почты. Опираясь на этот, неизвестный нам источ-

ник, он сообщает следующее: почта учреждена в Москве фан-Сведеном в 1663 году и ходила по два раза в неделю в Вильну и Ригу и столько же раз получалась в Москве; кроме писем, она доставляла печатные и писаные голландские, гамбургские и кенигсбергские ведомости; такса была до Риги — 10, до Берлина — 25 коп. с золотника»[43]. Известный Патрик Гордон получал в Москве письма из Смоленска в 1663 году; но, по-видимому, эти письма доставлялись с особыми лицами; они доходили в 10 дней[44]. Г. Фабрициус называет 1664-й год — годом учреждения почты и опять таки не указывает источника, из которого он почерпнул эти сведения[45]. Вследствие такой ненадежности вышеперечисленных известий, приходится предпочесть те сведения о возникновении почты, которые находятся в официальных документах наших архивов и считать 1665-*й год* эрой в истории почт в России.

Русское правительство, как мы уже выше видели, нуждалось в доставлении сведений о заграничных событиях и должно было с этою целью прибегнуть к помощи иностранцев, живших в Москве. Неизвестно, каким образом, но уже с 1621 г. (а может быть и раньше) начинают получаться в Москве иностранные газеты, отдельные экземпляры их, хранящиеся в Московском Архиве Мин. Иностр. Дел, восходят к 1631 г. Как они доставлялись, определенно сказать трудно; известно лишь, кто их *мог* доставлять. Это были отдельные

---

[43] Сведения эти напоминают соответствующее место у Кильбургера (Краткое известие о русской торговле в 1674 году. Спб., 1820. Перев. Д. Языкова; стр. 148—149), но Кильбургер указывает 1663 год с чужих слов, а сведения о почте дает современные ему, т. е. 70-х годов XVII в. У Шторха — см. т. VII, стр. 255.

[44] Pagebuch des Generalen P. Gordon, veröff. d. Fürst. M. A. Obolenski und D-r Phil. M. C. Posselt, B. I., M., 1849, стр. 133.

[45] Мы знаем лишь один намек источников на 1664 г., а именно, в Переписной книге Приказа Тайн. дел, л. 13 об., читаем: «куранты 172, 173, 174 году и уговорное письмо иноземца Ивана фан-Сведена, почему он те вестовые куранты и всякие письма к Москве привозил». (Рус. Ист. Библиотека, ч. XXI. стр. 5).

лица из жителей заграничных городов, соглашавшиеся «к его ц. в-ству... вести всякие писать», разумеется, за плату. Но какие затруднения встречали они в аккуратном исполнении своих обязанностей, можно видеть из любопытных документов, содержание которых недавно сделалось известным в печати. Некто Юстус Филимонатус, житель Риги, в 1643 г., убедительно просил завести двух надежных гонцов между Ригой и Псковом, чтобы один отправлялся из Пскова в тот же день, в какой другой будет отправляться из Риги, и тогда, пишет он — «мне можно к ц. в-ству еженедель вести всякие писать. А будет не так, и они залежатца и застареютца». «Я не ленив буду писать», прибавляет он дальше, «только.... чтоб изо Пскова ко мне гонцов посылали»[46]. Отсюда ясно, что регулярной передачи писем в то время не существовало и письма и газеты передавались с оказией, при случае, по временам — может быть, с нарочным. А между тем есть известия и о существовании частной переписки, напр., торговец Дирик Дал писал из Колывани к своему другу, торговцу Захарью Геретцену в Москву, что послал к нему две бочки краски в 9 пуд. 34 гривенки[47]; но опять-таки неизвестно, как это письмо и посылка были отправлены, и с кем. Марселисы, заведовавшие почтой с 1667 по 1675 год, заявляли, что еще до этого времени за три года, т. е. значит — с 1664 г. они «из иных государств чинили всякие подлинные ведомости на своих проторях, а в. г-ря жалованья от того ничего им не давано»; доставлялись ли эти «ведомости» в форме привозных газет или иначе — неизвестно. По-видимому нет никаких оснований отнимать у фан-Სведена честь считаться основателем почты в Московском государстве.

Итак, начало почты в Московском государстве положено фан-Сведеном в 1665 году.

---

[46] Начало периодической печати в России, А. Шлосберга, стр. 101. (Ж. М. Н. П., 1911 г., № 9).

[47] Шлосберг, 108—109.

Биографические сведения о первом русском почтмейстере крайне скудны. Jan van Sweeden был предприимчивый голландец[48], которому правительство московское давало всевозможные поручения. В Государственном Архиве сохранились указания на то, с чего именно началась его служба правительству. Во-первых, в приходо-расходной книге Приказа Тайных дел под 17 мая 1665 г., читаем «по указу в. г-ря иноземцу Ивану Фан-Сведену, что он уговорился привозить из-за моря к Москве, к в. г-рю, всякие вестовые письма в 2 недели — двести рублев»[49], во-вторых, в том же Архиве сохранилась копия проезжей грамоты, данной фан-Сведену 29 мая того же года, из которой видно, что он был командирован за границу для найма разных ремесленников[50]. Кажется, что фан-Сведен воспользовался этой командировкой не скоро. Из Записных книг Тайн. приказа мы узнаем, что он вместе с полковником Аврамом Лопухиным был командирован для «государева дела» в Боровский и Калужский уезд (5 июля), а затем на Каширу (24 окт. того же 1665 г.)[51]; затем около того же

---

[48] «Славный московский купец», как называет его Кильбургер (стр. 173).

[49] Русская Ист. Библ., т. XXIII, 629 и 860.

[50] «Список с проезжей грамоты от царя (п. т.) от Москвы до Твери до Торжку и до Вел. Новгорода и до Пскова и до Свейского рубежа по городам боярам нашим и воеводам и приказным людям. По нашему в. г-ря указу велено иноземцу Ивану Фан-Сведену в наше Московское государство из-за моря призывать всяких ремесленных людей и на которые городы он, Иван, или его приказчики, с сею нашею, в. г-ря грамотою за море и из-за моря поедутъ и в городех, где подводы ему, Ивану, или его в городех задержание никакого ни в чем ни чинить и в дороге велеть их пропущать безо всякого задержания и во всем им чинить помогательство, чтоб им в дороге нималого задержания не было, а того смотреть, чтоб они никаких товаров с собой беспошлинно не провозили, а сю нашу в. г-ря грамоту прочитая, отдавали б есте ему, Ивану, или ево прикащиком. Писан в ц-щем граде Москве, в наших царских палатах лета 7173 майя в 29 день» (Гос. Архив, Разряд XXVII, дело 232).

[51] Рус. Ист. Библ., т. XXI, 1083 и 1121.

времени (в 1666 г.) он основал в Москве бумажную фабрику[52] и вызывал иноземных мастеров суконного дела. Предприятия эти не удались[53]. Упоминаются принадлежавшие ему на р. Пахре, в 20 верст от Москвы, мельницы[54].

Почин в деле учреждения почты принадлежит правительству. Оно предложило фан-Сведену устроить почту и назначило ему жалованье. Текст договора, заключенного с Тайным приказом фан-Сведеном, читается в Записных книгах Приказа Тайных дел так: «(7178, т. е. 1665 г.) майя в 18 день уговорился иноземец Иван фан-Сведен привозить вестовые письма всякие Цесарской, Шпанской, Французжской, Польской, Свейской, Дацкой, Аглинской, Италианской, Галанской и Недерлянской земель из стольных городов по двое недели, из Турского, из Кизыльбашского царств и из Индеи — по времени; а взять ему на расходы посыльщиком его и на наем подвод и на всякие расходы 500 рублев, да соболей на 500 рублев на год»[55]. В приказных выписках позднейшего времени везде говорится, что фан-Сведен обязался «ставить ведомости» своими людьми и на своих лошадях и получал за это 1200 рублей в год (на наши деньги 20400 р.). Сумма эта выплачивалась ему, очевидно, частями[56]. Не будем удивляться высокому вознаграждению для первого почтмейстера: устройство почтовых сношений на тысячеверстном расстоянии, при необычайных трудностях пути и неорганизованных связях с зарубежными агентами, представляло дело великой

---

[52] Двоим мастерам этой фабрики царь Алексей М. поручил устроить такую же фабрику для казны на Яузе, близь Немецкой слободы (Цветаев, 716) Мастерам не хотелось бросать своего хозяина, но пришлось повиноваться.

[53] Кидьбургер, 173. Fabricius, 29.

[54] Роз. дела о Ф. Щекловитом и его сообщниках. Спб., 1893. Т. I, 1099.

[55] Рус. Ист. Библ., т. XXI, стр. 1065.

[56] В том же месте Записных книг Тайн. приказа читаем: «и в то число дано ему денег 200 руб., соболей на 100 руб., да 4 проезжие грамоты» (ibid.) Срв. также приведенную нами раньше запись Приходо-расх. книг (17 *мая*).

трудности; а важность интересов государственной заграничной корреспонденции не давала возможности правительству быть скупым в этом деле. Впрочем, норма вознаграждения, действительно, была несколько выше необходимого, о чем узнаем из последующих фактов.

Судя по договорной записи фан-Сведена, почта его ходила только между Москвой и Ригой[57] между тем некоторые полагают, что она ходила и в Вильну (Шторх) и даже в Архангельск (Фабрициус). Дневник Гордона продолжает отмечать получение писем из Смоленска (в Москве — на 8-й день), из Риги (в Москве — на 11-й—12-й день) и из Москвы в Смоленск (на 5-й день!); но о *почте* не упоминает[58].

Первая попытка учреждения почты была далека от совершенства — фан-Сведен, конечно, не ограничился перевозкой казенной корреспонденции, а принимал и частные письма; и вот нам случайно пришлось найти сведения об одном, не лишенном интереса эпизоде. Богатая и влиятельная в Москве семья Марселисов получала при помощи новой почты корреспонденцию, часто по важным государственным делам. И вот 12 июля 1666 г. заграничный корреспондент Марселисов, Билим Беккер прислал Петру Марселису письмо, в котором рассказывает, как в конце июня его гонца с письмами преследовали какие-то три рейтара и этот гонец, прискакав в Вольмар, должен был корреспонденцию там оставить и вернулся в Ригу. Пришлось Беккеру послать его во второй раз, чтобы он взял в Вольмаре письма и повез их

---

[57] Здесь приходится иметь в виду вторичную договорную запись в тех же Записных книгах за 7174 и 1666 г.): «(мая 20) уговорился в Приказе в. г-ря Тайных дел ин-ц Ив. фан-Сведен ездить ему самому и посылать приказчиков своих за моря и привозить из-за моря всякие вести, что в окрестных гос-вах деятца, год, а приезжать им с теми вестьми в 2 недели, и о пропуске ево и приказчиков его до Твери и до Торжку и до В. Новагорода и до Пскова и *до Свейского* рубежа и назад до Москвы даны ему по городом к бодром и воеводам и к приказным людем г-ревы проезжие 4 грамоты» (Рус. Ист. Библ., XXI, 1195).

[58] Tagebuch, I, 359, 360.

далее во Псков[59]. Если даже при таких обстоятельствах заграничные корреспонденты предпочитали посылать особых гонцов, а не передавали писем почте фан-Сведена, то, значит, с ней дела шли еще хуже.

IV

Андрусовские постановления о почте. — Отстранение фан-Сведена от новой почты. — Продолжение его биографии: новая командировка и промышленные предприятия его и его семьи. — Значение фан-Сведеновской почты

Начало почтового движения знаменовало собой вступление России в новый фазис государственного, культурного и экономического развития. Передача дипломатической и всякой другой правительственной корреспонденции и получение всякого рода вестей из-за границы не исчерпывали значения новоучрежденной почты. Не только торговые иноземцы спешили воспользоваться почтой для своих целей: сам царь, по старинному меткому выражению, был первым купцом в России; казна вела широкие торговые сношения, нуждавшиеся в передаче вестей и писем. Все эти стороны значения почты вызвали внимание составителей знаменитого Андрусовского трактата 1667 года. Благодаря этому трактату, многие исследователи склонны признавать его творца, боярина Аф. Лавр. Ордина-Нащокина, настоящим основателем почтового дела в России; но его отношение к почтовому делу до 1667 года установить трудно[60].

Андрусовский трактат, представляющий собой одно из крупнейших деяний этого дипломата, дает понятие о том, как Ордин-Нащокин относился к вопросу о почтовом деле.

По Андрусовскому трактату (дополнение, сделанное в Москве в декабре того же года, ст. 6-я) предполагается учре-

---

[59] Гос. Архив, Разряд XXVII, дело № 256.

[60] Brückner. Enropäisirung, 83—84.

ждение постоянной международной почты. Поводом к этому учреждению выставляется 1) необходимость частых сношений Московского правительства с Польским, особенно по делам турецким и украинским и 2) «наипаче» — «приумножение торговых обоим тем великим государствам прибытков». Так как прежде сношения двух правительств происходили через гонцов «с великою мешкотою», то для «безопаства и потреб государских» оказывается необходимо учредить постоянную почту. Почта должна быть устроена в таком виде. От резиденции короля устанавливается постоянная посылка корреспонденции в местечко Кадил, лежащее на рубеже Мстиславского воеводства, не реже, как раз в неделю. Корреспонденция может быть не только правительственная, но и торговая. Кадилский «начальник над почтой» должен немедленно передавать ее в местечко Мигновичи, находящееся в Смоленском воеводстве, в русских владениях. Мигновичский «начальник над почтой» как можно скорее должен отсылать корреспонденцию через Смоленск в Москву («листы и ответы, как государские, так и торговые» поясняется в договоре). Таков же должен быть и обратный ход корреспонденции из Москвы в Польшу. Для довершения дела упоминается также о том, что за посылки, грамоты и деловые письма людей торговых можно будет установить плату, как это делается в других странах («против обычая, во всех государствах будучего»). Таким образом торговые письма могут быть посылаемы через уставные почты «под заказом» и будут записаны у почтарей[61].

Почты, установленные этим договором, не могли немедленно открыть своих действий. Автор статей этого договора должен был принять активное участие в их осуществлении и подыскать лиц, которые были бы способны на это. По-видимому, фан-Сведен чем-то не нравился Ордину-Нащокину. Открытие Московско-Польского почтового сообщения несколько времени спустя состоялось; но во главе его видим новое лицо.

---

[61] П. С. З., I, № 420.

Недаром в Андрусовском договоре прямо и открыто заявляется о необходимости почты не только для государства, но и для торговых людей. Эти последние уже пользовались почтой, и, по-видимому, были довольны фан-Сведеном. Посылая с его почтой письма через Новгород и Псков в Ригу и этим путем получая ответную корреспонденцию из-за границы, торговые иноземцы платили фан-Сведену по 2 алтына с золотника. Таким образом почта, устроенная по правительственному распоряжению, уже обслуживала и публику; очевидно, это делалось легально («езда была явно, а не тайно»). Когда позже учреждалась предусмотренная Андрусовским договором почта, то фан-Сведен не получил ее и, по намекам источников, можно думать, что это произошло потому, что торговые иноземцы, столкнувшись с почтмейстером, позволяли себе злоупотребления. Злоупотребления эти состояли в том, что они посылали в пакетах драгоценности (жемчуг, каменья, золотую монету и драгоценные вещи) «искрадывая государеву пошлину». Но это обвинение открыто не было заявлено[62] и ни фан-Сведену, ни его преемникам жене и племяннику, не только не пришлось поплатиться за какие бы то ни было злоупотребления, но им удалось даже продлить срок действия договора с Приказом Тайных дел.

В 1667 году, когда Москва и Польша заключали Андрусовский договор, фан-Сведен был заграницей[63]. Он ездил с поручением от царя — набрать мастеров корабельного дела. Нанялось 9 человек; но пятеро, взяв задаток, исчезли. Привезенных 4 человек (корабельщика Гельта с товарищами) фан-Сведен представил в Приказ Новгородской чети и с ними заключено было условие. Фан-Сведен представил 2 росписи — сколько надо к корабельному делу мастеров, рабочих, снастей и припасов. Постройка кораблей началась в с. Désинове;

[62] Offenbar wünschte die Regierung, говорит Брикнер, die Verwaltung der Briefpost einer genaueren Kontrolle zu unterziehen (Europäisirung, 85).

[63] Проезжие грамоты ему были даны 21 мая 1667 года (Рус. Ист. Библ., XXI, 1305).

проект учреждения флота был составлен племянником фан-Сведена, Ботлером. Кроме корабельщиков, фан-Сведен в июне 1667 года привез с собою 8 мельников, 11 суконников, 4 шерстопряда и выступил с ходатайством о предоставлении ему для суконного дела г. Медыни с прилежащими пустошьми и о даровании льгот[64]. Он обещал не только ныделывать сукно из русской шерсти, но и «держать гипшанские, аглинские и поморские овцы, с людьми, которые паству таких овец знают и его ц. в-ства подданных могут учити, чтобы впредь завести великие стада в таковых местах, которые ныне впусте и никакого доходу с них нет»[65]. Исход этого предприятия не известен.

В том же 1667 году фан-Сведен купил себе дом в Москве у своего родственника, Исаака Рутца. Фан-Сведен, как зять Рутца, принимал участие в разгоревшейся ссоре этого последнего с душеприказчиками его отца[66]. Служанка фан-Сведена, татарка, крестилась в голландской церкви и вышла впоследствии замуж за одного иностранного офицера на русской службе[67].

Во время заграничного путешествия фан-Сведен встретился с возвращавшимся из Англии Патриком Гордоном, и они приехали вместе[68]. Гордон очень часто пользовался услугами его почты и уже в это время посылал массу писем. Пробывши заграницею меньше года, он за это время истратил на пересылку писем 74 рубля, что на наши деньги составляет более 1000 рублей[69]; сам же, получив в Шотландии 3 письма, весом вместе 7 золотников, должен был заплатить 30 руб. на наши деньги[70].

---

[64] Дополн. к Акт. Ист., V, .№ 46, стр. 211.
[65] Доп. к А. И., V. стр. 216—218.
[66] Цветаев, 288 и 290.
[67] Цветаев, 410.
[68] Tagebuch, 407, 409 и 410.
[69] Brückner, Europäisirung, 90.
[70] Brückner, R. Postweseu, 900.

Когда А. Л. Ордин-Нащокин взял на себя инициативу в более широкой постановке почтовых сношений и его протеже — Леонтий Марселис стал во главе почтового дела в России, фан-Сведен, лишившись клиентов, попробовал бороться с соперником. Вернуть клиентов ему не удалось (об этой борьбе расскажем в другом месте); но связь с правительством вообще и с Тайным приказом в частности он сохранил. Его заграничный контрагент, рижский почтмейстер Даниил Врандес, получил в 1667 г., очевидно — по ходатайству фан-Сведена, царское пожалованье парами соболей на 100 рублей, посланными ему с переводчиком Посольского приказа Василием Баушем. Контракт на поставку «ведомостей» в Приказ Тайных дел в августе 1668 года был возобновлен: «привозити через почту по договору изо всех государств всякия ведомости». По этому договору продолжали держать почту после смерти фан-Сведена (в 1668 г.) его жена Марья[71] и племянник, Еремей Левкен. У последнего во Пскове, на немецком дворе, заведовал приемом и отпуском почты швед, «торговый иноземец» Фридрих Балсырев; в Риге его контрагентом был почтарь, иноземец Капрал. Левкену выдавалось какое-то жалованье из государевой казны и у него была проезжая грамота[72].

Когда кончился срок контракта фан-Сведеновской почты, неизвестно[73]; но ссора между содержателями двух почт не потухла еще в 1668 г. Подробности приведем ниже.

---

[71] Она же получила во владение его мельницы и заводы (Доп. к А. И. V, 216, X, 45, XII, 25). В 1670 году она поставила в Приказ Тайн. дел «краски розных цветов на Измайловские стеклянные заводы» на 118 р. 25 алт. (Р. Ист. Библ., XXIII, 1342). В 1673 г. она же поставила в казну бумаги со своей фабрики на 110 р. (для печатания сочинений Иннокентия Гизеля). Эйнгорн, Очерки по ист. Малороссии, I, 875.

[72] См. настоящей работы т. II, № 29 (стр. 38—39).

[73] В делах Тайн. приказа читаем: «столп, а в нем куранты 176, 177, 178 годов, о всяких же вестях, каковы подал иноземец Ив. фан-Сведен» (Рус. Ист. Библ., XXI, 631). Но мы выше видели, что уже в 1668 г. его не было в живых; может быть здесь разумеется почта, действовавшая под

Семья фан-Сведенов жила в Москве еще долго. Гордон в своем дневнике под 23 янв. 1695 года упоминает о свадьбе сына торгового иноземца Адольфа Гоутмана с дочерью фан-Сведена. В записных книгах почтовых операций за 1698—1701 годы (почт семьи Виниуса) имя фан-Сведена нередко попадается в числе отправителей и получателей писем[74].

Подводя итоги деятельности первого почтмейстера, мы должны признать его человеком недюжинным. Несмотря на недостаточность и отрывочность сведений, которые мы имеем, мы видим, что это был предприниматель широкого размаха: затеянные им предприятия были многочисленны и ненекоторые из них оказались весьма прочными. Затем, он, очевидно и интересующую нас должность исполнял весьма умело, почему и успел не только сохранить ее за собой, но и передать наследникам. Конечно, его почтовое предприятие было не широко, но прочно поставлено и опыт, сделанный им, послужил примером для других предпринимателей этого рода. Остается пожалеть, что у нас нет в распоряжении сведений о внутреннем распорядке фан-Сведеновской почты; но уже то обстоятельство, что она могла конкурировать в дешевизне с почтой Марселисов (об этом расскажем ниже) свидетельствует об умелом руководстве ею со стороны предпринимателя. Ее кратковременная история дает право заключить только о том, что она сослужила хорошую службу Приказу Тайных дел.

его именем даже в 1670 году; или же это какой-либо из его родственников одного имени (см. ниже).

[74] Как раз тут именно и есть корреспондент по имени Jan van Sweeden.

Глава 2
Семья Марселисов

I

Марселисы, Гаврила и Петр. — Начало заводской деятельности Петра Марселиса. — Поручения правительства Марселису; участие его в деле королевича Вальдемара. — Отношения Марселиса к русским и иностранным промышленникам; Марселис, как представитель партии

Из рук семьи фан-Сведена почта постепенно ускользала. Почтовыми сношениями, заново организованными, овладевает другая иноземческая семья, Марселисы.

Предок Марселисов, датчанин Гаврила Марселис, сделался известен русскому правительству своими хлопотами по освобождению митрополита Филарета Романова из плена в Польше. Поэтому сын его, Петр, родившийся и воспитанный в Москве[75], пользовался особым расположением Московского правительства.

Официально Петр Марселис считался приказчиком или комиссаром Датского короля. Это не мешало ему отдаваться всецело торгово-промышленным предприятиям. Он принимал участие в железоделательном предприятии Андрея Денис. Виниуса (об этом речь впереди), как его компаньон. Правительство вменяло в обязанность заводчикам не скрывать своего ремесла от русских. Лишнее, сверх потребностей казны, количество железа и всяких изделий предприниматели имели право продавать и вывозить заграницу. Товарищество обратилось к правительству с просьбой, приписать к его заводам крестьян; правительство разрешило приписать к тульским заводам дворцовую Соломенскую волость с 347 крестьянами.

---

[75] Кильбургер, 160.

Есть сведения, что Марселис вел еще и иные крупные торговые дела в Москве[76], нес какую-то службу по военной части и исполнял многие мелкие поручения московского правительства. При его посредстве состоялось приглашение в Москву доктора Белау[77]. Олеарий сообщает, что Марселис доставил в Россию первые махровые и прованские розы из голитшских придворных садов (в Москве эти розы привились[78]). В это время Марселиса величали «выдающимся купцом», «гамбургским гостем». Он был женат на Дарье Бернзли, англичанке. Одна сестра его жены, Анна, была замужем за французом, бароном де-Ремоном, другая — за богатым голландским купцом Фенцелем; брат этих сестер, Вильгельм, служил правой рукой в предприятиях Марселиса. Свояченица Петра Марселиса, Анна де-Ремон, была поставлена в тяжелое положение тем, что её муж, барон де-Ремон, принял православие. Её заставили также креститься, причем не обошлась без драмы. По смерти мужа она хотела вернуться в кальвинизм, за что поплатилась заточением в монастырь. Позже ее освободили, но под условием — не ходить в протестантскую церковь. Обо всем этом рассказывает Олеарий, навещавший ее вместе с Петром Марселисом и Фенцелем[79].

У Марселисов был дом в Покровской сотне, на Поганом пруде[80]. Дом этот он приобрел от гостя Надея Свешникова; Москвитяне были недовольны, когда он занял этот дом;

---

[76] А. Олеарий. Описание путешествия в Московию, перев. Ловягина, Спб., 1906. Стр.165.

[77] Цветаев, 75.

[78] Олеарий, 162.

[79] Олеарий, 307—308.

[80] Моск. Гл. Арх. М. И. Д., Дела Английские, 1638, I, Цветаев, 69. Там же жили его приказчики, Петр Мартынов и Антон Томпсон, золотых дел мастер. В Городище приказчиком Марселиса был Христофор Бюс. Ibidem, 292, 293 и 395. В Псковском уезде приказчиком у Марселиса был Альбрехт фан-Доблок (Шлосберг, 110-111). В делах Тайного приказа упоминается еще Иван Отврей. (Рус. Ист. Библ. XXI, 981).

впоследствии они очень хлопотали о том, чтобы из этой части города выселить всех иноземцев.

Датский король благоволил к Марселису[81] и вот Московское правительство решилось воспользоваться услугами последнего в довольно щекотливом деле.

9 июня 1640 года Петра Марселиса призвали в Посольский приказ и спрашивали о семье Датского короля. Он сообщил, что у Христиана IV трое сыновей, из которых не женат и не помолвлен только один 22-хлетний королевич Вальдемар. Снаряжены были два посольства для собирания сведений насчет возможности сватовства этого королевича к русской царевне Ирине Михайловне. Но царь Михаил не был доволен образом действий этих послов и в декабре 1642 г. решил послать в Данию того же Петра Марселиса. Старинная «Повесть», не сочувствующая этой затее царя, говорит так: «некий же злодей, льстивый враг, такий же поганин немчин, здешний житель Петрушка Марселес, имея на себе воинский чин, царю служа, видя царя и царицу печальных о таковой вещи, и изъяся царю и царице, яко да идет тамо в Датскую ту землю, к королю Христианусу и к сыну его, королевичу Вальдемару, яко да увещает их, и подъимет того нечестиваго, яко быти ему в Русскую землю к ним, государем. Царь же и царица повелеста ему ити и творити глаголемая и даста ему честь велию зело и потребнаго довольно. Он же, окаянный, поиде к королю и к сыну его, к королевичу Вальдемару, и пребысть тамо, елико ему время, увещеная краля и его кралева сына, еже ити ему к государю царю»[82]. Впрочем, из официальных документов видно, что Марселис не сам навязался в послы[83].

Принимая на себя трудную миссию. Марселис наперед заявил, что о перекрещивании Вальдемара не может быть и

---

[81] Цветаев, 356.

[82] Памятники прений о вере, возникших по делу королевича Вальдемара, собр. А. Голубцовым, М., 1892. Стр. 4.

[83] Цветаев, 480.

речи. Предпочли отмолчаться на это заявление. Командировка состоялась. Марселис запросил себе соболей на 2600 р. для раздачи в Дании, привилегии на железный промысел на 20 лет и покровительства жене, остававшейся в Москве. Его просьбу удовлетворили, прибавив даже ему еще 500 р. деньгами в награду.

В марте 1643 года Марселис прибыл в Данию и повел дело успешно. Король пошел навстречу сделанному ему предложению, но в статьях, данных им Марселису, первая статья именно касалась свободы вероисповедания. «Увещан бысть» продолжает Повесть, «король и сын его … на том словеси, обаче же недостоверно же увещан бысть, но токмо ити ... женитися, а не креститися по нашему русскому обычаю. Прииде же той немчин з Датския земли ... к царю… и к царице и сказа им таковое речение, что королев сын будет к ним. Царь же и царица радостни быша и паки пожаловаста того немчина великим своим царским жалованьем, многим сребром и одеянием драгим, и пищею, и питием»[84].

Вернулся Марселис во второй половине мая: принят был с почетом, как посланник; бояре провожали его от дворца до собственного его дома. Он ходатайствовал о выдаче ему еще 1000 руб. за убытки, понесенные в эту поездку. Вместе с тем Марселис хлопотал об отводе участка земли для лютеранской церкви. Брачное дело сослужило большую службу Марселису во всех его личных делах.

8 июня была снова аудиенция Марселису и он снова был отправлен в Данию. Царская грамота на этот раз удовлетворила Христиана IV. Он возвел Марселиса в потомственные дворяне («его княжские милости думы и большой казначей» как величал себя после этого Марселис[85]) и отправил Вальдемара с большой свитой в Москву. Пока посольство ехало, Марселис слал с дороги в Москву письмо за письмом, прося о наградах, о возмещении своих расходов, о прощении долгов

[84] Памятники прений о вере, 4.

[85] Срв. Также заграничное сообщение у Шлосберга, 106.

его брата; жена его представила копенгагенский вексель мужа на 2500 рублей с переводом долга на государеву казну, — все было выплачено. Наконец посольство выслало перед собою в Москву упомянутого выше шурина Марселиса, Вильгельма Бернзли, с приятными вестями; а от Вильны даже сам Марселис, отделившись от свиты королевича, поехал в Москву[86]. Приехав в Москву, он хвастливо и широковещательно изложил все обстоятельства своей поездки. Он рассказывал, что встретил заграницей недоверие к искренности предложений Московского царя и град нареканий на Московскую страну и народ, приводил и свои опровержения, сказанные им: «если бы у царя земля и люди были дикие, то он, Марселис, так долго не жил бы там и вперед не искал, чтобы там жить; хорошо, если бы и в Датской земле был такой же порядок, как в Москве; никто не докажет, чтобы царь не исполнял своих обещаний: слово свое он держит крепко». Передавал также Марселис слова королевича, чтобы он Петр, «был у него безотступно, для чего отец учинил его думным, так как он русские обычаи и чины все знает и царское величество ему верит и он же может учинить на обе стороны всякое добро».

Но никакого «добра» из этого дела не вышло. Когда Вальдемар приехал в Москву, ему стали надоедать просьбами об обращении в православие. Не желая менять веры и выведенный из терпения этими приставаниями, Вальдемар просил отпустить его домой и даже пытался бежать. Боясь срама по поводу расстройства задуманного брака, московское правительство удерживало королевича чуть не два года (с декабря 1643 до августа 1645 г.). Неоднократно устраивались прения о вере. Петр Марселис, будучи ревностным протестантом, всегда стоял за интересы своих единоверцев и вел борьбу с теми

---

[86] 21 дек. 1643 по памяти из Посольского приказа «прислать дворянина добра, быти ему на встрече в приставех у Петра Марселиса» думный дьяк Ив. Гавренев и Гр. Ларионов нарядили для этой цели 15 дворян (Моск. Арх. Мин. Юст., Моск. стола Разрядные столбцы. № 183, л. 95—96).

иностранцами, которые обнаруживали склонность к обрусению; поэтому и в деле королевича он все время был на его стороне, хотя вел себя очень дипломатично[87].

Когда царь Михаил скончался, то новый царь через месяц с честью отпустил Вальдемара домой.

Следовало бы ожидать, что королевич будет чрезвычайно недоволен Марселисом, заманившим его в Москву; на деле оказалось иное: в письме из Вязьмы (с дороги домой) королевич просил царя пожаловать Петра Марселиса. Вальдемар, очевидно, убедился, что попытку обмануть его сделал не Марселис, а Московское правительство: а это последнее не имело решительно никакого права быть недовольным Марселисом. Таким образом хитрый Датчанин умел на чужом деле хорошо нагреть себе руки[88].

Пошла обычной колеей жизнь Петра Марселиса, в почете и богатстве. Различные предприятия по части торговли и

---

[87] Подробный рассказ обо всем этом см. у г. Цветаева. Мы выбрали из него только то, что непосредственно относится к личности Марселиса.

[88] Когда Марселис был заграницей, у жены его возникла тяжба с дядей, Иваном Дюкером, завладевшим домом и имуществом её бабушки (по матери). От Дюкера потребовали полную опись имущества его матери. Это не помешало ему начать распродавать имущество матери и требовать деньги с её должников. Дарья Марселис начала с ним тяжбу и просила все бабушкино имущество взять, до приезда её мужа, в Посольский приказ. Поверенный Марселиса, поручик Брынк, помогал ей в том деле. Царь велел отдать пока Дюкера на поруки. Дюкер и его жена устраивали скандалы Дарье Марселис, в самом Посольском приказе обзывали ее позорными именами. Пришлось ей подавать дополнительную жалобу. «Муж мой, писала она, при отъезде за море, бил челом тебе государь, чтобы ты меня с детишками не покинул и от всякого насильства и обиды беречь велел, и твое государское милосердное жаловальное слово о том мужу моему было. Вели, государь, за службу мужа моего, оборону мне дать от той позорной лаи, чтоб им впредь неповадно было мужа моего и меня так бесчестить и мне б от них в позоре в конец не погибнуть». За Дюкера никто не хотел поручиться; его арестовали, Марселис, вернувшись из поездки, уладил дело (Д. В. Цветаев; подробности в его книге).

промышленности давали ему большой доход. Иногда он принимал дипломатические поручения по части торговли от иностранных государей, напр. герцог шлезвиг-голштинский Фридрих поручал ему уговориться с московским правительством относительно персидской торговли[89]. От Марселиса московское правительство не раз узнавало заграничные новости[90].

В 1646 году московские торговые люди, жалуясь царю на иностранцев вообще, что они отбивают у русских все промыслы, упоминали в челобитной имена Петра Марселиса и Еремея Фельца (не Фенцель ли? см. выше), взявших на откуп ворванье сало и понизивших на него цену до такой степени, что Холмогорцы и Поморы, вынужденные продавать сало только им одним, совершенно разорились, а они наживают до 400 % прибыли.

Интересно также продолжительное столкновение Марселиса с А. Д. Виниусом. Выше было сказано о товариществе, которое они образовали (с ними был еще голландский купец Тилеман Акема). Марселис, 7 лет спустя, в 1644 г., получил право строить с одним Акемою новые заводы по рекам Ваге, Костроме, Шексне и др. местам без оброка на 20 лет. Виниус понял, что товарищи его хотят оттеснить. Он решил не брезгать никакими средствами для борьбы и обвинил своих компаньонов во 1-х) в том, что они не учат русских своему искусству, во 2-х) что бесчестят его за то, что он хочет принять православие. Обвинения были очень тяжелые. Свидетели, выставленные Виниусом, не поддержали его; но первое обвинение подтвердилось после опроса заводских рабочих. Пра-

---

[89] Цветаев, Вероисповедное положение протест, купцов в России в XVI—XVII вв. М., 1885. Стр. 36.

[90] Как напр. известие о морском сражении и победе Датчан в 1644 г. (выписано из письма, полученного Петром Марселисом от его приказчика из Данцига, Шлосберг, 107). Другие вести, доставлявшиеся Марселисом, были из Дании и др. мест (ibid., 109). Шлосберг отмечает их тенденциозность (ibid., 117).

вительство решило взять Городищенские заводы в казну. Марселиса и Акему спасло заступничество Дании и Голландии и, надо думать, щедрые подачки кому следует.

Монополии железного промысла была им предоставлена с 1 сент. 1648 г. на 20 лет. Но ссора Марселиса с Виниусом тянулась еще и в 1651 г. Внимательное рассмотрение их дела приводит к тому выводу, что партия Марселиса была оплотом для тех протестантов, которые хотели жить обособленно от русских, и стремились всячески эксплуатировать приютившую их страну[91].

В 1657 году Марселис и Акема получили для заводов на р. Угодке 100 пустошей и Вышегородскую волость[92]. Есть сведения, что заводы были поделены Марселисом и Акемой: Марселис владел заводами Городищенскими (основ. Виниусом) и Каширскими, а Акема — Протовским и Угодским[93]; но в 70-х годах Протовский завод принадлежал Марселису. Правительство брало у них мастеров для работы на казенных заводах.

В разрядных столбцах Белгородского стола (№ 413 и 434) Моск. Архива М. Ю. находим — Дело 1670 г. о найме стругов дли перевозки взятых на заводе на р. Поротве у Петра Марселиса 170 якорей струговых, весом по 5 пуд., в Рижск (а оттуда в Козлов на подводах); там же, № 438, читаем, что по челобитью Чугуевских «виноградных и арбузных садовников» на мотыки, заступы, топоры и пр. велено взять железа в Туле у Петра Марселиса (при этом узнаем, что за пуд прутового железа Марселис получал от казны 16 алт. 4 деньги).

---

[91] Цветаев, 693. У него же подробно изложено дело Виниуса с Марселисом и Акемой.

[92] Цветаев, 271.

[93] Цветаев, 713. Каширские (нын. Тул. губ.), Протовский и Угодский (Калуж. губ.) возникли в 50-х годах XVII в. и были сначала в ведомстве Приказа Большой казны и Приказа Тайных дел, а позже — в Приказе Большого дворца.

В 1664 году Петр Марселис, уже стариком, был снова послан заграницу послом к императору, королю Датскому и курфирсту Бранденбургскому. 28 апреля во Псков воеводе А. Л. Ордину-Нащокину была послана грамота: «ведомо учинилось, что Петра Марселиса взяли Курлянского князя под городом Нитавою Польские люди и он бы (воевода), проведав о том, отписал тотчас с тем же, кто к нему послан[94]. Слух, оказался, очевидно, ложным. В 1665 году Марселис возвратился благополучно и привез ответные грамоты[95].

II

Сыновья Петра Марселиса. — Дипломатическая миссия Леонтия Марселиса. — Покровительство ему со стороны А. Л. Ордина-Нащокина. — Ссоры Марселисов с русскими торговыми людьми. — Заводская деятельность Марселисов в эпоху её расцвета. — Потомки Петра Марселиса. — Роль Гордона в биографии Марселисов. — Значение Марселисов в истории русской культуры

Петр Марселис был довольно счастлив и в своей семейной жизни. У него было два сына. Старший, Петр, по челобитью отца, в 1647 году был отправлен для обучения заграницу и вернулся оттуда в 1669 году «морским капитаном»[96]. Второй сын, Леонтий (Leonhardt Marselius, как он подписывался), сделался известным после участия его в одной дипломатической миссии; ему и пришлось быть вторым почтмейстером в Московском государстве.

В октябре 1665 года Леонтий Марселис был командирован в Курляндию из Приказа Большого дворца; из Тайного приказа ему также дано было 300 руб. «для Курлянские посыл-

[94] Рус. Ист. Библ., т. XXI (Дела Тайн. приказа, т. I), 1056.
[95] Пам. Дипл. Сн., т. IV. стр. 537, 549 и след.
[96] Цветаев, 407 и 723.

ки»[97]. Леонтий поехал заграницу вместе с отцом. Вернулись они из Курляндии в феврале 1666 г. Кн. Хованский писал государю, что приехали Марселисы, сообщили ему о смерти польского короля, подали «роспись, что говорил английский посол Чарлус (Карлейль)», проезжал из Москвы домой через Швецию и Данию и пр. Но вслед за этим Петр Марселис послал Леонтия снова в Силезию, в Бреславль, где он должен был вести переговоры с кн. Любомирским, устраивавшим восстание в Польше для своих личных целей. Посредником в переговорах Марселиса с Любомирским был Беньямин Гелмфельт, придворный («думный дворянин» императора Леопольда[98]. Леонтий уведомлял о ходе дела своего отца; письма от него посылались через Данциг, при помощи Данила Брандеса и через Ригу, при помощи Вильгельма Беккера; приходили они в Россию с почтой фан-Сведена, Леонтий сообщал русскому правительству, что нужны большие деньги для Любомирского и что он во всякое время готов примириться с Польским правительством. Ордин-Нащокин вел в это время Андрусовские переговоры и очень был заинтересован тем, чтобы Любомирский не складывал оружия; тем не менее советовал отделываться обещаниями, а не посылать денег: «от этого Великой России большой прибыли не будет: злая ненависть не возросла бы? свои ратные люди зашумят, что в чужую землю казну посылают, а у себя и хлебом и деньгами скудно».

Царская грамота Беньямину Гелмфельту от 22 окт. 1666 г. содержит в себе 1) похвалу Гелмфельту за то, что он помогал «нашим верным» Петру и Леонтию Марселисам в их сношениях с Любомирским; 2) заявление, что с Леонтием нельзя было послать денег, вследствие небезопасности путей; 3) сообщение, что Леонтию было писано, чтобы он взял денег у курфирста Бранденбурского; между тем Любомирский

---

[97] Рус. Истор. Библ., т. XXIII, 685. «Государев указ сказал и деньги взял околничей и оружейничей Богдан Матвеевич Хитрово».

[98] Гос. Архив, Разряд XXVII, дело 256.

«не велел Леонтью ехать к курфирсту»; тогда царь велел послать деньги через Архангельск. В это время Леонтий вернулся из-за границы и сообщил, что Любомирский «учинил договор» с Польским королем, тогда царь велел задержать отсылку денег заграницу, а теперь просит Гелмфельта снова завести переговоры с Любомирским, обещая ему «свое жалованье».

Вероятно, эта дипломатическая миссия обратила внимание Ордина-Нащокина на молодого Леонтия Марселиса. Дело Любомирского, во всяком случае, ускорило ход Андрусовских переговоров и сделало поляков уступчивее. Мы уже упоминали о том, что Ордин-Нащокин в это время серьезно отнесся к вопросу о постоянном почтовом сообщении с Польшей и включил в Андрусовский договор интересную для нас 6-ю статью дополнения, сделанного в Москве. Тут же ему пришлось подумать и о лице, которому можно было бы поручить нелегкое дело постановки почты; Ордин-Нащокин остановился на Леонтии Марселисе. Дело оказалось не только важным и крупным, но и выгодным для Марселисов; труд Леонтия делил с ним сначала отец, а потом брат[99].

В 1669 году Петр Марселис подал в Посольский приказ статьи, клонившиеся к изменению существовавшего тогда торгового устава. По его мнению, торг в Архангельске надо устраивать раньше 1 сентября в виду того, что 1 сентября слишком позднее время для прихода судов. Затем, необходимо всячески поощрять привоз из-за границы серебряной и золотой монеты и разрешить иноземцам покупку товаров во внутренних городах. Гости и торговые люди, приглашенные для совещания по поводу статей Марселиса, поняли, какими опасными конкурентами явятся для них иностранцы, если их допустить во внутренние города; поэтому они горячо восста-

[99] Фабрициус называет Леонтия — Ludwig, а Брикнер — Leo, оба без всякого основания. Мы уже упоминали, что его звали Leonhardt. О роли Петра Марселиса — отца в почтовом деле Д. В. Цветаев не упомянул.

ли против статей Марселиса. Что касается торга в Архангельске, то русские торговые люди заявили, что иностранцы сами затягивают торг до позднего времени, рассчитывая взять у русских товары подешевле, а свои продать подороже.

Леонтий Марселис также не избежал ссоры с торговыми людьми. Будучи в Вильне по делу об устройстве почты, он добыл там печатные экземпляры торговых уставов и тарифов и привез их в Москву, чтобы предложить правительству в качестве образца. Когда и на этот раз были созваны на совещание гости и торговые люди, то они сразу отнеслись с недоверием к проектам Леонтия Марселиса. Ордин-Нащокин указывал на следующую причину такого недоброжелательства: Марселис, служа раньше по таможенным сборам, обнаружил нерадение таможенных голов и поссорился со многими торговцами.

К эпохе заведывания почтовым делом семьи Марселисов относятся сведения о широких коммерческих предприятиях Петра Марселиса, помещенные Кильбургером в его «Кратком известии о русской торговле» 1674 года.

В Архангельском крае, близ Мезени, найдена была в каменной горе медная руда с большой примесью серы. Все здешние рудники отданы были с 1674 г, Петру Марселису[100] с привилегией, причем условлено просить Датского короля о присылке рабочих людей. Из трех железных заводов, ближайших к Москве, Марселису принадлежал самый большой. В 1674 году он заплатил своему зятю, Томасу Келлерману, за 3/4 этого завода 20.000 р. Завод этот занимает, по словам Кильбургера, пространство около 60 верст между Серпуховом и Тулой; в 20 верстах от него река, по которой водой можно ездить в Москву. На заводе 3 плавильные печи и 10 молотов с двойными горнами. На этом заводе делают:

---

[100] Отцу или сыну? Отец скончался в 1674 г., но месяц смерти неизвестен. Известия Кильбургера относятся к тому же году. Так как ниже Кильбургер называет Келлермана его зятем, то, по-видимому, речь идет об отце.

1) полосовое железо (которое начали уже употреблять при постройке каменных домов); 2) пушки, по мнению Кильбургера — плохие; 3) пушки не для стрельбы, а как известного рода украшение; 4) двери и ставни; 5) црены для соляных варниц (неходкий товар, по мнению Кильбургера)[101]; 6) сабельные клинки; 7) тонкие двойные и одиночные листы; 8) плиты[102]). Прежде Марселис делал также немецкие заказные клинки для отправки заграницу, ковал якоря; но железо его оказалось недостаточно хорошего качества для таких изделий. Когда срок привилегии Марселиса на этот завод (о чем мы говорили выше) кончился, то, по просьбе Марселиса, царь возобновил привилегию еще на 20 лет. Эта милость объясняется, быть может тем, что Петр Марселис к концу жизни держался ближе к правительственным лицам и восстановил их доверие к себе, поколебленное его прежним поведением в религиозных делах иностранцев; не обошлось, быть может, и без подарков, кому следует.

Вернемся к Кильбургеру.

Возобновив привилегию, Марселис, впрочем, с трудом справлялся с огромным делом. Хотя к заводу и было приписано несколько сот крестьян, но рабочих рук, в особенности знающих дело, не хватало, мастера стоили дорого. Марселис платил надзирателю завода, сверх содержания, 300 руб. в год[103], т. е. 5100 руб. на наши деньги. Мастера иногда бросали его завод и переходили на другие[104]. Кильбургер приводит

---

[101] В 1670 г. правительство купило у Марселиса 100 пуд. железных цренных досок по 1 р. 2 гривны пуд. Доски понадобились для Ростовских и Переяславских соляных заводов (Рус. Ист. Библ., XXIII, 1368).

[102] Интересен обширный казенный заказ, сделанный Марселису в 1668 г. (Цветаев, 714), а также поставка в дек. 1669 г. (Эйнгорн, 658).

[103] У Брикнера (Enropäisirung), вероятно, опечатка — 3000 р.

[104] Еще в сент. 1668 г. мастер и плавильщик иноземец — новокрещен Дементий Ив. Буди с сыном Андреем, служившие на Городищенских заводах, были посланы правительством для досмотру железной руды и заводов в Звенигородский уезд и пустошь Сумароково (Рус. Ист. Библ., XXIII, 1105).

еще много мелких известий о заводской деятельности Марселиса, что доказывает его непосредственное общение с заводчиками во время его пребывания в Москве.

О ходе работ на заводах Петра Марселиса можно получить некоторое понятие из одного дела, находящегося в Разрядных столбцах Белгородского стола в Моск. Архиве Мин. Юстиции (№ 533, л. 393—401). Там читаем следующее:

31 января 1674 года Петр Марселис подал челобитную по следующему поводу. К его Тульским и Каширским заводам приписаны рудокопные места, и у того рудокопного дела велено быть Дедиловским казакам ровщикам, 50 человекам. Эти ровщики теперь не успевают копать достаточно руды, потому что сравнительно с прошлыми годами теперь всякого железа и ратных запасов требуется больше. Поэтому Марселис вынужден был, в прибавку к этим рабочим, нанимать по вольному найму других казаков и вольных людей. Вдруг казаков-ровщиков потребовали в Воронеж к струговому делу. Теперь уж совсем руды копать будет некому, и правительственные заказы на железо и ратные запасы не могут быть выполнены. Между тем надо пользоваться зимним временем, наготовить руды и привезти ее на заводы, потому что летом, степью, возить руду невозможно. К струговому делу на Воронеже приписано 20 городов; пусть в. г-рь пожалует его — не велит высылать тех 50 ровщиков на Воронеж, пусть будут у рудокопного дела по-прежнему. Если из тех указных 50 человек найдутся такие, которые к рудокопному делу не годятся, то пусть позволено будет выбрать других из желающих; а в прибавку к ним пусть позволено будет нанять сторонних людей по вольной цене. Марселис просит также указных рудокопщиков, 50 человек, на иные службы и на работы впредь от того рудокопного дела посылать не велеть.

Челобитная была удовлетворена.

Относительно участия Леонтия Марселиса в заводских предприятиях у нас нет никаких сведений. Он умер, повидимому, в молодых летах, в 1670 году; но почтовое дело

оставалось в руках его отца и брата. В 1674 году скончался Петр Марселис отец; в 1675 году у Петра Марселиса — сына почтовое дело было взято за его неаккуратность. Конец последнего был печален: датский резидент Монс Гей в пьяном виде перерезал ему рюмкой горло[105].

У Петра Марселиса младшего остался малолетний сын, Христиан, сделавшийся наследником заводов. От его имени и от имени его компаньона, Еремея фан-дер-Гатена пастор Эйзенберг ездил в 1676 году в Швецию для найма мастеров на заводы[106]. В 1677 году мать его, Марья, вышла второй раз замуж за Павла Менезиуса и принесла ему в приданое 5000 руб. золотом и 2000 руб. серебряными вещами и бриллиантами. В это время, по-видимому, устанавливается близкое знакомство Марселисов с Патриком Гордоном. В 1687 г. Гордон посетил их заводы на р. Вепрове[107]. 28 января 1688 г. тот же Гордон, по просьбе г-жи Менезиус, посетил Датского дипломата Бутенанта по делам Христиана Марселиса[108]. 24 февр. того же года у Бутенанта шла речь о назначении нового опекуна над молодым Марселисом[109]; предложили опеку Гордону, и этот, после долгих отговорок, согласился на короткое время принять на себя опеку. Заводы Христиана Марселиса продолжали получать поставки, напр. у князя В. В. Голицына. По этому поводу не безынтересно познакомиться с челобитной его матери, поданной 2 июля 1690 года: «в прошлом, г-ри, во 196 году, апреля в 22 день генваря по 8 число 197 году, по отбытии сына моего Крестиана Марселиса за море, как посылал ево, бутто ради науки, опекун ево корол. в-ства Дацкого комисар Андрей Бутенант фон-Розенбунг, и после ево, г-ри, сына моево, отдал он, Андрей, в цену связного и прутового железа, и кованых и литых досок

---

[105] История о невинном заточении А. С. Матвеева. М., 1785. Стр. 125.
[106] Цветаев, 124.
[107] Tagebuch, II, 201.
[108] Tagebuch, II, 209.
[109] Tagebuch, II, 211.

князь Василью княжь Васильеву сыну Голицыну по цене на тысячу на сто на девяносто на пять рублев слишком. А в нынешнем, г-ри, во 198 году февраля в 14 день волею Божиею сына моево Хрестияна в животе не стало. А по имянному вашему в. г-рей указу велено мне, рабе вашей, после умершаго сына моего Хрестияна Московские дворы со всяким строением, и что за железо и всякие ратные припасы из вашие в. г-рей казны и всяких чинов на людех по роспискам и по кабалам и по книгам доведетца взять, велено мне, рабе вашей, выдать и отдать по переписке из Пушкарского приказу явилось мне, матери ево. А по челобитью, г-ри, сына моего Крестияна в Приказе Розыскных дел учинена выписка и по той выписке о выдаче сыну моему, и ныне мне, денег из животов ево, князь Васильевых, ничево не учинено. И теми остаточными после сына моево животами и что доведетца взять из вашие в. г-рей казны и розных чинов на людех велено мне, рабе вашей, платить долги перваго мужа моего Петра и сына Крестияна. Милосердые в. г-ри (и. т.), пожалуйте меня, рабу свою, велите, г-ри, за тот долг, что доведетца мне, рабе вашей, взять на князь Василье, выдать из животов его, князь Васильевых, чтоб мне, рабе вашей, было чем долги перваго мужа и сына моего заплатить и помянуть. В. г-ри, смилуйтеся».

На челобитной резолюция: «198 июля во 2 д. в. г-ри пожаловали: велели о том выписать и доложить себя, в. г-рей. боярину Тих. Никит. Стрешневу с товарищи»[110]. Просьба г-жи Менезиус была удовлетворена, по-видимому, в сумме 900 рублей[111].

Итак, Христиан Марселис умер 14 февр. 1690 года. 22 февраля Гордон был на его похоронах, которые справлялись очень торжественно («как это бывает обыкновенно в Германии при погребении знатного человека»)[112]. Под 21 августа

[110] Моск. Архив М. Юст., столбцы Разряд. приказа, № 1188, л. 76—77.

[111] Розыскные дела о Фед. Щекловитом, Спб., 1893 т. II, 482 и IV, 247—248.

[112] Tagebuch, II, 293 и 294.

1692 года Гордон упоминает о деловых отношениях между покойным Христианом Марселисом и Креветом. Менезиус прислал Гордону ордер (die Anweisung) Кревета на Марселиса[113].

Под 10 февр. 1691 г, Гордон упоминает какого-то аптекаря Петра Марселиса, справлявшего свадьбу[114]. У него же, вероятно, 21 ноября 1698 г. Гордон был на балу[115]. 22 дек. 1696 г. было погребение «купца» Петра Марселиса [116]. Возможно, что последние три упоминания относятся к одному и тому же лицу, но связать его с известной нам семьей Марселисов пока затруднительно.

В делах о выездах в Россию (Моск. Гл. Архив М. Ин. Дел) за 1675 г. есть «дело по челобитью иноземца Томаса Келдермана о пропуске пасынка его Гаврилы Марселиуса для наук в иностранные государства»[117]. Это вторичное родство неясно. На вдове какого Марселиса женился Келлерман, очевидно уже овдовевший?

Корб сообщает, что Марселиус (по его словам — голландский купец!) первый нашел рудник железа (думаем, что Виниус); его потомки владели некоторое время этим рудником на правах вассальства(?), пока не пресекся род Марселиуса; тогда рудник поступил во владение царя и отдан Нарышкину[118]. Это свидетельство, сопоставленное с предыдущими, дает право заключить, что в девяностых годах XVII века род Марселисов прекратился.

История семьи Марселисов рисует нам тип иностранной семьи в Москве в XVII в. Это — эксплуататоры, умевшие втереться в доверие правительства и приобрести себе выгодные

---

113 Tagebuch, II, 381.

114 Ibid., 333.

115 Ibid., 422.

116 Ibid., III, 85.

117 Цветаев, 233.

118 Корб, Дневник путешествия в Московию, перев. Малеина. Спб., 1906. Стр. 214.

права; в то же время это — люди энергичные, умевшие широко ставить задуманные ими предприятия. Значение их в истории русской торговли и промышленности той эпохи очень велико, они были представителями капитала в тогдашнем русском обществе, жившем еще в сфере натурального хозяйства; они наживались на счет этого общества. При таких условиях Марселисы служили для русских наглядным примером того, как выгодно можно устраивать свои дела при известной энергии, предприимчивости и *знаниях.* Их пример не мог пропасть даром. Купечество Московское, раздраженное тем, что ему на каждом шагу приходилось попадать в руки этих ловких дельцов, пока ограничивалось только протестом против их привилегий и жалобами на них; но в среде этого же купечества, несомненно, возникало уже раздумье; ему приходила в голову мысль о необходимости со своей стороны правильного ведения дела и борьбы с конкурентами не только путем жалоб, но и путем усовершенствованных приемов в торговле и промышленности. Вместе с тем такие дельцы, как Марселисы, оставили след в истории других сторон русской жизни. С их именем связана попытка породниться с иностранными государями, развитие дипломатических сношений, развитие почт (о чем будем говорить в следующей части работы). Имя Марселисов крупными буквами вписано в историю русской культуры XVII века, в частности — в историю проникновения европейского влияния во все сферы русской жизни.

Глава 3
Почтовое дело при Марселисах

I

6-я статья Московско-Польского договора 1667 года. — Первые распоряжения Ордина-Нащокина о почте. — Условия, представленные Леонтием Марселисом и его «очная ставка» с фан-Сведеном. — Указ 1 июня 1668 г. — Открытие Рижской почты: наказ Ордина-Нащокина; первые шаги этой почты. — Командировка Марселиса в Вильну и открытие Виленской почты

Из биографии Марселисов видно, что Московское правительство неоднократно посылало их в заграничные командировки. Но, по-видимому, с 1666 года правительство, не без участия Ордина-Нащокина, предназначало именно Леонтия Марселиса к почтовому делу. По крайней мере — в документах есть упоминания, что командировка его по этому делу в 1668 году была уже третьей.

Осенью 1667 года (октябрь—декабрь) были в Москве польские послы для подтверждения Андрусовского перемирия. В 6-й статье их трактатов сказано: «в обоих государствах в отпуске с почтами, кроме государских на обе стороны посылок и грамоток от торговых людей и отписок их в своих промыслех торговых писаных может быти устава, по чему платить, против обычая, во всех государствах будучего, постановлена и чтоб торговые письма под заказом не чрез иных людей, но чрез уставные почты посыланы и у почтарей записывания были».

Эта статьи завершила проект организации почтовых сношений, предусмотренной Андрусовским трактатом. Осталось только взяться за осуществление этого проекта. И вот 25 мая 1668 года последовал государев указ, объявленный Посольскому приказу словесно А. Л. Ординым-Нащокиным.

1) почту, содержимую фан-Сведеном, передать Леонтию Марселису;

2) почтовые сношения устроить от Москвы до Курляндии, пока в Курляндии будет царское посольство;

3) по возвращении посольства — устроить почтовой тракт из Москвы через Смоленск в Вильну.

Для исполнения этого указа Леонтию Марселису было предписано ехать в Курляндию, а потом в Вильну и позаботиться об устройстве намеченных сообщений.

Сделав эти распоряжения, Афанасий Лаврентьевич на другой день, 26 мая, торжественно выехал из Москвы в Курляндию. Два дня спустя была изготовлена уже грамота к Курляндскому князю Иакову. В этой грамоте царь Алексей Михайлович просил князя пропускать Леонтия Марселиса из Курляндии в Вильну и обратно по своей земле без задержания и помогать ему, чем возможно[119].

Перед отъездом Марселис подал «статьи», как бы условия, на которых он берется организовать почту[120]. Он просит:

1) дать ему за полгода жалованье, чтобы он мог раздать нужным людям в Риге, Курляндии, Вильне, Данциге, Гамбурге и других городах для того, чтобы они согласились присылать всякие вести и письма. Сколько именно следует дать, хитрый иноземец умолчал, давши косвенное указание — «а сколько давали прежде за такое дело жалованья, о том известно в Приказе Тайных дел», намекая, таким образом, что он хочет получать столько же, сколько получал фан-Сведен.

2) дать ему на дорогу известную сумму;

3) дать ему грамоту из Ямского приказа, чтобы на всех ямах выбрать по человеку для перевозки чемоданов и сумок с печатями; чтобы такой человек был приводим к присяге, что будет возить почтовые сумы с бережением и спешно, и днем и ночью, не распечатывая и не смотря ничего; таким людям Марселис обещается платить.

---

[119] См. в настоящей раб., т. II, материалы, № 1, стр. 3). Для удобства будем всегда цитировать просто «т. II».

[120] Ibid., № 2 (стр. 4).

4) для отличия снабдить почтарей зелеными суконными кафтанами с нашитыми орлом и рожком. Образец такой нашивки еще ранее был придуман Ординым-Нащокиным и хранился в Приказе Тайных дел; Марселис просит этот образец выдать ему.

5) дать грамоты воеводам, чтобы они оберегали почтарей и нигде их не задерживали.

Встревоженный слухами о неожиданном конкуренте своего предприятия, фан-Сведен немедленно подал челобитную царю. Напоминая, что он три года «по чести» и «против своей записи» держал почту, он просит теперь дать ему торг с Марселисом[121]. Фан-Сведен думал, что все дело только в том, что Марселис склонил на свою сторону правительство предложением держать почту за меньшее жалованье. Но Марселис и не думал делать такого предложения, напротив, он желал получать то же жалованье, да еще — просил дать ему право для перевозки почты пользоваться ямскими лошадьми. Соперникам устроили очную ставку[122]. Узнавши подлинно о замыслах Марселиса, фан-Сведен заявил, что он согласен взять на 200 р. в год меньше и мотивировал свою уступку тем, что у него везде законтрактованы служащие люди, не только на месте, но и заграницей. При этом фан-Сведен не настаивал, чтобы ему было предоставлено право пользоваться ямскими лошадьми. А если, прибавил он, государь разрешит ему это последнее, тогда он согласен взять жалованья всего 400 руб. в год, будет держать почту и на Вильну и на Ригу и ставить ее не в 2 недели раз, а еженедельно.

Марселис заявил, что он отказывается от всякого жалованья, полагаясь на государеву милость, в надежде, что его службы государь не забудет. При этом он прибавил, что дело его, по указу государеву, уже начато: ему даны предписания, дана уже проезжая грамота к Курляндскому князю, даже почта к отправке уже заготовлена. При этом он намекнул и

---

121 Т. II, № 3 (стр. 4—5).

122 Т. II, № 4 (стр. 4—5).

на то, в чем, по слухам, обвиняли фан-Сведена, — заявил, что у него, Марселиса, — «золотым червонным и ефимкам, и жемчугу и дорогому каменью тайного провозу не будет».

Пришлось фан-Сведену уступить. На другой день, 30 мая, он заявил в Приказе, что просит не закрывать его почты; он согласен на свои средства держать ее, лишь бы ему позволено было, согласно с прежним его контрактом, принимать и доставлять грамотки торговых иноземцев. Просьбу эту он мотивировал по-прежнему тем, что у него много служащих, нанятых на срок и получивших задаток.

Состоялся указ: допустить Леонтья Марселиса к почтовому делу, дать ему 40 соболей на 100 рублей и отправить его к Ордину-Нащокину; решение вопроса о предоставлении новых почт тому или другому лицу предоставить самому Афанасию Лаврентьевичу. Об указе этом мы узнаем из пометы по склейкам дела об очной ставке; она датирована 1 июня 1668 года. Но в грамоте псковскому воеводе кн. Дан. Ст. Великого-Гагину, помеченной 2 июня, о назначении Марселиса еще ничего не говорится; упоминается только, что Леонтий посылается в Курляндию «для наших, великого государя, дел». Тем же числом (2 июня) датирована грамота А. Л. Ордину-Нащокину, представляющая точную копию протокола очной ставки фан-Сведена с Марселисом. Грамота эта получена Афанасием Лаврентьевичем 26 июня, и он не замедлил «учинить по своему рассмотрению» — о чем мы узнаем из его ответных писем государю. Не вникая в суть спора, он решил, очевидно, испытать Леонтия Марселиса на деле и послал его в Ригу для заключения почтового договора с тамошним почтарем с ведома Рижского генерала. 7 августа Леонтий вернулся из Риги к Ордину-Нащокину и сообщил ему, что договор заключен. Они условились, что Марселис будет содержать почту на свои средства, будет принимать для пересылки письма из Посольского приказа, из Новгорода и

Пскова и притом не только государственные[123], но и частные письма и посылки. Но, во внимание к службе нового почтмейстера, по мнению Нащокина, следует приказать торговым людям посылать письма и посылки *только* с почтой Марселиса. Это последнее важно особенно в виду ходивших слухов о почтовой контрабанде

На основании Рижского почтового договора Ордин-Нащокин составил наказ, инструкцию для Леонтия Марселиса и его почты. Этот наказ Леонтий должен был предъявить в Пскове, в Новгороде и Москве, чтобы власти осведомлены были о новом учреждении. Содержание этого наказа следующее[124]:

В силу государева указа от 1 июня 1668 г. боярин и наместник Шацкий, А. Л. Ордин-Нащокин делает следующие распоряжения:

1) Леонтий Марселис должен заключить почтовый договор с Рижским почтмейстером об установлении пересылки корреспонденции от Риги до Нового Городка и до Псковского рубежа и обратно, не только до Риги, но и в иные государства;

2) по исполнении первого распоряжения и по установлении почты Посольский приказ начинает посылать по этой почте всякие грамоты и письма и получать заграничную корреспонденцию и газеты («куранты» или «вестовые письма», писанные и печатные);

3) торговые люди также имеют право пользоваться этой почтой для пересылки и получения деловых писем «ко умножению пожиточных вещей царству Московскому»;

---

123 Отметим тот интересный факт, что в документах, касающихся почты фан-Сведена, нигде не говорится о том, что по ней шла государственная корреспонденция, и, по-видимому, по ней не посылались заграницу грамоты государя и не пересылались отписки воевод.

124 Сохранилась копия этого наказа, сильно попорченная временем. См. т. II, № 27 (стр. 34—36).

4) для целей почтового сообщения должны быть на каждой ямской станции (яму) выбраны по 3 надежных человека; их следует привести к присяге, чтобы они сторонних писем, кроме вручаемых им почтарями, не принимали, и сумки и пакеты довозили от яму до яму бережно и привозили письма в определенный срок;

5) торговым людям не разрешается посылать письма и посылки со своими наемными или проезжими людьми;

6) кроме специально назначенных для перевоза почты ямщиков, на границе надо также поставить гонца с подводою для приема и отпуска почты;

7) для почтовых ямщиков необходимо изготовить особые кафтаны с знаками, чтобы все их знали.

20 августа Леонтий Марселис предъявил этот наказ во Пскове. Немедленно началась энергичная работа по устройству почты. Уже 21 августа были представлены воеводе поручные записи Псковского яму. Выборщики ручались за новоизбранных почтовых гонцов, что 1) эти гонцы приведены к присяге о приеме и отдаче почт по наказу; 2) что они будут гонять наскоро; 3) они не будут в дороге принимать письма от посторонних людей; 4) письма будут довозить в целости за печатью; 5) попорченные печати и связки будут внимательно осматривать; 6) помимо почты от торговых людей принимать поручений не будут; 7) если «ради великой нужды» случится им послать кого-нибудь другого, то заместители должны быть «верными», т. е. за присягою; 8) кафтан будут надевать только для гоньбы и продать его не посмеют; 9) если гонцы всего этого не исполнят, то на них, выборщиках, будет взыскана пеня и убытки по указу государя[125].

26 августа были составлены такие же записи на Загорском яму. То же самое происходило в это время и в Великом Новгороде. 28 августа 1668 г. воевода кн. Дм. Алексеев. Долгоруков получил письмо от Ордина-Нащокина об учреждении

---

[125] Госуд. Архив, Разряд XXVII, дело № 288.

почты. 4-го сентября он дал поручение («память») подъячим Ямского стола, Семену Данилову с товарищами, произвести выборы трех верных ямщиков в Новинской и Котельницкой слободах и «тотчас вскоре» донести о выборах воеводы. 5-го сентября послана была память ямским старостам всех ямов дороги от Новгорода до Москвы следующего содержания:

«Лета 7177 сентября в 5 день по г. ц. (и. т.) указу память ямским старостам Бронницкого и Заечевского и Крестецкого, и Зимиегорского, и Хотеловского, и Вышневолоцкого ямов. Но указу в. г-ря послан из В. Новагорода ямщик в темнозеленом кафтане с признаков — с орлом, наскоро, с вестовыми письмами, а велено те письма отвозить в целе с яму до яму на заводных подводах. И Бронницкого яму старосте те письма завязав у ямщика в том же кафтане, в котором приедет Новгородской ямщик, отпустить тотчас на Заечевской ям[126]; а Заечевскому старосте с теми письмами в том же кафтане отпустить на Крестецкой ям тот же час, а с Крестецкого яму старосте в том же кафтане с теми же письмами отпустить на Зимнегорской ям, а Зимнегорскому старосте в том же кафтане с теми же письмами отпустить на Хотеловской ям, а Хотеловскому старосте в том же кафтане с теми письмами отпустить на Вышней Волочок, а с Вышнего Волочка старосте отпустить с теми же письмами и в том же кафтане. И как из Торжку тот ямщик прибудет и тот кафтан держать на Вышнем Волочку для иных таких же скорых гонцов, которые с Москвы поедут, у Новоторжского ямщика взяв, письма отпустить в том же кафтане на Хотеловской ям с заводными подводами, и потому же приказать, чтоб те письма с яму до яму отвозили тотчас, а как вперед гонят и кому... те кафтаны из Новагорода прислать будет с кафтанами и для выбору тех скорых гонцов... память отдавать тем гонцом с яму до яму, которые посланы будут с письмами к сей памяти». Недостающие строки в конце этой памяти, вероятно, имели тот

[126] В числе рисунков к путешествию Майерберга, хранящихся в Королевской Дрезденской библиотеке, есть вид «почтовой станции Заечево».

смысл, что постепенно на все ямы будут присланы из Новгорода такие же точно кафтаны, а на ямах нужно позаботиться лишь о выборе» скорых гонцов. Документ этот находится в том же деле Госуд. Архива, как и предыдущие. За ним следует там же целый ряд других документов; воспроизводящих ход устройства почты по Новгородской дороге[127]. Ограничимся только их перечислением.

5 сентября 1668 г. — память старосте Мшаского яму: посылается зипун с «признаки», надо выбрать гонцов 3 человек и гонять до Новгорода и до Загорского яму с письмами «без мотчания».

7 сентября — память старостам Новгородских слобод — Новинской и Запольской, о выборе почтарей к 10 сент. и о приводе их к воеводе.

9 сентября — память приставу Аверке Юрьеву: ехать ему по ямам Новгородской дороги, выбирать по 3 гонца на ям, отдать старостам по зипуну с орлами; взять выборы за руками избирателей и самих выборных и привести их в Новгород; сказать им правила почтовой гоньбы.

11 сентября 1668 г. — росписка пристава Аверки Юрьева в принятии 5 кафтанов для ямщиков Новгородской дороги.

Того же числа — выборная запись Мшаского яму.

Того же числа — память Софийскому протопопу с братиею о приводе к присяге ямщиков Мшаского яму (перечисляются их фамилии) по форме (приводится форма присяги — обычные правила почтовой гоньбы). На обороте ключарь Петр Андреев засвидетельствовал привод к присяге. 12 сентября — росписка Мшаских ямщиков в приеме кафтана.

Далее — грамота царская кн. Долгорукову, помеченная 8 сентября. Она сообщает воеводе об учреждении почты и вообще обо всем том, что ему уже было известно из письма

---

[127] С характером и содержанием этого рода документов можно познакомиться из аналогичного дела об учреждении Архангелогородской почты, которое мы целиком печатаем во II томе по документам Моск. Глав. Архива Мин. Ин. Дел.

Ордина-Нащокина. «И вы б о той почте учинили по нашему в. г-ря указу и по боярской отписке и по наказу, чтоб та почта ни за чем не стала ни часу».

Далее идут списки поручных записей разных ямов и росписки их в получении форменных кафтанов, еще одна память Софийскому протопопу с припиской ключаря (в том же роде, как выше упомянутая). Интересно, что ямщики всех ямов присягать ездили в Новгород!

Марселис спешил открыть почтовое движение. 6 сентября Посольский приказ послал в Ямской приказ память, а Ямской приказ разослал повсюду указы о выборах присяжных почтарей на ямах. Тверские ямщики заявляли впоследствии, что они начали гонять почту уже 12 сентября, но это, вероятно, было единичное поручение, потому что по официальному заявлению самого Леонтия Марселиса, Рижская почта (через Тверь и Новгород) была отпущена из Москвы в первый раз 17 сент. 1668 г. Царская грамота кн. Долгорукову в Новгород, поданная Бронницким ямщиком Тимошкою Алексеевым и прибывшая, таким образом, с уставленной почтой, помечена 18 сентября[128].

29 сентября 1668 г. получена была кн. Долгоруковым челобитная от ямских охотников Вышневолоцкаго яму, следующего содержания. Они пригнали почту на Новоторжский ям; но там писем, как следует по правилам, не приняли, а гонца, связав, посадили за пристава. Из-под ареста ему удалось убежать (он боялся, что его пошлют в Москву), но кафтан и письма остались на яму. Теперь ямщики в отчаянии: кафтана форменного нет, а без кафтана нельзя гонять почту. Они просят учинить указ по этому поводу. Вследствие этой челобитной кн. Долгоруков писал Новоторжскому воеводе и просил его немедленно отослать кафтан на Вышневолоцкий

---

[128] В грамоте этой говорится относительно почтарей, что, когда они поедут, то их «в приказ имать или какой задержки опричь наших, в. г-ря дел, чинить не велели, а велели их пропущать в оба пути без задержания (Госуд. Архив, Разряд XXVII, дело № 288).

ям. «А впредь бы тебе так не чинить», а то мы «учнем писать в. г.-рю к Москве»[129].

В то время, как почтовое движение уже мало-помалу развертывалось, Ордину-Нащокину послано было уведомление о получении его отписки о почте (своего рода утверждение его распоряжений) всего лишь 17 ноября.

Рижская почта начала функционировать. Очередь была за Виленской.

29 августа Леонтий Марселис приехал в Москву из Курляндской командировки. Распоряжения об учреждении почты на Вильну не замедлили; по крайней мере нам известно, что 31 августа поручик Смоленского полка, Елизарий Жуков, уже состоял в Мигновичах для приема заграничной почты, не имея о ней еще никакого понятия.

Для устройства Виленской почты Марселису понадобилась новая заграничная командировка. Указ о такой командировке состоялся лишь 4 марта 1669 года. Марселису снова дано было соболями на 100 руб., а 7 марта заготовлена проезжая грамота на имя разных чинов Польско-Литовского государства[130]. В этой грамоте Леонтий Марселис именуется «шляхетным начальником над почтой». Упоминается в ней об Андрусовских постановлениях, и устройство почты мотивируется необходимостью посылать государские грамоты и всякие письма с целью поддержания дружбы и совместных действий против неприятелей, а также — с целью пересылки писем торговых людей для их «торговых пожитков»: ведь все государства, гласит грамота, обыкновенно богатеют от свободного развития торговли. Ввиду всего вышеизложенного, царь просит вельмож оказать Марселису всякое содействие на его пути, обещая то же посланным Речи-Посполитой, если они явятся в его землю. Для Виленского почтмейстера, Рейнгольда Бисинга, Марселис, с разрешения Ордина-Нащокина, взял из Сибирского приказа подарок — две пары соболей

---

[129] Госуд. Архив. Разряд XXVII, дело № 288.

[130] Т. II, № 10, стр. 13.

по 15 рублей пара да пять сороков пупков собольих по 6 руб. сорок.

С учреждением Виленской почты запоздали: письма из-за границы начали уже приходить (по поводу этого возникла любопытная переписка Смоленского воеводы с Москвой). Поэтому, пока Марселис ездил в Вильну, на Смоленской дороге спешно приготовляли все для почтового движения. 8 марта Ординым-Нащокиным сделано было распоряжение об открытии Виленской почты. Была разослана в Москве повестка всем иностранным купцам об учреждении через Швецию и Польшу двух почт в разные европейские государства, чтобы те, кто имеет торговые склады и всякие промыслы, письма посылали с объявкой в Посольском приказе тому, кому принимать указано («начальнейшему над почтою»). Для ведомости приказано было объявить сроки прихода и отхода почт, а также послать в Земской приказ память, чтобы во всех слободах всем торговым людям для их промыслов зарубежских известно было о почте, также как и немецким людям на Москве. Надо, чтобы все знали, какое постановление указной почты (как договорено с Польскими и Литовскими послами) и что сказано в этом договоре о торговых промыслах. Почта в Вильну должна была выходить в среду, а по Новгородской дороге — в четверг.[131]

Это же самое было велено объявить в черных сотнях и слободах старостам и посадским людям (память думному дворянину Прокофью Елизарьеву).

9 марта из Посольского приказа была послана память в Ямской приказ о необходимых распоряжениях по ямам (о ней будет речь в следующем отделе).

11 марта 1669 года в первый раз отошла из Москвы Виленская почта.

---

[131] Т. II, № 13, стр. 20.

II

Регламентация Рижской почты: «статьи» Марселиса и Посольского приказа. — Запись почт по ямам Рижской почты. — Регламентация Виленской почты: проект Бисинга и память из Посольского приказа в Ямской. — Запись хода почт по Виленской дороге

Мы познакомились с обстоятельствами, среди которых последовало учреждение Рижской и Виленской почт. Теперь приступим к изучению их формальной постановки. Самые постановления, касающиеся формальной стороны дела, как для Рижской, так для Виленской почты в значительной мере представляются сходными. Познакомимся как с теми, так и с другими.

Постановления относительно Рижской почты лучше и полнее всего изложены в «статьях», представленных Л. Марселисом князю Д. С. Великого-Гагину и препровожденных последним в Посольский приказ, а также в статьях, присланных тому же лицу из Посольского приказу.

Из первых «статей» видно, что только письма о государевых делах пересылаются бесплатно, остальные — по таксе. Порядок приема и отсылки почт устанавливался такой: 1) Письма, назначенные из Пскова в Ригу или Курляндию, адресуются: «в Ригу, господину Ехому Радымакеру»; этот последний отошлет их, куда надо. Такие письма кладутся в мешок с надписью «Рига».

2) Письма, назначенные в Ругодив, Колывань, Юрьев-Ливонский по государевым делам, должны быть положены в мешок с надписью «Валк», и тогда они дойдут, куда нужно.

3) Письма по государевым делам, назначенные в Великий Новгород, надо класть в мешок с надписью «Новгород».

4) Отписки, направляемые в Москву, к великому государю, следует класть в мешок с надписью «Москва» и прилагать роспись, в каком приказе должна быть отдана та или другая отписка.

5) Обратные письма присылаются в тех же мешках.

Такса для частных писем устанавливается следующая[132]:

1) За письма из Москвы к торговым иноземцам и всяким людям взимается по 2 алт. 4 деньги с золотника;

2) за письма из Новгорода — по 8 денег;

3) за письма в Москву или из Пскова в Новгород не взимается ничего;

4) от всяких чинов людей в Ригу и от торговых иноземцев из Риги во Псков — 2 алтына с золотника;

5) Из Пскова в Ругодив, Колывань, Юрьев-Ливонский, в Вольмер и обратно — по 2 алт. с золотника (кладутся эти письма в мешок с надписью «Валк»).

6) если из немецких городов будут посылаемы во Псков деньги с письмами, то брать со 100 золотых по 2 золотых, а со 100 ефимков по 3 ефимка и деньги предъявлять в Съезжей избе.

Изо всех этих сборов половина должна была идти в пользу того, кто будет отсылать и принимать письма заграницей, а другая половина должна быть отсылаема еженедельно Леонтию Марселису.

Интересно прибавление, сделанное к концу «статей», если к моменту отсылки никаких писем не будет, то все-таки гонца в назначенный день надо отправить с пустыми мешками, запечатав эти мешки в сумки[133].

Рассматривая эти статьи, видим, что центральным местом для обмена корреспонденции был, очевидно, Псков, как наиболее близкий к Шведской границе город. Этим и объяс-

---

[132] Фабрициус находит ее очень высокой (Fabricius, 31). У Вейнберга приводится частное условие, раньше существовавшее у Ордина-Нащокина с Митавским почтмейстером: этот последний брал за доставку писем до Кенигсберга 18 грошей за письмо и 90 грошей за фунт с посылок (Вейнберг, 412). Для сравнения приведем одну из тогдашних европейских почтовых такс, французскую (королевская декларация 11 апр. 1676 г.). За расстояние до 25 лье (лье = 4 вер. 84 саж.) — 2 су, от 25—60 лье — 3 су, от 60—80 лье — 4 су и свыше 80 лье — 5 су (Почт. Гел. Журн. 1900, июнь).

[133] П. С. З., т. III, № 1402.

няется, почему Марселис свои «статьи» прежде всего предъявил Псковскому воеводе. Интереснее всего, разумеется, такса. Ниже мы увидим, что даже такса времен Виниуса babприводила в ужас современного ученого: такса, приведенная здесь, еще выше. Невольно обращаем внимание на то обстоятельство, что письма из Москвы заграницу таксируются, а письма в Москву — доставляются бесплатно. Это, может быть, объясняется тем обстоятельством, что письма из Москвы имели для иностранных коммерсантов огромное значение, а письма в Москву только развивали корреспонденцию[134]. Точно также письма из Пскова в Новгород, развивавшие подачу известий по направлению к границе — доставлялись бесплатно.

Последнее заявление в статьях знаменует весьма важный факт в истории почт. Их движение уже не ставится в зависимость от случая, а становится регулярным. Почта получает характер беспрерывно действующего учреждения.

В других «статьях», данных Марселису в Москве и выработанных, разумеется, не без его участия, а может быть также им самим, находятся интересные сведения о порядке хода почт[135].

Псковский воевода должен объявить, что из Риги в Новый Городок начнут приходить почтари с письмами. По средам эти письма на рубеже будут передаваться Печорскому гонцу. Во Пскове также должен быть назначен день, к которому должны быть доставляемы письма из Москвы и из Пскова в приказ; эти письма надо посылать в Новый Городок для передачи Рижской почте. Обмен письмами с зарубежным гонцом должен производиться в среду.

Иноземцам, живущим в Пскове, надо объявить, чтобы они ни в каком случае не посылали своих писем в Москву и Ригу ни со своими, ни с наемными гонцами, ни с проезжими

---

[134] Впоследствии московские корреспонденты оплачивали и отправляемые и получаемые ими письма.

[135] Т. II, № 7 (стр. 8—9).

людьми; об этом надо вывесить в таможне объявление. Если кто будет пойман с такими письмами, то письма у него следует отобрать, отдать переводчику и взыскать штраф по рублю за золотник весу.

Во Пскове и Загорье на ямах выбрать по 3 человека ямщиков и привести их к присяге, чтобы помимо переданных им в приказе писем, они ни от кого иных писем не принимали. Письма они получат в мехах или бумагах, запечатанными и завязанными, и по дороге должны следить за тем, чтобы печати не попортились и связки не развязывались. Если присяжным ямщикам придется посылать за себя родственников или чужих людей, то такие посыльные должны быть также приведены к присяге, и с них берутся поручные записи.

Все письма передаются переводчику Ефиму Фентурову (Фентеру).

Печорский монастырь должен на рубеже держать гонца с подводой взачёт ямской повинности. Псковский гонец должен дожидаться Печорского гонца в Печорах и принять от него зарубежные письма. Печорский гонец должен аккуратно в среду являться на рубеж и обмениваться письмами с Рижским гонцом. Последний принимает от Печорского гонца все письма, адресованные заграницу; те из них, которые адресованы в Ругодив, Колывань и Юрьев Ливонский, передаются в Вольмере разным почтарям.

Во Пскове зарубежная почта осматривается в Съезжей избе: отбираются письма, адресованные во Псков, а остальные отправляются в Новгород, Упаковка почты и печати должны быть осмотрены тщательно.

Почтари одеваются в особое платье, по которому их можно везде узнавать, это должно особенно предохранять их от задержек и грабежа. Розданное платье должно быть упомянуто в поручных записях, чтобы оно не пропало. Копии постановлений и других документов должны быть у переводчика и у Леонтия Марселиса.

Сохранилась одна из записей прихода и отхода почты по ямам от Москвы до Шведского рубежа и обратно[136]. Запись эта очень интересна; она наглядно изображает нам путешествие двух почтовых сумок и «записного столбца» с приключениями. Из Москвы сумки отправились 1 августа (неизвестного года), в 1-м часу ночи: 2-го августа за 2 ч. до вечера они прибыли в Клин, 3-го в полдень — в Тверь, 4-го в Торжок, затем в Вышний-Волочек. 5-го — на Хотеловский ям. 7 августа они прибыли в Новгород. Из Новгорода во Псков они пришли 10 августа, и т. д. до рубежа. В Клин сумки были привезены уже подмоченными, а записной столбец оказался обмоченным и изодранным; на Загорский ям (перед Псковом) они прибыли с новым изъяном у одной сумки печати были попорчены.

Обратный путь был также не совсем благополучен. Того же 10 августа почтарь привез с рубежа сумки и «грамотку немецкого письма» в Печоры; в тот же день они уже были во Пскове и Загорье, 11-го — во Минаге, 12-го — в Новгороде, 13-го — на Крестецком яму. 14-го на Хотеловском (и уже на одной сумке печать была попорчена); в Вышний-Волочек одна сумка прибыла уже с распоротым углом, и т. д.

Вследствие того, что запись плохо сохранилась, и многих дат в ней не достает, можно только догадываться, что назад сумки шли несколько скорее; все-таки, в общем надо предполагать, что на это путешествие уходило около 3 недель.

Перейдем теперь к Виленской почте.

Понятие об устройстве Виленской почты дают нам: 1) проект, составленный Виленским почтмейстером Рейнгольдом Бисингом и 2) память из Посольского приказа в Ямской 9 марта 1669 года.

Проект Бисинга, составленный им по предложению переводчика Посольского приказа Лаврецкого 10 февр. 1669 г., был принят Леонтьем Марселисом, прибывшим в Вильну в

---

[136] Т. II, № 11 (стр. 14—16).

марте 1669 г., по-видимому, без изменений. В актах последующего времени о Лаврецком не говорится ничего, а договор 1669 г, приписывается лично Марселису[137].

Главным пунктом для заграничной корреспонденции, по мнению Бисинга, надо считать Кенигсберг. Там печатаются ведомости, оттуда получается наибольшее количество писем. Из Кенигсберга отправлять корреспонденцию в Москву удобнее всего через Вильну, и он, Бисинг, с готовностью берет на себя это дело. Он полагает, что всякие ведомости и письма возможно доставлять из Вильны в Москву в 8 дней — 4 дня от Вильны до рубежа, и 4 дня от рубежа до Москвы. Бисинг составил особый «лист» — проект порядка пересылки писем — на польском языке и снабдил его 2 печатями — Виленской почтарской и своей личной малой, употребляемой им для наиболее секретных писем. В «листе» этом говорится следующее.

Из Вильны почта будет выходить в пятницу в полдень, в 12 часу; в Минск она прибудет в субботу, в 8 часа пополудни; в Могилев — в понедельник перед полуднем, на рубеж — во вторник рано утром. Сюда же должна к этому часу поспевать Московская почта, и почтари разменяются сумками, разумеется — запечатанными. Литовский почтарь вернется в Могилев во вторник в полночь; в Минск он прибудет в четверг, в 5 ч. вечера, а в Вильну — в пятницу в полдень. Почтарям отнюдь нельзя давать никакой работы, кроме их дела, иначе почтмейстер будет отвечать за последствия. Почтари будут в красных одеждах; на кожаном поясе у них будет литовский герб и рог, в который они будут трубить, возвещая о своем прибытии. Почтмейстеры обязаны иметь надежных почтарей; в случае утери почты (если только не разбойники будут при-

---

[137] Мы можем с ним познакомиться по копии, попавшей в «Выписку о первоначальном заведении почт в России» (Рукоп. Библиотеки Моск. Гл. Архива Мин. Ин. Дел, № 226—396). Подлинного проекта в Почтовых Делах не оказалось.

чиной этого) почтмейстер должен нести ответ. Почтарю дается особый лист, на котором отмечается час отпуска почты.

Что касается хода Виленской почты в Московских пределах, то он ничем не отличается от порядка Рижской почты: с ним можно познакомиться из памяти, посланной Посольским приказом Ямскому, 9 марта 1669 года[138]. Здесь читаем.

Учреждается почта от Москвы через Смоленск до Вильны, по образцу заграничной, для пересылки печатных и письменных ведомостей и торговых грамоток. Прием и отпуск почты должны происходить еженедельно. Для перевозки почты на каждом яму должны быть выбраны по 3 человека, которые должны присягнуть, что кроме тех писем, которые им будут даны в Посольском приказе, иных писем ни от кого принимать не будут. Письма будут им вручаемы в мехах или бумагах, завязанными и запечатанными. Почтари должны внимательно следить, чтобы печати не испортились и связки не развязались и не подмокли. Если по какой-либо причине случится почтарю послать вместо себя родственника или чужого человека, то он должен своего заместителя также привесть к присяге. Для почтарей должны быть заготовлены особые кафтаны по образцу, составленному Посольским приказом, чтобы почтарям не угрожал грабеж или задержка на дороге. Воеводам надо послать грамоты, чтобы они распорядились — велели ямщицким старостам произвести на ямах выборы почтарей, привести их к присяге, отправлять их, смотря по надобности, и днем, и ночью и надевать им назначенные для них кафтаны.

Даже при беглом сравнении выше приведенных двух наказов видно, где и на что больше обращалось внимания. Литовский наказ все свое внимание сосредоточивает на аккуратности хода почт, а Московский — на обеспечении безопасности почт. Мы видели, и еще увидим, с какими приключениями ходили наши почты. Есть у нас запись хода

---

[138] Т. II, № 14, (стр. 21-22).

Виленской почты; только сохранилась она еще хуже, чем запись Рижской почты[139]. Познакомимся с её содержанием.

Почта, вышедшая из Москвы на Вильну, прибыла в Можайск 4 августа. 6 августа она прибыла в Вязьму, 7-го — в Дорогобуж, 8-го — в Смоленск, 9-го она отпущена за рубеж, в целости.

11 августа зарубежная почта была получена в Смоленске. Уже на рубеже обнаружилось, что одна печать на половину была сломлена; половина её совсем затерялась по прибытии в Дорогобуж (13-го августа); 14 августа почта прибыла в Вязьму, 17-го (sic! не описка ли z³ вместо {³) в Можайск и т. д.

Как видно, на Виленской почте доставка обошлась гораздо благополучнее, чем на Рижской. К сожалению, эти 2 записи — единственные сохранившиеся от этого времени экземпляры в этом роде[140]; впрочем о ходе почт от яму до яму есть сведения еще в другого рода документах (см. переписку должностных лиц в след. отделе).

III

Переписка должностных лиц и учреждений по почтовому делу. — Энергичное участие в ней кн. Д. С. Великого-Гагина. — Предмет переписки Пскова, Новгорода и Москвы — поведение почтарей Новгородской и Псковской дороги. — Переписка Москвы со Смоленском (кн. И. Б. Репнин) по поводу прибытия первых заграничных почт

Заведение нового учреждения на таком дальнем расстоянии должно было сопровождаться, конечно, широкой перепиской между административными учреждениями и должностными лицами. Эта переписка вводит нас в самую жизнь тогдашней почты и открывает перед нами ряд карти-

---

139 Т. II. № 1l, 2-я половина.

140 Есть еще записной столбец 1701 г.; о нем см. в своем месте.

нок тогдашнего быта и нравов, отношений и взглядов. Поэтому ознакомление с ней не лишено высокого интереса.

Наиболее полно сохранилась переписка кн. Д. С. Великого-Гагина, Новгородских воевод и кн. И. В. Репнина (Смоленского воеводы), главным образом — с Московскими приказами.

Мы уже видели, что кн. Д. С. Великого-Гагин был первым должностным лицом, которому пришлось узнать о новом учреждении и принять участие в его постановке. Он встретил Леонтия Марселиса, когда тот ехал в Курляндию, еще не будучи уверен в том, что ему придется стать во главе почтового дела. 20 августа 1668 года он получил письмо от Ордина-Нащокина с первыми инструкциями относительно учреждаемой почты. Ему же пришлось распорядиться о первых выборах ямщиков во Пскове, Загорье, Печорском монастыре. Он же, кн. Великого-Гагин, ведет оживленную переписку с Новгородским воеводой, кн. Д. Л. Долгоруковым, и его преемниками. Вот что писал ему кн. Долгоруков в начале сентября 1668 года.

«Господам князю Данилу Степановичу, Лариону Провичу, Мине Ивановичу Дмитрий Долгоруков, Дмитрий Шубин, Иван Рубцов челом бьют. В нынешнем, господа, во 177 году сентября в 5 д. приехал в Вел. Новгород на Мшаских подводах Загорской ямщик Матюшка Иванов и привез за сургучом в мешке письма, и те письма у него, Матюшки, в Вел. Новегороде взяты, а (из) Вел. Новагорода он, Матюшка, отпущен к вам во Псков; а сказал, что прогонов Мшаского яму ямщиком не дал, потому что де ему изо Пскова прогонов не дано, и Мшаского яму ямщики затем давать (подвод) не хотят (и вам впредь о прогонах учинить по государеву указу)[141].

Под влиянием этого письма кн. В.-Гагин возбудил первые вопросы, связанные с учреждением почты и недостаточно внимательно разработанные учредителями, 15 сентября он пишет в письме государю следующее[142].

---

[141] Госуд. Архив. Разряд XXVII, дело № 288.
[142] Т. II, 9, стр. 12.

Сообщив, что все указы в. г-ря, распоряжения бояр. Ордина-Нащокина и просьбы Л. Марселиса им выполнены, В.-Гагин доносит, что прием и отпуск почты в Пскове он поручил переводчику Ефиму Фентурову. При этом он задает весьма важный вопрос: из каких сумм уплачивать прогоны почтарям — из казны ли царской, или из сборов с писем, которые будет делать вышеупомянутый переводчик, а может быть и вовсе не платить? Просит также указать, в какой мере нужно исполнять статьи, составленные Марселисом, список с которых он препровождает одновременно с этим письмом.

Из Москвы было послано подтверждение всего сделанного по организации почты, и Марселис представил В.-Гагину новые статьи, содержание которых рассказано нами выше. Что же касается уплаты прогонов, то ответа на это настоящего дано, по-видимому, не было, потому что ответное письмо В.-Гагина кн. Долгорукову отличается некоторой неопределенностью выражений: «по нынешнему, господа, уставу, уставная почта гоняет без прогонов от Свейского рубежа до Пскова, а от Пскова до Новгорода и о том об указе мы писали в. г-рю» и больше ничего[143].

Но на этом переписка Псковского воеводы с Москвой не закончилась. 13 апреля 1669 г, Печорский архимандрит Паисий обратился к В.-Гагину с жалобой на зарубежных почтарей. Дело в том, что зарубежные почтари, приезжая на границу и не заставая там в условный момент Печорского гонца, без церемонии бросают сумки крестьянам деревни Меузицы и уезжают, не дожидаясь Московских писем. Вследствие этого, Печорскому почтарю приходится с привезенными письмами ехать обратно и везти их вторично через неделю. По поводу этой жалобы В.-Гагин распорядился произвести следствие, почему Псковские почтари не привозят своевременно писем в Печоры. Переводчик Ефим Фентуров заявил, что у него не делается ни малейшей задержки Мос-

[143] Гос. Архив, Разряд XXVII, дело № 288. Письмо это было получено в Новгороде 29 сентября.

ковским письмам, но письма эти запаздывают на пути в Загорье, приходя туда не только не в срок, но даже спустя 1, 2 и 3 дня после срока. Очевидно, по мнению переводчика, задержка происходит в Новгороде. Результаты своего расследования кн. В.-Гагин сообщил в Москву[144].

4 мая последовал указ — произвести в Новгороде соответствующее расследование и наказать виновных в запоздании ямщиков. Грамота, посланная того же числа в Новгород с таким приказанием, прибавляет также, чтобы в Новгороде и его уезде по всем ямам было сделано ямщикам напоминание, что за медленность перевозки почты они будут подвергаться жестоким наказаниям. Новгородский воевода, кн. Долгоруков, получив царскую грамоту, взялся энергично за дело расследования: в тот же день, когда грамота прибыла (12 мая), последовала его резолюция: «учинить по сему в. г-ря указу и по грамоте вскоре, не мотчав». В делах Госуд. Архива сохранилось все расследование этого дела[145]. Из этих документов можно наблюдать все подробности относительно сроков, в которые получалась и отпускалась почта на всех ямах Новгородской дороги.

Новгородские ямщики на допросе сказали, что *до апреля* почта всегда приходила в Новгород в определенные дни. 28 апреля, во вторник, Московские письма пришли вечером, а из Новгорода переводчик отпустил их в Псков в среду в другом часу, а после того письма привозили в понедельник поутру, а из Новгорода отпускали в тот же день вечером. Получив письма от переводчика, они никогда не медлят; мотчание чинится на Московской дороге.

14 мая подъячий Новгородской Приказной избы, Олуфер Манкошев, отправлен был для расследования дела на Московско-Новгородскую дорогу. Вот к чему сводятся показания ямщиков отдельных ямов:

---

[144] Т. II, № 18 (стр. 25—26).

[145] Разряд XXVII, дело № 288.

1) из Торжка почта приходила на Вышневолоцкий им *до апреля* в пятницу, на субботу ночью, в субботу утром рано; *в апреле* — в ночь на воскресенье. Многажды приходили почтари из Торжка *пешком*.

2) Вышневолоцкие ямщики привозили почту на Хотеловский ям *до апреля* в пятницу и в субботу с утра рано; *в апреле* в последних числах, — в субботу вечером и в ночь на воскресенье;

3) Хотеловские ямщики привозили почту на Зимнегорский ям *до апреля* в пятницу вечером, в субботу и в ночь на воскресенье; а *после* и в воскресенье ночью;

4) Зимнегорские ямщики привозили почту на Крестецкий ям *по апрель* — в субботу, воскресенье, в понедельник с утра рано;

5) Крестецкие ямщики привозили почту на Заечевский ям по *апрель* — в ночь на воскресенье, в воскресенье и понедельник, а *в апреле* ко вторнику в ночи и даже во вторник.

6) Заечевские ямщики привозили почту в Бронницы *по апрель* в воскресенье с утра, и к вечеру и в понедельник, а *в апреле* во вторник с утра и к обеду;

7) Бронницкие ямщики пригоняли почту в Новгород *по апрель* — на воскресенье в ночь, в воскресенье, к понедельнику в ночь и в понедельник, а *в апреле* — и во вторник.

Кстати, наводились справки и о том, как почта идет обратно. Выводы из показаний ямщиков можно сделать следующие:

1) из В. Новгорода ямщики приезжали на Бронницкий ям с Шведскими письмами — *по апрель* в субботу рано, в воскресенье и в понедельник, а *в апреле* к понедельнику в ночи, в понедельник и во вторник;

2) Бронницкие ямщики на Заечевский ям пригоняли почту в те же дни;

3) Заечевские ямщики пригоняли почту на Крестецкий ям *по апрель* — в субботу, в воскресенье рано и в понедельник; а *в апреле* — в понедельник и во вторник поздно;

4) Крестецкие ямщики пригоняли почту на Зимнегорский ям *по апрель* — в субботу, в воскресенье, на понедельник в ночь и в понедельник, а *в апреле*, в последних числах — в понедельник, вторник и среду;

5) Зимнегорские ямщики пригоняли почту в Хотелово (месяц не указан), в воскресенье вечером, в понедельник, в ночь под вторник, во вторник с утра, и в среду, и в четверг.

6) Хотеловские ямщики пригоняли почту в Вышний Волочок *по апрель* — в воскресенье и понедельник, а в последних числах *апреля* и в первых числах *мая* — в понедельник, вторник, среду и четверг.

Не будем удивляться крайней неправильности хода почт. Помимо неаккуратности ямщиков, был целый ряд особенностей страны, климата, устройства поверхности, состояния дорог и пр., которые делали невозможным регулярное обращение почт. Обратим внимание хотя бы на ту роль, которую играет апрель месяц, время весеннего половодья и повсеместной распутицы, в вышеприведенных показаниях о ходе почт; с другими условиями пути нам еще придется встретиться. Результаты следствия, произведенного в данном случае, нам неизвестны; но впоследствии пришлось таки правительству прибегнуть к суровым мерам по отношению к неаккуратным ямщикам.

В тех же документах Госуд. Архива хранится и последующая переписка Новгородских и Псковских воевод по почтовому делу. Расскажем некоторые случаи, о которых мы узнаем из этой переписки.

4 января 1670 года переводчик Ефим Фентуров явился в Псковскую Съезжую избу и доложил кн. Великого-Гагину следующее: в росписи, посланной 21 декабря 1669 г. Петром Марселисом из Москвы, написано, что с почтой к Свейскому рубежу послано 2 запечатанных сумки и рогожный кулек запечатанный. Этот кулек сначала значится в подорожной у ямщиков, а начиная с Хотеловского яму — его уже не значится, равно как не записано, кто такой ямщик Васька Никитин,

привезший почту в Хотелово, — рядовой ямщик или выборной почтарь? Во Псков прибыли только сумы, а кулька нет. Точно также в росписи Петра Марселиса от 28 дек. написано, что отпущено с Москвы 2 сумки и кулек со шлеею, крышкой и уздой, набиран ужиками; этот кулек значится в подорожных только до Крестецкого яма, а затем также исчезает, и во Псков пришли одни сумки. Этот извет Фентурова В.-Гагин изложил в письме к кн. Д. А. Долгорукову и просил его произвести расследование. Долгоруков послал на Московскую дорогу подьячего Степана Дружинина, и этому последнему удалось установить, что оба кулька благополучно дошли до Новгорода и были вручены переводчику Якову Ив. Гитнеру. Переводчик был допрошен, и дело объяснилось очень просто. Оба кулька, один — со шлеею, а другой с «кафтаном русачьим под стаметом» посланы были из Москвы полковником Николаем Балком ему, Гитнеру, почему и остались в Новгороде. Столь просто решившееся дело, вследствие невнимательного отношения передатчиков, потребовало особой переписки, командировки и расследования, на что ушло времени почти месяц.

14 октября 1670 года тот же Ефим Фентуров донес кн. Великого-Гагину следующее. Загорские выборные почтари сообщили ему, Фентурову, что Мшаские ямщики гоняют без выбору, по очереди и без проводников; а 12 окт. Мшаский ямщик пришел с сумками из Мшаги к Загорью пеш и сказал, будто лошадь у него пристала, а за сколько верст — сказать не мог. Кн. В.-Гагин написал об этом письмо новому Новг. воеводе, Мих. Ив. Морозову, прося его сказать Мшаским ямщикам указ государев. Морозов послал «память» на Мшаский ям. Но на этом яму все время было неладно, и переписка о нем продолжалась.

Переводчик Гитнер писал Фентурову, что между Новгородом и Мшагой дворцовые мужики, живущие у перевозов на р. Веряже, Черне и Сумине, не хотят перевозить почтарей с сумами. С одного почтаря они взяли полтину, с другого —

2 алтына, да при этом еще грозят почтарям смертным убийством. Фентуров донес об этом В.-Гагину, а этот последний написал Морозову (в нач. декабря 1670 г.) Любопытно, что Новгородский переводчик действует на своего воеводу таким окольным путем.

Морозов поручил это дело для расследования путному ключнику Парфению Пятого да дьяку Ивану Ярославцеву, Опять, по-видимому, ничего «путного» не вышло. Дожили до большой неприятности.

9 февраля 1671 года из Риги было послано в суме в Москву 99 золотых. Когда сума дошла до Москвы, то оказалось, что хотя Рижская печать цела, но ремень, которым сума завязана, так «прост», что «можно пройти тремя перстам» и все золотые оказались исчезнувшими. 7 марта Петр Марселис написал об этом Фентурову, а тот, как водится, доложил В.-Гагину. В.-Гагин счел за нужное опять обратиться к Морозову с напоминанием, что на Мшаге выборных почтарей нет, и к присяге никто не приведен, и гоняют по очереди, чья череда дойдет, без выбору и без проводников, поручных записей у них нет, имен своих в проездных они не пишут, часов приезда не обозначают «для своего плутства». Морозов, получив это письмо, навел справки; оказалось, что выборные почтари на Мшаге есть, и к вере они приведены. Как ни странно, но и после смены воевод Мшаский ям не перестал быть предметом переписки между Новгородом и Псковом.

6 сентября 1671 г. Фентуров донес новому Псковскому воеводе, Конст. Щербатово, что Мшаские ямщики часто гоняют без выбору, на Загорье пригоняют не к сроку, а сверх указного сроку на другой день, и от этого Московские сумки остаются во Пскове до другой недели. К. Щербатово написал об этом новому Новг. воеводе, кн. Ив. Петр. Пронскому. Год спустя и Новгородский переводчик Гитнер стал энергичнее проявлять свою деятельность[146]. В Новгороде уже не ждут напоминаний из Пскова.

---

[146] Не по внушению ли со стороны нового почтмейстера, Андрея Виниуса? Об этом временном управлении Виниуса см. ниже.

22 сент. 1672 г. Яков Гитнер доложил кн. И. П. Пронскому, что гонец Мшаского яму, вместо 1-го или 2-го часу дня 21 сент. прибыл только в 6 ч. дня 22 сентября, вследствие чего письма к в. г-рю в указный срок не поспеют. Кн. Пронский потребовал гонца Ларку Дементьева к себе, и тот, на допросе, дал следующие сведения о фактах, нам уже знакомых. В прошлых неделях, говорил он, пригоняли с почтовыми сумами с Загорского яму на Мшаский в пятницу, а ныне почтарь пригнал на Мшагу в субботу в 3 часу ночи, и он, Ларка, взяв сумы, поехал в Новгород. А на дороге, на Струпетке — стольника Степ. Оничкова, да на р. Сомине и на Черной — дворцовые крестьяне, да на р. Веряже — крестьяне Клоиского монастыря, не захотели его перевезти, а перевозов на тех реках нет, и, пока он переправился, пришлось запоздать в Новгород. Обо всем этом кн. Пронский отписал самому государю.

12 октября подобный рассказанному случай снова имел место.

Новгородскому воеводе приходилось внимательно следить не только за западной, но и за восточной (к Москве) дорогой. Мы рассказывали уже выше о расследовании причин запаздывания ямщиков Новгородской дороги и старались до некоторой степени оправдать их. Как раз наши соображения находят подтверждение в челобитной ямщиков в апреле 1670 г. Вешней водой между Крестецким и Зимнегорским ямами, возле Яжелбиц, запорным лесом сломало один мост, а другой мост, «гремячей», оказался в воде. Ямщики просили принять к сведению их заявление, что «гонять стало мешкотно».

Дождались ямщики беды. В сентябре 1671 г. учинена была надо всеми ими расправа: всех их велено было бить батогами нещадно. В делах Госуд. Архива есть и грамота царя кн. Пронскому по этому поводу, и память подъячему, посланному для арестования выборных ямщиков всех ямов и привоза их в Новгород на экзекуцию, и отписка кн. Пронского царю и целый ряд новых выборных записей. Исполняя цар-

ский указ о выборах, ямщики Московской дороги просили, чтобы им разрешено было гонять всем, а не только выборным; это было позволено (4 окт. 1671 г.). Но год спустя (извет Гитнера 7 окт. 1672 г.) они уже опять оказались неаккуратными.

Из переписки по Виленской почте познакомимся с перепиской Смоленского воеводы, кн. И. Б. Репнина с Москвой. Этот воевода не обнаружил такой понятливости и энергии, как В.-Гагин, и в его отписках встречаются наивности, доходящие иногда до смешного.

19 февраля 1669 г., когда еще официального установления Виленской почты не было, поручик рейтарского строя, Елизарий Жуков, в с. Мигновичах получил из Литовского местечка, Кадина, от урядника Александра Венславского кожаную сумку с рогом; в сумке были запечатаны какие-то письма; сверх того три листа особо были запечатаны сургучом. Гонец сказал Жукову, что все это надо отправить в Москву. Елизарий Жуков отправил все это в Смоленск. Там изумились: кто прислал эту сумку? Что за письма в ней? Зачем при ней рог? Не смея задерживать посылки, Смоленский воевода распорядился сумку и листы отправить в Москву, в Посольский приказ, а рог послать не решился, думая, очевидно, что это какое-нибудь недоразумение или насмешка; тем временем Елизарию Жукову Репнин послал приказ — увидеться с Кадинским урядником и расспросить его, что все это значит [147].

Из Москвы прислали кн. Репнину известие, что учреждается почта, и изложили подробно те самые правила, с которыми мы познакомились выше. Но, пока это разъяснение было получено, кн. Репнин получил разъяснение от Жукова, а тем временем была получена уже и вторая почта. 27 февраля Жуков писал, что он виделся с Кадинским подстаростой, Варфоломеем Платковским, и тот сказал ему, что сумка с

---

[147] Т. II, № 12 (стр. 17—20). Эта растерянность лиц, близких к делу, тем более удивляет нас, что в Смоленске в это время было лицо, которое предназначалось для заведывания почтой и могло дать все нужные разъяснения (переводчик Христофор Синорацкий).

письмами за печатью прислана из Вильны от канцлера; рог к ней привязан для того, чтобы все встречные знали, что гонец везет почту; когда почта возвратится с этим рогом, то ее все будут узнавать по этому признаку[148]. Посылая это разъяснение Репнину, Жуков прислал также в тот же день полученные им письма в портеном мешке и лист, запечатанный сургучом, присланные опять без указания, от кого они. Обо всем этом кн. Репнин немедленно написал в Москву, препровождая новую почту. 7 марта, когда все это было уже в Москве, послано уже было Смоленскому воеводе вышеупомянутое сообщение об учреждении почты.

IV

Столкновения Марселисов с частными и официальными лицами по почтовому делу. — Почта семьи фан-Сведена. — Неудачная попытка учреждения Архангелогородской почты. — Ссоры Марселисов с переводчиками Посольского приказа. — Сношения с заграничными почтмейстерами. — Правительственные попытки устройства новых почт

Всем известно, что А. Л. Ордин-Нащокин не ладил в Москве со многими влиятельными лицами, и эти последние

---

[148] В тогдашних юридических сочинениях (Романуса, 1664 г.) читаем: «Польза почтового рожка тройная: 1) если почтари трубят ночью перед воротами, их скорее впускают; 2) рожком легче извещать местных жителей, от которых почтари собирают письма во время своих разъездов, и 3) если почтари ночью собьются с пути, то от жалобной игры их на рожке начнут лаять собаки ближайшей деревни, — тогда по лаю собак они разыщут деревню и узнают от ее жителей, где настоящая дорога» (Почт.-Тел. Журн. 1899, Июль, 803). У нас в России рог не привился (не потому ли, что напоминал о дьяволе?). Иностранцы свидетельствуют, что русские ямщики, подъезжая к яму, громко свистали и на такой свист из двора тотчас же выводили свежих лошадей (г. Соколов. С.-Петербургская почта, 62). Даже полвека спустя один почтальон отравился, когда его принуждали учиться трубить в рог (Weber, Das veränderte Russland).

очень часто вкладывали палки в колеса многих его предприятий. Почтовое дело не обошлось без таких трений. Но, подобно тому, как во многих иных своих огорчениях Ордин-Нащокин виноват сам, потому что имел несдержанный характер и постоянно задевал своих врагов, так в почтовом деле многие трения возникли благодаря непокладливости Марселисов. Нам кажется, что Ордин- Нащокин (вообще не мастер узнавать людей) на этот раз ошибся в своих избранниках. Марселисы были жадными предпринимателями, причем иногда не щадили даже свою братью, иноземцев. Отсюда выходили такие сплетения обстоятельств, что не обходилось без вмешательства власти, которое, впрочем, никогда не проявлялось в резкой форме. Одним только уважением царя к Ордину-Нащокину этого объяснить нельзя; даже после удале-удаления последнего Марселисы ведали почту, несмотря на то, что заведывание это было далеко от идеала. Прочное положение Марселисов, нам кажется, объясняется иначе. Прежде, чем высказать свое мнение по этому вопросу, познакомимся с некоторыми фактами, в особенности — со столкновениями, которые пришлось пережить Марселисам.

28 октября 1669 года Леонтий Марселис явился в Посольский приказ и принес словесное челобитье, заключающееся в следующем.

Ему велено держать почту и пересылать всякие вестовые письма. При этом объявлено, что никто из иноземцев не имеет права ни посылать, ни принимать писем иным путем, кроме его почты. Теперь же до его сведения дошло, что торговые иноземцы посылают за рубеж всякие письма со своими нарочными гонцами. Марселис просил напомнить иноземцам о существующем указе. Приказ распорядился напомнить о существующем указе стряпчему голландской и гамбургской компании, иноземцу Григорию Николаеву. Но Марселису надо было определенно указать на лиц, нарушающих указ и притом надо было прибавить какие-нибудь обвинения посерьезнее, чтобы показать, что он хлопочет не только о своих,

но и о государственных интересах. И вот на другой день, 29 октября, он выступил с более определенными заявлениями[149].

Он заявил, что иноземцы, отправляя письма с нарочными гонцами, могут провозить через границу всякие дорогие вещи (старое обвинение!), и таможенному сбору будет от этого убыток. Марселис определенно сообщил, что переводчики из Пскова и Новгорода писали ему, будто фан-Сведен, а после его смерти — его племянник, беспрестанно отпускали гонцов из Москвы с письмами. Вызнали племянника фан-Сведена, Еремея Левкена. Тот заявил, что почту он держит по указу в. г-ря из Приказа Тайных дел, на основании договорной записи, заключенной его дядей в августе 1668 года. С этой почтой привозит он всякие ведомости; а русских дорогих товаров, жемчугу, каменья и дорогих заморских вещей и монеты, ему провозить невозможно, потому что его почтари ездят явно, а не тайно.

7 декабря торговые иноземцы через своего стряпчего подали челобитную[150], в которой заявляли, что ни в каких государствах торговых людей в посылке писем не стесняют, и потому они просят разрешить им посылать письма с почтой жены фан-Сведена и с нарочными гонцами. При этом они объясняют, что посылка писем по почте Марселиса для них очень убыточна: почта фан-Сведена берет с них по 2 алтына с золотника, а Марселисы — по гривне.

Удовлетворения челобитной иноземцев, по-видимому, не последовало. Впоследствии мы видим, что даже семья фан-Сведенов пользуется услугами почты, состоящей при Посольском приказе. А иноземцы в конце концов поладили с Марселисом. Какой ценой куплено было их расположение, можно видеть из дела об учреждении Архангелогородской почты, неудачно поднятого при Марселисах.

---

[149] Т. II, № 29 (стр. 38).
[150] Т. II, № 30 (стр. 39).

Марселис заявлял, что еще во время его командировки в Курляндию, боярин Ордин-Нащокин, писал царю о необходимости учреждения Архангелогородской почты. Помимо упоминовения об Архангельске в письме, полученном царем 29 августа 1668 г.[151], до нас дошло, действительно, еще одно письмо О.-Нащокина, к сожалению, без даты. Вот оно:

«Г-рю (п. т.) холоп твой Афонка Ордин-Нащокин челом бьет. По твоему, в. г-ря, указу устроена почта от царствующего града Москвы до Вильны, а в другую сторону — до Риги и во все государства; а особо, г-рь, от тех проезжих мест город Архангельской, хотя и не во весь год приезды иноземские и торги бывают, а в лете в приход корабельной нужные случаются письма для торговых дел Московских и иноземских посылок, а почта на то место не уставлена, а естли твой г-рев указ будет, и надобно, г-рь, для скорых посылок с Москвы твоих, в. г-ря, грамот и от города Архангельского и из иных городов, которые по той дороге к тебе, в. г-рю, отписок и всяких ведомостей о почте постановление также учинить; а когда, в. г-рь, построена будет почта к городу Архангельскому, на которые городы и места пристойно и твои, в. г-ря, грамоты с Москвы я из городов отписки и в приход корабельной всякие ведомости и посыльные торговые письма учнут доходить с поспешением, а ямщиком та летом еженедельная почта в гоньбе не тягостно, и торговым людем в посылке скорой их торговых писем великое вспомогательство будет, а какие, г-рь, из Посольского приказу на Марселиса о почте злости проходят и его перед фан-Сведеном не за что хвалить, — на почту расходу ныне в приказех нет, а дачи из Новгородцкой четверти Марселису за полковые запасы есть, и он в лицах отчет готов дати (а когда был откинут, и без него в железных заводах твоей же, в. г-ря, казне великие убытки в те годы

[151] Т. II, стр. 8.

учинились) почте и во тебе, в. г-ре, хотящим жити будут всеми гонимы и о том как тебе, в, г-рю, Бог известит»[152].

5 июня 1669 года Леонтий Марселис подал челобитную о том, чтобы ему разрешено было устроить почту от Москвы до Архангельска, которая ходила бы, по крайней мере с 1 мая до 1 октября, еженедельно. Просьбу эту Марселис мотивировал буквально теми же доводами, которые приведены в вышеупомянутом письме Орд.-Нащокина, а именно — важностью этой почты для правительственных и коммерческих надобностей. Почту Марселис предполагал устроить через Переславль, Ярославль, Вологду и другие города. Ссылался он и на мнение Орд.-Нащокина. Для ямщиков, уверял Марселис, почта эта тяжела не будет, потому что еженедельно придется посылать всего лишь по одной подводе[153].

Одновременно, как бы поддерживая ходатайство Марселиса, выступили с челобитьем об учреждении Архангелогородской почты торговые иноземцы. Собираясь ехать на ярмарку в Архангельск, они беспокоились, что письма, которые будут к ним приходить из-за границы, заляжут в Москве, а если им из Архангельска понадобится писать о приезде и отъезде кораблей и о нужных товарах, — то возможности писать не будет.

В приказе навели справку о пяти иноземцах, подписавших эту челобитную, и оказалось, что трое из них были раньше изобличены в попытке тайно получать из-за границы золотые. Можем догадываться, что Марселис, стремясь приобрести расположение иноземцев, сам позволял им те злоупотребления, в которых прежде уличал почту фан-Сведена.

---

[152] Ордин-Нащокин заявляет, что в приказах уже нет расхода на почту, в чем Марселис готов дать отчет. На прогоны почтарям, как увидим, выходило довольно много денег из приказов; но за то правительственная корреспонденция доставлялась даром, прежде же на отдельных посыльщиков выходили большие суммы (это узнаем из позднейших документов, с которыми в свое время познакомимся).

[153] Т. II, № 20 (стр. 28).

В ходатайстве Марселиса и пяти иноземцев было отказано: «в. г-рь к Городу почте по той дороге не указал быть».

Теперь рассмотрим дело, возбужденное против Марселиса приказными дельцами. 28 и 29 октября 1669 года он являлся в Посольский приказ с жалобами на почту фан-Сведена, а 30-го уже ему самому пришлось давать ответ по очень серьезному делу.

Начали с пустяков. Задали ему вопрос: почему на этой неделе запоздала почта? Он ответил, что не знает. Тогда приступили к делу. Переводчики Посольского приказа, Ив. Мих. Чешкогорский и Леонтий Грос с товарищами заявили следующее. Леонтий Марселис приносит в Посольский приказ куранты распечатанными. Когда переводчики переведут их и пойдут из приказа, то из разговоров со встречными видят, что содержание курантов уже многим известно. В немецких государствах, прибавили переводчики, нигде не ведется того, чтобы почтарь распечатывал куранты: если он принесет куранты в канцелярию распечатанными, то его наказывают. Давая торговым иноземцам всякие вести из курантов прежде Посольского приказа, Марселис позволяет себе еще одну дерзость: отмечает в курантах те места, какие надо перевести. Это для них, переводчиков, обидно: они и без него знают, что надо переводить и чего не надо[154].

26 апреля в. г-рь указал сказать Петру Марселису, чтобы в Посольский приказ сумы доставлялись запечатанными, как это ведется во всех государствах. Для выслушания этого указа явился в приказ 27 апреля Леонтий Марселис. Он заявил, что его отец болен, а от себя дал разъяснение, что они распечатывают письма (пакеты) потому, что им надо вынимать свои деловые грамотки. На это ему было сказано, что в Посольском приказе распечатают почтовые письма, и, если окажутся грамотки к ним, Марселисам, то эти грамотки будут им возвращены нераспечатанными.

---

[154] Т. II, № 31 (стр. 40).

Два дня спустя переводчики дали добавочные показания. Они заявили, что Марселисы не только приносят вестовые письма распечатанными, но даже осмеливаются подлинные письма оставлять у себя, а приносят списки. Заграницей, прибавляли переводчики, порядок совсем не такой. Там почтарей приводят к присяге, чтобы они всякие государственные письма, грамотки и вестовые листы приносили в канцелярию запечатанными; в канцелярии письма пересматривают, государственные оставляют, а прочие возвращают почтарю. Таким образом, государственные и всякие тайные дела остаются почте неизвестными.[155]

На следующий день в Посольском приказе появился Петр Марселис с запечатанными сумками и сказал следующее: получена им почта из Вильны. Ему велено приносить почту в приказ не распечатанной; он принес; но еще раз он и его сын Леонтий повторяют свою просьбу: разрешить им приносить сумки в приказ распечатанными. Если им приносить сумки нераспечатанными, — то это будет для них большим бесчестьем: все будут думать, что государь им не верит. Пусть допросят служилых иноземцев, докторов и торговых людей, — неправда ли, что заграницей в канцелярию сумки приносятся распечатанными? Он признает невозможным распечатывать сумки в приказе.

Сказавши это, Марселис ушел из приказа, захватив с собой и нераспечатанные сумки.

Конца этого дела у нас нет. Но мы знаем, что по этому делу сочли нужным запросить самого Афанасия Лаврентьевича. Ему в посольский стан в Мигновичи в начале мая был послан указ ехать в Москву. Он отговорился, ссылаясь на важность данного ему поручения (Польские дела). Тогда ему прислали вопросные статьи, среди которых были следующие: «почта для чего не за крестным целованием? грамотки распечатывают, а Марселис сказал, что и впредь будет распе-

[155] Т. II, № 16 (стр. 24).

чатывать; явно, что вести переписывает, в числах не сходится. И в золотых улика есть, что многие присылаются через почту, а он не все объявляет».

На это Ордин-Нащокин отвечал: «Леонтий Марселис сам за себя ответ даст, как принимает, а присягал ли служить правдою — это приказное дело». Тут же Аф. Лаврентьевич прибавлял, что немудрено-де, что Леонтия Марселиса ненавидят в приказе: ведь Марселиса считают его другом!

Карьера Ордина-Нащокина оканчивалась, но Марселисов не тронули. Общий характер их поведения, сколько можно судить из биографии их, таков, что они умели выходить из затруднений. Не помогло ли им обычное в то время средство — подарки властям? Кажется, мы не погрешим, если сделаем такое предположение.

В феврале 1671 года начальником Посольского приказа был уже Артамон Сергеевич Матвеев. К этому времени, очевидно, Марселисы уже научились ладить с приказом. Никаких выходок с их стороны с 1670 года уже не замечается и к ним претензий со стороны властей не заявляется. Кильбургер писал, что «по приходе почты пакеты посылаются тотчас в Кремль, в Посольский приказ, и там распечатываются для того, чтобы ни один частный человек не узнал прежде правительства того, что происходит внутри государства и заграницею, а более для того, чтобы каждый остерегался писать что-нибудь непозволительное и для государства вредное[156]. Но сообщения Кильбургера относятся уже к 1674 г., и о них речь будет еще впереди.

Иногда почтмейстеру приходилось выходить за пределы своих прямых обязанностей. Об этом свидетельствует письмо Петра Марселиса к Кенигсбергскому почтмейстеру, 14 июня 1670 года. В курантах, напечатанных в Кенигсберге, появились известия о религиозных убеждениях царя Алексея Михайловича, оскорбительные для него. Марселис письмом уведомляет

---

[156] «Краткое известие о русской торговле в 1674 году». Пер. с нем. Спб., 1820. Стр. 149.

своего корреспондента, что царь очень раздражен этим и намерен по этому поводу вступить в сношения с курфирстом Бранденбургским. Поэтому почтмейстеру следует, по мнению Марселиса, тщательно хранить тот документ, на основании которого сделано было вышеупомянутое сообщение, на случай расследования. Если же почтмейстера это дело совсем не касается, то пусть он предупредит местного типографа, чтобы тот сохранил на всякий случай письмо, из которого получил оскорбительные для царя сведения. «Удивляюсь весьма», прибавляет Марселис, «что есть такие безбожные и неосторожные в речах люди, что не боятся такого государя обвинять в таких неслыханных и недостоверных вещах! Его царское величество — такой богобоязливый государь и в своей христианской вере так тверд, что не уступит другим христианским государям.[157]

В 1672 году заграничным почтмейстерам посланы дары «за их службу»: в Данциг, Даниилу Брандесу соболей на 40 рублей; в Вильну, Рейнгольду Бисингу — на 30 рублей; в следующем году, по просьбе Московского дворянина Андрея Виниуса, вернувшегося из-за границы, Даниилу Брандесу за доставку всяких вестовых писем Арт. Серг. Матвееву и тому самому Виниусу — соболей на 20 рублей[158].

Учреждение почты прививалось всё прочнее, и для правительства потребность в развитии почтового дела становилась всё ощутительнее, Марселису всё-таки не доверяли, заботиться о торговых интересах еще не научились, а необходимость почты для государственных целей становилась

[157] Т. II, № 32, стр. 30. На какие известия намекает Марселис, неизвестно; но в ноябре 1670 г. в заграничных курантах было напечатано: «бывший Московский патриарх, собравши великое число войска, хочет войною итти на царя за то, что царь, обезчестив его, от патриаршеского чина безо всякие вины отставил, не рассудя, что он, патриарх, премудрыми ученый человек и во всем лучше самого царя, а вина его заключается в том, что он лютеранам, кальвинистам и католикам позволил ходить в русские церкви» (Соловьев).

[158] II, № 40, стр. 56.

настолько серьезной, что правительство начало прибегать к попыткам поручать своим чиновникам заводить в разных местах почты, разумеется, только для казенных писем.

В «Глуховских договорных статьях», заключенных Московским правительством с гетманом Многогрешным 6 марта 1669 г., читаем, «указал в. г-рь говорить гетману, чтоб учинить на местех почту, и чтоб на тое почту кто из Черкасских жителей нанялся, а давать ему заплату по уговору, а в тот договор вполы платить из поборов Малороссийских городов, а другую половину в. г-рь укажет дать из своей в. г-ря казны из Путивльских или из Севских доходов против договора, чтоб в тех подводах учинить помочь». Гетман и вся старшина на эту статью отвечали, что станут на то сыскивать охотников[159].

В 1670 году к Киевскому воеводе, князю Гр. Аф. Козловскому была послана грамота, в которой ему предписывалось устроить в Киеве почту для скорых посылок и присылать в Москву всякие вестовые письма.

Почтарей было велено приглашать при помощи добровольного найма и выдавая им половину урядной цены из Великороссийских доходов. Дела этого, очевидно, как следует не сумели устроить, и в марте 1673 г. снова велено было для скорой гоньбы от Москвы до Калуги, Севска, Глухова и Малороссийских городов учинить почту и расписать станы, первый — от Москвы на 20—30 верст, остальные — на расстоянии 30—40 верст друг от друга. Постановив почту. Ямской приказ должен был уведомить Приказ Малыя России о том, сколько придется употребить на это на каждом стане людей, лошадей и «в каких местех кому почта поручена будет». В царском указе по этому поводу говорится, чтобы этих людей и лошадей «в иную ни в какую гоньбу давать не велеть, а быть всегда наготове для его, в. г-ря, скорых дел», гонять им днем и ночью «так же, что и Рижская и Виленская почты учинены; всякие письма принимать и отдавать безо всякие задержки, имянно,

---

[159] П. С. З., т. I, № 447.

и гоньбе б ни малого мотчания отнюдь у них не было нигде ничем, а гонять им... с великим береженьем, чтоб писем не помочить и утери б никакие не было». Из Москвы для постановления этой почты был послан нарочный ямской приказчик Петр Чешихин. Ему велено учинить станы и поставить по 5 лошадей добрых и по 3 проводника на каждом стане. 14 апреля он писал из Калуги, что он устроил 5 станов, поставил на каждом по 5 лошадей и по 2 Московских ямщика; а в Калуге ямщиков не оказалось — все разбежались, вследствие чего ни подвод от Калуги до Волхова негде было взять, ни людей не хватило. К своей отписке он приложил роспись станов:

1) стан в вотчине окольн. Ив. Мих. Милославского, в дер. Похре, на дворе у крест. Софронка Павлова;

2) в деревне Исая Челищева — Васильевской, у крест. Алешки Иванова;

3) в вотчине бояр. Кир. Полуэхт. Нарышкина, в с. Покровском, на дворе у попа Харлампия;

4) в вотчине Новодевичья мон. в с. Недельном, на дворе у крест. Федьки Сысоева;

5) в вотчине Данила Гурьева, в дер. Гурьеве, у крест. Ермошки Васильева.

А на Москве для той почтовой гоньбы он поставил 5 лошадей с проводниками в ямской Коломенской слободе[160].

В 1674 году новому Киевскому воеводе, кн. Ю. П. Трубецкому была опять послана грамота о возобновлении этой почты, успевшей, очевидно, остановиться[161]. Предписывалось через эту почту писать «о тамошних вестях наскоро, почасту», а отписки и письма отдавать в Приказе Малыя России. Таким образом уже третий приказ усиленно хлопотал о том, чтобы обзавестись почтой. Стали допускать на эту почту даже частную корреспонденцию: письма принимались в Киеве,

[160] Моск. Архив М. Юст., Белгор. стола Разр. столбцы, № 785, л. 191—193 и 524—526.

[161] Т. II, № 32, стр. 41.

Нежине, Батурине[162]. Почта от Москвы до Киева ходила 15—20 дней (900 килом.), а экстренная — даже 6—8 дней[163].

Надлежащей сноровки к учреждению почт у Московских чиновников и правительства не было. Последняя из упомянутых почт никак не могла сорганизоваться; позднее узнаем еще о нескольких попытках установить ее.

V

Ямские учреждения в эпоху начала «немецкой» почты. — Почтовые обязанности ямщиков. — Борьба правительства с злоупотреблениями ямщиков. — Вопрос об оплате почтовой гоньбы. Случай освобождения от почтовой повинности

«Новоуставленная» «немецкая» почта с первых же шагов своей деятельности была поставлена в тесную связь с давним русским учреждением — ямской гоньбой. Нам уже приходилось касаться той роли, которую играли ямы и ямщики в почтовом деле; в настоящей главе мы сосредоточим внимание на ямских учреждениях в эту эпоху.

Неаккуратность наших ямщиков в почтовом деле поражала иностранцев. В начале мая 1669 г. Виленский почтмейстер Рейнгольд Бисинг писал Ордину-Нащокину, что последняя почта получена им из Москвы через 3 недели после ее отправления. Если почта, которая от Москвы до рубежа может доходить в 4 дня, шла 16 дней, и это будет повторяться и впредь, то для торговых иноземцев от этого будут большие убытки[164]. И вот мы замечаем, что постепенно все внимание Марселисов сосредоточивается на правильном ходе почт: ведутся расследования о причинах неаккуратности ямщиков, ямщики подвергаются наказаниям и пр. Ямщики

---

[162] П. С. З., т. I, № 573. Закревский, Описание Киева, I, М. 1868. Стр. 61.

[163] Brückner, Europäisirung Russlands, 90.

[164] Т. II, № 28, стр. 37—38.

в свою очередь жаловались на тягости службы, на скудость и разорение, происходящие от неплатежа прогонов и пр.

Ямские учреждения во 2-й половине XVII века не претерпели никаких серьезных перемен, несмотря на осложнения, которые внесены были в это дело возникновением и развитием почт. Значение ямских учреждений в деле сообщения отдельных мест между собой было очень велико, и организация их уже настолько установилась, что крупных перемен в ней не было до самого прекращения этих учреждений.

«Немецкая» почта действовала сравнительно в небольшом районе, и поэтому почтовые функции на других дорогах были все по-прежнему в руках ямских учреждений. Новые ямы и ямские дороги не переставали возникать. В 1658 году полоцкие бурмистры, райцы, лавники и все мещане били челом об устройстве в Полоцке яма, потому что сами они не могут поддерживать сношений с окрестными городами за недостатком людей. В ответ на это челобитье было велено устроить ям. Подводы должны были ходить до Друи, Невеля и Себежа, а в этих последних городах предполагалось устроить смену подвод. Заботу об этом принял на себя Приказ княжества Литовского[165].

В следующем году были учреждены новые ямы по почину правительства. Стряпчий Б. Д. Ржевский был командирован для устройства ямов от Москвы до Калуги и от Калуги до Севска на расстоянии 40—50 верст. Ямщики должны быть на станах день и ночь наготове.

Несмотря на развитие ямских дорог, оставалось еще много местностей, не имевших постоянных ямских сообщений. В конце XVII в. такие города, как Владимир, Устюг Великий, Сольвычегодск, Каргополь, Яренск, Тотьма, Соликамск, область Двины, Пусто-озеро, — не были на пути ямских дорог, а отбывали ямскую повинность для правительства, в случае

---

[165] П. С. З., т. I, № 223.

надобности, «миром»[166]. Такой же порядок, как это ни странно, был и в Малороссии. Боярин П. В. Шереметев сделал попытку установить ямскую повинность в Киеве, чтобы облегчить мещан от экстренных повинностей этого рода. Он полагал установить указные подводы в Киеве в количестве 60 и по отбыванию этой повинности приписать к Киеву местечки Баришполь, Воронково и Гоголев: равным образом предполагалось учредить ямы и в других городах. По-видимому, это не удалось (так же, как мы видели выше относительно почты)[167].

Хотя положение ямщика по-прежнему было привилегированным, — по Уложению за бесчестие, нанесенное ямщику, надо было платить впятеро больше, чем за бесчестье, нанесенное простому крестьянину[168], ямщикам выдавались жалованные грамоты, которые предписывалось снабжать большой печатью на красном воске[169], всякие их жалобы внимательно выслушивались[170], тем не менее тяжесть службы заставляла их часто уклоняться от неё, бежать и скрываться. Правительство было чрезвычайно недовольно этим, не могли быть довольны и остававшиеся на службе товарищи бежавших, которым приходилось нести усиленную работу[171]. Вот какой случай в этом роде произошел как раз в пору учреждения Виленской почты.

9 марта 1669 г. из Посольского приказа, как выше было рассказано, была послана в Ямской приказ память, чтобы на всех ямах выбрать по 3 ямщика для почтовой гоньбы. Когда из Ямского приказа были разосланы по ямам памяти, то в

---

166 А. А. Э., IV, № 250. Доп. к А. И., X, 89. Воронежские акты, II, № LVIII. *Лаппо-Данилевский*, Организация прямого обложения в Моск. государстве, Спб., 1890, стр. 366.

167 А. Барсуков, Род. Шереметевых, т. VI, Спб., 1892. Стр. 404—406.

168 За ямщика — 5 р., за крестьянина — 1 р. (Уложение, гл. X).

169 Уложение, XVIII гл. Печатных пошлин с такой грамоты полагалось 2 р. 50 к.

170 Напр. см. П. С. З., № 1473.

171 *Лаппо-Данилевский*, op. cit., 373.

Вязьме такая память была получена воеводой стольником А. Т. Измайловым. Он оказался в затруднительном положении: ямщиков на яму не было. Они разбежались, захватив жен и детей и проживали в разных местах в Смоленском и Дорогобужском уездах. На яму было всего два человека с лошадьми без подвод, и притом оба ямщика были «людишки самые худые». Пока воевода раздумывал, что ему делать, 16 марта из Можайска привезена была почта — вестовые письма в сумах с печатями. Не рискуя послать почту с ненадежными ямщиками, Измайлов приказал Вязьмичам выбрать для почтовой гоньбы людей из своей среды. Этим выборным воевода велел гонять почту до тех пор, пока удастся вернуть ямщиков; а тем временем о таком положении дела дал знать в Москву. Оттуда отвечали: «в. г-рь указал, чтобы за ямскою гоньбою посылке с вестовыми письмами помешки и простою не было»! Измайлову не оставалось ничего другого, как приказать Вязьмичам гонять с почтой «до указу». В мае того же года ямщики вернулись из бегов, получили опять и пахотную землю, и сенные покосы, и жалованье (по 20 р. в год), но гонять почту, очевидно, отказались, и воевода не посмел их принуждать. Вязьмичи, крайне тяготившиеся излишней, наложенной на них повинностью, обратились к воеводе с просьбой освободить их от неё. Воевода велел им обратиться в Москву. В своей челобитной (май 1670 г.) вязьмичи заявляли, что они, гоняя почту, разорились, задолжали, а некоторые из них с посаду сбежали[172]. Так как мартовский указ в Вязьме относительно избрания 3 присяжных почтарей не был приведен в исполнение, то теперь было приказано произвести выборы из ямщиков. Как это ни странно, но, повидимому, выбор трех присяжных почтарей был произведен опять не из ямщиков, а из тех же посадских людей. По крайней мере *посадские люди* до самого августа 1675 г. являются постоянными челобитчиками об уплате прогонов за гоньбу

[172] Т. II, № 15, стр. 22—23.

почты: с 17 марта 1669 г. по 1 декабря 1671 г. им зачтено в прогоны по приходной книге г. Вязьмы с посаду 30 руб. 30 алт., да из Ямского приказу прибавлено 10 руб. 30 алт., с 1 дек. 1671 г. по 1 марта 1673 г. они получили 14 руб. 16 алт. 4 деньги из доходов Новгородского приказу; с 1 мая (sic) 167 г. по 1 августа 1674 г. — 12 р. 26 алт. из доходов Новой Аптеки; с 1 авг. 1674 г. по 1 авг. 1675 г. из того же источника — 10 р. 26 алт. 4 деньги (за 150 верст, на 48 подвод, по 3 деньги за 10 верст). И после этого они еще продолжали гонять почту[173].

Правительство всячески старалось прикрепить ямщиков к их должности. Мы встречаемся с распоряжениями вроде следующего: 24 ноября 1673 года было велено вернуть на Тверской ям ямщиков, которые с него разбежались; если же некоторые из них умерли, а их вдовы вышли замуж, то предложить мужьям этих вдов дать за себя заместителей на яму, в противном случае — привлечь их к ямской повинности[174]. Пристанодержательство беглого ямщика наказывалось пеней в 10 руб., а если поместье или вотчина, где он скрывался, перешли уже к другому владельцу, то этот последний штрафовался на 5 руб.

Чаще всего простые ямщики обслуживали перевозку людей и груза. Для перевозки казенной клади ямщики ставили подводы «заводные»; если требовались лишние, то прибавляли «подставные» или запасные; но большие тяжести обыкновенно перевозились не на ямских лошадях, а на сошных подводах, т. е. принадлежавших крестьянам, расписанным по сохам[175]. Для доставления казенной корреспонденции и

---

[173] Только уже при Виниусах, 1 сент. 1680 г. Вязьмичи посадские люди освободились от обязанности, наложенной на них: с почтой стали гонять ямщики.

[174] П. С. З., I, № 5. Бывали, впрочем, и обратные явления, что предвидел законодатель в Уложении (гл. XIX): «а которые Московские и городовые посадские люди стали в ямщики, а на тягле они сами жили, и тяглых отцов дети: и тех ко сыску имати в тягло по-прежнему».

[175] Архив. дела Воронеж. Губ. Стат. Комитета (ст. Вейнберга в Ворон. Юбил. Сб., т. I).

посылок обыкновенно употреблялись почтари и гонцы; но бывали случаи, что и для этой цели употреблялись рядовые ямщики.

Жалобы ямщиков на произвол проезжающих начальных людей, даже на истязания, — не представляют редкости. Почтовое дело также дало повод ко многочисленным челобитьям ямщиков. Особенно неприятно было ямщикам то, что новая почтовая скорая гоньба, возлагая на них новую ответственность, постоянно грозила остаться не оплачиваемою (ведь ямщики получали жалованье за службу вообще). Уже в декабре 1668 г. ямщики Новгородские, а равно и ямщики двух дорог, шедших от Новгорода—Московской и Псковской, подали через кн. Д. А. Долгорукова царю челобитную, что «от тое прибылой гоньбы мы без подмоги и без прогонов гоняючи, в конец разорились и просили дать им прогонные деньги[176]. С тех пор челобитные ямщиков разных ямов и дорог о выдаче им прогонных денег за почтовую гоньбу, иногда за несколько лет, тянутся беспрерывной чередой до самого конца XVII века.

Мы уже говорили о том, что на почтарей весьма часто были нарекания в их медленности. Долго правительство ограничивалось угрозами; наконец 5 сентября 1671 г. последовал циркулярный указ: всех прошлогодних ямщиков бить батогами вместо кнута нещадно, а нововыбранным ямщикам указать накрепко, чтобы они впредь гоняли аккуратно, вместо себя наемников и малых ребят не посылали, чтобы почта поспевала в указанные дни[177]. Сохранился целый ряд отписок воевод об исполнении этого циркуляра (из Дорогобужа, Смоленска, Пскова, Твери, Клина, Новгорода); но Тверской воевода, Ф. Ф. Демьянов, извещая об исполнении указа, счел нужным к своей отписке приложить челобитную Тверских ямщиков[178], в которой эти последние пишут следующее.

---

[176] Госуд. Архив, Разряд XXVII, дело № 388.

[177] Ibidem — грамота в Новгород такого содержания.

[178] Т. II, № 26, (стр. 33).

С 12 сентября 1668 года гоняли почту у них трое выборных, из Твери до Клина и до Торжка. Гоняя эту скорую гоньбу, они изморили и лошадей и самих себя. Тогда все 30 ямщиков, увидав это, стали гонять почту поочередно, и никогда у них опоздания не было. Теперь Новоторжские ямщики запаздывают; тюки, которые приходится перевозить, иногда очень тяжелые — пудов по 10 и больше: в рогожных связках бывают клади с рыбой, сельдями и неведомо еще с чем; с такими тяжестями поспевать стало невмочь. Лошади их изморились, многие охромели. Купить новых лошадей нечем — за 176 год (1667—8) не додано жалованья 50 руб., за 177 — 600 рублей, а за 179 г. двухсот, да загонных денег не выдано за четыре года вовсе. И вот теперь, в довершение всего, воевода, за медленность почтовой езды, наказал их — бил батогами. Ямщики умоляют выдать им все заслуженные ими деньги, чтобы им от почтовой скорой и тяжелой езды совсем не пропасть и не терпеть безвинно наказания.

Характеристику отношения ямщиков-почтарей к делу дает Петр Марселис в своей «сказке», поданной 14 мая 1669 г. в Посольский приказ[179]. Он решительно заявляет, что почта медленно ходит потому, что у почтарей нет усердия к делу, ездят они по своей воле, как им нравится: им следует довозить почту от Москвы до Печоры на 7-й день, а они довозят на 10-й или 11-й; в Новгород они могли бы приехать на 4-й день, а они являются на 6-й, 7-й и даже 8-й день. От Москвы до Кадина они могли бы поспеть на 4-й, а в крайнем случае на 5-й день, а они проводит в дороге 7, 8 и 9 дней. Заграницей, прибавляет Марселис, час прибытия почты всегда определен точно; на перемену лошадей идет не более полчаса. Следует и у нас отмечать час прихода и отъезда почты на всех ямах[180], тогда можно будет ясно видеть, кто запаздывает. Следует также между Можайском и Вязьмой, где расстояние слишком

---

[179] Т. II, № 19, (стр. 27).

[180] Это и делалось (выше мы познакомились с «записным столбцом»), но, очевидно, далеко не всегда.

велико, устроить еще одну перемену лошадей в с. Великом. Если почта будет ходить аккуратно, то из Риги известия будут получаться на 11-12 день, а из Вильны — на 8-й и 9-й.

После этого заявления Петра Марселиса сделано было напоминание в Ямской приказ, но там, по-видимому, на это напоминание не обратили должного внимания, потому что 25 мая Петр Марселис подал вторую жалобу, прося послать другую память. Просьба была исполнена и в мае, и в октябре, и в ноябре того же года. В ноябре следующего, 1670 г., Марселис еще раз подал жалобу на то же самое. Дальнейшие напоминания о необходимости ускорить почту не дошли до нас, но, очевидно, они были, потому что 5 сентября 1671 г. последовал беспощадный указ, об исполнении которого мы рассказали выше. Но далее идет то же самое: имеем напоминания об ускорении езды от 12 сент. 1672 г., 13 мая 1673 г. В первом упоминается, что ямщики по Новгородской дороге должны делать не менее 6 верст в час; во втором сказано несколько иначе: зимой и летом они должны делать по 7 верст в час, а осенью и весной — по 5 верст.

Рассматривая обстоятельства, при которых существовало тогда почтовое дело, принимая во внимание с одной стороны действительно небрежное отношение ямщиков к делу, их беспорядочную жизнь, пьянство (доказательства чего есть у нас для последующей эпохи, но нет сомнения, что какой-нибудь десяток лет здесь не составляет разницы с другой стороны, — непосильное бремя, которое накладывалось на них скупым правительством и жадными предпринимателями, — не знаешь, чью сторону принять в этом деле.

Не забудем еще одного обстоятельства, характерного для предпринимателей, судя по сохранившимся делам о вознаграждении ямщиков, Марселисы *ни разу* не платили почтарям из своего кармана, и государев указ 1 июня 1668 г., чтобы Леонтий Марселис «до указу» держал почту на своих протторях — был бесследно забыт; вопрос, когда-то предложенный Псковским воеводой — из каких источников давать возна-

граждение ямщикам за почтовую гоньбу — остался без ответа. Марселисы оплачивали только заграничные услуги, и ход обстоятельств привел казну сразу к необходимости оплачивать средства, которыми пользовалась предпринимательская почта. В сент. 1669 г. Посольский приказ запросил Ямской, сколько уже израсходовано денег на прогоны почтовым ямщикам. Ямской приказ ответил, что эти ямщики еще не представили загонных памятей[181]. Первые челобитные ямщиков об уплате прогонов относятся к этому же времени[182], и правительство их удовлетворяет. По-видимому, — один раз спохватились и запросили Марселиса о даче прогонов, он отвечал (документ не датирован, но, кажется, относится к тому же 1669 г.), что «ведомы те прогоны по записным книгам ямских старост в Ямском приказе, а *прогонные деньги ямщикам всегда дают из Ямского приказу*». С этим мнением согласились: из приказных выписок видно, что «в. г-ря годовое жалованье и прогонные деньги за ту *почтовую* гоньбу тем ямщикам с того числа (9 марта 1669 г.), как та почтарская гоньба зачалась, но вся годы *велено* (?) давать из Ямского приказу»[183].

Были случаи освобождения от почтовой повинности: 4 июля 1673 г. по челобитью Печорского архимандрита Паисия с братией снята была с Печорского монастыря почтовая гоньба. Монастырь был обязан, как выше приходилось говорить, ставить на Шведской границе гонца с подводой; но этой повинности ему не ставили в зачет ни в какие платежи, и

---

181 Т. II, № 21, (стр. 29).

182 Исключение представляет челобитная Новгородских ямщиков 1668 г., о которой упоминалось выше.

183 Что мы не ошибаемся, приписывая указу 1 июня 1668 г. тот смысл, что Марселисы должны были оплачивать услуги почтарей, видно также из эпохи учреждения Архангелогородской почты при Виниусах, когда правительство *настояло* на этом, и прогоны выплачивались почтмейстером из своего кармана; правительство ограничилось тогда только гарантией на случай убытков.

прогонов из казны их гонцу не давали; поэтому монастырь просил освободить его от лишней повинности. Велено было Псковским почтарям ездить до самой границы.

VI

Провинциальные почтмейстеры. — Временное почтмейстерство Андрея Винуса. — Восстановление почты Марселисов и их неудачи. — Известия Кильбургера о состоянии почты в 1674 г. — Указ 4 дек. 1675 г. — Итоги истории почт в эпоху Марселисов

Семидесятые годы XVII века внесли уже много нового в дело развития почт; все вопросы, которые почему-либо не были приняты во внимание при учреждении почт, постепенно дали о себе знать, и организаторы дела стараются их решить тем или иным способом: то внося перемены в самое дело, то действуя на исполнителей.

Московский почтмейстер[184] (мы, впрочем, видели, что Леонтий Марселис вовсе не был единоличным хозяином предприятия) имел на противоположных концах почтовых дорог контрагентов, тоже почтмейстеров, ему подчиненных (про них говорилось — «тот, кто приемом и отпуском почты там-то ведает»). Такими провинциальными почтмейстерами у Марселисов были: в Новгороде — переводчик Як. Ив. Гитнер, во Пскове — переводчик Ефим Фентер (Фентуров), в Мигновичах — поручик Елизарий Жуков. Мы видели, с какой энергией вели дело первые два; что касается последнего, то уже с самого начала он обнаруживал непонимание дела. 11 июля 1670 г. послан был Смоленскому воеводе, кн. И. А. Хованскому, указ — прислать Елизария Жукова в Моск-

[184] Титул этот входит в частое употребление лишь при Виниусах, по отношению к Марселисам он употребляется редко (см. напр. т. II, стр. 108). Чаще всего говорилось — «иноземец», который почту ведает». Другие способы выражения: «поверенный шляхетной начальник над почтой» (ibid., стр. 13), «начальнейший над почтой» (ibid., стр. 20); «почтовые державцы» (ibid., стр. 55).

ву, а на его место назначить другое лицо. Указ этот пришлось повторить 12 августа — вероятно, в Смоленске хотели дать возможность Жукову дослужить год, до 31 августа; но напоминание заставило отправить его в Москву 20 августа. На его место Ординым-Нащокиным был назначен поручик рейтарского строя Фаддей Афан. Крыжевский[185]. Что касается самого Смоленска, то из позднейших документов[186] узнаем, что в 1667—1672 гг. в Смоленске выдал почту переводчик Христофор Синорацкой, пожалованный в переводчики из шляхты; а с 1672 г. — Иван Кулбацкой, пожалованный из рейтар. Они получали жалованье из казны — по 20 руб. в год да корму по гривне на день.

В 1672 г. появился царский указ о том, чтобы для посылки государевых грамот о всяких делах все учреждения пользовались существующими почтами от Москвы до Риги через Новгород и Псков и до Вильны через Смоленск, точно также воеводы и приказные люди всех этих мест должны были пользоваться этими почтами для всякой официальной переписки, за исключением особо важных дел. Это распоряжение было вызвано желанием облегчить работу казенных ямщиков, но, несомненно, оно способствовало развитию почтовых

---

[185] Фаддей Крыжевский известен, как деятельный агент правительства по сношениям с Малороссией. Киевский воевода Шереметев еще к 1668 г. пользовался им для поручений, посылая его в Москву со всякой корреспонденцией. Ордин-Нащокин в 1669 г. посылал его к архиеп. Лазарю Барановичу, гетманам Многогрешному и Дорошенке, причем ему приходилось не только передавать письма, но вести и устную беседу. По мнению В. О. Эйнгорна, на этот раз Крыжевский, распространяя слухи о возможности отдачи правобережной Украины полякам, не оправдал доверия Ордина-Нащокина («Очерки из ист. Малороссии в XVII в.», т. I, 649—651); но этот боярин и после весьма милостиво относился к Крыжевскому. Здесь неуместно рассматривать такие дела, но заметим все-таки, что, по нашему мнению, Крыжевский во всем поступал согласно желаниям Нащокина, а этот боярин сам играл опасную игру.

[186] М. Архив М. Ин. Дел, Почтовые дела, карт. 9.

сношений. Для отправления государевых грамот и писем из Москвы было назначено 2 дня в неделю, на Ригу почта отправлялась во вторник, а на Вильну в четверг[187].

В интересах хронологической последовательности, рассмотрим здесь события, происшедшие в кратковременное почтмейстерство Виниуса.

В начале (не позже апреля) 1672 г. почта у Марселисов неожиданно была отнята. Велено было ведать почту переводчику Посольского приказа, дьяку Андрею Виниусу; но с 22 октября того же года, когда Виниус был командирован послом за границу, почту было велено ведать Петру Петровичу Марселису — сыну[188].

Кратковременное заведывание почтами Андрея Виниуса не прошло бесследно для имеющихся в наших архивах документов. В Госуд. Архиве находим переписку[189] по следующему случаю:

20 апреля 1672 г. переводчик Андрей Виниус извещал в Посольском приказе: 19 апреля пришел к нему на двор пешим ямщик Хотеловского яма Алешка Коток с почтовыми сумками. Одна сумка с Новгородскими письмами оказалась распечатанной. Почтарь рассказал, что суму эту он принял в таком виде у Зимнегорского ямщика Данилка Савельева и попал с ней в беду. Ни в Вышнем-Волочке, ни в Торжке, ни в Твери сум у него не приняли, а в Клину не дали ему даже подвод, и он от Клина до Москвы шел пешком; почта, конечно, получена была с большим запозданием. В подорожной записи у ямщика обозначено, что Крестецкий ямщик Иваш-

187 П. С. З., I, № 534. Выписка о перв. завед. почт, 31—32. В делах Госуд. Архива (Разр. XXVII, д. № 288) есть грамота царя Новгор. воеводе кн. И. Н. Пронскому именно такого содержания, но помеченная 11 окт. 1671 г.

188 Об этих переменах узнаем из позднейших документов (Том II, № 51, стр. 70).

189 Разр. XXVII, дело № 288.

ка Анкудинов принял сумы в целости, а Зимнегорскому ямщику передал одну суму с оторванными печатями.

По извету Андрея Виниуса была послана царская грамота Новгородскому воеводе, кн. И. Н. Пронскому с предложением: послать на Крестецкий ям «кого пригож» и допросить ямщика Анкудинова, каким образом он оторвал печати, не вынимал ли из той сумки каких писем и кто его подучил это сделать. Если он скажет, что никто его не подучал, и писем он не вынимал, а «учинил то случаем, без хитрости», то предписывается бить его батогами нещадно, а ямщикам снова «учинить заказ».

Новгородский воевода послал подъячего Петра Иванова для розыска. На допросе 4 мая Анкудинов сказал: почту он принял у Заечевского почтаря в исправности и поехал на Зимнегорский ям. На мосту, не доезжая Яжелбиц (роковое место!), его лошадь споткнулась и легла на мост, и у одной сумки печати смялись гораздо». В таком виде он отдал сумки Зимнегорскому ямщику. Тот спрашивал его: «для чего у тебя печати у одной сумки не целы?» и Анкудинов рассказал ему, как было дело. А печатей он не отрывал, писем не вынимал и никто его ничему не научал, — учинилось это без хитрости: тот мост «плох гораздо», и у сумки печати «помялись гораздо».

Ямщика били батогами. Царю была послана 10 мая отписка соответствующего содержания.

Но этим случаем переписка кратковременного почтмейстерства Виниуса не исчерпывается. Кн. Пронский, по челобитью ямщиков решился еще раз поставить вопрос о прогонах. Ямщики подали челобитную следующего содержания. Построены на Московской и Псковской дорогах, от Новгорода ямы для гоньбы, и держат они на тех ямах по три мерина. За это они получают государева жалованья на выть по 25 руб. в год да прогонов на 100 верст по 5 алтын. С учреждением почтовой гоньбы выбрано из их среды по 3 человека на ям почтарей, даны им форменные кафтаны. Для этих почтарей ямщики выделяют из ямских денег по 6, 7 и 10 руб. в

год, а сами за эту прибылую гоньбv из казны ничего не получают, прогонов им не дают, и они разорились. Они просят назначить им за почтовую гоньбу прогонные деньги. Кн. Пронский препроводил ямских старост с челобитьем в Москву, и 17 мая 1672 г. последовала царская грамота, давшая, на этот раз, определенный ответ: давать за почтовую гоньбу прогонные деньги на 2 лошади по указу; за простойные дни денег не давать. Из поверстной книги были выписаны расстояния: от Вышнего Волочка до Новгорода и до Псковского Загорского яму летним путем 355 верст; прогонов на 1 подводу за это расстояние 17 алт. 4 1/2 деньги, на 2 подводы 1 р. 2 алт. 1 деньга. Зимним путем 345 верст, прогонов на 1 подводу — 17 алт. 1/2 деньги, на 2 подводы —1 р. 7 ден. Вопрос о том, в одну ли сторону давать прогоны или в обе, решен — давать прогоны только в одну сторону.

Ямские охотники Запольской и Новинской слобод в Новгороде просили разрешить им гонять почту всем по очереди, вместо выборных. 13 сент. 1672 г. последовала резолюция: гонять поочередно, лишь бы мешкоты не было.

Выше нам пришлось убедиться, что долго тянувшееся дело о Мшаском яме также было подвинуто к разрешению при Виниусе.

26 сентября Вышневолоцкие и Хотеловские ямщики подали челобитную на Новоторжских, что те пригоняли в Вышний-Волочок почту в пятницу с утра, а теперь пригоняют в субботу и даже в воскресенье, от этого челобитчикам чинится убыток (от простоя в ожидании?), и они просят учинить по этому поводу указ, чтобы и им «в опале не быть». Как раз несколько дней спустя, 7 октября, и Гитнер подал заявление, что не пришла ожидаемая почта из Москвы, и что вследствие этого письма на Шведский рубеж не поспеют. Кн. Пронский послал приказчика Кузьму Меркульева на Московскую дорогу, а кстати дал ему к Новоторжскому воеводе письмо с жалобой на его ямщиков и с угрозой, что если

они будут поступать не по указу, то «в. г-рю будет челобитье, и мы учнем писать».

По отъезде Виниуса заграницу, Петр Марселис — сын не сумел справиться с делом, которое крепко держали в руках его брат и отец. О неприятностях, которые с ним случились, рассказывал впоследствии его преемник, тот же Андрей Виниус, следующее.

1) Виленский почтмейстер Рейнгольд Бисинг, «выманил у Петра Марселиса собольми многое число, и после того засчитал ему провоз с грамоток дорогой ценой, и тех денег с половину за ним, Бисингом, пропало».

2) Виленская почта вообще стала приходить в упадок. Пока Русский резидент, Василий Тяпкин, был в Варшаве, а Польский — в Москве, переписка по этой почте была оживленной; но с возвращением домой резидентов, оставались лишь «немецкие» грамотки торговых людей, а эти грамотки у Виленского почтмейстера начали пропадать[190], и тогда торговые иноземцы стали писать заграницу только через Ригу. Упадок Виленской почты доходил до того, что иногда она

[190] В позднейших документах (М. А. М. Ин. Д., Почт. д., карт 9) читаем: «при Петре Марселисе чрез Виленскую почту почтари (какие?) торговые грамотки позадерживали, а иные и вовсе пропадали». В любопытной переписке с Московским правительством, с А. С. Матвеевым в частности, Тяпкин неоднократно жаловался на то, что ему посылают слишком мало писем, просил с каждой почтой писать ему хотя понемногу. В письмах Тяпкина находим также характерные заметки о Польской почте того времени. «Варшавский почтомайстер» писал Тяпкин в начале 1674 г.: «две почты, не сказав мне, отпустил: сказали нам, что отпустится почта в среду; я изготовил письма и послал в среду рано к почтомайстеру, а он уже почту отпустил и еще в понедельник! Все это они делают для своих лакомых подарков, которых много надобно в год, если придется всех дарить. Думаю, что их резидент не очень много передарил нашим; а здесь, услужит каким-нибудь пустяком, пустую вестишку принесет, и уже смотрит, чтоб ему дали: таких лакомых и лживых людей и между погаными трудно найти. Я не только Варшавскому но и Минскому, и Виленскому почтомайстеру добрые подарки дал, чтобы только писем наших не задерживали» (см. у Соловьева).

отходила всего 1—2 раза в месяц. Все это охладило к делу неопытного почтмейстера, и он стал, очевидно, весьма небрежно относиться к делу.

Ко времени Петра Марселиса — сына относятся почти истлевшие листки, очевидно, из записной книги Новгородской Приказной избы[191]. Эти листки представляют копии грамот Новгородским воеводам:

1) кн. И. Н. Пронскому, от 20 ноября 1672 г., с извещением, что в Разряд прислана память из Посольского приказа: в. г-рь указал посылать его грамоты и всякие дела и отписки «кроме нужных зело» по уставленой почте, которой должен ведать Петр Марселис, и отсылать почту из Москвы во вторник;

2) Петру Вас. Шереметеву, от 11 июля 1673 г., которою назначается давать прогоны на 10 вер. по 3 деньги на подводу из приказов — Посольского, Малороссийского, Новгородского и из Съезжей избы;

3) тому же Шереметеву о прогонах (дата исчезла);

4) Мих. Алегук. Черкасскому со следующими сообщениями: 4 дек. 1675 г. велено ведать Рижскую и Виленскую почту переводчику Посольского приказа Андрею Виниусу; этот новый почтмейстер заявил 9 декабря, что Новгородские ямщики гоняют почту неисправно. Даты этой грамоты также нет.

К этому же времени относятся сведения о почте в Московском государстве, записанные Кильбургером (1674 г.)[192]. Согласно с только что приведенными сведениями, он сообщает, что почта в Новгород, Псков и Ригу отходит из Москвы по вторникам. Из Москвы до Риги, по его словам, она идет от 9 до 11 дней. Возможно, конечно, что в 1674 г. почта, действительно, ходила быстрее, чем прежде: но припомним, что еще в мае 1669 г. считалось верхом аккуратности прибытие почты из Риги в Москву на 11—12-й день. Весовая плата у Кильбургера приведена иная, чем та, которая, как указано нами выше, была при открытии почты. За золотник, по его словам, из

---

[191] Госуд. Архив, Разряд XXVII, дело № 315.

[192] Op. cit., стр. 148—150.

Москвы в Новгород приходится платить 6 коп. (прежде — 8 коп.); во Псков — 8 коп. (прежняя цена); в Ригу — 10 коп. (прежде — 8 коп.). Приходит эта почта в Москву по четвергам.

Про Виленскую почту Кильбургер сообщает, что она отходит в среду вечером (вероятно, последний срок для приема писем был вечер среды, а отходила она в четверг). С этой почтой можно отправлять письма во все места Германии через Кенигсберг.

За письма, отправляемые в Гамбург, платится до Берлина по 25 к. за золотник. Почта эта ходит 21 день (от Москвы до Гамбурга[193]?), а, следовательно, двумя днями скорее Рижской в Гамбург. В Москву она приходит в среду поутру. Между Новгородом и Нарвой нет обыкновенной почты: но почти каждую неделю находятся случаи отсылать туда письма.

Период управления почт семьей Марселисов заканчивается указом 4 декабря 1675 года. По этому указу (дошедшему до нас не в подлиннике, а в многочисленных приказных выписках) велено «почты Виленскую и Рижскую, которые ведал Петр Марселис, ведать Посольского приказа переводчику Андрею Виниусу для того. В прошлом во 177 (1668) году, по договору иноземца Леонтья Марселиса с Рижским и Виленским почтовыми мастерами, велено приходить почте из-за Литовского и из-за Свейского рубежей к Москве еженедельно в указные дни, а ныне та почта учала приходить к Москве не против того постановления, за указным в неделе числом приходит, минув день или два, и в той почтовой гоньбе в. г-ря делам чинится мешкота».

Обвинение, как видим, ничего нового в себе не заключает. Насколько Марселисы были действительно виноваты в запаздывании почт, сказать, как мы видели, трудно. Много раз грозила им беда, но они умели устранять ее: теперь их время кончилось. Думаем только, что при желании, богатый

[193] Brückner, Europäis. Russl., стр. 90.

Марселис мог бы удержать это дело за собой; но оно, очевидно, показалось ему чересчур обременительным. Но крайней мере, после временного отнятия у Марселисов почты (в 1672 г.), они не приложили никакого старания к делу и не позаботились предотвратить новую и уже окончательную отставку.

Истории почт в эпоху Марселисов(1668—1675 гг.) дает нам уже достаточно материала для выводов о значении первых почт и истории русской культуры. Выводы эти следующие.

1) Московское правительство, поняв необходимость устройства правильных почтовых сношений с Западной Европой, по необходимости обратилось к содействию иностранных предпринимателей; но среди Московских государственных деятелей того времени были такие, которые умели быстро схватить сущность дела и понять, как светлую, так и темную его сторону. Таковым был А. Л. Ордин-Нащокин, пришедший к мысли, что такое дело, как почта, должно быть организовано как можно шире, но обязательно под контролем правительства.

2) Довольно скоро правительство поняло значение почты и для внутренних сношений. Развивавшийся государственный механизм требовал большого количества исполнительных органов, и сношения провинциальных органов управления со столичными нуждались в правильной постановке и регулярности. Вследствие этого в конце рассматриваемого периода появляются правительственные почты, устанавливающие сношения Москвы с разными городами.

3) К сожалению, для устройства заграничных сношений исполнителей приходилось искать среди иноземцев, обладавших знаниями и капиталом. Такие предприниматели, конечно, избавляли правительство от многих забот, хлопот и издержек, но старались из дела по возможности извлекать больше пользы для самих себя. Отсюда тот факт, что первые почты сразу становятся предприятием коммерческим.

4) Это последнее обстоятельство вынуждает правительство стремиться поскорее избавиться от почтовой монополии предпринимателей. Оно уже не разрешает им открытия новых почт; свои же почты устраивает с помощью чиновников. Хотя первые шаги правительственной почты были неудачны, но правительство не отказалось делать такие попытки и в будущем, сознавая всю важность почт для государственных и административных целей.

5) Но правительственные почты не могли обслуживать народонаселения; поэтому для последнего были доступны только почты предпринимателей. Коммерческий характер этих почт вредил их культурному значению. Таксировка писем и посылок была чрезвычайно высокой, и это не давало возможности лицам среднего состояния пользоваться услугами этого учреждения.

6) Экономическое значение предпринимательских почт в эту пору для русского купечества было тоже более отрицательным, чем положительным. Они давали возможность иностранным купцам с большей энергией овладевать рынком и подчинять себе слабую экономически и культурно среду русского купечества. В рассматриваемый период еще нет следов того, чтобы русское купечество пользовалось услугами почты для своих коммерческих целей. К этому времени, гораздо более, чем к последующему, относятся знаменитые слова Посошкова о вреде почт[194].

---

[194] Немцы пожаловали к нам, писал Посошков в 1701 году: «прорубили из нашего государства во все свои земли диру, что вся наша государственная и промышленная дела ясно зрят. Дира жь есть сия: зделали почту, а что в ней в. г-рю прибыли, про то Бог весть, а колько гибели от той почты во все царство чинится, того и исчислить невозможно. Что в нашем государстве ни сделается, то во все земли разнесется; одни иноземцы от нея богатятся, а русские люди нищают. Потому товары, кои у нас в Руси готовятся к Городу, а здешние иноземцы в свои земли непрестанно пишут, почему кои товары купятся и каковы товары, добры или плохи, и коих много, и коих мало. Также пишут и о своих товарах, кои здесь подобрались и коих залишком. И кои их

7) Климатические условия, слабая населенность страны, отдаленность жилых мест друг от друга, некультурность почтовых гонцов и среды, их окружавшей, — очень мешали развитию почтовых сношений; но, в свою очередь, последние должны были послужить важным средством для смягчения именно этих условий жизни русского народа, волею-неволею устанавливая общение между разобщенными местностями. Регулярная перевозка писем, непонятная народу и не оцененная им, устанавливала регулярные сообщения городов и местностей и этим незаметно оказывала великую услугу в истории развития народа.

товары подобрались, тех они и вывезут, а коих слишком — тех и не везут, и цену, какову похотят, такову и поставят. А наши бедные к Городу приедут с товарами, и приезжие иноземцы цену их и знают, почему кои товары куплены и коих колько есть; и станет у него торговать самою ценою малою, потому что про цену подлинно знают, и много ль коих товаров насено, знают же. И почты ради иноземцы торгуют издеваючись, а русские люди — жилы из себя изрываючи. А если бы почты иноземской не было, то б и торг ровный был: как наши русские люди о их товарах не знают, такожде и они о наших товарах не знали ж бы, и торг бы был без обиды. Идет на год от почты в казну по сту рублев и то почитают в. г-рю в прибыль, а в то место изъяну чинят на многие тысячи. Наипаче жь того, что чаю, всякие вести выносятся на весь свет, и если совершенно вести всякие, кроме торговых статей, во все земли разносятся, то не то, что по сту рублев, ни по сту тысяч не доведется за почту брать». Вывод из всего вышесказанного Посошков делает такой: «мне, г-рь, мнитца, что лучше б та дира загородить накрепко; а крепче того нельзя, что *почта,* буде мочно, то *отставить ее вовсе*» (Сочинения И. Посошкова, изд. Погодиным. М. 1842, стр. 273—274).

Глава 4
Семья Виниусов[195]

I

Андрей Денисович Виниус — отец[196]

Фамилия Виниусов впервые встречается в историй русской торговли и промышленности. Андрей Виниус, сын Амстердамского купца Дениса Терксена Виниуса, выехал из Голландии в 1627 г.[197] и прибыл в Россию во второй половине царствования Михаила Феодоровича. Здесь он занялся прежде всего в Архангельске хлебной торговлей[198]. В 1631 году он купил государевы хлебные запасы «большой прямой ценой без хитрости и без корысти». За это он подвергся нареканиям со стороны своих соотечественников, а от Московского правительства получил жалованную грамоту (26 янв. 1631 г.) на право свободной торговли; по всем делам его должен был ведать Посольский приказ[199]. В 1632 году он подал царю челобитную, в которой, сообщая, что ему удалось разыскать в Московском государстве «самую добрую» железную руду, просил разрешения завести железные заводы. 31 марта 1633 г. он получил новую грамоту, и силу которой он получил, сверх права свободной торговли во всех городах, — право строить дома, где ему понадобится, а также ему дано было

---

[195] Настоящая часть нашей работы была напечатана в журнале «Русская Старина» за 1909—11 годы. Здесь мы ее печатаем в переработанном виде, пополнив ее результатами архивных изысканий.

[196] Сводка выписок (без всякого разбора) из источников и литературы об А. Д. Виниусе сделана И. Е. Вильчинским «Русская Старина», 1909, 1910 и 1912 г.).

[197] Белокуров, О Посольск. Приказе, 127.

[198] Гамель, Описание Тульск. оружейн. завода, 7.

[199] Б. А. Кордт, Очерк сношений Московского государства с республикой Соед. Нидерландов по 1631 г, (Сборник Имп. Рус. Истор. Общества, т. CXVI, Спб., 1902 г.), стр. CCCXLIII.

разрешение безоброчно в течение 10 лет заниматься железным промыслом при казенной субсидии и обещании правительства не разрешать железного промысла другим иноземцам[200]. Виниус, вступив в компанию со своим братом Авраамом и англичанином Вилькенсоном, открыл вододействующий завод для производства из железной руды чугуна и железа и литья ядер, пушек и других предметов[201]. Место для завода он выбрал в нескольких верстах от Тулы, на р. Тулице; руда копалась в 40 верстах от завода[202]. В 1634 г. он просил у царя разрешения выписывать мастеров из-за границы[203]. Первоначальное устройство заводов стоило Виниусу больших денег. Несмотря на то, что он получал от правительства заимообразно по 3.000 р. ежегодно[204], он сильно задолжал и несколько лет спустя принужден был в 1637 г. вступить в новое товарищество — с Петром Марселисом и Тилеманом Акемою. Впоследствии Виниус поссорился и даже судился со своими товарищами[205], о чем мы рассказывали раньше.

Это не помешало им снова вместе работать в Шенкурском уезде на р. Ваге, где Виниус поставил свой двор для пушечного железного дела[206]. 8 авг.

---

[200] Д. Цветаев, Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890. Стр. 395.

[201] Гамель, 7. Грамоту царя см. в приложении к соч. Гамеля.

[202] Подробное описание места см. у Гамеля, стр. 9 и 77—82 (в приложении есть план заводов) и Андреева («Москвитянин», 1855 г. № 9). Заводы эти наз. Городищенскими.

[203] Бантыш-Каменский, Обзор внешн. снош. России, 179.

[204] Ровинский. Подробный словарь русских гравированных портретов, стр. 433.

[205] Он действовал по отношению к ним не совсем честно, и они честили его «бездушником, бездельником и шельмом». По отношению к правительственным заказам он, очевидно, также не всегда был аккуратен. (См. М. Архив М. Юст. Влад. Стола разряд. Столбцы № 39).

[206] «Москвитянин», 1843 г., № 11, стр. 144 (из писцовой книги). Гамель, 15.

1641 г. он подавал челобитную о покраже у него со двора 4 лошадей стоимостью более 63 рублей[207]. В 1646 г. он принял православие, был записан в московские дворяне[208]. В этом же году он представил правительству проект укрепления Архангельска, чтобы враги не могли вторгнуться в него, а иностранные корабли не могли тайно проходить по Двине[209]. В этом же проекте Виниус предлагает свои услуги для устройства таможенного надзора в Архангельске. Тогдашние руководители молодого царя Алексея Михайловича, Морозов с товарищами, пользовались советами Виниуса в государственных делах; современники прямо заявляли, что Виниус «предан более русским, чем немцам»[210]. Соловьев говорит, что это — первый пример иностранца, имевшего влияние на русские государственные дела[211].

1 марта 1648 г. монополия железного промысла перешла к Марселису и Акеме. К челобитной, поданной в это время Виниусом, последний приложил записку о своих заслугах перед Московским правительством. Здесь он указывает на следующее: он действовал в интересах Московского правительства в хлебной торговле[212] он предоставил корабль послу Григорию Алябьеву из Голландии, что стоило ему более 300 рублей; он купил для царя 4 изумруда за умеренную цену (с царя продавцы хотели взять очень дорого, он открыл руду и завел заводы; он нашел в Варшаве каменную хоромину, с надписью золотыми буквами на латинском языке, гласившую о том, что там хранятся мощи царя Шуйского и его брата

---

207 М. Архив М. Юст., Москов. стола разрядные столбцы, № 160, л. 190.

208 Цветаев, 403.

209 Доп. к Акт. Ист., т. III, № 13.

210 «Сев. Архив» за 1822 № 2 (письмо одного современника — шведа). Виниуса обвиняли в том, что по его представлению на все иностранные товары наложена была двойная пошлина «для пополнения ратных людей».

211 Соловьев к изд. «Общ. Пользы», кн. II, 149 г.

212 См. выше.

(по требованию Московского правительства камень с этой надписью после этого был прислан в Москву); он, наконец, принял русское подданство и православную веру[213]. Виниус получил право беспошлинной торговли смолой на 6 лет и надзор за Англичанами в этой торговле[214].

Московское правительство часто давало деятельным и способным иностранцам дипломатические и коммерческие поручения. Не избежал такого поручения и Андрей Денисович. В 1652 г. он был по поручению русского правительства с Иваном Морсовым в Голландии для покупки про дворцовый обиход разных заморских товаров[215]. Сохранился весьма интересный портрет его, гравированный в Гаге известным в то время гравером Корнелием Фишером. На этом портрете выгравирован титул Виниуса: «его царского величества российского государства комиссар и московский гость Андрей Денисов сын Виниус». Под портретом помещены похвальные стихи[216].

Женой А. Д. Виниуса была Гертруда Мейер[217].

Дальнейшие сведения об Андрее Денисовиче отсутствуют[218]. Ровинский полагает, что он скончался около 1696 года:

---

213 См. в приложении к соч. Гамеля.

214 Доп. к А. И., III, 199.

215 Бант.-Каменский, I, 184. В числе прочего он привез садовых и оранжерейных деревьев, выписал попугаев и редких птиц.

216 Портрет этот редчайший и вместе с тем самый красивый и самый ценный имеет в собрании русских портретов (Ровинский). Он известен под именем l'homme au pistolet. О нем см. также у Н. И. Писарева (Москвитянин 1844, № 4). Снимок с него см. в соч. Хрущова. Здесь уместно сказать, что г. Хрущов допустил грубую ошибку, приписав Андрею Денисовичу управление почтами и Сибирью. Эту же ошибку повторил проф. Цветаев в ст. «Обрусение иноземцев — протестантов в Москов. Государстве». («Русск. Вестник» 1886 г., X).

217 Цветаев (стр. 402) указывает год их свадьбы — 1648. Но в таком случае придется предположить, что это была вторая жена Андрея Денисовича, потому что знаменитый сын его, Андрей Андреевич, родился в 1641 г. Было также у А. Д. Виниуса несколько дочерей.

но из челобитной его сына видно, что он скончался в 1662 или 1663 г.[219], достигши приблизительно 60-тилетнего возраста.

В лице Андрея Денисовича Виниуса мы имеем дело с человеком предприимчивым, умным и ловким. Он умел акклиматизоваться в России, проложить себе путь к обогащению и карьере. Такой человек мог дать хорошее образование своему сыну и в свою очередь создать для него возможность хорошей карьеры в будущем. Принятие русской веры отцом и крещение в эту же веру сына уничтожило для последнего те преграды, которые могли мешать иностранцу делать успехи на русской государственной службе, и этот сын, знаменитый Андрей Андреевич, своей деятельностью далеко превзошел отца и приобрел право на значительно более важное место в русской истории.

II

Андрей Андреевич Виниус-сын. — Литература его биографии

Один из крупнейших сотрудников Петра В., Андрей Андреевич Виниус, до сих пор не получил должной оценки в русской исторической литературе. Все историки, интересовавшиеся его личностью, оценивали ее обыкновенно с одной какой-нибудь стороны и не заботились о полноте приводимых ими биографических сведений; поэтому полной биографии Виниуса до сих пор не имеется в русской литературе. Мы постараемся собрать все данные о жизни этого замечательного лица, которые можно найти в памятниках и исторической литературе, и исправить многочисленные ошибки биографических сведений о Виниусе, возникшие по большей части от того, что историки, упоминавшие об этой личности

---

[218] Нам не удалось достать «Тульские губернские ведомости» за 1872 г. № 85, где есть статья об А. Д. Виниусе П. Мартынова.

[219] Журнал 53 заседания Тверской Учен. Арх. Комиссии, стр. 24 (докл. В. Сторожена).

в своих трудах, слишком односторонне изучали его биографию.

Число биографов Виниуса невелико. В строгом смысле этого слова таким биографом может быть назван один лишь Пекарский, посвятивший Виниусу 10 страниц своей почтенной книги «Наука и литература в России при Петре В., ч. 1-я, Спб. 1862». Но биография Виниуса значительно раньше начала интересовать исследователей. Первый историк Петра В., Голиков, еще не знал Виниуса. Ему пришлось привести в одном месте своего труда стихи, читанные во время триумфального въезда армии в Москву в 1696 году; ссылаясь на записки Желябужского[220], он говорит, что эти стихи говорил Вениус, но тут же считает нужным оговориться, что, вероятно, надо говорить Гениус, а не Вениус. Впрочем, уже современное Голикову издание — Древняя Российская Библиофика — в XX томе дает указания на некоторые моменты службы Виниуса. Первым, кто коснулся биографии Виниуса, был академик Иосиф Гамель.

Гамель, в своем сочинении «Описание тульского оружейного завода в истор. и технич. отношении. М. 1826», отмечает главнейшие стороны деятельности Андрея Андреевича Виниуса, особенно внимательно останавливаясь на его деятельности в Сибирском приказе. Но Гамеля занимал больше не Андрей Андреевич, а его отец, Андрей Денисович. Для биографии Виниуса-отца сочинение Гамеля до сих пор является первостепенным источником. Гамель знает даже Виниуса-внука. Матвея Андреевича; но относительно сына и внука сведения Гамеля недостаточны и иногда сбивчивы. Он, напр., говорит про Андрея Андреевича: «сын или внук Андрея Денисовича».

Полную путаницу в дело разработки биографии Виниуса мог внести г. Андреев своей статьей «Биографические справки о Виниусе» («Москвитянин» за 1855 г., № 9[221]). Он самым

---

[220] Изданы Д. Языковым в 1840 г.

[221] См. также «Тул. Губ. Вед.» за 1854 г., № 3—5.

странным образом смешал биографические данные обо всех трех Виниусах, приписав их просто «Андрею Виниусу» и отрицательно отнесясь к имени Матвея. К счастью, статья эта осталась незамеченной последующими историками.

Устрялов, Соловьев и Пекарский почти одновременно заинтересовались жизнью и деятельностью Андрея Андреевича Виниуса. Первые два обратили большое внимание на обильную переписку царя Петра I с Виниусом; Пекарский заинтересовался главным образом литературной деятельностью А. А. Виниуса и открыл целый ряд его сочинений частию в рукописях, частно уже в напечатанном виде в старых периодических изданиях (с 20-х годов прошлого века). Для Устрялова и Соловьева А. А. Виниус был интересен, главным образом, как корреспондент Петра, поэтому ни над одной стороной его деятельности они подробно не останавливались, хотя уже признавали А. А. Виниуса очень крупной личностью. Многие частности его биографии ускользнули от их внимания, а между тем, если бы они обратили внимание на те места дневника Корба,[222] где он говорит о Виниусе, то несомненно отнеслись бы к биографии Виниуса внимательнее. Пекарский в своем вышепоименованном сочинении посвятил биографии Виниуса целых десять страниц; но и у него мы не найдем многого; напр., он ничего не говорит о дипломатической поездке А. А. Виниуса за границу, о проекте галерного флота, им составленном, об образцовом заведывании его аптеками, об его участии в малороссийских делах, не считает нужным даже рассказать о его почтовой деятельности. Все три историка пользовались дневником Корба, но о Виниусе взяли у него далеко не весь даваемый им материал. Роль, которую играл Виниус в обществе иностранцев и среди влиятельного класса тогдашнего общества, осталась невыясненной даже после этих трех крупных исторических трудов, не говоря уже о массе иногда очень характерных мелочей,

[222] Первый русский перевод «Дневника поездки в Московское государство» Корба явился в Чтениях М. Общества ист. и древ. за 1860—67 гг.

ускользнувших совсем и от Устрялова с Соловьевым, и от Пекарского. К этому надо еще прибавить, что почтенные авторы не избежали и явных ошибок. Составители указателей к Истории России С. М. Соловьева приписали посольскую роль в 1672—74 гг. Андрею Денисовичу Виниусу-отцу; эту ошибку С. М. Соловьев мог заметить, ибо указатель Шпиона был составлен еще при жизни великого историка. Пекарский сделал столь же грубую ошибку: письмо, писанное около 1712 г., отнес к 1702 г., а так как письмо это имеет важное значение в биографии Виниуса, то конец биографии явился у Пекарского значительно искаженным. Эту ошибку Пекарский тоже легко мог бы заметить, ибо в письме этом Виниус говорит, что ему около 70 лет, а в письме 1706 г. которые также цитирует Пекарский, тот же Виниус заявляет, что ему 65 лет. Большая часть биографии Виниуса, составленной Пекарским, вошла в немецком переводе в соч. «Zur Geschichte des russischen Postwesens» von A. v Fabricius, Riga, 1865»[223]; г. Фабрициус повторил ошибку Пекарского.

М. Д. Хмыров, автор соч. «Металлы, металлические изделия и минералы в древней России, Спб., 1875», приводя немногие сведения об участии А. А. Виниуса в горном деле, отозвался о Виниусе, как об «одном из деятельнейших, но до сих пор мало оцененных, сотрудников Петра». Тверская Ученая Архивная Комиссия также внесла свою лепту в дело изучения биографии А. А. Виниуса. Она напечатала историческую справку о принадлежавшей ему замечательной иконе («Царский образ. Замечательная икона в храме с. Михайловского, Старицкого у. Тверск. губ. Тверь, 1895) и, в приложении к журналу 53-го своего заседания, напечатала «Дело дьяка А. А. Виниуса (7 сент. 1690 — 27 июня 1693)», сообщ. В. Сторожевым. Тем не менее после Пекарского никто не брался за новое составление биографии А. А. Виниуса[224], пока

---

[223] Есть и русское изд. этого сочинения.

[224] Нам не удалось достать «Горный журнал» за 1865 г., где в № 11 напечатана статья о Виниусе; но так как эта статья написана по поводу

С. Белокуров в своей работе «О Посольском приказе» (Чтения Моск. Общ ист. и древн. за 1906 г., кн. 3) снова не воспроизвел биографию Виниуса в виде его формулярного списка. Сведения, сообщенные г. Белокуровым, остались неизвестными г. Фр. Дукмейеру, напечатавшему крупное исследование по русской истории «Korb's Diarium und Quellen, die es ergänzen», Berlin, 1900, 2 Bände. Изложив биографию Виниуса по Пекарскому и Устрялову, г. Дукмейер сообщает многие очень интересные мелочи как о Виниусе, так и о почтах того времени, почерпнутые им из черновых бумаг Гвариента и Корба, хранящихся в Амбергском архиве (Бавария). В то же время остались неиспользованными сведения первоисточников, появившиеся в таких изданиях, как «Список выписок из архив бумаг о Петре В., т. I, Спб. 1872». «Доклады и приговоры, составл. в Правит. Сенате в ц-ние Петра В., Спб., 1880 и след.», материалы по истории Сибирского приказа, над которыми много работал Н. Н. Оглоблин (Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.) в Чтениях Моск.

Общества ист. и древн. за 1895 г., кн. II, 1898 г., кн. I, 1900 г., кн. III и 1902 г., кн. I: Бытовые черты начала XVIII в. в том же издании за 1901 г., кн. I и др.) и мног. других[225]. Затем, некоторые исторические труды, мало обращавшие внимания на личность Виниуса, дали богатый материал для характеристики деятельности тех учреждений, во главе которых он стоял, или где он принимал живейшее участие: таковы, напр., «Очерк русской морской истории», т. I. Спб., 1875: Бранденбург,

---

ст. «История основания рус. горных заводов» (в Памятной книжке для рус., горных людей за 1862 г.) и занимает всего лишь 3 страницы журнала, то не думаем, чтобы она могла существенно изменить что-нибудь в биографии Виниуса.

[225] Мелкие, но весьма ценные свидетельства первоисточников есть также в след. изданиях: Архив кн. Ф. А. Куракина, т. I, Спб., 1891; Записки Юста Юля, датского посланника при Петре В. (Чт. М. Общ. ист. и др. за 1899 г., кн. III). Издатели записок Юста Юля сделали также ошибку, приписав сыну Андрея Андреевича Виниуса, Матвею, то участие в малоросс. делах в 1711 г., которое принимал отец.

«Материалы для истории артиллерийского управления в России», Спб. 1876; И. Хрущов, «Очерк ямских и почтовых учреждений от древних времен до ц. Екатерины II». Спб., 1884; И. Бантыш-Каменский, «Обзор внешних сношений России» (по 1800 год), ч. 1—4, М., 1894—1902 г. и др.

Наконец, самая переписка Петра Великого с Виниусом, воспроизведенная в капитальном труде «Письма и бумаги Петра Великого», Спб., 1887 и след., в значительной степени также осталась неиспользованной. В данное время, думаем, пора уже подвести итоги исторической литературе о Виниусе, указать многочисленные ошибки писателей, касавшихся его биографии[226]; это является тем более необходимым, что самая полная биография А. А. Виниуса — у Пекарского — является уже значительно устаревшей и, как мы видели, имеет очень много пробелов.

Кончим тем, с чего начали. Эта часть нашей работы представляет из себя попытку собрать воедино все, что нам удалось найти в памятниках и исторической литературе о Виниусе, дать общую оценку его деятельности и указать на его место среди деятелей Петровского времени. Смело можем сказать, что материалы для биографии Виниуса появились в печати уже в таком количестве, что дальнейшие архивные изыскания дают только отдельные детали его биографии. Темных мест в ней и чувствительных пробелов в настоящее время почти не имеется.

[226] Таковые есть, как мы видели, у Андреева, Соловьева, Пекарского; есть они также у г. Белокурова, Хрущова и в других сочинениях. Все ошибки и неточности будут в своем месте указаны в примечаниях.

III

Деятельность А. А. Виниуса до знакомства с Петром В. — Посольство за границу. — Почта. — Аптекарский приказ. — Разнообразные поручения. — Отношения к Гордону

Андрей Андреевич Виниус родился в 1641 году[227]. 14 лет от роду (в 1655 г.) он был крещен по православному обряду[228] и потому рано мог поступить на службу. Имя его впервые становится известным в 1664 году, когда он, бывши до того «гостиной сотни торговым человеком», был взят 20 марта в Посольский приказ переводчиком голландского языка[229]. В этом звании он состоял при голландском посланнике Вореле; затем, в том же звании, он был в с. Дединове при постройке флота. В то же время он становится известен, как литературный деятель. В звании переводчика Посольского приказа, который имел отношение к постройке флота и к путям сообщения. Виниус заинтересовался и тем, и другим, писал сочинения по географии, чертил карты, выступил с проектом галерного флота. Когда ему пришлось, по поручению правительства, переводить с немецкого языка на русский проект Ботлера об учреждении флота, то ему пришли в голову

[227] Сборник Имп. Рус. Истор. Общества, кн. LX. Эта дата подтверждается письмом Виниуса Петру В. от 16 ноября 1706 г. (см. ниже).

[228] В «Книге крояльной приказному платью». Казенного приказа 1655 г. под 22 августа указано жалованное платье гостю Андрею Виниусу по случаю его крещения (А. Викторов, Описание записи, книг и бумаг старин. дворц. приказов. Вып. г. М., 1877. Стр. 148). В одной из своих челобитных А. А. Виниус сообщает, что отца его и его самого крестил патр. Никон.

[229] Белокуров, 127. В 1666 г. он подал челобитье об оставлении за ним московского двора, купленного за 400 руб. у гостя Петра Микляева; двор этот был отписан в казну за долги Микляева Сибирскому приказу. (П. Оглоблин, Описание... Спб. приказа, Чт., 1900 г. кн. III, стр. 132).

некоторые предположение, которые он решился изложить в статьях, поданных им 5 дек. 1668 г. в приказ[230].

В 1672 году, оставаясь в том же звании, Андрей Виниус был послан во Францию, Испанию и Англию с предложением союза против турок, которые в то время напали на польскую Украину. В наказе, данном Виниусу, упомянуто, что с ним были посланы подьячий Петр Виниус и толмач Федот Федоров. Маршрут был дан ему следующий. Из Москвы он должен был направиться через Великий Новгород и Псков в Ригу, оттуда морем в Англию, из Англии — во Францию и, наконец, Испанию. Вышеупомянутый наказ заключает в себе также подробные указания насчет поведения посла в тех странах, где ему придется быть. Так, напр., в Риге он должен был, опираясь на условия Кардисского трактата, просить губернатора предоставить ему корабль «со всяким вспомогательством» для переезда в Англию; если же губернатор заявит, что в Кардисском договоре насчет этого ничего не сказано, то Виниус должен просить губернатора позволить ему напять корабль (на этот случай Виниусу дано было 200 ефимков). Прежде, чем отправиться из Риги в дальнейший путь. Виниус должен был разузнать все новости и подробно описать все это в донесении царю, которое отправит с теми провожатыми, которые даны будут ему из Пскова. Когда посол приедет в Англию, он должен требовать, чтобы королю дали знать о его приезде; когда король пожелает принять его у себя, Виниус должен поставить непременным условием, чтобы во время его приема никаких других иностранных послов не было. Во время аудиенции надо было следить за тем, чтобы король, спрашивая о здоровье царя, вставал и снимал шляпу. Грамоту надо было подать в тафте, и, если король пожалует к руке, — надо целовать руку. Если бы король пригласил посла к столу — надо согласиться, но опять с условием, — чтобы иных послов за столом не было.

[230] Содержание этого проекта, равно как и других, литературных и научных, трудов Виниуса составит предмет одной из следующих глав.

Побывав на обеде, посол должен был хорошо запомнить все: и как его будут встречать, и кто будет присутствовать на обеде, и кто его будет потчивать, и что будет сказано за столом, — все это надо будет впоследствии записать. Самому послу следует «против королевских и ближних слов держать ответ остерегательно, чтобы государеву имени было к чести и повышенью; а за столом сидеть ему «от короля вежливо и остерегательно». Что за люди давались тогда нашим послам в качестве свиты, видно из следующих наставлений наказа: «подъячему приказать накрепко, чтоб он сидел за столом чинно и остерегательно, и не упивался, и слов дурных не говорил; а своих людей в палату с собой не имать для того, чтоб от них пьянства и бесчинства не было, а велеть им сидеть в другой палате потому ж стройно, а бражников и дураков на королевский двор не имать».

Такие же наставления даются в наказе и относительно поведения посла при французском и испанском дворах. Наказ предвидит также, что во время приема при испанском дворе возможно присутствие королевы—матери; тогда посол должен приветствовать и эту последнюю от имени царя и царицы Наталии Кирилловны. На тот случай, если в Испании отзовутся незнанием русского языка, и попросят дать латинский или немецкий перевод царской грамоты, то Виниус должен был дать таковой (оба перевода даны были ему из Москвы). Прежде прощальной аудиенции везде Виниус должен был требовать, чтобы ему дали список с той грамоты, которую король намерен ему вручить, и если по этому списку окажется, что титул царя написан неправильно или не сполна, — требовать исправления.

Предвидя возможность частных бесед между вельможами разных стран и русским послом, наказ считает нужным и здесь регламентировать его образ действий и речей. Если бы был задан послу вопрос об отношениях Московского царя к папе, императору, королю Датскому или Шведскому, или к Голландским штатам, — надо отвечать, что между царем и

вышеупомянутыми государями сношения мирные; а если зададут какой-нибудь непредвиденный вопрос, надо ответ держать, смотря по делу, чтоб государеву имени было к чести и к повышенью, а лишних речей не говорить. С принятых грамот Виниус должен был просить списки и копии этих списков посылать немедленно царю по почте.

Вместе с этим во всех странах Виниус должен был узнавать об их отношениях к папе, императору, Голландии, Венеции и другим государствам и о том, «нынешняя его, Андреева, от великого государя посылка надобна ль»; все добытые им сведения посол должен был занести в статейный список и предъявить по приезде в Посольский приказ.

Перед отправлением за границу Виниус, как переводчик Посольского приказа, получал жалованья 50 рублей в год (850 р. на наши деньги). Командировочных ему было дано 250 р. (=4.250 р.) деньгами, соболей на 50 рублей, да на наем корабля 200 ефимков. Но челобитной Виниуса, выдача запасов на дорогу ему была сделана в Москве, из Большого прихода, в следующем размере: две четьи с полосьминой ржаной муки, столько же сухарей, полосьмины круп, столько же толокна, два полти ветчины. В то же время из Новой Чети было выдано Виниусу два ведра вина. Предписано было по дороге до границы и обратно давать послам по 10 подвод человеку.

Виниус со своей свитой прибыл на Шведскую границу 14 ноября. Немедленно он обратился к коменданту Новагородка Шведского с просьбой дать ему провожатого до Риги. Комендант заявил, что, без согласия коменданта Юрьева Ливонского и до получения от последнего паспортов, он не может пропустить русских послов. Пришлось ждать целых 4 дня. Наконец желаемое разрешение пришло даже с разъяснением — впредь не задерживать московских послов, и пропускать без всяких запросов. Приехав в Ригу, Виниус обратился к губернатору с просьбой о даче корабля и содействии путешествию. Губернатор отказал. Послу не сделали никакой встречи в Риге, и ему пришлось стать на гостином

дворе, где становятся торговцы и извозчики; ему со свитой отвели одну избенку и в другом месте нанять двора не позволили. Когда Виниус навел справки относительно корабля, то оказалось, что корабль есть, но отойти ему нельзя по причине льдов в море, и придется ждать 2—8 месяца. Тогда Виниус послал к Курляндскому князю, прося пропустить его через его землю. В ожидании ответа Виниус собрал кое-какие новости и 28 ноября послал в Москву свою первую «отписку» по почте.

Его замедление в Риге произвело неблагоприятное впечатление. 16 декабря была послана ему из Посольского приказа память «с великим осудом»: «и ты то, что к Курлянскому князю о пропуске своем писал, чего тебе без указу великого государя делать не довелось, учинил глупо и тою своею глупостью делаешь ты великого государя делу мотчанье... и ты б..., ехал со всяким поспешением, а такой себе простоты, как ныне в Риге, впредь не чинил и во всех местех ехал со всяким поспешенем». Зная причины перемены маршрута, допущенной Винусом, мы не станем обвинять его: разумеется, лучше было изменить маршрут, чем 2—3 месяца ждать в Риге, пока море очистится ото льда. Виниус виноват был в глазах правительства только потому, что сделал это «не спросясь», между тем на эти пересылки также ушло бы много времени. Если бы в это время стоял во главе Посольского приказа знаменитый Ордин-Нащокин, постоянно твердивший, что немыслимо во всяком деле послу ждать государева указа, то он не допустил бы обидеть Виниуса; но его в это время уже не было в Москве, а на его месте был А. С. Матвеев, который, очевидно, смотрел на дело иначе.

Следующую отписку Виниус послал, по-видимому из Кенигсберга. 20 декабря, затем последовала отписка из Данцига, от 3 января 1673 года; здесь он задержался по случаю распутицы. Путь от Данцига через Эльбин, Мариенбург, Дершов — он совершил на подводах, данных ему местными властями.

Из Данцига Виниус прибыл в Гамбург, но и отсюда оказалось невозможным отправиться в Лондон, потому что на Эльбе было много льду. Пришлось ему ехать в Голландию и сесть там на английский почтовый корабль, 26 февраля он прибыл в Гарвич, где был задержан до 3 марта. В Лондон пришлось ему ехать на нанятых подводах. Не доезжая Лондона, он послал извещение о своем прибытии «мастеру церемоний», который выехал к нему навстречу и отвел место для остановки в городе. Здесь Виниус узнал, что рассчитывать на скорый прием ему нельзя, потому что в это время происходили бурные заседания парламента. Пришлось ему ждать около недели. Наконец, прием состоялся; но «король пришел из парламенту и был зело смутен», спросил о здоровье царя сидя, так что пришлось напомнить ему о необходимости встать и снять шляпу. После приема послу пришлось ждать ответа и отпуска почти месяц. В ожидании отпуска Виниус вступил в сношения с французским послом в Лондоне, и тот известил о нем свой двор, так что в Калэ уже готовы были принять русского посла и проводить его в Париж на счет правительства. Здесь же в Лондоне Виниус разузнавал, нет ли каких-либо листов от Польского короля по поводу Алдрусовского перемирия; никаких листов не оказалось. Хотел он также нанять трубачей, но и этого ему не удалось.

В своей ответной грамоте Карл II, уклоняясь от союза против Турции, обещает сделать попытку примирения с Голландией и просит возвратить английским купцам в России их прежние права и привилегии. В этой грамоте, между прочим, говорится: «последи же, яко мы всяким приятством и должным склонением поволили и приняти велели… посланника Андрея Виниуса, тако не можем вотще его отпустити без достойной славы и ходатайства, занеже его благоумие и прилежание то заслужило от рук ваших восприяти, которое довольно будет к пользе и к милости ко всяким явным

службам сотворити, к которым ваше царское величество его избрати благоизволиши»[231].

18 апреля Виниус прибыл в Калэ и ожидал встречи, но напрасно. Он собирался уже писать по почте королю, но 28 апреля прибыл дворянин, посланный королем ему навстречу, и сообщил, что 1 мая можно будет им ехать к королю в тот город, в котором король будет. Оказалось, что король был не в Париже, а во Фландрии, где собраны были его войска для войны с Голландией и Бранденбургом. 29 апреля Виниус послал новую отписку царю через Англию и Гамбург.

Отбыв из Калэ, Виниус достиг местечка Менеина, недалеко от Куртрэ. Дальнейшие подробности пути нам неизвестны; известен только результат посольства. Людовик XIV, в письме к царю от 22 мая 1673 г., отказался принять участие в войне с турками, ссылаясь на войну с Голландией. 14 июня 1673 г. Виниус отбыл из Парижа в Мадрид, куда прибыл 6 июля и 20 июля имел аудиенцию у короля. Испанский король Карл II ответил, что, по свойству с королем польским, намерен помочь ему деньгами, войском же помочь неудобно по причине дальнего расстояния. 15 августа Виниус выехал из Мадрида в Англию[232], а в январе 1674 г. вернулся в Москву и в этом же году был пожалован в Московские дворяне[233].

В 1675 году Виниус получил проезжую жалованную грамоту для поисков серебряной, золотой и иных руд на всех без различия землях, в чем местные власти должны были оказывать полное содействие, — давать подводы, людей, конвой, не

---

[231] Б.-Каменский I, 120, прим. «Сего благоразумного мужа посольство может служить примером и на нынешнее время».

[232] Сведения о посольстве Виниуса см. в Памятниках Диплом. Сношений, т. IV, стр. 803—946 и у Б.-Каменского, I, 120 и 163 и IV, 82. См. также Соловьев, Ист. России, кн. III, 537.

[233] Белокуров, 128. К этому времени относятся и сведения о придаче жалованья Виниусу в документах Разряд. приказа (столбцы Моск. стола, № 485, л. 50—51): по случаю «объявления» царевича Федора Ал. переводчику галанского языка. А Виниусу учинено придачи поместья 100 четв., деньгами 12 руб.

взимать пошлин[234]. Он хотел, по-видимому, по примеру отца, посвятить себя горному делу: но в это время на него была возложена совсем иного рода обязанность, — заведывание почтовым делом.

Во главе почтового дела Виниус стоял при четырех правительствах, немного более четверти века (1675—1701 г.). Во время его управления в истории русских почт произошло много перемен; новое учреждение принесло много пользы государству; не безвыгодно оно было и для самого Виниуса, принеся ему значительные доходы.

Заведывание почтой делало Андрея Виниуса au courant многих важных дел того времени. Многим влиятельным лицам приходилось с ним знакомиться и даже нуждаться в нем. Вскоре после смерти царя Алексея Мих. Голландский посол ван-Кленк, ведший переговоры с Московским правительством между прочим и о торговле с Востоком, боялся неудачи в своих делах и через Виниуса предлагал боярину А. С. Матвееву значительные подарки. Матвеев просил Виниуса передать послу, что он подарков не примет, а его делу будет помогать из личного сочувствия[235] (Матвеев был в это время близок к концу своей карьеры).

6 июля 1688 г. Виниус подал челобитную царям Иоанну и Петру, в которой, выставляя свои заслуги в почтовом деле, особенно во время дипломатических переговоров по поводу Вечного мира, ходатайствовал пожаловать его за его службу. Но справке с Разрядом оказалось, что Виниус получает поместного окладу с придачами 1000 чети, денег 120 руб. Велено за его «прилежную и радетельную у почтового дела службу» за скорое и аккуратное хождение почты, дать в придачу к поместному его окладу 100 четей, денег 20 рублей[236]. Когда в 1693 г. учреждена была Архангелогородская почта, то управ-

---

[234] Доп. к А. И. VII, № 10. Хмыров, 177—178. В этой грамоте он впервые написан ст. «вичом».

[235] А. Попов, Русское посольство в Польше в 1673.

[236] См. Т. II, стр. 140—143.

ление ею было поручено сыну Андрея Андреевича, Матвею, еще очень молодому человеку, бывшему в чине стольника.

Многолетняя служба Виниуса щедро вознаграждалась правительством. Когда он получил чин думного дьяка и круг его обязанностей расширился, Рижская и Виленская почты, указом 8 июля 1695 года, были вверены также его сыну Матвею Виниусу[237]. Впрочем и после этого, до самого 1701 г., Андрей Виниус не переставал заведовать почтами, помогая сыну и руководя им.

Работой в Посольском приказе и заведыванием почтовым делом не ограничивались служебные обязанности Виниуса. С 80 декабря 1677 г. мы видим его также в звании дьяка Аптекарского приказа[238]. В истории русской медицины имя Виниуса также не осталось безызвестным. Уже в 1677 г. последовало важное распоряжение: продавать из царской новой аптеки разные лекарства для всякого, кому будет нужно. Относительно деятельности Виниуса в Аптекарском приказе мы имеем также сведения от иностранцев. Корб слышал от аптекарей, что царские аптеки при Виниусе были хорошо снабжены всем необходимым. Виниус отлично понимал это дело и внимательно следил за тем, чтобы лекари и аптекари имели все по первому требованию у себя под руками[239]. В это же время состоялось распоряжение принимать «в аптекарское научение» учеников из русских или, хоть и не русского происхождения, но подданных Московского правительства. Есть сведения, что царь Федор Алексеевич внимательно относился к Аптекарскому приказу и его начальнику. По указу царя из Тайного приказа были переданы в Аптекарские

---

[237] Т. II, стр. 155—156.

[238] Белокуров, 127. Несомненно, что уже в 1675 г. он назывался дьяком (И. С. З., III, 1402); нам попалось указание, что он именовался дьяком еще в 1672 г.; но это указание, по-видимому, ошибочно.

[239] Корб, Дневник путешествия в Московию, перев. Малеина, Спб., 1906, стр. 215.

медицинские книги[240]; тот же царь, в знак особой милости, пожаловал дьяка Аптекарского приказа Андрея Виниуса ценной и старинной иконой Нерукотворенного Спаса[241]. В 1689 г. он временно оставил Аптекарский приказ и сделался дьяком Посольского приказа.

О других обязанностях Виниуса имеются лишь отрывочные сведения. 28 дек. 1681 г. постельничему Лихачеву и дьяку Виниусу велено было ведать «дело бархатного мастера Захария Павлова с его мастеровыми»: при этом деле Виниус упоминается до 1684 г. включительно[242]. В 1683 г. он делал покупки у иноземцев для царской Мастерской палаты. 14 ноября 1689 г., 20 окт. и 1 дек. 1691 г и 29 февр. 1692 г. он упоминается в Новгородском приказе[243], в 1691 г. встречаем его скрепу на приходо-расходных книгах Устюжской четверти[244].

28 ноября 1692 г., исполняя поручение боярина Л. К. Нарышкина (первого министра в то время), Виниус пишет думному дьяку Емельяну Украинцову: «пасынку Курда (Плейеру,

---

[240] Рус. Ист. Библ., т. XXI. Спб. 1907. Стр. 383—384.

[241] По отношению к деятельности Виниуса в Аптекарском приказе следует сделать одно добавление. При Петре В., как это будет рассказано нами в своем месте, Виниус также заведовал Аптекарским приказом и оказался очень неаккуратным. Есть также косвенное указание на то, что и в данное время он не всегда отличался образцовой аккуратностью. В одном из своих писем к Щакловитому кн. В. В. Голицын писал: «да отпиши ко мне: на прошлых почтах или с Бехтеевым отпустил к тебе письмо, на котором подписано по-немецки, и тут же и моею рукою: велено отдать его Андрею Виниусу скоро — то для нужных моих лекарств — и по се время отповеди мне по нем нет. Пожалуй прикажи, чтоб мне, против того, тотчас отписано было». (Роз. дела о Ф. Щакловитом, т. III, стлб. 1110—1111).

[242] Белокуров, 128.

[243] Роз. Дела о О. Щакл., II, 575, III 1280 и 1319. 20 окт. 1691 г. он посылал из Новгор. приказу память в Приказ розыскных дел о рассмотрении челобитной кеврольцев и мезенцев, пожаловавшихся на неправильные действия спутника князей Голицыных в их ссылке, стольника Павла Скрябина.

[244] Белокуров, 128.

пасынку императорского каммеррата) приказать — жить скрытно в слободе и не бродить в тех местах, где ему искать нечего»[245].

В начале 1693 года Виниус был послан в Малороссию для наблюдения за состоянием умов по поводу попытки некоего Петрика с помощью татар замутить Малороссию. Он доносил, что всюду население остается верным православной церкви и Московскому царю и не думает о союзе ни с Польшей, ни с татарами[246].

Когда Виниус возвращался домой, то в Комарицкой волости, где он брал лошадей для подвод, собралась вооруженная толпа, напала на него и подъячих, бывших с ним, стала их «бранить и бесчестить и хотели убить до смерти, отбили сани» и разных вещей на 28 руб. слишком, а у подъячего — на 5 руб. Возвратившись в Москву, Виниус принес царям жалобу (7 июня 1693 г.)[247]. Послана была по этому поводу грамота в Севск, но чем дело кончилось, — неизвестно.

18 июня 1693 г. Виниус выиграл в Посольском приказе местническое дело: нелепо ими его писать выше имен дьяков Постникова и Михайлова[248].

Андрею Андреевичу было уже более 50 лет, когда он был замечен молодым царем Петром и сделался одним из главнейших его сотрудников.

Уместно здесь упомянуть и об отношениях Виниуса к знаменитому Патрику Гордону. В дневнике последнего имя Виниуса встречается нередко. Под 1684 г. Гордон сообщает о письме, которое он послал Виниусу из Малороссии. Под

---

[245] Dukmeyer. I, 86. Нам. Дипл. Сн. VII. 971.

[246] Соловьев, Ист. России, кн. III, 1133—34.

[247] Моск. Архив М. Юст., Разрядного приказа столбцы, № 1539, л. 86—87.

[248] Белокуров, 128. Следует пояснить, что Виниус, хотя и позже сделался дьяком, чем Постников и Михайлов, но должен был считаться старше их, потому что до этого был московским дворянином, а его товарищи выслужились из подъячих. Это местническое дело хорошо известно из челобитных Виниуса, изд. Сторожевым (см. ниже).

8 янв. 1685 г. Гордон сообщает о новом письме, в котором он сообщал Виниусу о разных новостях и просил прислать ему Theatrum Scotiae. Под 23 янв. он снова упоминает о Виниусе как о почтмейстере; то же под 10 июня. Под 29 янв. 1686 г. Гордон рассказывает о своем прощальном визите Виниусу (перед отъездом в заграничную командировку). Здесь Гордон сообщает, что по поручению «первого министра» Виниус передавал ему устно какое-то поручение, касающееся обоих царей. 5 февр. Гордон пишет Виниусу письмо из Новгорода; под 20 июля 1693 г. упоминается также о письме Виниусу. В марте 1695 г. Гордон писал Виниусу из Тамбова, справляясь об одном вопросе канцелярского характера[249].

Расцвет деятельности А. А. Виниуса приходится на первые годы самостоятельного правления царя Петра; но, как видно из предыдущих, хотя и отрывочных сведений, он пользовался большой известностью, как делец, во всех сферах тогдашнего высшего общества. Прежде, чем выступить в роли сотрудника великого Преобразователя, он прошел хорошую школу.

IV

Деятельность А. А. Виниуса при Петре В. — Переписка с царем. — Почтовое дело. — Школа и разные др. поручения царя. — Рассказы Корба о Виниусе. — Сибирский приказ. — Артиллерия. — Падение Виниуса. — Последние труды его

Мы не знаем, когда в первый раз деятельный и умный голландец встретился с Петром В. По свидетельству В. И. Куракина, еще в отрочестве Петр, по склонности своей ко всему иноземческому, начал учиться всяким «экзерцициям» и голландскому языку, и за «мастера» этого языка был дьяк Посольского приказа, Андрей Виниус, «человек умный и

[249] Gordon's Tagebuch, II, 27, 54, 58, 93, 120, 122, 412, 520.

состояния доброго»[250]. Вероятно, Петр познакомился с Виниусом после дела Шакловитого. В 1687 г., по поручению последнего, Виниус заказывал за границей портрет царевны Софии с преувеличенным её титулом. Во время суда над Шакловитым Виниусу пришлось по этому поводу давать объяснения[251]. Очевидно, эти объяснения были признаны удовлетворительными, потому что Виниус не только не пострадал, а в 1691 году, в чине думного дьяка, даже по праздникам «пресветлых государей царей пресветлые очи видел» и находился в наряде на разных церковных церемониях[252]. Очевидно, проницательный взор Петра сумел оценить полезного работника.

С 1694 г сведении об отношениях царя к Виниусу имеются в значительном количестве, благодаря большому числу писем царя и Виниуса друг к другу.

Из дела Шакловитого царь Петр мог узнать о знакомстве Виниуса с Амстердамским бургомистром Витзеном (Виниус заказывал портреты ц. Софии через Витзена). В 1693 г., вероятно, при посредстве Виниуса и Витзена, царь заказал в Голландии корабль «Святое Пророчество». Из переписки царя с Виниусом за время, начиная с 1694 по 1714 год включительно, мы узнаем, что более всего интересовало Петра В. в это время, и в чем Виниус принимал деятельное участие. В 1695—1696 годах, в эпоху Азовских походов, царь имел в лице Виниуса постоянного важного и сведущего корреспондента. Через него он делал заказы за границей, военные заготовки у себя дома, через него получал сведения о заграничных и московских новостях, куранты; через него передавал известия и поручения. Вместе с тем замечаем, что Виниус при необычайной деятельности, несколько бережет себя и не забывает своих интересов: он два раза уклонился от возможного свидания с царем: один раз под предлогом ушиба, другой раз без

[250] «I история о царе Петре Ал.» см. Архив кн. Куракина, т. I, стр. 70.
[251] Роз. дела о Ф. Шакловитом, I, стр. VIII—IX.
[252] Сборник выписок из архивных бумаг о П. В., М., 1872, т. I, стр. 403.

всякой видимой причины: обращается к Петру с какой-то челобитной для себя, просит прощения провинившемуся свояку, Емельяну Игн. Украинцеву. Последнее поручение царя, с каким мы встречаемся в переписке этого времени[253], постройка триумфальных ворот, было Виниусом выполнено в сентябре 1696 года, и 30 сентября торжественный въезд в Москву состоялся. «Капитан Петр Алексеев» шел пешком за раззолоченными санями адмирала Лефорта. Устроитель торжества, Виниус, сверху триумфальных ворот в трубу говорил вирши победителям[254].

Вскоре после Азовских походов, царь Петр затеял новое важное дело: собрался в дальнее путешествие — в Западную Европу. Он отправился туда инкогнито в числе свиты послов Головина и Лефорта, в марте 1697 года, а вернулся в августе 1698 г. Это было время, когда Виниус был одним из довереннейших лиц Петра. Царь пишет ему часто тайными чернилами и о таких делах, о которых не пишет никому. Всякая почта приносит письма Петра Виниусу; случайное отсутствие их в той или другой почте уже беспокоит старика. Соблюдая инкогнито царя, Виниус пишет ему просто, иногда фамильярно; Петр отвечает ему тем же. Они сообщают друг другу всякие новости, политические и научные, даже простые сплетни. Виниус больше всего пишет о железном деле, о почтах, о сибирских делах; Петр — о политике и о приемах, оказанных посольству за границей. В одном письме Виниус рекомендует одного окольничего на службу[255]. В декабре

---

[253] Переписка Петра В. с Виниусом будет рассмотрена нами в особой главе.

[254] Описание похода боярина Шеина. Соловьев, Ист. России, т. III, 1157. В книге своих черновиков Виниус заносит заметку: «к Витцену листы триумфальных врат и с надписанием, как и где что было...» (Моск. Архив М. И. Д., Почт. Д. карт. 6, л. 54 об.).

[255] К А. А. Виниусу в это время нередко обращались за протекцией, особенно иностранцы. В книге черновых писем его (Моск. Архив М. И. Дел, карт. 6, л. 83 об.) читаем: «писал к Фасому: по его счетам и за камушок заплатил; об офицере Страухе *рад промышлять*, только к кому

1697 года Петр пишет Ф. Ю. Ромодановскому письмо, в котором просит последнего оказывать покровительство Винису[256].

Это время вообще было временем расцвета деятельности Андрея Андреевича, хотя он считал уже шестой десяток лет возраста. Мы уже сказали, что из всех вопросов наиболее занимали его в это время, — почта, железные заводы и Сибирские дела. Приступим теперь к обозрению его деятельности за время 1695—4701 г. (в 1701 г. Виниус навлек на себя первую немилость Петра и лишился почты).

В марте 1699 г. Матвей Виниус был командирован для науки в город Берлин. Вся тяжесть почтового дела легла опять на старика Андрея Виниуса[257]. Начиная в 1700 году войну, царь Петр был озабочен развитием почтовых сношений. Виниусы получили указ о приведении в лучший порядок заграничной почты.

Но мы знаем, что не одно только почтовое дело легло тяжким бременем на плечи усталого дельца. Взяв снова на себя все разросшееся почтовое дело, он в то же время был завален бесчисленными делами по Сибирскому приказу, исполнял массу военных, административных, даже просветительных поручений Петра. В 1701 г. он заявлял, что собрал в школы 250 ребят, из которых выйдут хорошие инженеры, артиллеристы и мастера[258]. Тогда же он открыл навигаторскую школу.

належит: никого на Москве нет». Ниже еще будем говорить о таких случаях.

[256] Письма и бумаги П. В., т. I, стр. 228. Несколько позже встречаемся с известием, что некто Михайло Волчков был поставлен под виселицу, а затем снят и бит кнутом на козле нещадно за неправое челобитье на Виниуса (7 дек. 1699 г. см. Записки Желябужского, М., 1840, стр. 154).

[257] Хрущов, 30. С этого момента Хрущов величает его «Андреем Денисовичем». Соловьев, Ист. России, кн. III, 1251. А в 1703 г. в «Ведомостях» читаем: «в математической штюрманской школе больше 300 человек учатся и добре науку приемлют». (Ведомости времени Петра В., вып. I-й, М., 1903, стр. 3).

[258] Соловьев, Ист. России, кн. III, 1251. А в 1703 г. в «Ведомостях» читаем: «в математической штюрманской школе больше 300 человек

В 1701 г., когда Виниус замещал пленного генерал-фельдцейхмейстера царевича Александра Арчилловича в заведывании Приказом артиллерии, последовало открытие школ на новом пушечном дворе. Велено было построить на пушечном дворе деревянные школы и в тех школах учить детей пушкарских и иных посторонних чинов людей словесной и письменной грамоте, цифири и инженерным наукам. Указ повелевал ученикам «будучи в тех школах учиться наукам с прилежанием, а выучась, без указу с Москвы не съехать, также в иной чин, кроме артиллерии, не отлучаться». В школах был устроен для учеников полный пансион[259]. Тем ученикам, которые будут прилежны и переимчивы, обещано особое государево жалованье[260].

Замышляя ввести обучение ребят немецкому языку, Петр проектировал к этому делу также привлечь Виниуса[261]. Царь давал ему массу ученых поручений — переводов и составления специальных трактатов, словарей и пр. Не избежал Виниус и побочной работы, не имевшей непосредственной связи с его должностями, так напр., в 1700 г. заседала комиссия по составлению нового уложения; комиссия эта поручила Виниусу отправиться к патриарху с просьбой представить

учатся и добре науку приемлют». (Ведомости времени Петра В., вып. I-й, М., 1903, стр. 3).

[259] На корм им положено по 2 деньги человеку на день, «и из тех денег из половины покупая хлеб и харч: в постные дни рыбу, а в скоромные мясо, и варить кашу или щи, а по другой деньге — на обуви и на кафтанишки и на рубашенки» (Бранденбург, 485).

[260] В приложениях к соч. Бранденбурга помещена ведомость расходам по содержанию артиллерийской школы 1701—1706 гг. Из нее узнаем, что с 1 авг. по 28 сент. 1701 г. было набрано 180 чел. учеников, а к 1 апр. 1704 г. число их доходило уже до 300. Из этого числа впоследствии поступило на службу 11, отдано в артиллерийские ученики 5, в токари — 10, писаря пушкарские — 2, пушечные ученики — 1, сбежал — 1.

[261] Письма и бумаги П. В., II, 30.

материалы для уложения по духовному ведомству[262]. Старик изнемогал от работы, но, пользуясь большими доходами, не желал отказываться ни от одной из должностей, что в конце концов привело его к невозможности быть аккуратным в исполнении возлагавшихся на него поручений. Он стал уже часто вызывать неудовольствие царя своею неаккуратностью («московским тотчасом», как любил выражаться Петр). Неаккуратность его, особенно в важном почтовом деле, очевидно, достигла таких размеров, что царь не счел возможным даже ждать приезда его сына из-за границы и 17 марта 1701 г. указал, «почты Виленскую и города Архангельского, приемом и отпуском которые ведает стольник Матвей Виниус — ведать ныне Государственного Посольского приказу переводчику Петру Шафирову: а ему, Матвею, той почты не ведать».

Потеряв заведывание почтой, Андрей Виниус сохранял за собой все прочие должности; но с этого момента расцвет его деятельности начинает меркнуть.

В эпоху расцвета Виниус был крупным и влиятельным вельможей. Мы знакомимся с ним с этой стороны по запискам Корба, бывшего в Москве в 1698—99 гг. Вот некоторые из рассказов последнего.

Царь, покончив с казнями стрельцов и собираясь в Воронеж, велел генералу Лефорту устроить обед для вельмож и иностранных представителей. На этом обеде, происходившем 2 ноября 1698 г., был и Виниус. Корб рассказывает, что гр. А. А. Матвеев за столом громко сказал Виниусу полатыни: «Stultorum plena sunt omnia» (дураками полон свет); Корб умалчивает, кого разумел Матвеев под «дураками»[263].

24 апреля Виниус с монахом Карионом и несколькими офицерами был на обеде у императорского посла Гвариента

---

[262] Библиотека Моск. Общ. Ист. и древностей, М., 1845, стр. 117. Материалы для этого Уложения, весьма скудные, напечатаны в Архиве Ист. и Практ. Свед. о России П. Калачова, 1863, кн. 5. Виниус назван там в числе членов кодификационной комиссии.

[263] Корб, 100.

в свите которого был Корб[264]; 1-го июня Андрей Виниус был приглашен к обеду у Бранденбургского резидента[265]. 10 июня того же года императорское посольство посетило Воскресенский монастырь. Когда приезжие гости осматривали храм, пришел Виниус с Бранденбургским резидентом Цизельским, и они все обедали вместе. После этого обеда посол со всей свитом отправились на дачу Виниуса, где очень приятно провели время.

Приведенные нами сведения о дружественных отношениях Виниуса к императорскому послу Гвариенту подтверждаются недавно обнародованными документами, найденными д-ром Ф. Дукмейером в Амбергском архиве (Бавария).

Ф. Дукмейер приводит отрывки из писем Гвариента, из которых оказывается, что Виниус давал сведения Гвариенту обо всем, что происходило в Московском государстве (письмо графу Кауницу от 6 мая 1699 г.). В сентябре того же года Гвариент пишет (письмо не адресовано), что Виниус представил ему карту всей Сибири и не пожелал издавать ее иначе, как посвятив ему, и при этом наводит у него справки относительно определения высоты полюса. Виниусу он писал из Смоленска, благодарил его за внимание, за посвящение и давал указания о сведущих по научным вопросам людях (пись-

---

264 Корб, 146. Некоторые думают, что монах Карион, упоминаемый в рассказах Корба, сеть не кто иной, как известный духовный писатель того времени, Карион Истомин. О том, что Виниус не прочь был сближаться с духовными лицами, можно видеть еще из следующего рассказа, помещенного в «Житии патр. Иоакима» Андрей Виниус рассказывал иноку Ефимию, что он, по смерти патриарха Иоакима, хотел «небрещи» его портретом, который у него был, потому что «что во образе, егда патриарх преставился?» Но покойный патриарх явился ему во сне и заявил: «побереги образ мой, яко и впредь пригодится», и Виниус отнесся к видению, как к одному из чудес почившего (Шляпкин, Св. Димитрий Ростовский и его время, стр. 213). Ниже нам придется еще говорить о его сношениях с митрополитами Сибирским, Холмогорским, Казанским.

265 Корб, 152.

мо это писано под диктовку больного Гвариента). В другом письме из Смоленска он просит Виниуса посылать ему вслед письма, получаемые на его имя в Москве, а уплату за пересылку поручает миссионеру Веруле[266].

Из Варшавы тот же Гвариент писал Виниусу письма, в которых отсоветовал посылать царевича Алексея Петровича к Дрезденскому двору (в заключение он просил Виниуса уничтожить это письмо «veritas enirn odium parit»[267]: следовательно, и в этом вопросе Виниус принимал участие наравне с прочими советниками Петра[268]. Одно время Петр даже думал приставить Виниуса к царевичу, когда этот последний поедет учиться заграницу[269].

Приятелем Виниуса в это время был Андрей Артам. Матвеев. В бумагах Виниуса он часто называется просто «Артемонович»; он широко пользовался услугами Виниусовских почт. В книге черновых писем Виниус часто отмечает: «писал Андрею Артемоновичу комплементы в одном месте прибавляет: «и как в. г-рь об нем изволил спрашивать, и что сказал» (ноябрь 1699 г.)[270]; в нач. 1701 г. в той же книге читаем: «писал Андр. Арт-чу, чтоб не прогневался, что не часто к нему пишу[271].

Другой приятель Виниуса, Бранденбургский резидент Задора-Цизельский, в начале 1700 г. скончался от раны, полученной им в Москве на дуэли. По распоряжению царя,

---

[266] Dukmeyer, 248.

[267] «Bitte darauf zu refieetiren, mem gegenwärtiges Sehreiben aber Ehend zu verreisen, alss in frembde Hand gerathen zu lassen Veritas enim odium parit» (Dukmeyer, 9 и 134).

[268] Dukmeyer, 132—134, 383. Не лишено интереса и то обстоятельство, что по возвращении из-за границы царь виделся в доме Виниуса в Преображенском со своею, попавшей в немилость, супругой. (Dukmeyer, 365).

[269] Dukmeyer, 369 и 381.

[270] Моск. Архив Мин. Ин. Дела, Почт. Д., карт. 6, л. 208.

[271] Ibidem, л. 309 об.

Виниус похоронил его на казенный счет[272] (из средств Сибирского приказа на эти похороны было истрачено 100 руб.).

В конце того же года А. А. Виниус писал известному нам Витзену, что «челобитье ево Е. И. У. (Украинцеву) исправил, а трудности потому ж исправлю»[273].

Теперь перейдем к рассмотрению других сторон деятельности Виниуса.

Наиболее причиняло забот и трудов Андрею Виниусу заведывание Сибирским приказом, в которое он вступил не позже 1694 года[274]; но эта должность давала ему также большие доходы, если верить Корбу, что Виниус не только не получал жалованья за эту должность, но даже платил царю 1.000 руб. ежегодно с тем, чтобы все воеводы зависели от него; а назначал он их «не бескорыстию». Корб отзывается с большой похвалой об уме, образованности и изворотливости Виниуса и его хорошем управлении Приказом. При нем сибирские воеводы не смели притеснять и разорять торговых людей, так как за ними был учрежден строгий надзор. Узнан от кого-либо из торговых людей о злоупотреблениях какого-нибудь воеводы, Виниус грозил ему кнутом, лишением имения, смертию и пр., если он не исправится[275]. Узнавать обо всем помогали ему также тайные агенты. Была местность, с которой воеводы доставляли в казну ежегодно по 600 руб. Виниус назначил туда воеводу, который в первый же год сообщил, что царский приход составляет 10.000 рублей. Жалобы на воевод вообще выслушивались Виниусом с большим вниманием. Так напр., по жалобе красноярцев, был привле-

---

[272] Письма и бумаги Петра В., I, 787. Цизельский очень огорчал Виниуса, не платя ему занятых много раз денег. Он, напр., пишет об этом в Берлин фон-Принцеву даже после смерти Цизельского, извещая о его похоронах (15 февр. 1700 г.; см. М. Архив М. И. Д., Почт. д., карт. 6, л. 236 об.).

[273] Ibidem, л. 298 об.

[274] См. в Моск. Архиве М. Юст., Расходные книги Сибирского приказа с 1 сент. 7203 г.

[275] См. напр. Акты Ист., т. V, № 284.

чен к ответственности Данила Полянский[276] и красноярские воеводы Башковские и Семен Дурново[277]; обращено внимание на жалобы жителей на притеснения митрополичьих чиновников[278].

Как например сурового обращения со взяточниками, Корб указывает на судьбу кн. Черкасского, изобличенного Виниусом во взятках, которые он собирал не лично, а через подчиненных. Черкасский был возведен на эшафот, но пощажен, бит кнутом и сослан на галеры[279].

В 1697 г. были посланы на Верхотурье две царских грамоты, в которых воеводе предписано было вести запись ссыльным людям с указанием, где они остаются и следить за тем, чтобы они занимались трудом, а не бродяжничеством[280]. Грамота 1698 г. Иркутскому воеводе по тому же вопросу еще решительнее: «воров», которые окажутся между ссыльными, нелепо казнить без пощады, а тех из ссыльных, которые живут хорошо, всячески поощрять «ласкою и приветом»[281].

Сохранился очень ценный приговор 1698 г. думного дьяка Виниуса с товарищи о разборе подъячих в сибирских городах Приговор предписывает отставить тех подъячих, которые «делать не смыслят», также пьяниц и т. п., а вместо них поверстать новых, хотя бы из ссыльных людей и пр.[282].

---

[276] Письма и бумаги П. В., I, 808.

[277] Пам. Спб. Ист. XVIII в., I, 38. О письме Башковского к Виниусу см. Обозрение... Н. Оглоблина, Чт. М. О. ист. и др. 1900, кн. III, 330.

[278] Акты Ист., т. V. № 273.

[279] Корб, 266—267. Целый ряд розыскных дел о злоупотреблениях различных должностных лиц в Сибири за это время можно найти в столбцах и книгах Сибирского приказа в Моск. Архиве Мин. Юстиции (см. Обозрение... Н. Н. Оглоблина, Чт. М. Общ. ист. и древн. за вышеуказанные годы).

[280] Акты Ист., т. V, № 271.

[281] Там же, № 280.

[282] Обозрение... Н. Оглоблина, Чт. М. Общ. ист. и др. 1902 г., кн. 1, стр. 9—10. См. также чрезвычайно интересную и симпатичную грамоту Иркутскому воеводе (Акты Ист., т. V № 283).

Виниус заботился о разыскании в Сибири руд, железных и серебряных[283]; принимал ряд мер по распространению и утверждению христианства и грамотности, развитию торговли и промышленности, проведению дорог; велел составить описание Сибири, чертеж путей, городов и учредить почты. К началу 1698 г. была построена церковь в Пекине, крещено 20 китайцев. Виниус посылал указы Сибирскому архиерею о подыскании миссионеров, обучении желающих из русских — китайскому, монгольскому и калмыцкому языку, переводе нужных книг на эти языки[284]. Прибывавшие из Азии послы иногда останавливались в доме Виниуса[285]. Получив от Петра наставление, что пропаганда христианства должна быть осторожная, Виниус велел расспрашивать торговых людей, прибывающих в Нерчинск из Китая, где стоит новопостроенная в Китае часовня — между домами или особо; приходят

[283] За время управления Виниуса Сибирским приказом были основаны заводы Невьянский (1699 г.), Каменский (1700 г.) и Алапаевский (1703 г.) и открыто множество рудных приисков (Пермский сборник, кн. I, стр. 26), Интересные царские грамоты, предшествовавшие открытию Невьянского завода см. Акты Ист., т V. № 267 и грамота Верхотурскому воеводе о приигке известкового камня и других материалов для каменных городских построек — Акты Ист. т. V, № 269. О находимых рудах Виниус часто списывался с Витзеном. Напр. в янв. 1697 г. Витзену «в одном мешечке № 1 послана руда, что привез Василий Никотин и сказал, что серебряная, и греки Александр и Спиридон свидетельствовали то ж, в другом медная, при болоте, № 2»; несколько позже: «писал еще о той же магнитной руде и каково железо и можно ль из него делать сталь и разделить серебро от него в большом заводе (Моск. Архив Мин. Ин. Д., Почт. Дела, карт. 6, л. 6606 и 67).

[284] Письма и бумаги П. В., I, 694—695.

[285] Корб, 140, На докладе послов Ф. А. Головина с товарищи о договор с китайцами по поводу «вечного мира» есть приговор Виниуса о принятии мер к соблюдению посольских договоров со стороны Иркутских и Нерчинских воевод: необходимо преследовать перебежчиков, запретить ясачным и промышленным людям ходить для звериного промысла в Китайскую сторону и т. д. (Обозрение, Н. Оглоблина. Чт. М. О. ист. и др. 1902, I, стр. 114—115).

ли китайцы смотреть русское богослужение и что говорят, не смеются ли над ним: какое богослужение им больше нравится — русское или иезуитское: каково там русское духовенство; сколько русских прихожан; хороша ли утварь церковная; достаточно ли книг; где погребают умерших христиан, открыто ли совершают погребение или тайно и крестился ли кто-нибудь из китайцев[286]. Устройство новых монастырей в Сибири воспрещено[287].

В 1699 г. велено было построить в Нерчинске каменный гостинный двор[288] и введена гербовая бумага в Сибири[289]; в Сибирском приказе появилось полезное нововведение вместо приказных столбцов, скатывавшихся в колеса, заведены были для дел — тетради.

В Сибирском приказе всегда было много денег и всяких товаров[290]. Должностные лица иногда брали оттуда крупные суммы. Так, в половине 1699 г. известный Прокофий Возницын взял соболей и камок на 12.000 р., на что Виниус жаловался царю. Так как у провинившихся сибирских воевод имущество конфисковалось, то, по мнению Виниуса, его следовало бесповоротно зачислять в казну и ни под каким видом не возвращать[291].

---

[286] Соловьев, Ист. России, кн. III, 1223. На эти вопросы был получен ответ от Нерчинского воеводы Ивана Николева, см. Акты Ист., V, № 295.

[287] Акты Ист., т. V, № 275.

[288] Там же, № 287.

[289] Там же, № 293.

[290] 17 июня 1697 г. Нерчинскому таможенному голове было велено осмотреть золото у купца Спиридона Лянгусова, посланного для торгу в Китай. Если он привезет оттуда золото в коробках или слитках, то велено это золото описать и обязать его предъявить в Сибирский приказ, откуда за него будут выданы деньги (Акты Ист. т. V, № 268).

[291] Письма и бумаги П. В., I, 772. Интересен приговор Виниуса по делу тобольского дворянина Глинского, пожалованного в московские дворяне. С этим пожалованием соединялось понижение денежного оклада с 20 р. на 18. Виниус постановил: писать его оклад в 18 р., а выдавать 20 р. (1699 г., см. Обозрение столбц. и кн. Сиб. приказа Оглоблина, Чт. М. Общ. ист. и др., 1900 г., кн. III, стр. 285).

18 января 1700 г. Виниус приказал допросить прибывших в Москву из Сибири служилых людей Томских, Кузнецких и Красноярских о том, какие соседи беспокоят их области, можно ли им отражать их собственными силами, почему уменьшился в Томском уезде ясачный сбор, и есть ли в том уезде места, где можно было бы поселить ссыльных[292]. О таких же «мирских нуждах» допрашивали Туринских крестьян, приехавших однажды по своим делам в Сибирский приказ (между прочим, на вопрос о качествах воеводы они отозвались с большою похвалою)[293].

В это время в Сибири действовали особые «таможенные статьи», составленные Виниусом, которые надолго пережили своего составителя[294]. В них, между прочим, торговые люди обеспечивались от насилий со стороны воевод.

В том же году Виниус просил царя назначить нового митрополита в Сибирь, потому что митр. Игнатий заболел душевной болезнью[295]. Назначен был знаменитый Димитрий Тунтало (впоследствии св. Димитрий Ростовский); но этот по слабости здоровья не мог туда поехать, и был назначен другой — Филофей Лещинский, оказавшийся чрезвычайно энергичным архиереем. Из дел Сибирского приказа о его деятельности почерпаем следующее известие.

В августе 1702 г. он послал своего боярского сына Еремея Иванова в Киев для покупки книг церковных и учебных, а также для найма дьякона, 2 учителей «латинской науки». 4 певчих и 2 «студентов». Сибирский приказ (т. е. Виниус) оказал содействие посланному в добывание подвод[296].

---

292 Памятники Сиб. Истории XVIII в., Спб. 1885, кн. I, стр. 1.

293 Бытовые черты к. XVIII в. Оглоблина, стр. 9.

294 О размере таможенных сборов по этим статьям можно судить между прочим из того факта, что в 1700 г. на Ирбитской ярмарке их было сделано до 30,000 руб. на наши деньги (Быт. черты XVIII в. II. Оглоблина, стр. 6).

295 Письма и бумаги П. В., I, 808.

296 О просветительной деятельности митр. Филофея (1702—1711 гг.) см., между прочим, Пермский сборник, М. 1859, кн. I, стр. 29. Описан-

Месяца за четыре до описанного случая, в Сибирском приказе рассматривалось одно дело, находящееся в связи с переменами в Сибирской митрополии. Дело это очень интересно для характеристики Виниуса. Состоит оно в следующем.

14 марта 1700 г. митр. Игнатий взял у некоего Алексея Коробовского 2 книги: Хрисмологион и Историю Скифийскую, стоимостью 11 рублей, но денег не уплатил. На другой день, 15 марта, Игнатий, по царскому указу, был отвезен в Чудов монастырь, как душевно-больной. В Чудовом монастыре он пробыл 2½ недели под присмотром ризничного иеродиакона Иоасафа Стромилова. Коробовский обратился к Стромилову с просьбой доложить преосвященному, чтобы он возвратил взятые книги или заплатил за них. Митрополит признался, что книги Хрисмологион и История Скифийская были действительно взяты, и деньги, 11 рублей, за них не уплачены, но прибавил, что в настоящее время книги эти находятся в его келейной рухляди в Казанском подворье. Когда Игнатий был переведен в Симонов монастырь, Коробовский снова бил челом о своем деле патриарху и властям. В августе 1701 года все келейные книги митр. Игнатия, вместе с прочим его имуществом, хранившимся в Сибирском приказе, на Казанском подворье и в Симоновом монастыре, были описаны и оценены под присмотром думного дьяка А. А. Виниуса, а затем переданы новому митрополиту, Димитрию. В числе книг, отданных преосв. Димитрию, были и 2 рукописные — Хрисмологион, оцененная в 1½ рубля, и «История Сирская», ценою в 1 рубль. Преосв. Димитрий не поехал в Сибирь, и вместо него был назначен, как мы видели, преосв. Филофей. Этот немедленно передал Коробовскому Хрисмологион; что же касается Истории Скифийской, стоившей 9½ рублей (около 100 р. на наши деньги), то таковой не оказалось, и «История Сирская», стоившая всего 1 рубль, конечно, не могла её заменить. Коробовский в апреле 1702 года подал

ный в тексте случай — см. Бытовые черты н. XVIII в. Н. Оглоблина, стр. 15—16. См. также ниже.

челобитную государю, указывая, что книга его была взята в Сибирский приказ. Сибирский приказ отрицал это, утверждая, что все, оставшееся после митр. Игнатия, передано митр. Филофею. Но в описи, составленной самим же приказом, как мы видели, «Истории Скифийской» не было: значит, приказ как бы свидетельствовал, что таковой книги у митр. Игнатия не было вовсе; между тем показанием самого Игнатия, приведенным выше, установлен факт, что таковая книга у него была. Конечно, этому показанию, как показанию душевно-больного, можно было и не дать значения, если кому-либо, как напр., любителю книг Виниусу, захотелось бы, при составлении описи, заменить одну книгу другой. По-видимому, так и случилось, и тщетно Коробовский хлопотал о возврате ему дорогой книги…[297]

Заботясь об интересах русских поселенцев и торговых людей, Виниус внимательно относился и к нуждам инородцев. 31 мая 1700 года он распорядился, чтобы крестьяне Тобольского уезда не причиняли разорения Башкирцам ввиду жалоб последних царю[298]. В феврале 1701 г. Сибирские инородцы ходатайствовали через Тарского воеводу о дозволении им продавать своих детей, ссылаясь на голод в их стране. Неизвестно, какие меры предпринял Виниус для смягчения народного бедствия; но продажа детей или отдача их в холопство были инородцам строжайше воспрещены; а велено инородцам «детей своих однех дочерей и сестер и племянниц отдавать в замужество своей же братье иноземцам, а русским продавать их и отдавать не велеть, чтоб от того иноземского роду не малилось»[299]. В том же году Виниус принял участие в одной крещеной калмычке, которую более 5 лет силой держали в холопстве сначала Сургутский воевода Юшков, а по-

[297] Бытовые черты н. XVIII в. Н. Оглоблина, стр. 11—14.
[298] Пам. Сиб. истории XVIII в., I, 75.
[299] Бытовые черты н. XVIII в., Оглоблина, 3—5.

том дьяк Сибирского приказа Парфенов и наконец — дьяк Приказа Большого дворца Юдин[300].

В 1701 году окончена была серьезная научная географическая работа, предпринятая по распоряжению Виниуса еще в 1696 году. Тобольский боярский сын Семен Ремезов составил «Чертежную книгу Сибири». Устройство правильных и постоянных сношений с Сибирью с 1697 года шло неуклонно вперед.

В том же 1701 году был награжден казачий пятидесятник Владимир Атласов за свой «поход в Камчадальскую землю» (открытие Камчатки). Андрей Виниус с товарищи приказали: быть ему в Якутске казачьим головой, жалованья ему учинить годовой оклад 10 рублей, по 7 четв. ржи и овса и 3 пуда соли; за его добычу — 11 сороков соболей — выдано было ему 100 руб. деньгами и на 100 р. товарами. Но не прошло и 4 дней со дня этого приказа, как Виниус собственной рукой пишет новый приговор: за тое его (Атласова) службу, и за прииск, сверх прежней его дачи и за раны его, и чтоб впредь ему великому государю свою службу в тех приисках новых землиц и дальних народов показать — дать ему на Верхотурье денег 50 рублей, да товарами, какие ему пригодны, на 50 же рублей[301].

Из других дел Сибирского приказа за время управления Виниуса известны еще — введение продажи игральных карт в Сибири (из фискальных целей, вопреки желанию населения)[302]; наложение запрещения на вывоз бобрового пуху за море; принятие мер против казацких волнений в Нерчинске, вызов самоедских шаманов из Березова в Москву — по-видимому, для удовлетворения любознательности государя; с такой же целью — требование присылки 10 живых соболей и 10 пудов магнита из Верхотурья; распоряжение о продаже

---

[300] Бытовые черты н. XVIII в., Оглоблина, 1—3.

[301] Новые данные о Вл. Атласове, Н. Оглоблина, Чт. М. Общ. ист. и др. 1888 г., кн. I, стр. 17.

[302] Бытовые черты н. XVIII н. Н. Оглоблина, 5—6.

прибывшей в Москву партии чаю в 7 пуд. 20 фун. Среди челобитных за это время попадаются: челобитная жителей Тары о присылке им часовщика для заведывания купленными ими на свой счет боевыми железными часами, протест Сургутского воеводы против применения выборного начала среди служилых людей, челобитная немца — доктора Херургуса о разрешении ему оставить службу в Тобольске и вернуться к семье. В делах Сибирского приказа в Моск. Архиве Мин. Юстиции есть много любопытных черновых докладов царю, исправленных рукой Виниуса, за 1698—1701 гг.[303].

В 1702 году Виниус посетил Сибирь. С этим приездом его связано учреждение соляной монополии[304]. Тогда же он написал инструкцию Верхотурскому воеводе, из которой видно, что он был человек просвещенный, с обширными знаниями и обращал внимание на исправление народной нравственности и на воспитание детей[305]. На средства приказа Виниус иногда давал образование способным инородцам. Мы имеем известие, что в «словесных» школах Приказа артиллерии учился китаец (он называется также «апонского государства татарин»), именем Денбей; деньги на его содержание давались из Сибирского приказа (по 10 денег на день)[306].

В марте 1703 г. митрополит Сибирский Филофей обратился к царю с целым рядом вопросов, касающихся церкви и

---

303 См. Обозрение… Н. Оглоблина в Чт. М. Общ. ист. и др. 1902 г., кн. I, стр. 7. Там же есть несколько частных деловых писем к Виниусу от разных лиц.

304 Сибирский Летописец. Тобольск. 1892.

305 Гамель, 11.

306 К сожалению, «тому инородцу не пришлось окончить своего образования. Когда Виниус удалился за границу, то кн. Гагарин взял Денбея к себе на двор и не велел ему ходить в школу, «для того что он словесной грамоте и писать выучился». Когда в 1710 г. в Москве был царь, то Денбей обратился к нему с просьбой об отпуске в свою землю. Отпуска дано не было, а приказали Денбея крестить и давать ему жалованье из Сибирского приказа (Бранденбург, 244).

образования; на все эти вопросы Виниусом, по поручению царя, были составлены обстоятельные ответы[307].

Заведывание сибирскими промыслами и горным делом Виниусу пришлось соединить с работой по изготовлению артиллерийских снарядов. Есть сведения, что еще в 1695 году он уже принимал участие в доставке артиллерийских припасов к Азову[308]. В письмах за границу Виниус беспрестанно напоминает царю о необходимости добыть «железных мастеров», умеющих лить пушки и пр. Виниус был знатоком литейного дела, когда ему пришлось принять артиллерию в свое заведывание. До 1700 г. артиллерией заведовал первый генерал-фельдцейхмейстер царевич Александр Арчиллович Имеретинский; под Нарвой он был взят в плен шведами и оставался в плену, несмотря на все усилия Петра высвободить его оттуда. По имени он числился во главе артиллерии даже в 1706 г.[309] Но уже с 1701 г. начинает часто упоминаться Приказ артиллерии[310], во главе которого de facto стоит «надзиратель артиллерии» Андрей Виниус (бумаги пишутся попрежнему на имя царевича). Так как при Нарве наша артиллерия досталась в руки шведов, то Виниус сделался творцом новой артиллерии. Петр придумал употребить на пушки колокола, но из одной колокольной меди пушек делать нельзя было, а подвоз красной меди происходил медленно. Царь раздражался на медленность дела, и это понятно: «время было яко смерть». А тут еще подводы доставать для пушек было трудно — «многие господа» захватывали подводы для себя. Но артиллерия имела хорошего «надзирателя» и под Петербургом прекрасно выполнила свое дело. Виниус хвалился не только тем, что приготовил хорошую артиллерию, но и тем, что сберег по сравнению с прежними подрядными

---

[307] См. ниже, в главе о литературной деятельности Виниуса.

[308] Письма и бумаги П. В., I, 510.

[309] Бранденбург, 454.

[310] Бранденбург склонен думать, что приказ этот был учрежден в 1701 г. (стр. 1—3).

ценами — 10.000 рублей. (Предметом гордости его была также заведенная им артиллерийская школа)[311]. Все-таки артиллерия поставлялась на театр военных действий медленно. В июне 1702 г. Брюс жаловался царю на медленность Виниуса[312] в доставке пороха в Ладогу; в июле Виниус сам по этим делам» ездил во Псков, где подал Тихону Стрешневу роспись полевой артиллерии[313]. Работы было много и справляться было не легко, а помощников подходящих у Виниуса не было. В декабре 1702 г. «уговорщику» Верхотурских Невьянских заводов Никите Демидову (П. Д. Антуфьеву) послана «память» о выделке железа, стали и пушек, Виниус личным письмом просил его об ускорении дела. Не довольствуясь этим, Виниус даже лично с сыном Матвеем ездил к Демидову[314].

Наконец, над Виниусом грянул гром. 19 марта 1708 г. Царь написал Ф. Ю. Ромодановскому следующее письмо из Шлиссельбурга.

«Sir. Известую, что здесь великая недовозка артиллерии есть, чему посылаю роспись; из которых самых нужных недовезено 3.033 бомбов трехпудовых, трубок 7.978, дроби и фитилю ни фунта, лопаток и кирок железных самое малое число. А паче всего мастера, который зашрублевает запалы у пушек, по сей час не прислан, отчего прошлогодские пушки ни одна в поход не годна будет, отчего нам здесь великая остановка делу нашему будет, без чего и починать нельзя. О чем я сам многажды говорил Виниусу, которой отпотчивал меня московским тотчасом. О чем изволь его допросить, для чего так делается такое главное дело с таким небрежением,

---

311 См. выше.

312 Письма и бумаги П. В., II, 363.

313 Письма и бумаги П. В., II, 364.

314 Гамель, 37. О Демидове см. «Жизнеописание Акинфия Никитича Демидова (сына упоминаемого в тексте), основателя многих горных заводов», Г. С., Спб. 1833.

которое тысячи его головы дороже. Изволь как мочно исправлять».

Далее идет речь о новой неаккуратности:

«Из аптеки ни золотника лекарств не прислано; того для принуждены будем мы тех лечить, которые то презирают. Изволь, не мешкав, прислать, также по сей росписи дополнить; да прикажи всех лекарей, которые ныне приехали вновь, также и старые, кои без дела, прислать к нам не омедля[315]».

Итак, по двум ведомствам Андрей Виниус провинился, и обвинение было не из легких. Согласно приказанию царя, Ромодановский произвел допрос Виниусу и его помощникам. На допросе насчет непосылки лекарств обвиняемые дали следующие показания[316].

Андрей Виниус показал, что лекарства по росписям, данным докторами и лекарями, посылались в Шлиссельбург немедленно. Лекарей в Москве в Аптекарском приказе значится всего 1 человек, а если теперь явилось еще двое, то это произошло оттого, что, живя долгое время в Москве, они о себе не заявляли. Лекарь Иван Термант, который должен был с запасом лекарств ехать в Шлиссельбург, заболел и сам не мог ехать, а когда Виниус просил его дать письменное уведомление, с кем можно послать заготовленный ящик с лекарствами, то Термант такого уведомления не дал, а без этого Виниус посылать не решался до самого последнего времени.

Иван Термант заявил, что согласно условно, заключенному с государем лично[317], он готовился ехать в Шлиссельбург и заготовлял лекарства; когда заболел, то просил Виниуса послать аптеку вперед, но этот последний требовал от него письменного решения, кого послать, он не решился писать

[315] Письма и бумаги Петра В., I, 136—137.

[316] Письма и бумаги П. В., I, 489—496.

[317] Рихтер в своей «Истории медицины в России» (М. 1820), ч. III, стр. 181, говорит о Терманте: «врач ученый и благоразумный; Петр Первый удостаивал его короткого обхождения, часто просиживал в гостях у него до полуночи». Описание жизни Терманта см. там же, ч. II, стр. 330.

этого, считая себя не вправе это делать, так как всем делом заведует Виниус. Несмотря на неоднократные просьбы, Виниус так и не послал лекарств. Следовательно — вся вина лежит на нем.

Подъячие Аптекарского приказа показали, что Иван Термант, действительно просил послать лекарства без него, но Виниус говорил: где Термант, тут и сундук с лекарством.

Аптекарь Иван Левкин сказал, что ему было поручено заготовлять лекарства для Ивана Терманта, но срока назначено не было; вдобавок между тем старые аптекари многих лекарств ему не дали. Тогда он составил и список нужных лекарств и отдал дьяку Ивану Невежину, который до сих пор не сделал нужных распоряжений.

Старый аптекарь Эхлер ответил на жалобу Левкина, что этот последний требовал у него некоторых дорогих снадобий, а Иван Невежин не позволил брать их без ведома Андрея Виниуса.

Иван Невежин пытался возражать, что он запрещения насчет лекарств не давал, но сослался на «беспамятство». Насчет же той росписи, которую ему подал Иван Левкин, он говорил Виниусу, а тот ответил: «то дело последнее, когда лекарства все изготовлены будут, и за теми припасами дело не станет».

Андрей Виниус утверждал, что он послал Левкина с сундуком Терманта в Шлиссельбург, а все ли в этом сундуке было заготовлено, он не знает, и никаких заявлений ни от кого по этому поводу не получал, а покупать припасы никогда не запрещал.

Иван Невежин настаивал, что Андрей Виниус не позволил без своего ведома покупать припасы и пометы о покупке делал всегда сам. Это же подтвердил подъячий Леонтий Матвеев. Виниусу оставалось сослаться на личную неприязнь Ивана Невежина и Леонтия Матвеева к нему и заявить, что он неоднократно бил челом государю «со слезами», чтобы тот взял у него Аптекарский приказ и отдал бы кому-нибудь другому.

Теперь он еще раз просит о том же, потому что множество дел в Сибирском и Артиллерийском приказах не дают ему хорошо заняться Аптекарским, а в этом последнем и от докторов, и от дьяка, подъячих и аптекарей всегда могут быть на него нарекания.

Из этого допроса видно, что Виниус запоздал с доставкой лекарств потому, что не имел под рукой надежного человека для посылки аптеки и вследствие этого не торопился её изготовлением. Если мы припомним показания самих же аптекарей, сделанные ими когда-то Корбу, то увидим, что прежде Виниус много делал для Аптекарского приказа. Во время пребывания Корба в Москве он, временно не наведывал этим приказом, и Корб говорит, что преемники Виниуса, гордые и невежественные, небрежно относятся к требованиям лекарей и не заботятся о покупке новых лекарств, и вследствие этого аптеки пришли в упадок. Следовательно, когда Виниус снова принял Аптекарский приказ, он застал его в полном расстройстве, а сам, будучи обременен массой дел, уже не мог им заняться как следует и поплатился за это.

Одновременно с допросом относительно недоставки лекарств Виниусу был произведен еще более важный допрос — о недоставке артиллерийских припасов.

Ввиду того, что на доставку артиллерийских припасов было послано из Шлиссельбурга две росписи, Виниус был допрошен на счет обеих. Оказалось, что по 1-й росписи им нее было послано, за исключением немногого, чего случайно не оказалось в Москве за недостатком привоза с заводов. Относительно трубок замедление вышло оттого, что полковник Гошка, взявшись их изготовить, не умел сделать вóвремя, потому что подобрал неопытных мастеров. Мимоходом Виниус жаловался, что Гошка для этих мастеров требовал «больших кормов» и «верстания через чин». Гошка оправдывался, говоря, что изготовление трубок замедлилось вследствие того, что Виниус не давал вóвремя припасов — пороха, серы и селитры. Относительно же мастеров, Гошка ссылался на

В. П. Шереметева и ген. Я. Брюса, которые их рекомендовали; прибавлял, что лишнего для этих мастеров он ничего не требовал, а Виниус не платит даже и того, что следует, медлит с уплатой за поставки, чем разорвет торговых людей, наконец — не дает во́время нужных подвод[318]. Дьяк Артиллерийского приказа показал, что припасы к трубкам Гошке доставлялись аккуратно, равно как и подводы.

Далее, Виниус показал, что замедлился привоз припасов к Москве, вследствие бездорожья и недостатка руды.

Что касается другой росписи артиллерийских припасов, нужных в Шлиссельбурге, то Виниус заявил, что он её ранее не видел, а теперь, когда она явилась, все по ней будет отпущено вскоре. Относительно пушечного мастера, которого надо было послать в Шлиссельбург для зашрубливания запалов, Виниус показал, что В. П. Шереметев сообщал ему о посылке такового из Пскова 23 января, и почему он до 27 марта не являлся в Шлиссельбург, неизвестно.

Отставка Виниуса близилась, но Петр медлил. Деятельность Виниуса была еще во всем разгаре в Сибирском приказе; в апреле и мае 1703 г. он готовил артиллерию попрежнему[319]; в июле ему предстояла деловая поездка в Сибирь[320]; но свидание с Меньшиковым решило его участь. О случившемся узнаем из письма Меньшикова к Петру В. из Петербурга от 29 июля 1703 г. Вот оно:

«Господине, господине капитан, всерадостно и благополучно здравствуй о Господе. Извествую вашей милости: Андрей Виниус, приехав сюда, никакого в делех своих оправдания не принес (хотя он от меня к тому не малое принуждение имел), опричь того, что розными во всем виды выкручивался. И я, отправя его в настоящий ему путь, отпустил его отсюда сего нижеписанного числа, и о делех его, в чем он

---

[318] Этому Гошке Виниус в 1701 г. писал «комплементы» (М. Архив М. Ин. Дел. Почт. Дела, карт. 6. л. 313 об.).

[319] Письма и бумаги П. В., II, 532 и 710.

[320] Там же, 607.

неисправен явился, и какую на что отповедь учинил, послал к вашей милости роспись для ведома при сем письме, из которой изволишь уведомитися. А здесь будучи, поднес он мне три коробочки золота, 150 золотых червонных, 300 рублей денег, да в 7 коробочках золота ж и в 5000 рублех денег письмо своей рукой дал, в котором написано, что ему отдать то все, когда у него спросят, или кому приказано будет от меня, в дому его без него принять. И ты изволь об отпуске его учинить по своему рассмотрению. Зело я удивляюсь, как те люди не познают себя и хотят меня скупить за твою милость деньгами: или они не хотят, или Бог их обращает. А вышеписаинную большую дачу дал мне Виниус и за то, чтоб Пушкарской приказ и Аптеку хотя у него и взять, только б Сибирской приказ удержать за ним, завещевая, чтоб о той даче никто не ведал. И из того изволишь познать, что для чего такую великую дачу дал, если б не чаял от того приказу впредь себе великих нажитков[321]; а напред сего бил челом милости твоей многажды о даче деревни, сказывая, что пить — есть нечего. А при той вышеписанной даче, по многому его прошению, написал я к милости твоей письмо об нем по его желанию; и то письмо чел он сам, которое я, запечатав при подписании руки своей, ему отдал; и с того письма список для ведома послал я к милости твоей с сим письмом. За сим здравие милости твоей предаю в сохранение Божие»[322].

Результатом двух вышеупомянутых допросов Виниуса была его отставка. Прусский посланник Кайзерлинг писал королю в июле 1703 года, что Виниус привлечен к ответственности за свои упущения, главным образом — по части артиллерии, и свои дела передает кн. В. А. Голицыну; а в августе он же писал, что царь намерен сослать Виниуса с его женою и

---

[321] Говорили, что Виниус наживался в Сибири, между прочим, от продажи табаку. (Доклады и пригов. Сената, III, 1220).

[322] Письма и бумаги П. В., II, 608.

сыном в Сибирь[323]. Плейер, австрийский резидент, со свойственным ему стремлением к преувеличению, уверял даже, что Виниуса будто бы хотели повесить или, по крайней мере, жестоко высечь кнутом[324]. Но у нас под рукой есть только письмо царя к Ф. Ю. Ромодановскому от 9 октября того же года:

«Как к нам сие писание поднесется, извольте учинить по сему; приказы Сибирской и Аптекарской извольте ведать вы до времени, и оныя переписать и счесть, также и воевод Сибирских. Также изволь послать указ на заводы Сибирские, чтобы лили пушки там по образцам, не мешкав.

Андрея Виниуса изволь, не мешкав, прислать, а что велено готовить, чтоб и без него готовили. Сие изволь учинить не мешкав»[325].

Итак, карьера Виниуса была, по-видимому, окончена. Старый служака, умноживший казну несколькими сотнями тысяч, нашедший селитру, руды медные и железные, устроивший четыре завода, которые удовлетворяли не только местным потребностям, но даже отправляли свои произведения за границу, устроивший китайский торг, в 2 1/2 года изготовивший более 600 пушек, улучшивший порох, — за грехи, свойственные тогда всем без исключения крупным деятелям, поплатился жестоко лишился всех должностей; наложили на него взыскание в 13.000 руб. (чтобы заплатить эту сумму, он должен был продать один двор, заложить другой, занять деньги); позор и нищета были впереди[326], а работы окончательно с него не сняли[327]!

---

323 Dukmeyer, 130.

324 Устрялов, т. IV, ч. 2, 614—615. Dukmeyer, 134—135.

325 Письма и бумаги П. В., II, 276—257. Описание... Н. Оглоблина, Чт. М. О. ист. и др. 1902, кн. I, стр. 22.

326 Соловьев, кн. IV, 4.

327 Он все еще заведовал литьем пушек. Кроме того, в боярском списке 24 июля 1705, читаемы у провиантских дел, в числе прочих, думные дьяки Украинцев, Деревнин и Виниус.

Находясь в 1706 г. в войсках у Гродно, в Польских пределах, Виниус внезапно уехал в Кенигсберг, а оттуда в Голландию без разрешения царя и без паспорта, оставив дом и семью. Голландцы приняли в нем участие и не выдали его, несмотря на требования русского правительства[328]; очевидно, там же Виниус изменил православию. Царь велел конфисковать его имущество. Жена Винуиса, Матрена Ивановна, на допросе 29 авг. 1707 г. дала следующее показание: «муж ея, д. дьяк Андрей Виниус, ныне за морем, в Галанской земле, в городе Амстрадаме, и ныне письма приходят от него к ней из Амстрадама, а в том городе по какому указу он живет, того она не ведает, потому что в прошлом 705 году, по указу в. г-ря, послан он с Москвы на службу в полки и с того году и поныне на Москве не бывал, а поместей и вотчинных и бобылских дворов за ним... 104 двора, и те поместья и вотчины с крестьяны и дворы его Московский и загородный и пожитки в прошлом 706 году мая в 28 день из Главнейшей канцелярии отписаны на в. г-ря, и теми поместьями и вотчинами и пожитками она не владеет, а живет на Московском дворе»[329].

Но старик не долго мог пробыть «в отлучении». Скоро он не вытерпел, просил у царя прощения, вернулся через Архангельск в Москву (1 сент. 1708 г.) и снова принял православие. Царь простил его, вернул ему чин думного дьяка, дом и деревни и посадил его за ученую работу — переводы трактатов по механике, фортификации, артиллерии, устава судебных воинских прав[330], составление голландского словаря.

---

[328] Архив кн. Ф. Л. Куракина, I, 274. Впоследствии, когда Виниус сам захотел вернуться в Россию, Витзен писал царю письмо (2 мая 1708 г.), извиняя долгое пребывание Виниуса в Голландии и отзываясь о нем с похвалой (Б.-Каменский, I, 193).

[329] Моск. Архив М. IОст., Разряд. вязки, № 44.

[330] 30 июня 1712 г. Петр назначил Виниусу помощника для перевода этой книги Якова Веселовского (Сб. Имп. Рус. Ист. Общ. т XI, стр. 238).

— К тому времени, когда старик Виниус всецело был поглощен ученой работой, относится небольшое черновое письмо, найденное нами в Гос. Архиве в Кабин, делах, № 64, кн. 3. В нем автор обращается

В сентябре 1710 года Петр попробовал даже дать ему дипломатическое поручение. Вместе со столником Федором Протасьевым он послан был к гетману Скоропадскому, чтобы состоять при нем «для советов о государеных делах». Гетман был этим очень недоволен; канцлер Головкин утешал его, говоря, что Виниус и Протасьев «люди искусные и поважные», и будут обходиться с ним с должным уважением. Народ Малороссийский также был недоволен, что «министр, который при гетмане, всякое письмо осматривает»[331], но протест явно выражен не был. В Малороссии Виниус работал до января 1712 года[332], заболел и должен был оставить должность. Старику давно пора было отдохнуть. Возвратившись в Москву, он застал у себя дома постояльцев — более 200 пленных шведов; насилу выхлопотал он себе свободу от постоя[333]. По 4 августа 1712 года многим должностным лицам, а в том числе и ему с сыном Матвеем, по приговору Сената, объявлено было, что они должны жить на о. Котлине «по скончании сей войны, и даны им будут дворы и земли под деревни», а когда будет заключен мир, то будут переведены в Петербург — разрешалось теперь же строить себе дома в Петербурге[334].

Конец жизни престарелого труженика был печален он совсем лишился семьи. В 1715 г. умер последний член его семьи, сын его, Матвей. Старику пришлось жить у зятя. Скончался он в начале 1717 г. (ранее 5 марта).

к Андрею Андреевичу с сообщением, что его лексикон царю понравился, и чтобы он, если будет здоров, приехал ко двору.

331 Соловьев, Ист. России, кн. IV, 31.

332 В июне 1711 г. в этой должности застал его в Глухове Юст Юль, датский посланник (Записки Юста Юля, Чт. М. О. Ист. и др., 1899, III, стр. 337).

333 Письмо Петра В. Сенату 19 марта 1712 г. (Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. XI, стр. 226); «с двора Андрея Виниуса шведов велите свесть и впредь чтоб шведов к нему не ставить».

334 Доклады и пригов. Сената, II, 101.

V

Литературная деятельность А. А. Виниуса. — Сочинения духовно-нравственного содержания, научные и официальные. — Библиотека Виниуса

Познакомившись с биографией Андрея Андреевича Виниуса, приступим к обозрению его научных и литературных трудов, деловых бумаг, а затем переписки его с Петром В., которая лучше всего уясняет вопросы, сближавшие молодого царя со старым его сотрудником.

Первое из дошедших до нас сочинений Виниуса относится к 1667 г. Оно озаглавлено «Избрание от святых, божественных и царственных книг». Содержание этого сочинения составляют: 1) беседа отца с сыном, в которой преподаны разные моральные и догматические наставления — изложены догматы веры по символу апостольскому, даются наставления о духовном приготовлении к молитве, о страхе Божием, о власти государя сказано: «Царю и всякой власти достоит три вещи в незабытной памяти имети первое — яко человеки владеешь; второе же яко власть сия, временна сущи, истлевает: владети же не лютостию, но им же быша радостии вси, восхищаемы доброумием и милосердием», далее следуют наставления — о милосердии, о суетности и опасности земного величия, о благодати и премудрости; все эти наставления заканчиваются изречением: «пчела на звон летит, а мудрый человек на полезное слово течет»; 2) выписки из отцов церкви; 3) беседа Геннадия, патриарха Царсградского с царем Турским Морат-Магметом (перев. с греч.); 4) церковная история; 5) разные отрывочные статейки, описание Иерусалима, гробницы Магомета, сказание Ивана Пересветова о царе Турском Магмете, како хотев сожещи книги Греческие, события из русской истории со времени взятия Казани[335].

---

[335] Б. Федоров «Беседа русского старца с сыном своим». Отеч. Записки 1824 г., № 50.

Вероятно, в том же году появился другой труд Виниуса «О столицах нарочитых городов и славных государств, и земель, и островов, и проливов и знатных мест сухими и водными путями, колико имут расстояние Российского Государ-Государства от первопрестольного его Царского Величества града Москвы, по размеру книги, именуемые «водных мер» и иных, принадлежащих к нему, по алфавиту расписано переводчиком Andrieiem Andrieiewym synom Winiusom[336]. Эта книга представляет перечень иностранных городов в таком виде, напр. «Амборок, вольный град, расстоянием от Москвы на Ригу, оттуда же морем — 1.800 верст. Париж, столица французского короля, от Москвы на Ригу — 8.100 вер. Стекольное, столица Снейского короля, от Москвы на Ригу — 2.100 верст».

Вероятно, около этого же времени Виниус начертил географическую карту, на которой был в главных чертах обозначен путь из Московии в Китай[337].

5 декабря 1668 года Виниус подал в Посольский приказ «статьи», представлявший собой проект заведения флота на Каспийском море. В этих статьях он доказывал необходимость построить много галер («каторг»), которые, по его мнению, на Каспийском море были бы полезнее парусных судов, потому что они могут ходить в штиль и при противных ветрах, входить в реки против течения и из своих носовых орудий поражать неприятеля на дальнем расстоянии. При этом Виниус особенно ставил на вид то обстоятельство, что заведение флота в Московском государстве во многих отношениях значительно легче, чем в других государствах. Этим послед-

---

336 Рум. муз., № 366 ч. руков. Археограф. Комиссии — по описанию Барсукова № 20. В каталоге рукописей Академии Наук (1818 г.), эта книга названа поверстником и обозначена 1667 г. По свидетельству И. А. Шляпкина она представляет заимствование из латинской книги «Водный мир». (Св. Димитрий Рост., стр. 85).

337 Яков Рейтенфельс, Сказания о Московии, Чтения М. О. Ист. и др. за 1905 г., кн. III, стр. 98. Рейтенфельс называет Виниуса «бельгийцем».

ним приходится покупать на стороне судостроительные материалы, как то: лес, пеньку, железо, смолу, а также пушки и порох, тогда как в Московском государстве все эти припасы имеются в изобилии. Виниус далек от мысли, что флот нужен только для военных целей; он с особенным вниманием останавливается над указанием значения флота для торговли: на этих галерах (гребцами на них должны быть закованные преступники, отчего слово «каторга» получило впоследствии совсем иное значение) можно развозить, за известную плату, купеческие товары по всем берегам Каспийского моря и впадающим в него рекам. В случае, если отыщется речной путь в Индию, и установятся с нею торговые сношения, то казне от проектируемого флота будет большая прибыль. Эти же галеры могли бы служить для уничтожения разбоев на море и на реках. Таким образом от введения галерного флота разовьется торговля, защита от разбойников увеличит богатство торговых людей, прибавятся государственные доходы. Свой проект Виниус заканчивает словами: «сие объявляя, бью челом вашей пречестности, чтоб гнева своего на меня за се не имели, что изъявляю такие дела, которые на меня не положены, но своими высокими разумы извольте рассудить и аще годно, то великого государя доложите, аще же не годно, мою непристойную дерзость простить извольте»[338].

«Отписки», которые присылал Виниус из-за границы, путешествуя в качестве посла, представляются очень любопытными. Наблюдательный посол не только старался везде и всюду узнавать новости, но сообщал многие ценные сведения о тех странах, через которые ему приходилось проезжать. В отписке из Риги он сообщает: 1) что польский король Михаил заключил с турками крайне тягостный для Польши договор, который будет рассмотрен на сейме; что Гнезненский архиепископ и Собеский злоумышляют против короля, хотя шляхта стоит за него; 2) что папа хлопочет о примирении

[338]Доп. к Акт. Истор., т. V. 404—405. Очерк русской морской истории, т. I, 67—68.

короля Польского с вышеупомянутым архиепископом и озабочен организацией помощи Польше против Турок; 3) что Шведы предлагают посредничество в примирении Франции и Англии с Голландией; 4) что Французы потерпели поражение от императорских и Бранденбургских войск; 5) что Испания примкнула к союзу против Франции, а ожидается присоединение Швеции к союзу с Францией. В отписке из Данцига, от 3 января 1674 г. он сообщает: 1) о мятежном движении, поднятом в Польше примасом и коронным гетманом Собеским, и о покушениях на жизнь короля; 2) о попытках умиротворения со стороны папы; 3) о грозном письме Турецкого султана Польскому королю; 4) об усилении военных действий между Францией и Голландией, которой помогают император и Бранденбург. В отписке из Лондона Виниус сообщает, что Английский король и парламент готовятся к продолжению войны с Голландией, но не уклоняются и от мирных попыток, — предполагают послать уполномоченных на Ахенский съезд.

Виниус счел нужным внести в свой статейный список характеристику государственного строя Англии: «Правление Английского королевства, пишет он, — или, как общим именем именуют. Великой Британии, есть отчасти монархиально (единовластно), отчасти аристократно (правление первых людей), отчасти демократно (народо-правительно). Монархиально есть потому, что имеют англичане короля, который имеет отчасти в правлении силу и повеление, только не самовластно. Аристократно и демократно есть потому: во время великих дел, начатия войны или учинения мира, или поборов каких денежных, — король созывает парламент или сейм. Парламент делится на два дома: один называют вышним, другой — нижним домом. В вышнем собираются сенаторы и шляхта лучшая изо всей земли; в другом собираются старосты мирских людей всех городов и мест, и, хотя что в вышнем доме и приговорят, однако без позволения нижнего дома совершить то дело невозможно, потому что всякие поборы де-

нежные зависят от меньшого дома. И потому вышний дом можетназваться аристократия, а нижний — демократия. А без повеления тех двух домов король не может в великих делах никакого совершенства учинить»[339].

Едва Виниус вернулся из-за границы, как появляется новое его литературное произведение: «Зрелище жития человеча», перев. с немец. языка[340]. Книга эта представляет сборник басен, причем к каждой басне присоединяется исторический анекдот.

Выставляя пользу книги, составитель говорит, что она необходима особенно для молодых людей, как прекрасное наставление: «к тому же, заявляет он, — зело дивно размышляти, како всемогущий Господь Бог не точно кийждому животному свойство и природу дарова, но в некоторые от них изрядные обычаи и правы насадил есть, которые есть бессловесные не точно человеком в пищу, но и во многие потребы годствуют; еще же от сих научитися может, яко зря на бессловесные, достоит нам житие свое и нравы злобные исправляти — иже не многие ли видим свирепейше львов и гневливее медведей, иные нечестивейше свиней, оных же неблагодарнейше псов, иных же гордейше павлинов». Всех басен 124. К одной из них, где рассказано о том, как конь увяз в болоте, а хозяин бил его, надеясь, что заставит его выйти, присоединен рассказ из Светония, как Тиверий жестоко обошелся с рабом; к другой, где рассказано о голодном льве, созывавшем зверей на совет и поедавшем их, и о лисице, разгадавшей его хитрость и не пошедшей к нему, — присоединен рассказ о Германском императоре Рудольфе, не желавшем идти в Рим, к третьей, — о лисице, лишившейся

---

[339] Памятники Диплом. Сношений, т. IV, стр. 803—946 и Соловьев, История России, кн. III, 535.

[340] Полное заглавие: «Зрелище жития человеча, в нем же изъяснены суть дивные беседы животных с истинными к тому приличными повестьми, в поучение всякого чина и сана человеком, новопреведено с немецкого языка» в 1674 г.

хвоста и уговаривавшей подруг оторвать себе хвосты — присоединен рассказ о некоем Адалгерае, который был императором Севером, острижен в поругание, а вернувшись на место жительства, уверял сограждан, что при дворе появилась новая мода — стричь волосы и бороду и т. д. Исторические анекдоты заимствованы автором из Геродота, Плутарха, Цицерона, Светония, Флавия, Диона. Gesta Romanorum и средневековых историков[341].

Как почтмейстер и переводчик, а потом дьяк Посольского приказа Виниус должен был принимать деятельное участие в составлении «курантов». Здесь мы приведем образец таких курантов, составленных в 1683 году.

«Перевод с Цесарских и Галанских печатных курантов, каковы присланы через Рижскую почту в нынешнем в 191 году сентября в 12 день», гласит их заглавие. Далее идут сведения из разных мест, причем имена мест, мало известных, сопровождаются пояснениями на полях, напр. против слов «из Любовля» на полях написано: «в Венгерской земле», против слов «из Вены» написано «столица Цесарская», против слов «из Тироля» написано — «отчинная земля Цесарская»; иногда разъясняются таким же путем иностранные слова: против слов «государя дофина» написано — «сын короля Французского». Сведения в этих курантах идут в следующем порядке: 1) вести изо Львова об успехах Текели и дипломатической неудаче французов в Царьграде; 2) из Кельна о рождении сына у дофина; 3) из «Стеколна» (Стокгольма) о запрещении «людям иной веры» посещать церкви иноземных послов и об открытии целебного колодца «с кислою водой»; 4) из «Пяноли» о народном восстании в Сицилии («понеже крепко мучены быша от начальных своих»); 5) из Турина о походе Французского флота «под Алкирс, Турской город»: но, сказано далее, «тамошние жители пристанища свои морские сваями укрепили и городки на сваях построили и больши ста

[341] Цыпин, Очерк литер. истории старинных повестей и сказок русских Спб., 1857, стр. 175—177 и 358.

пушек там поставили»; 6) из Вены (наибольшее количество известий) — об укреплении войсками Тирольской границы, о тяжелом положении Венгрии и о действиях Текели, о мерах к охране Цесарских рудников и дорог в Моравию и Силезию; об обещании Венгерских «бунтовщиков» покорить Туркам в один поход всю Венгрию, кроме 2 городов, о союзе Баварии с цесарем; о сдаче Кашавы Венгерским бунтовщикам; 7) из Бреслава — о дальнейших успехах Текели и Турок[342].

В других курантах (март 1684 г.) читаем интересный рассказ о жестоком наказании визиря Кара-Мустафы, проигравшего битву под Веной в 1683 г., о бегстве Греческих торговцев из Константинополя по причине поборов Турецкого правительства, о всеобщем неудовольствии подданных Турецкого султана по причине поборов и жестокостей начальных людей[343]. Деятельность Виниуса по составлению курантов была очень энергична: ведомости доставлялись царю Федору Алексеевичу «поутру и ввечеру»[344].

От 1690 года сохранились две челобитные Виниуса царям Иоанну и Петру по местническому его делу с дьяками Постниковым и Михайловым. Они заключают некоторые интересные подробности, касающиеся биографии Андрея Андреевича. В первой челобитной читаем:

«В прошлом, государи, в 156 (1647—8) году блаженные памяти отцу вашему государеву, великому государю, отец мой бил челом, оставя отчину свою, и дом, и родителей, в подданство вечно. А во 161-м году был посылав в Галанскую землю комисаром для приговору начальных и иных надобных людей, и для высылки всякого ружья во время войны с королем Польским, и для иных разных дел. И, приехав из той службы, крестился в православную христианскую веру святые Греческие восточные церкви со всем домом своим, а крестил

---

342 Летопись занятий Археогр. Комиссии, 1865-66 г., вып. 4.

343 Шлосберг, 72.

344 Шлосберг, 95. У г. Шлосберга есть также отрывок из курантов 1682 г. (96).

отца моего и меня, холопа вашего, святейший Никон патриарх»[345]. Далее он пишет, что в 1675 г., когда он был послан «для сыску всяких руд», то дана была ему проезжая грамота, где он был «написан дворянином и с *свичом*»; указывает также и год перемещения своего из Аптекарского приказа в Посольский (197, т. е. 1689). Далее он заявляет, что хотя чувствовал себя обиженным производством из дворян в дьяки, но «для своего иноземчества ослушан быть и от приказу до... указу отстать не смел, для того, что я, холоп ваш, человеченко беззаступной и безродной»[346].

В числе документов Денежного стола Разрядного приказа № 236—238 и 250 есть расходные книги Сибирского приказа, составленные «при думном дьяке А. А. Виниусе» за время 1694—1696 и 1699—1702 гг. Интересен здесь один указ от царского имени, подписанный А. Виниусом собственноручно (и им, конечно, редактированный). В указе этом сказано, сколько человек из разных Сибирских городов надо присылать с казной, затем дается предписание — «отписки всякие против его в. г-ря грамот отповеди» присылать с почтой от города до города и только в случае крайней нужды посылать особых служилых людей. «А для далного проезду тем служилым людем, которые присланы будут к Москве с ево, в. г-ря казнами, и с нужными делами давать ево в. г-ря жалованья за Сибирской приезд выходу: Якуцким, Нерчинским денгами, Иркуцким собольми, да по 4 аршина сукна шибтугу человеку против прежнего ево в. г-ря указу для того, что те городы самые дальние. И ево в. г-ря казны присылается с ними к Москве на многие тысячи рублев, и под тою казною на судах они, служилые люди, работают сами, а подвод им водяным

---

[345] Приведенные здесь данные не сходятся с данными, приведенными нами в своем месте. Мы думаем, что здесь он напутал; те данные более правдоподобны.

[346] Моск. Архив М. Юст., Моск. стола Разр. столбцы, № 955. Срв. Журнал 53 заседания Тверской Ученой Архивной Комиссии 25 янв., 1896 г., приложение 1-е (доклад В. Сторожена).

путем не дается, а из Якуцкого служилые люди с ево в г-ря казною в проезде до Москвы бывают близко полутора года, а с Москвы до Якуцкого ехать им столко ж, а Нерчинские и Иркутские служилые люди с Москвы в те городы в год не возвращаются и в таком продолжительном пути чинится им, служилым людем, всякая нужда. А Енисейским, Илимским, Красноярским, Мангазейским, Томским, Кузнецким, Нарымским, Кецким, Тарским, Березовским, Сургуцким, ево в. г-ря жалованье за Сибирской приезд выход соболми давать по прежнему ево в. г-ря указу, а сукон им не давать для того, что в Сибирском приказе в покупке и в мене сукон бывает малое число. А вместо сукон тех городов служилым людем давать по кумачу человеку для того, что тех городов служилые люди под ево в. г-ря казнами водяным путем на дощаниках опричь Тарских работают сами, а подвод им до Самаровского яму не дается, а Тарские люди живут близь степных мест, а от Тобольска в дальном расстоянии. А Тоболским, Тюменским, Туринским, Пелымским, Верхотурским давать ево в. г-ря жалованье за выход соболми по прежнему ево в. г-ря указу, а сукон и кумачей не давать, для того, что те городы ближние, и ево в. г-ря казна присылается с ними небольшая, и в проезде бывают они небольшое время. И о посылке к Москве с ево в г-ря казнами и с нужными делами указного числа служилых людей послать ево в. г-ря грамоты в Сибирские городы к воеводам, и чтоб они, воеводы, сверх сего ево в. г-ря указу липших служилых людей к Москве не отпускали и тем бы ево в. г-ря казне в кормовых и прогонных деньгах и в выходе лишних росходов не учинили. А из Иркуцкого ево в. г-ря казну с Иркуцкими служилыми людми посылать вместе с Нерчинскими служилыми людми, которые в Иркуцкой придут с Нерчинской казной на одном дощанике, а не порознь, и дли того Иркуцкую казну к отпуску велеть готовить зарань. Так же и иных Сибирских городов казны отпускать из городов не испоздав времени, чтоб те казны выходили в Тоболеск водою до заморозов. И чтоб Сибирских городов воеводы

к збережению ево, в. г-рн казны и к ползе служилых людей имели межь собою согласие, чтоб с ево в. г-ря казнами служилых людей розных городов, где возможно, отпускали вместе, а не порознь для того, чтоб за малолюдством служилых людей ево в. г-рн казне какой порухи и в дороге остановки не было. И приказывали б тем служ. людем накрепко, чтоб они дорогою едучи, ево в. г-рн казну оберегали собча и друг другу, хотя и розных городов, помогали б и всякой способ и меж собою доброе согласие чинили»[347].

В сентябре 1696 года, во время триумфального входа войск в Москву после взятия Азова, Виниус говорил в трубу вирши победителям, вероятно — собственного сочинения. Они не представляют собою ничего замечательного. Для примера приведем вирши, сказанные Лефорту:

«Генерал-адмирал, морских всех сил глава!
Пришед, зрел, победил прегордого врага.
Мужеством командора турок вскоре поражен,
Премногих же оружий и запасов си лишен.
Сражением жестоким бусурманы побеждены;
Корысти их отбиты, корабли запалены;
Оставшие ж ся в бегство ужасно устремиша,
Страх велий в Азове и всюду расшириша.
По сих, их сила многа на море паки приите;
Но в помощь град Азов от сих нихтоже вниде:
Сие бо возбранила морских ти воев сила.
Их к сдаче град Азов всю выю наклонила.
И тем бо взятием весело поздравляем,
Труды же командора триумфом прославляем»[348].

В Почтовых Делах Московского Архива Мин. Иностр. Дел, картон 6, находится довольно большая по объему книга, заключающая в себе черновики писем Андрея и Матвея Виниуса и секретаря их Фадемрехта за период 1696—1701 гг.

[347] Разр. Пр. Ден. ст. № 250, л. 22 об. — 24.
[348] Записки Желябужского. Спб., 1840, примечания, стр. 287—288.

Громадное большинство этих писем писано по-немецки и адресовано заграничным почтмейстерам; но есть несколько писем и на русском яз., как деловых, так и дружеских. Здесь же несколько писем Матвею Виниусу, писанные его отцом заграницу, когда Матвей жил в Берлине. Между текстами писем повсюду рассеяны примечания на немецком и русском языках об отсылке писем и о содержании тех из них, текста которых не приводится. Наиболее интересными письмами и заметками мы воспользовались и приводим их в различных местах нашей работы; но некоторые письма, по своему языку и содержанию, заслуживают быть напечатанными целиком.

Мы приводим здесь письмо И. А. Мусину-Пушкину: «Государю моему милостивому Ивану Алексеевичу. Здравия твоего государя моего купно и с матушкою твоею государынею моею и всему твоему благодатному дому и благословенным вашим чадам от всего сердца моего присно желаю. Премного и благодарно тебе, моему милостивому государю, челом бью за щедрое о мне рабе своем в толиком расстоянии воспоминании, и к тому яко своим честнейшим и мне зело любезнейшим писанием с четырьми арбузами меня раба своего одарити изволил, которым твоим государя моего писанием сугубо обрадовахся, перво, яко из того усмотрех твое, государя моего, благое и здравое состояние, второе, яко паки сим обвеселихся, видя твое прежнее ко мне милостивое склонение, о нем же не имея мало не чрез 2 лета никакова писма, начал было с печалию сумневатися, а о пребывании твоем и житии возблагодарих Творца моего Бога, яко даровал тебе благодать такову, во еже исполнити дело евангельского верного раба, рекша господину своему: пять талант ми еси предал, и се другая 5 талант прюбретох има, по которому словеси его удост(о)ился приятия мздовоздаятелного радостного гласа господина своего ответ, глаголюша к нему сице: рабе добрый и верный, во мале ми был еси верен, над многими тя поставлю, и таковый глас всеусердно желаю от благочестивейшего нашего в. г-ря и монарха тебе, государю моему,

за свои верные и радетелные службы получити, тако жь и от небесного Царя царствующего и великого Бога нашего пребогатое и вечное восприяти мздовоздаяние; о своем же государя воздержании во взятии лихоимства и посулов благодари Господа Бога, даровавшему тебе такое воздержание, понеже Господь рек, без мене не можете ничесоже творити, и паки: аще вся сотворите, елико заповедах вам, рцыте, яко неключими раби есма, еже должни бехом сотворити, сотворихом; желаю, да утвердит тебя, государя моего. Господь тако и скончати, да збудется слово мудрых, глаголющих: конец венчает дело. А что, государь, изволил напомянуть, яко имевши волю о возвращении своем к Москве, о том надобно размыслити слово Господа нашего, научивый нас молитися и глаголати словеса: да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. И поелику отстоят путие Божиа от путей наших, потолику и воля его божественная совершеннейшая есть нашему бедному неизвестному хотению. Но мне, государь, яко лутче есть, во еже хотения своя к воли предати в судьбы и изволение премилосердого нашего Творца и Бога, иже весть паче нас сам, что нам потребно, и аще в такой надежде при сицевых делех благих изволишь пребыти, несумненно верую, яко исполнит Господь вся хотениа твоя и даст ти по сердцу твоему вся благая получити еже тебе моему милостивому государю и древнему благодетелю от всего моего сердца желая, и о милостивом ко мне письменном посещении с нижайшим до земли поклонением проси премного челом бьет раб твой Андрюшка Виниюс. 205, октября в 17 д.»

В Государственном Архиве (XI, № 19) есть несколько писем Виниуса Лефорту в Вену на немецком яз. (1698 г., 8 и 15 июля и 5 и 12 августа).

В 1699 году Виниусом были составлены для Сибири особые таможенные статьи, в которых, между прочим: 1) запрещается служилым людям торговать беспошлинно, во избежание злоупотреблений; 2) облегчаются пошлины и повелевается «лишних цен для большого пошлинного сбору

таможенным головам отнюдь на товары и запасы не накладывать и тем торговых и всякого чина людей не грабить, и не оскорблять, и не отгонять»; 3) предписывается торговые караваны пропускать в Китай не каждый год, чтобы не упала цена на русские товары; иноземцев без указу не пропускать вовсе; 4) купцов, возвращающихся из Китая, повелевается тщательно проверять и, если они будут укрывать товары от пошлин, подвергать взысканиям, от пени до батогов включительно, смотря по величине утайки; 5) золото отбирать на государя, уплачивая деньгами; взятое золото тщательно исследовать, «чтоб обману не было»: затем находим такие постановления; «в которых городех, опричь Верхотурья и Нерчинска, у купецких людей продажи и торгу нет, а едут проездом, и воеводам и головам таможенным их ничем не держать, и до них дела нет, и не задерживать, а пропускать тотчас безвредно; а буде учнут которой воевода или голова задерживать напрасно, как и в прежних летех многими воровскими вымыслы купецких людей задерживали и великие и непомерные грабежи и нападки к ним чинили, а иных не токмо за многие их труды всех прибылей, которые было ему в дом свой привезть, но и самых истинных пожитков лишили, и того впредь отнюдь никому нигде не творить; а буде который воевода или таможенной голова то учинит, и такие ослушники будут наказаны жестоким наказанием, да у них же будут взяты все животы на великого государи, да сверх того тех торговых людей убытки будут доправлены по их сказкам без всякий пощады, чтоб им, торговым людям, заплатя с своих товаров пристойную пошлину, во всех Сибирских городех без всякого опасения и раззорения возможно было торговать»[349].

В 1696 году Виниус велели боярскому сыну Семену Ремезову написать в Тобольске на александрийской бумаге с привезенных к Москве Сибирских городовых чертежей листы и добавить недостающие чертежи городов во все стороны

[349] П. С. З. III, № 1654.

отч. Тобольска. Вслед за этими появился «Список чертежа Сибирския земли», выписанный из окладной книги, «сочиненный в бытность в Сибирском приказе боярина князя Репнина и при думном дьяке Андрее Виниусе в 7205 г.»[350]. В 1701 году Семеном Ремезовым закончено было предпринятое по распоряжению Виниуса издание «Чертежной книги Сибири»[351].

17 декабря 1702 г., посылая «память» Никите Демидову о выделке железа, стали и пушек, Виниус приложил письмо следующего содержания:

«Приятель мой Никита Демидович, здравствуй на многие лета с сыном и со всеми заводными. Каков к тебе указ послан, и ты о всем о том учини, и 2 пушки двенадцатифунтовые конечно с собою к Москве привези, и без себя пушечное литье гораздо уставь, чтоб сколько мочно вылить, и вылив, весною безо всяких отговорок послать к Москве. А как ты к Москве поедешь, о том учини мне ведомость, для того, чтоб доложа великого государя, указ достать, куды те пушки, к Москве-ль, или в низовые городы послать. Да с собою привези стали для образца. И как к тебе с Каменских заводов присланы будут мастеры и ученики для присматривания твоего литья, и ты пожалуй, со всякою верностию им укажи. За сим челобитьем, Андрей Виниус»[352].

В том же году в Сибирском приказе, по распоряжению Виниуса, была составлена обстоятельная ведомость о ясачных, десятинных, денежных, хлебных и соляных доходах и

[350] Русский Магазин, 1791—2 г. т. I. Стр. 403—415.

[351] Ремезов составил 19 чертежей городов Сибири, чертеж степи от Тобольска до Китая, Алтая, Бухары, Хивы, Урала и Астрахани, 2 чертежа всех Сибирских городов, рек и земель, и чертеж Великопермской страны, Поморья, Печерского и Двинского края до Соловецких проливов. Об источниках чертежной книги Сибири см. ст. Оглоблина в Библиографе за 1891 г., № 1.

[352] Пам. Сиб. Ист. XVIII в., кн. 1, стр. 207.

расходах в Сибирских городах с 1698 г. по 1701 г. включительно[353].

О многочисленных переводах научных трактатов и составлении словарей Андреем Виниусом у нас говорится в другом месте; переписка его с Петром В. будет рассмотрена нами особо; теперь остается нам познакомиться еще с его пометами по поводу докладной записки Сибирского митрополита (начало 1703 года). В этих «пометах» наиболее интересны следующие места. 1) Относительно образования Виниус говорит, что митрополиту надлежит заботиться о заведении обучения славяно-российской грамматике и катехизису, но книги надо покупать в Москве («типографии в Тобольске не быть»). 2) Относительно проектируемых м. Филофеем ежегодных церковных соборов в Сибири, Виниус пишет, что, за дальностью расстояний, соборы эти не могут устраиваться, а в видах интересов церкви митрополит должен назначать лучших людей на духовные места. 3) Относительно крещения инородцев в русскую веру Виниус пишет, что крещенным не следует сбавлять податей и прощать преступлений, а «которые языка, ниже веры, сведомы, и тех скоро не крестить, да не будет вере православной от них поругания». 4) Относительно живущих в блуде Виниус пишет, что с матерей не надо брать штрафов, чтобы оне, из страха, не умерщвляли детей, а «велеть отцам духовным и приходским попам обученми чистыми от таких дел унимать, а паче приводящие к тому причины — пьянство, своевольство и прочие пресекать». 5) Предписывается митрополиту также следить за раскольниками, зачастую притворно приносящими покаяние для спасения себя от наказания, и если обнаружится, что они занимаются пропагандой, то их казнить.

---

353 Русская Историч. Библиотека, т. VIII.

Эти «пометы» Виниуса делались на основании указаний, данных ему самим царем, и потому уловить в них собственные мнения автора довольно трудно[354].

В том же 1703 году Виниус представил интересное «Сокращенное объявление прибыточным, полезным делам, которые учинены при сиденье думного дьяка Андрея Андреевича Виниуса в Сибирском с 203 г. всего в 8 лет, а в Приказе артиллерии с 1701 г. всего в 2 года.

В приказе Сибирском.

Всяких денежных и ясачных доходов в приказе прибыло сверх прежних в Сибири и к Москве в присылке в те лета больше 400,000 рублев. Теми деньгами нужды артиллерийные селитра, медь и иные потребности исполнялись.

Сыскано такое в тамочной стране железо и заводы двои заведены, а трои починают, что возможно, когда все устроятся, железа, чугуну быть в год 1.500.000 пуд, а иноземцы, смотря доброту его, что явилось лутче Свейского кованого, дают у Города поставить за пуд по ефимку, из которого выдет в переделе рубль с алтыном, и из того железа учали делать фузеи, сабли, тесаки, копья сталь уклад., лить пушки, мортиры, гоубицы, которые добротою разве малым хуже медных. А к Москве подряжено и с провозом по 35 копеек пуд. Сыскана ж медь, селитра, сера, а много ль учнет выходить и по чему ставится впредь время явит.

Во этих городех для губительных разорительных пожаров построены каменные приказы, анбары гостиные и воевоцкие дворы починают строить, а ставится ценою дешевою.

От Татарских разорительных случай, чего не бывало, построен полк драгунской доброй, в нем 1.000 человек.

Воеводы в городех построены такие, на которых челобитья, ни жалобы от торговых и всякого чина людей не слышать.

---

[354] Чт. М. О. Ист. и древ. 1863 г., кн. IV. С другими сибирскими распоряжениями Виниуса мы встречались в его биографии; там же мы упоминали и о разных его донесениях царю.

Сего 1703 году из Сибири к Москве идет и в привозе иное есть товарами из Китайского царства больше 100.000 рублев, да золота слишком 100 коробок, да всяких сборных денег старых пудов 100 всего товаров и золота и серебра будет 180.000 рублев, опричь ясачной казны, чего прежде сего николи не бывало. Железа в пушках, мортирах, гоубицах, прутьях и протчих статьях и стали и фузей многое число.

В приказе артиллерии.

В те прошлые 2 года всяких пушек и мортиров и гоубиц со многими трудами вылито 400 мест и больше.

Мастеры пушечные были во многом неискустве и много пушек не зная силы в литье перепортили. А ныне учали лить лутче и та артиллерия за помощию Божиею где была, великое получила над супостаты победы и градом сдачи.

Порохи учали ныне делать за крепким смотрением лутче прежних гораздо, а в цене дешевле.

Ныне в школе артиллерийской наукам робят 300 человек, из которых некоторые изучились геометрии и вступили в фортификацию. И к тому буде охоту и тщание, паче ж у самого дела приложа искусство то будет довольно своих инженеров и протчие надобные люди к артиллерии.

Никакому делу и артиллерии безопасного от огня и губительных пожаров места, а ныне артиллерия стоит в местех изрядных и от огня безопасно и в таком порядке, что мочно с похвалою и удивлением иноземцам приезжим показать.

В полноту преизобильную артиллерия неслыханая Сибирская починает выходить, которая такую своей естественной природы имеет доброту и мягкость каких пушек и протчих оружей лучше во всей вселенной быть не мочно

Порохи и протчие многие к артиллерии належащие статьи стояли в местех таких, где от волглости порох портился, сила и мочь вскоре терялась, а иные люди под тою прикрышкою делали порох худой и в походех такой воровской порох не только неприятелем шкоды, но своим вредности

многие чинились, а в пожары, паче ж в 207 году на пушечном дворе погорело всяких статей скапывают больше 50.000 рублев, а ныне пороховые анбары делают в 2 местех и кузницы и анбары ограды каменные и кровли черепичные, что впредь таких разорительных опасностей за сохранением Божиим не чаять.

В те ж 2 года у всяких запасов артиллерийных не додано в цене меньше прежних с 20.000 рублев.

(Приписано внизу: Великому Государю бьет челом за сия свои службы в Козелском и в Переславском уездех о 240 дворех или малым больше. Нижайший его государев раб Ан. Виниюс. Выписка во Дворце)[355].

Из обозрения литературных и научных трудов Андрея Андреевича Виниуса можно сделать следующие выводы: его интересовали всевозможные вопросы — богословские, моральные, исторические, государственные и в особенности — географические; выражался он чрезвычайно просто и удобопонятно, что в то время было большой редкостью — не щеголял иностранными словами, а если употреблял их, то тут же старался разъяснять, в переводах его почти не было германизмов, и они отличались крупными литературными достоинствами. Письма Виниуса еще лучше познакомят нас с его прекрасным по тому времени литературным слогом.

Когда Виниус скончался, то библиотека его, по приказанию царя, передана была в 1718 г. в заведенную тогда в Петербурге публичную библиотеку (ныне в Академии Наук). Из современного каталога можно видеть, что у Виниуса была библиотека преимущественно из голландских книг, но были также книги на немецком, латинском, французском, польском и эстонском яз. Всего было 363 названия. По содержанию они представляют собой ряд сочинений по языкам, теологии, математике, юриспруденции, анатомии, военным

---

[355] Кабинет П. В., II, № 5. Письма и бумаги Петра В., V, 721.

наукам, истории[356]. Назовем некоторые из них: словари и грамматики (между прочим латинская грамматика знаменитого Филиппа Меланхтона); сказания о России Герберштейна, Олеария, Петрея; Литовский Статут; Печерский патерик; Метаморфозы Овидия; Коран. По годам издания эти книги относятся ко времени 1581—1702 гг.[357]. Принадлежал ему также один хронограф[358]. Часть его библиотеки была им распродана еще при жизни[359].

VI

Переписка А. А. *Виниуса с Петром В.*

Сохранилось значительное количество писем, писанных царем Петром Виниусу, и писем Виниуса царю. Знакомство с этими письмами представляет большой интерес для всякого, кто занимается изучением биографии Виниуса. С одной стороны, эти письма знакомят нас с характером поручений, которые царь давал Виниусу, с теми отношениями, которые между ними существовали; с другой стороны письма Виниуса наилучшим образом знакомят нас с его литературным слогом, потому что все писаны языком правильным и красивым. К этому надо прибавить еще, что в письмах того и другого лица зачастую находим бытовые подробности, характеризующие ту эпоху.

---

[356] Образованные люди того времени, вероятно, не упускали случая пользоваться библиотекой Виниуса. Мы имеем очень раннее свидетельство об этом — в письмах Сильвестра Медведева к Симеону Полоцкому. (см. Письма Сильвестра Медведева, С. Брайловского, Спб., 1901, стр. 9). Интересное дело о присвоении одной ценной чужой книги Виниусом было рассказано выше.

[357] П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре В., Ч. 1, стр. 208—209. В приложении к соч. Бранденбурга помещен автограф Виниуса.

[358] Отеч. Зап., 1824 г., XVIII, 337—345.

[359] См. ниже.

По характеру писем, время их написания можно разделить на три периода: 1694—1699 годы, когда дружба царя с его преданным слугой достигает высокого развития, 1700—1703 годы, когда между ними заметно наступает охлаждение и 1704—1714 годы, когда Виниусу пришлось переживать вследствие царской немилости тяжелые испытания.

Первый период переписки интересующих нас лиц начинается письмом Виниуса царю от 9 июля 1694 г., которое заключает и себе деловые сведения по постройке кораблей)[360]. Из письма царя к Виниусу от 12 июля видно, что между ними уже существовали дружеские отношения. Виниус не упускает случая пользоваться этими отношениями и просит царя о своих личных нуждах[361]. Царь пишет из Архангельска (12, 19 и 21 июля), причем, переписываясь о деле, пересыпает свою речь шутками, откровенничает насчет «Бахуса» и пр.[362] Виниус беспрерывно сообщает ему сведения, получавшиеся из-за границы в виде писем и газет.

19 мая 1695 г. царь пишет Виниусу из Нижнего Новгорода[363], а 10 июня — из Царицына[364]. Виниус, продолжая посылать царю всякие заграничные вести, в это время уже, по-видимому, был занят доставкой к Дону артиллерийских припасов.

Далее следуют письма царя с Дону. Вследствие отсутствия правильной почты и препятствий со стороны нападений степняков — Татар, письма царя часто запаздывают, что служит причиной большого беспокойства в Москве письма Виниуса от 9 и 16 июля). В письме от 9 июля Виниус сообщает Петру о получении в Архангельске галеры, заказанной в Голландии. В письме от 30 июля Петр поручает Виниусу позаботиться о доставке в Москву привезенной галеры вместе с

---

360 Письма и бумаги П. В., I, 500—501.

361 Там же, I, 22.

362 Там же, 23, 24.

363 Там же, 30, 31.

364 Там же, 510, 511.

мастером, ее привезшим, чтобы последний собрал ее в Москве[365].

В августе и сентябре переписка велась довольно оживленно. Виниус, сообщая царю заграничные новости, в одном из писем описывает военные действия и заканчивает так: «мной, что Маршовы трудники, сняв железныя одежды и положа оружие, в теплые учнут шубы одеваться и гретыя избы искати»[366].

21 октября Петр писал Виниусу о «каторжных» мастерах; Виниус отвечал ему, что посол Датский — Бутенант фон-Розенбунг писал о них уже дважды в Данию. В этом же письме Виниус пишет, что хотел ехать к царю, но получил какие-то сильные ушибы и стал болеть глазами: не упускает случая также сообщить слухи о военных действиях немцев против турок[367].

Мартовские и апрельские письма 1696 г. писаны царем из Воронежа. Из ответов Виниуса интересно письмо, помеченное 21 апреля. В нем Виниус сообщает, что указ царя о заготовлении крашенины и красного сукна исполнен князем Прозоровским; что за границей все идут разнообразные военные приготовления; что курфирст Брандебургский посылает в Москву 2 инженеров и 4 бомбардиров, наконец, — что французы захватили русский корабль св. Павла, шедший с голландскими товарами и под голландским флагом[368].

В письме от 3 мая царь намекает на какие-то секретные заморские поручения[369]; Виниус отвечал, что все будет им исполнено[370].

В письме от 31 мая и в июньских письмах царь сообщает Виниусу о русских удачах под Азовом. Виниус отвечал

---

365 Письма и бумаги П. В., I, 44.

366 Там же, 537.

367 Там же, 544—545.

368 Там же,, 564—565.

369 Там же,, 62—63.

370 Там же, 569.

письмами обычного содержания — заграничные слухи и сообщения о погоде.

15 июля царь написал Виниусу резкое письмо по поводу поведения его свояка, думного дьяка Емельяна Игн. Украинцова. Дело в том, что Украинцов, по излишней осторожности, скрыл от нашего посла при Цесарском дворе сведении о наших военных действиях под Азовом, чем замедлил действия немцев. «Скажи ему, заключает Петр свое письмо — что чего он не допишет на бумаге, то я допишу ему на спине»[371]. Виниус исполнил поручение царя и в письме от 29 июля просил прощения для своего свояка. В письме приводятся, по обыкновению, заграничные слухи, особенно по поводу кандидатур на польский престол[372].

Но этот ответ еще не был получен Петром, как царь пишет краткое, но восторженное письмо о взятии Азова (от 20 июля)[373]. Виниус отвечал на это не менее восторженным, но длинным письмом (от 1 авг.). Вот отрывок из этого письма: «Радуйся, о непобедимый наш великий царю, превосшел еси Александра древнего: той бо, аще видением плененных Да- риевой жены и дщери красотою их не уязвися, обаче о победах своих превознесся и не даде славы Богу, но себе вся приписал есть; но ты, великий наш государь, Богу небесному приписал еси и трудам своих рабов верных. Радуйся, великий наш монарх, иже никакими трудами непреборим был еси, и еще прежде взятия града того, верою подобно Исусу Навину взятием себя обнадежил еси. Радуйся, праведний наш великий воине, иже своих врагов не точию оружием, но милосердием праведным победил еси и толи-

---

371 Письма и бумаги П. В., I, 89—90.

372 Там же, 591. Украинцев, человек очень способный и трудолюбивый, не ладил с придворной средой. Позже он был отправлен послом в Турцию, но это поручение считалось не столько почетным, сколько опасным, как сообщал об этом по секрету Виниус бранденбургскому послу (Dukmeyer, 138).

373 Там же, 96.

ких врагов поганских животом дарова. Тем же да прославится наше государское имя по всей земли в вечное веселие всех христиан и в бесконечное уязвление богомерзких агарян, и сей кровию и мученичеством православных христиан полученный клейнот да пребудет не отриновен высокой вашей великого государя державе, дондеже солнце имать течение свое на тверди небесней имети. Аминь». Далее Виниус, между прочим, сообщает, что он не удержался от радости и написал об этом за границу к Витзену, чтобы тот сообщил радостную весть Вильгельму английскому[374].

В августе переписка продолжалась. В письме от 20 августа царь просить Виниуса озаботиться устройством триумфальных ворот для въезда войска в Москву. «Сие же пишу, прибавляет он скромно, — не яко уча, но яко помня вашей милости о сем николи там бываемым[375]. Отвечай на августовские письма, Виниус, в письме от 8 сентября, излагает свои проекты по этому поводу; но он решительно заявляет, что «тому делу прежде сентября 18 дня поспеть не мочно, понеже, государь, то дело не малое». В этом же письме Виниус сообщает о радости Бранденбургского курфирста по поводу взятия Азова и извиняется, что не явился к царю во время пребывания его на железных заводах в Тульском уезде[376].

Во 2-й половине сентября Петр прислал небольшую шутливую записку[377] и 30 сентября со своим войском прибыл в Москву.

Вскоре после этого царь Петр собрался в дальний путь за границу.

Едва выехав за границу, в марте 1697 года, Царь пишет Виниусу интимные письма, употребляя симпатические чернила. Виниус, в свою очередь, пишет царю письма вроде следующего:

---

374 Письма и бумаги П. В., I, 597—599.

375 Там же, 109—110.

376 Там же, 603—604.

377 Там же, I, 110.

«Господину моему благоприятнейшему. За писание твое любительное из Новгорода марта 19 дня, зде стало в 23 день в полдень, благодарствую сердечно, и того дня, понеже от господина великого посла с товарищи первая явилась почта, ввалился я в такую компанию, и в те часы, когда дошла весть о виктории полтавцов над татары, и тут за здравие послов и храбрых кавалеров, а паче же государское, так подколотили, что Бахус со внуком своим Ивашкою Хмельн. надселся со смеху; а брат Василий со стариком Бахусом хотел было поростаться, как говорил, но Ивашко лих, опять подкрался и почасту с ним танцует. За сим буди, господине, здрав и в пути своем во всяком благосчастии, еже сердечно желая с поклонением А. В. челом бьет[378].

1 апреля царь писал Виниусу из Риги, что посольство приняли там с великой честью; но уже через неделю пришлось царю жаловаться на нелюбезность шведов, не позволивших осмотреть укрепления Риги, и на дороговизну, и на скупость жителей. Половина письма от 8 апреля писана симпатическими чернилами: здесь сообщается о числе солдат в Риге, об укреплениях, о жаловании военным людям, о намерении короля шведского добиваться польской короны для своего сына. Последнее Виниус должен был сообщить кому следует («набольшим»[379]).

Отвечая на царские письма, Виниус извещает Петра подробно о победе полтавцев над татарами, затем, сообщив о смерти Петра Вас. Шереметева, довольно смело заявляет: «место оставил, которое зело... требует доброго человека и к тому искусного, я бы желал окол. Богд. Фед. Полибина; он искусен, добр и был бы опасен»; впрочем, спешит добавить, «только то обрание не в нашей, но в воле великого государя»[380].

---

[378] Письма и бумаги П. В., I, 615.

[379] Там же, 144—146.

[380] Там же, 620.

28 апреля из Либавы Петр писал Виниусу о саламандре в спирту, которую он видел в одной аптеке, в этом же письме он сообщал, что, отделившись от посольства, едет морем в Кенигсберг[381].

Из дальнейших писем интересно письмо Виниуса от 7 апреля. Соблюдая инкогнито царя, он писал: «прошу тя, господина моего, понеже указом благочестивейшего нашего монарха мне велено построить заводы из таких руд, которые прибыльны будут; и по опытным свидетельствам сыскал я зело добрую руду из магнита железную, и такова, что писали из Галанской земли, лучше быть невозможно. И я прошу зело: послом, пожалуй, подокучь, чтоб они у курфистра Бранденбургского, или цесаря, или у Саксонского упросили самого доброго мастера, который бы умел в достаток из той руды сталь делать, и пушки, и мозжеры лить, потому что, своей ради мягкости, я чаю, что в пушки и в мозжеры зело годна, да он же бы и гранаты и бомбы лил, и, как возможно скоро выслать. А о корму с пуда договориться и сказать ему, что тамо, где ему быть, всякой харч зело дешев. А буде здесь делать мушкеты, добро б прислали ствольного да замочного доброго мастеров по человеку; мочно придать им учеников. Пожалуй, мой господине, учини мне дружбу, а я тебе воздам, чтоб сие совершить, потому что от того места во все руские и сибирские городы всякое ружье и железо мочно водою спровадить. К тому та магнитная руда, сказали опытчики, такова богата, что из 100 фунтов руды выходит 30 или 40 фунтов самаго доброго железа. И то дело будет в такое диво, что во всей вселенней не бывало, чтоб из магнита железо плавить, а дале копаючи, либо иное и богатее и прибыточнее сыщется. А об иных рудах, о которых я писал, вестей по сей час нет»[382]. Вопрос о русском железе особенно мучит Виниуса: «наипаче болит сердце, что иноземцы, высокою ценою продав Свейское железо, и побрав деньги, за рубеж поехали, а наше

[381] Письма и бумаги П. В., I, 149.

[382] Там же, 623.

Сибирское многим Свейского лучше»[383]. «Еще дерзнул семь напомнити» пишет он немного позже, — «о мастерах к заводам железным: один чтоб умел печь домну, и молотовую, и плотины сделать, и как руду обжигать и плавить; второй чтоб пушки и прочие орудия умел лить, третий чтоб умел сталь делать, а связи тянуть. Вудс не мочно или трудно сыскать, чаю — по нужде и здесь сыщутся. Добро бы, буде мир у француза совершится, чтоб мушкетных и сабельных или шпажных и замочных мастеров достать, только то, чаю, не уйдет, как заводы будут»[384].

11 июля Царь писал Виниусу из Кольберга. В этом письме, сообщая дипломатические новости насчет Польского престола, Петр уведомляет, что в Кенигсберге он нанял на русскую службу бомбардира, а о железных мастерах хлопочет до сих пор[385].

Дальнейшие письма трактуют о тех же вопросах, какие неоднократно попадались выше[386]; то, что в письмах Виниуса касается почты, будет предметом нашего рассмотрения позже.

17 августа Петр писал из Саардама. В этом письме он сообщает, что посольство было принято в Голландии с честью, члены посольства присутствовали в театре, приглашены на фейерверк; что виделся он с Витзеном, который обещал устроить его на работу при Остиндской верфи. С иронией сообщает царь о спальниках, посланных в Голландию для науки еще раньше посольства, что они, выуча компас, уже хотели возвращаться в Москву, не побывавши на море[387].

27 августа Виниус писал царю некоторые подробности о деятельности Ромодановского: «повеленное поклонение всем господам, а паче же государю генералиссиму в обителех его...

---

[383] Кабин. П. В., II, кн. № 53. Соловьев, кн. III, 1175.

[384] Письма и бумаги П. В., I, 629.

[385] Там же, 181.

[386] В письме от 6 авг. он упоминает также об успешном ходе постройки шлюз.

[387] Письма и бумаги П. В., I, 186.

низко и по достоинству сотворил, и за то подарок его отвез и отпустил меня с больною головою и перекусанною щекою. Однакожь, спаси его Бог! Очистил колодников с 300 ч. с марта месяца». Напомнив, по обычаю, еще раз о мастерах, Виниус просит: «пожалуй, мой милостивой, подари и иных своим писанием: печалятся о том вельми»[388]. Значит, царь, забывая о других, не забывал писать Виниусу! То же самое видно из письма Петра от 31 августа из Амстердама; «писал ты, пишет он Виниусу, что оскорбляются некоторые персоны, что я о украинном деле писал к тебе, а не к ним, и то мочно рассудить, что то дело великое, и явно писать нельзя, а того письма (т. е. писанного раньше тайными чернилами) они не знают, а мне инак было писать нельзя»[389].

10 сентября Виниус послал царю 2 письма. Сообщая о дождях и грязи в Москве, он завидует заграничным мостовым и выражает мысль, что хорошо бы и мостового мастера прислать из-за границы; жалуется на малое число писем из посольства — о пути его приходится узнавать из курантов! Сообщает о смерти К. Ф. Нарышкина[390].

В письме от 17 сентября Виниус сообщает царю о приходе 40 кораблей Голландских, Английских и Гамбургских в Архангельск[391].

1 октября Петр в письме из Амстердама просит никого не обижаться, что он, «иное за недосугом, иное за отлучкою, а иное за Хмельницким» не успевает писать писем[392]. В следующем письме от 5 октября Царь пишет: «пишешь о великих дождях и грязях, что у вас ныне; и о том дивимся, что на такой высоте такая грязь; мы здесь и ниже воды живем, однако сухо». В этом же письме он сообщает, что пленный турецкий паша у немцев говорил о существующем пророчестве, будто

[388] Письма и бумаги П. В., I, 638.
[389] Там же,, 188.
[390] Там же, 639—640.
[391] Там же, 641.
[392] Там же, 198.

в 1699 г. Царь-град будет взят русскими[393]. После этого царь почти месяц не писал Виниусу, что последнего очень беспокоило[394].

4 ноября Виниус сообщал царю Сибирские вести: из Китая вышел большой купеческий караван с камками; воеводы Сибирские теперь лучше прежних, а о злоупотреблениях прежних ведется следствие; позже он писал о находке железных руд, что же касается серебряных руд, разыскивать которые посланы Греки, то пока он не получал сведений за дальностью расстояния[395].

В письме из Лондона от 11 января 1698 года Петр обещает Виниусу прислать «ведомости золотых, разных земель»[396].

В мартовских письмах из Детфорда, Царь пишет о чудных китайских вещах, которые он видел в Англии, о том, что железных мастеров можно достать и в Англии, только за дорогую цену, а также сообщает о морских маневрах в Портсмуте и о смерти Испанского короля.

Виниус, в письме от 15 апреля, кроме почтовых дел, пишет о морозах, пожарах (от одного из них чуть он сам не пострадал), о табачном деле и... по обыкновению, о железных мастерах[397]. В другом апрельском письме Виниус сообщает подробно о мерах, принятых им для распространения и утверждения христианства в Китае и сопредельных с ним народах[398].

30 апреля царь писал из Амстердама о своем возвращении из Англии и об отдаче табаку на откуп англичанам[399].

---

[393] Письма и бумаги П. В., I, 201—202.

[394] Там же, 653 и 654.

[395] Там же, 664. Впоследствии сведения о поисках этих гречан были получены, но в них было мало интересного. («Две Грамоты о начале горного промысла в Сибири», Временник М. Общ. ист. и др., кн. VII).

[396] Там же, 236.

[397] Там же, 709.

[398] Там же, 695.

[399] Там же, 250—251.

Почта из-за границы нередко опаздывала. Это давало повод ко всяким темным слухам. Петр чрезвычайно был недоволен, когда узнал, что Виниус, человек бывалый, и тот беспокоился более, чем следует, при запоздании почты[400]. Пришлось Виниусу просить прощения, что он вместо того, чтобы успокаивать других, сам поднимал тревогу. В письме, писанном в конце мая, он, между прочим, просит царя: «в странах, идеже заводы железные и серебряные и прочие, мню, ваше господство проездом будете и, сему случившуся, молю, чтоб изволили показать старым и знающим мастерам тот магнит, что я вашему господству поднес, и им объявить, что того камени три великие жилы и многие иные жилицы, что они признают под теми жилами быти, и заводы такие ж у них есть ли и какое железо из того камени магнитного учнет выходити[401]».

В июне Петр писал из Дрездена и из-под Вены. Радуясь сообщенным Виниусом известиям о насаждении христианства в Китае, он советует в таких делах быть осторожным и употреблять попов не так ученых, как «разумных и покладных», чтобы не раздражить китайских начальников или иезуитских миссионеров[402].

В следующих письмах Виниус писал об усмирении стрелецкого бунта; а затем, так как Петр сообщал, что камень, посланный ему Виниусом для образца, утерян и показать ему за границей нечего, то Виниус послал ему чертеж магнитной горы у р. Тагила с указанием жил и планом окрестностей. Обилие лесов и водных путей поблизости, по мнению Виниуса, наилучшим образом способствовало бы заведению заводов. Мимоходом он сообщает также о том, что близ Москвы заводы останавливаются от недостатка топлива[403]. В это время он получил известие от Витзена, что пострадал лучший

---

400 Письма и бумаги П. В., I, 252.

401 Там же, 722.

402 Там же, 253—254.

403 Там же, 728 и 732.

Шведский завод, что подало Виниусу надежду, что сбыт нашего железа увеличится. Не надеясь уже получить железных мастеров из-за границы, он хлопочет о передаче ему русских мастеров с заводов, прекративших свою работу[404].

Возвратившись в Россию, Петр, как известно, принялся за казни стрельцов; затем опять отдался кораблестроению. Письма его (из Воронежа, Азова и пр.) отличаются краткостью и сухостью. Письма Виниуса также изменяют свой тон и становятся раболепными. Он сообщает Петру заграничные новости, посылает куранты, сообщает о переводах, сделанных им по поручению царя (перевод росписи кораблей, надгробного слова Лефорту и пр.). В письме от 31 марта 1699 г. он пишет: «аще о чем Никита Моисеевич (Зотов) тебе, моему милостивейшему, о мне донесет, возри оком человеколюбивым на раба своего, подаждь ми, государь, отраду, яко и над подъячими милость изволил ты, государь, явити: моя братья на мя, из них нижайшего, велие бремя налагают, противо себя мало не втрое: а работаю, ей, мой милосердый, тебе, великому государю, верно и чистою совестию. Но о сем да буди твоя государская воля; упование мое един Бог и ты, мой премилостивейший[405]».

Июньские письма Виниуса посвящены Сибирским делам. 3 сентября царь писал Виниусу из Таганрога, что русский посол отправился в Константинополь на корабле[406]. В ответ на это Виниус посылает 24 сентября велеречивое послание, восхваляя появление русского флота на южных морях[407].

Мартовские письма 1700 года посвящены снова Сибирским делам. Дружеский характер переписки исчезает совершенно. В одном из писем царь поручает Виниусу написать Витзену о присылке пожарных труб. Царь недоволен, что Виниус присылает мало вестей, что пропадают почты. Началась

---

[404]Письма и бумаги П. В., I, 734 и 741.

[405] Там же, 765.

[406] Там же, 303.

[407] Там же, 782—784.

Великая Северная война. Царь постоянно сообщает Виниусу о военных событиях, но все чаще и чаще высказывает ему свое неудовольствие. Так напр., в ноябре он требует немедленно исправить неудачно сделанный портрет умершего Ф. Ф. Плещеева; в апреле 1701 г. требует поспешить с доставкой артиллерии и не стеснять англичан в торговле табаком в Сибири («если тот торг пресечется, прибавляет Петр, от сего весь убыток на вас будет доправлен»[408].

В марте 1701 г. большая часть почт была взята из ведения Виниуса; на тревожный запрос его по этому поводу, Петр отвечал:

«Min Her. Письма ваши я принял, в которых пишете о готовости артиллерии и что трудитеся в том; и то зело доброе дело и надобно, ибо время — яко смерть. Тут же пишешь, нет ли какого гневу за нечаемое будто отнятие почты. И тут не сама ли вас совесть обличит? Понеже я уже давно о том говорил, и вы так тому сведомы были, что многим о том говорили и нечто давали, а взята оная от вас не за то что, только что оная у вас была ни в какую пользу государству, но только вам, ибо сколь крат я говорил тебе о корреспонденции в иные места, но те мои слова тщетны; того для и отдана иному, где если такова ж будет тщетна, и там может отнятца. — Другая же, которая к Городу (т. е. к Архангельску), на некоторое время оставлена у вас. Сего ради достоит не небречь тех, или в переманку ставить слов, кто волю от Бога имеет, но всею крепостию радеть. Нуде ж помнишь, что по доносу прельстишься, слава Богу, как вы о себе, так мы о вас ведаем, и дядьки нет, кто б вел за нос. Сие не в печаль вашей милости, но вразумлении ради пишу, да не колеблешься в сем мыслию.

Piter.

С Воронежа, апреля в 16 день 1701 года[409]».

На это письмо Виниус отвечал 29 апреля. Он заявляет, что радуется, узнав о том, что гнева государева на него нет,

---

[408] Письма и бумаги П. В., I, 443.

[409] Там же, 444.

просит только «в трудех ... всеусердных суща в препитапии вседневнаго… с домишком хлеба не оставити и верныя... работишка рассмотрити». Затем переходит к делам: говорит об изготовлении новых пушек, о присылке 34.000 пуд. колокольной меди на пушки (после битвы под Нарвой) и о недостатке красной меди, без которой из колоколов лить пушек невозможно; об отпуске с Москвы Сибирского архиерея (знаменитого св. Димитрия); просит о поставке пороха Избрантом вместо Воронежа в Новгородский поход[410].

14 мая Петр писал Виниусу о доставке артиллерии в Новгород. О красной меди Петр поручает сказать бурмистрам, что они ответят головами, если вовремя ее не доставят. Насчет пороха царь согласился с Виниусом[411].

30 мая Виниус писал Петру, что пушек готово достаточно, но отправка замедляется за недостатком подвод, которые перехватываются «многими господами» для их нужд[412].

В письме от 19 ноября 1701 г. Виниус перечисляет царю свои заслуги в Пушкарском приказе.

1) Вылито меньше чем в год пушек, мортир и гоубиц больше 300 мест.

2) В литье прежде мастера были не умелые и пушки выходили у них в раковинах и портились с великим убытком, а ныне того нет и льют такие, что лучше невозможно.

3) На подрядах разных пред прежними условиями и ратушными в ценах убыло и по разным статьям расход сократился более, чем на 10 тыс. рублей; те деньги остались в казне.

4) В школе собрано 250 чел. ребят, из которых чаят, выйдут инженеры и артиллеристы и добрые мастера; на это расходуется в год меньше 1 тыс. рублей.

5) Сокращено число мастеров, которые задаром хлеб ели, больше чем на 600 рублей[413].

---

410 Письма и бумаги П. В., I, 852—853.

411 Там же, 449.

412 Там же,, 856.

413 Гос. Архив, Кабинет П. В., письма 1701 г.

20 июля 1702 г. он писал царю, что оправился от болезни и собирается по делам в Сибирь «вящшею охотою, видя, что Сибирского железа пушки и мортиры опыт свой выдержали». В этом же письме он сообщает подробные сведения об артиллерии[414].

Взяв Нотебург, Петр не мог удержаться, чтобы не поделиться радостью со своим старым слугой: «зело жесток сей орех был, однако слава Богу, счастливо разгрызен. Артиллерии наша зело чудесно дело свое исправила» (письмо от 13 октября 1702 г.)[415]. На это письмо последовал радостный ответ Виниуса из Верхотурья, от 8 декабря. Но и в этом письме большая часть отведена делу: Виниус пишет о Сибирских заводах, им устраиваемых, о приготовлении новых пушек, нахождении богатой железной руды в таком количестве, «что чаю прежде лесам оскудение, нежели рудам будет», а наипаче, что железо то зело добро и равняется с гишпанским»[416].

Но с 1703 г. царю снова приходится ссориться с Виниусом В январе он пишет последнему письмо, против обыкновения начиная его так: «Господину надзирателю артиллерии» вместо обычного Min Her. В этом письме делается выговор за несвоевременный отпуск артиллерийских припасов и за небрежное изготовление их[417]. 10 февраля царь требует присылки железа в Воронеж. Отвечая на это последнее письмо, Виниус, между прочим, жалуется на недостаток серы для пороха и свинцу, в чем винит бурмистров; сообщает, что англичане в восторге от Сибирского железа и просят дать им образец. Сообщив затем о большой прибыли, полученной им от продажи китайских товаров, Виниус не упускает случая попросить себе деревеньку дворов в 200 с небольшим: «воистину, государь, аще жив буду, — заслужу, Богу помогающу, паче ж в Сибири, в промыслах железных, медных, селитреных, а еще

---

[414] Письма и бумаги П. В., I, 380—381.

[415] Там же, II, 92.

[416] Там же, 413.

[417] Там же, 125.

что Господь подаст. Такожде коликие мои труды в управлении такой великой артиллерией были, о том тебе, моему милостивейшему, известно»[418].

Но Петр уже скептически относился к трудам Виниуса. Следующее письмо царя Виниусу помечено 19 февраля 1703 г., в нем он требует Виниуса к себе в Воронеж с некоторыми припасами. В начале мая 1703 г. был взят Ниеншанц. Сообщая об этом радостном событии многим лицам, Петр на этот раз уже не находит нужным писать Виниусу. Тем не менее, бедный старик, уже подвергавшийся допросу за свою неаккуратность, считает долгом принести царю свое поздравление по этому случаю. В письме от 12 мая Виниус восторженно говорит о значении Ниеншанца для русской торговли, как конечного пункта великого Каспийско-Балтийского пути. Тут же Виниус сообщает о разрешении голландского правительства вывезти 5000 пудов серы в Москву для изготовления пороху[419].

В октябре 1703 г. Виниус был отставлен от всех должностей; на нем осталось только артиллерийское дело; он все еще лил пушки. Тяжка была для него немилость царская. «Обрадуй мя, своего раба», писал он царю в апреле 1705 г., полагая, что царь уже забыл свой гнев: «в печалех погружаема, в грядущий праздник Воскресения Христа Бога нашего обнадежешем своея государские милости»[420].

Вынужденный удалиться за границу, Виниус писал оттуда (неизвестно, из какого места) царю оправдательное письмо[421]. В этом письме он пишет, что, потеряв около Гродно почти всех своих людей и лошадей, опасался попасть в руки неприятеля и потому поспешил спастись за Прусскую границу, от-

---

[418] Письма и бумаги П. В., II, 469.

[419] Там же, 537—539.

[420] Кабин. П. В., II, № 4. Соловьев, кн. IV, 4.

[421] Сведения об этом, равно как и о последующих письмах Виниуса см. у Пекарского и V т. Писем и бумаг Петра В. Письма хранятся в Гос. Архиве, Кабинет Петра В.

куда искал возможности вернуться в Московские пределы. Когда же ему это не удалось, он через Кенигсберг отправился в Голландию. «Достиг, пишет он, — в такую озяблость горького ми состояния, что всего, еже в толикие лета трудами многими приобрел, весьма себя вижу обнаженна». В заключение он просит прощения у царя: «Даруй мне, состарелому и слабому, остатные дни малые моей краткие жизни вне всех мирских суетств в домишке моем или в монастыре мирно скончати»[422].

За этим письмом последовало другое, от 16 ноября 1706 г. С ужасом упомянув о взводимых на него обвинениях в измене со стороны врагов, которые «не боятся Божия мстительного суда», именуют его «крайним злодеем», чтоб лишить его всего имущества. Виниус перечисляет свои заслуги на службе царского величества: заведывание Посольским, Сибирским и Пушкарским приказом, устроение заводов, торговых сношений в Сибири, находку селитры, открытие школы математической для наук инженерных, бомбардирских и пушкарских, участие в делах Малороссийских, устройство триумфального шествия после азовских побед, заботу о безопасном возвращении Петра из-за границы и пр.[423]

Очевидно, это последнее письмо возымело действие на царя, который умел помнить заслуги своих приближенных. Он, наконец, ответил Виниусу из Люблина, 18 июня 1707 г. «Господин Виниус! Письма ваши три я принял, на которые ответствую, что как вы свою поездку ни рассуждаете, однакож оная не без вины есть; что же вы тут поминаете, что отчужден от милости, и в том можете сами рассудить: пока вы постоянно шли, тогда и я к вам теплее был, а когда сказывать стали, что нечего есть, а десять тысяч в одну ночь дали, тогда и меня сие ваше непостоянство от вас отдалило. По ныне, ежели хочете паки возвратиться, то во всем прощение получите,

---

[422] Каб. П. В., II, № 5. Письма и бумаги П. В., V, 715.

[423] В этом же письме Виниус заявляет, что ему 65 лет от роду. Каб. П. В., II, № 5. Письма и бумаги П. В., V, 717.

такожь и все ваше вам отдано будет, в том можете весьма надежны быть»[424]. 10 сентября 1708 г. Виниус, уведомляя царя, что он, по милости Божией, возвратился в недра восточного православия и прибыл через Архангельск к Москве, просил об отдаче ему принадлежащего имущества, дома и книг. В октябре он уже благодарил Петра за то, что его «домишко распечатан, деревнишки возвращены».

Следующие письма Виниуса касаются исключительно ученых и переводческих трудов, возложенных на него царем: в декабре 1708 г. он сообщал Петру, что окончил перевод трактата по механике и предлагал перевод сочинения о фортификации; в ответ на письмо Петра (неизвестное нам), в котором царь приказывал напечатать трактат по механике и изготовить «книгу огнестрельную», Виниус отвечает обстоятельным письмом. Он советует царю, чтобы тот, раньше печатания, прочел трактат о механике в рукописи; относительно же «огнестрельной книжицы» заявил, что таковая уже переведена им 12 лет тому назад или даже больше, но перевода ее у него нет. Виниус предполагал, что книга эта найдется среди тех 400 книг, которые были взяты у него в Аптекарский приказ и задержаны там комиссаром Веселовским. Он убедительно просил царя дать указ о выдаче ему этих книг, тем более, что среди них есть лексиконы, необходимые ему для переводов, книга с фигурами о «фундаментном ведении» и о фейерверках. Мимоходом Виниус сообщает, что книги собирались им в течение 50 лет и даже выписывались из-за границы через Витзена.

В письме от 2 февраля 1709 г., уведомляя царя о продолжении своей ученой работы, Виниус спрашивает, издавать ли ему переведенную им книгу по артиллерии. То же самое находим и в письмах от 7 февраля и 9 марта. В первом письме Виниус ходатайствует о даровании ему или кому-нибудь другому («мне, или чье имя назначь») на 10 лет привилегии

---

[424] Письма и бумаги П. В. V, 312.

на печатание «новых Российского и иных государств партикулярных и общих всей вселенной чертежей с русскими подписями», чтобы никто другой не смел бы таковые перепечаперепечатывать. Во втором письме он сообщает о получении всех своих книг и благодарит за это.

Письма от Виниуса к царю посылались и в следующие годы, до 1714 включительно; они заключают в себе по большей части поздравления по случаю разных побед.

Вот что, напр., он пишет после Полтавской битвы:

Пресветлейший, державнейший царю, великий монарх и победитель преславный!

Всемирная дошедшая здесь радость благодатиею Вышняго Царя царствующего (sic), всесильного Господа Бога вам, великому нашему монарху, дарованною над в мыслех превознесенному неприятелем несравненною викторию, удостойся со святым Моисеем прославляюще воспети, поем Господеви, славно бо прославися (на полях: Исход, 15), коня и всадника и всех воев храбро бывших проверже по степям. Сей есть Бог наш сокрушаяй брани супостат наших, покрый их, яко древле Египтян море. Сих же кровь пролил. Оружия храбрых воин российских, множество силы своея стерли Господь супостаты. Посла на ня Господь гнев свой, иже пояде их, яко стеблие. Рече враг: гнав постигну, утну мечем моим, поражу и разделю корысть, исполню душу мою и ноев моих и прочая. Сия бо несравненная виктории исполнила всех подданных ваших монаршеских сердца такою радостию паче всех радостей и воистинно превзыде славою победу Кароля 5-го кесаря римского, монарха зело славного, иже во Италии порази Францишка первого краля Францужского и самого плени, но сей несравненна. Понеже вящшая часть Французбегством спаслися, в сей же, мню, ни един избеже. Превзошла победу кесарскую, юже получи Леополдус над турки под Сегединым в 1697 году и паки иной над Французы сия с союзники под Гохштетом в 1709 году, а паче же в России николиже слыханой мню и верую, яко самое присудствие

Величества Вашего сию великую с малым уроном нашего государского воинства победу содействовало. Темже высокому нашему монаршескому имени удостоися вящшей похвалы понеже несумнително многие Шведских доброхотов концепты в дым превратятся, вашим же государским интересам много тысящ добрых и ко славе высокого вашего государского имени простирающих дел привлачит.

Сего ради аз, убогий старец, в надежде вашия монаршеские ко мне убогому обещанного милосердия утверждают между многими в смысле богатыми последней силой памяти и ума моего пред престол Вашего Величества к ногам вашим повергшася сею великою несравненною викториею смиренно и покорственно приветствуя, дерзнух поздравити и глаголати: радуйся, о великий наш преславный монарх, иже удостоился еси с некоим Римским монархом изглаголати сия словеса приидох, видех и победих; радуйся, о непобедимый монарха, иже паче сей победы праведную сыю на сих высокохвалиых врагов и пристойную сыю отмстительную ярость милосердием несравненным победил еси, избранные их пленники своими царскими щедротами их во ужасное удивление привел еси. Буди же паки хвала и благодарение вышнему Богу, увенчавшему святым миром помазанную честнейшую ти главу и толиколетные труды славою бессмертною, паче ж сохраншему дражайшую святую вашу царскую персону от толиких опасных явленных и неявленных человеческих случай. Сего ради от ревности моея души дерзнух Величеству Вашему представить покорные доношения, яко сожалением многим есмь содержим о славе Божией и вечной бессмертной похвалы Вашего Величества великой премудрости в таких викториях кротости, милосердии и щедрот, дабы грядущим родам паче ж Вашего Величества пресветлейшим наследникам во мглу забытности не были преданы, но в нескончаему память. Сия и многия содеянные нашими победы славныя, не на преходимых, но на твердых материах, где Ваше Величество соизволите были изображе-

ны и поставлены. Яко же в ветхом и новом Риме, Париже, Лондоне, в Галандии, и прочих странах некоторые уже больши 1.000 лет древние храбростию мудрою полученные победы во славу тех монархов на столпах и металах изъяснены, но понеже сия дела мне не вручены, аще от ревности и дерзнух представити с припадением смиренно молю о милостивом вашем государском прощении и во еже сие вышепомянутое мое покорнейшее убогое приветство щедротами своего государского человеколюбного природного милосердия, яко от евангельской убогой вдовицы две лепты прияти и в милостивом вашем государском хранительном призрении мя имети.

Вашего Царского Величества, моего премилосердного великого монарха и преславного победителя нижайший и покорнейший раб Андр. Виниус. С Москвы, 1709 июля в 6 день[425].

Интересно также письмо, писанное, по-видимому, в 1712 году «Ныне, приехав к Москве, г. тайный советник Тихон Никитич (Стрешнев), мне, рабу вашему, вашим, Великого Государя, указом, сказал, что вы, Государь, изволили потребовать от меня переводу уставу судебных воинских прав, и я. Государь, в прошлом году был на вашей, Великого Государя, службе в полках с гетманом, а приехав в Глухов, с начала месяца июля лежал несколько недель в расслаблении, а которые дни было мне отраднее, в те трудился над лексиконом Голландским, а над воинскими правы не работал, понеже чаял, иные люди то управят. А ныне, к Москве приехав, в домике моем обрел — постановлены Шведы во всех жильях, и доныне не сводят, а было их сначала больше 200 человек, и в дом меня не пустили, и жил в чужом дворе недели с три, а мне не малое от постоя разорение. А ныне, Государь, начал в воинских правах трудитися, и по елико смогу, буду работать: однако ж рукою, Государь, правою в письме мне зело тяжко, едва имя свое подписываю; но уповаю сим великим постом

---

[425] Это письмо до сих пор не было нигде напечатано. Каб. Петра В. II, № 9, л. 123.

Голландские артикулы совершить, а прочее потом. Не прогневись, мой милостивейший государь, на мя, нижайшего раба своего: воистинно, государь, стал быть дряхл, едва брожу, уж 70-й год доходит. Желание — весть Бог — есть, да сила по вся дни скудеет»[426].

После 1714 г. писем Виниуса уже не имеется.

VII

Семейная жизнь и хозяйственная деятельность А. А. Виниуса

Настоящая глава почти целиком составлена нами на основании 2 книг, хранящихся в Почтовых Делах Моск. Архива Мин. Иностр. Дел: одна, составляющая картон № 6, заключает в себе черновики писем и заметки о корреспонденции А. А. Виниуса, его сына Матвея и секретаря Фадемрехта в 1695—1702 г.; другая, в картоне № 11, содержащая «домашние всякие записки» А. А. Виниуса с 1706 по 1716 год. Мы не будем указывать на страницы этих книг, потому что желающий легко найдет всякую справку, пользуясь хронологической датой, приведенной нами при каждом случае[427]. Те сведения, которые почерпнуты нами из других источников, мы будем сопровождать соответствующими ссылками.

А. А. Виниус был женат на некоей Матрене Ивановне. Этой личности уделяется в источниках мало внимания: немного внимания уделял ей и муж. У них было двое детей: известный нам Матвей и дочь Катерина. Детей А. А. Виниус очень любил, особенно Матвея, как увидим — не оправдав-

---

[426] Пекарский обозначил это письмо 21 февраля 1702 г. и поместил его в рассказе раньше ухода Виниуса за границу. Но это явно ошибочно. Не говоря уже о самом содержании письма, — известно, что Винниус при Мазепе в должности не был, а был при Скоропадском, в 1711 г., затем в 1702 г. ему было 60, а не 70 лет.

[427] Все заметки писаны очень мелким почерком, часто перечеркнуты и читаются с трудом. Поэтому нам часто придется прибегать к многоточиям.

шего надежд отца. Дочь Андрея Андреевича была замужем за Алексеем Калитиным. О последнем нам известно, что он еще в 1710 г. ковал медную руду на рр. Быму, Турке и Вурме[428], владел несколькими селами, гл. обр. в Ярославском уезде (м. б. взятыми в приданое от Виниуса), впоследствии был «стольником по полковой службе» и строил себе дом вместе с А. А. Виниусом в Петербурге.

Имя Матвея Виниуса в первый раз упоминается 18 октября 1698 года, когда «за службу» отца его ему было велено «ведать почту» от Москвы до «города Архангельского». О его деятельности, как почтмейстера, трудно судить, потому что все время его фигура заслоняется мощной фигурой Андрея Андреевича. Тем не менее отец, по-видимому, хотел получше обеспечить положение сына и добился указа о передаче ему и Рижской и Виленской почты (8 июля 1695 года). Мальчик (Матвей был в это время очень молод) как раз находился в периоде учения и посещал «немецкие» школы. В марте 1699 года он был командировать для «совершеннейшего изучения латинского и немецкого языков и др. наук» в гор. Берлин[429]. Под 16 марта 1699 г. (в кн. черн. пис.) Андрей Андреевич записал: «того ж числа отпустил я Матвея, сына своего, с Бранденбургским посланником, г. Маргвардом Людвиг фон-Принцен, и своею рукою по-галанску писал к Гинцу и Офкину[430] рекомандацию».

С этого времени наминается оживленная переписка А. А. Виниуса с его сыном. Отец пишет сыну по-немецки и требует, чтобы он отвечал на том же языке; черновики многих писем имеются на лицо, но еще больше — заметок отца о посылке письма с кратким изложением содержания письма. В этих заметках сказался внутренний мир старика. Для него этот сын — цель жизни, к нему направлены все его

[428] Бранденбург, 358.

[429] С. А. Белокуров. О немецких школах в Москве. Чт. Моск. О-ва Ист. и Древн., 1907, I, стр. XXIV и 241.

[430] Рижские контрагенты Виниуса.

помышления; но у старика, под влиянием русской атмосферы, сложились аскетические взгляды на жизнь, а под влиянием образования — создалось представление о необходимости безостановочного труда, а сын, по-видимому, не разделял этих убеждений. Его покровитель, фон-Принцен, и «майстер» Янетц, по-видимому, покрывали увлечения богатого юноши, чем и губили его. Обратимся к собственноручным заметкам отца в книге черновиков.

(авг. 1699) Писал к Янетцу прилично, чтоб над ево учением и росходами смотрел и еще к Матфею цыдулку по-русски много...

(19 окт.) Писал к Принцу … о ссуде Матфею и чтоб в нужде не оставил.

(окт.) (Матфею) зять, сестра и бабушка и все наши сродники и отец твой крестной в добром здравии иже тебе благожелая челобитье посылает.

(окт.) К Матфееву учителю о осторожности ево и чтоб ево ото всего берег и деньги у себя б держал.

(7 дек.) Писал Матвеюшке, чтоб отвечали на мои грамотки кратко зело и лениво пишет. Чтоб писал, где лисица и пары соболи и камки девались. Деньги б берег гораздо... до марта денег не пошлю. Учился б прилежно и деньги ... не терял ... знался бережно и сказывал, что ушол и что в геометрии выучил, и буде хочет солдатскому строю или драгунскому, чтоб выехал хотя б за прапорщика, и он бы о том ко мне писал и об малом писал бы, чему умеет.

(9 янв. 1700 г.) Писал к Янетцу о Матфеюшке и как его в воздержании иметь и что изучать в свое в Берлине бытие, и в Галандию рано ехать; и о присланных вещах и об меху, где девал и о его непостоянстве и чтоб с нечестными лицы женскими не знался и о деньгах 200 для чего без ведома моего у Понна (взял?). Впредь чтоб держать скудо…

— К Андрею Артемоновичу комплементы и благодарность за письмо о сыне моем, а однакоже об нем не про-

странно писал чтоб изливать, и для чего ныне в Галандию я писал.

18 января А. А. подробно писал сыну о перенесении Кенигсбергской почты на Вильну (об этом подробно в своем месте будет сказано).

(26 марта). Матфеюшке, чтоб жил, как к нему писал и оставил мне радость в жизни и при смерти моей и что Принц его хвалит и деньги мои просит только не с досадой. В немецком языке чтоб гораздо внимал и наукам, чтоб не посмеялись, как приедет.

— К Витцену о трубах 2, что в. г-рю послать обещал и 12 велел бы сделать, во что станет — будет чрез вексель заплачено; о деньгах, что в запас Матфею послал, чтоб поберег еще у себя, а ему б не отдавал, чтоб не стратил (?). А в банк бы не отдавал, опасно аресту.

— К Янетцу, чтоб к Матфею показал о его учении радение свое прилежно.

(май). К сыну своему прошение, что худо учится.

— К Янетцу, чтоб его гораздо побуждать.

(30 июля). Писал пространно к Матфею, для чего давал 50 ефимков. Цею без моего позволения, а я еще ему о том гораздо заказывал, чтоб отнюдь того не чинил и впредь бы те деньги на нем выбрал, и бил челом, и за ним не запускал и буде того не учинит, то в великом гневе от меня будет.

— К Янетцу, чтоб прилежно за Матфеем смотрел и не давал воли в расточении денег и ключи б у себя имел, и когда те деньги давал, и есть ли, письмо о том ко мне отписал.

(6 авг.) К Янетцу крепко о том писал, чтоб деньги его беречь, коли ему не давать и к ученью его всяко принуждать гораздо, а буде учнет неправо поступать и ослушать, чтоб ко мне со всякою правдою писал, а ключи, где деньги лежат, у себя б держал.

— (к Принцену)... почасту на его поступки присматривал, и что худо учит и неучтиво чинит, чтоб его гораздо в том обличить.

(авг.) Писал к Матфею с грозами, для чего сам 90 ефимков Цею, такому гуляке, отдал и безумно взял у него его старое платье в платеж, и писал ко мне по-русски, а я велю писать по-немецки и прочее...

— К Янетцу о том же и чтоб отнюдь волю над деньгами ему не давал и худо надзирает и для чего и в коих числах те 90 ефимков Цею отдал.

(19 ноября) К Матфеюшке о том, что его в даче займу деньги Цею прощаю, только б впредь так не чинить, и то чиню, видя его скруху, и глас, и печаль. И воздал бы прилежно учением.

(нояб.) Матфею об учении, чтоб даром деньги не тратил и жил хорошенько и учился бы прилежно и что вручил его на попечение господина Витцена и о всяких своих недостатках ему доскучал.

(янв. 1701). Матфеюшке... велел ему ехать в Галле… жил во всем воздержно и благочестно..., а ерша (?) к нему не пошлю.

Но Матвей Андреевич не торопился уезжать из Берлина. По крайней мере, до нас дошло одно письмо его из времени пребывания его в Бранденбургской столице. Русские, жившие для обучения в Берлине, пользовались большим вниманием со стороны первого короля Прусского, Фридриха I. Среди рукописей Общества любителей древней письменности имеется письмо М. Виниуса к королевскому переводчику, Эрнсту Готлибу фон Віргену. Вот текст этого письма.

«Милостивый господине, здравия твоего да сохранит десница Божия.

Мыслию одержим есмь заутра видети очи его кор. вел. (буде он обретается в Шенгаусен) и молю тя (аще ти есть время) со мною ехати по моему преждереченному прошению. В воскресение чаю не так свободно, понеже многолюдно бывает, а в будущей недели дела многия (к хождению во град) такожде и иные зайдут дела, но мню, что заутра пристойно ехати. По во всем полагаюсь на твое рассуждение, сам бы аз

придох к тебе, но некая нужда привлекла дома быти, аще ли есть, молю тя мя посетити, аще бо ни, то отповедь прошу прислати писанием, а не чрез моего человека, не хотел бы, чтоб он о моей езде что ведал. А буде не изволишь писати, то пожалуй чрез Петра, или сына твоего, сегодня мне отповедь дати.

При сем всегдашней услуги твоей работник Матюшка Виниюс челом бью. Die 28 Aprill A-o 1701 Berlin[431].

Фон-Берген был личностью довольно известной в свое время. Он путешествовал и по Московии, и по Украйне, хорошо владел русским языком и к нему, как к переводчику, обращались все русские, жившие в Берлине: Петр, упоминаемый в письме, это либо Лопухин, либо Курбатов (оба носили ими Петра), которые вместе с Виниусом обучались в Берлине; вероятнее, что первый, бывший с фон-Бергеном в близких отношениях[432].

Матвей Виниус и не чувствовал разразившейся над ним грозы (отнятие почт Рижской и Виленской, 17 марта 1701 г.) и преспокойно поехал в Саксонию, затем в Данциг, наконец в Кенигсберг, где остался на некоторое время при резиденте, назначенном от Прусского короля в Москву.

Тем временем отец уже звал его домой, удрученный начавшимися неудачами по службе и потеряв надежду, что сын заграницей проведет время с пользой.

(май) Писал Матвеюшке, чтоб поехал на Амбурх и оттоль к Городу...

---

431 Адресовано: «К отданию надлежит до рук господина Ернста Годлиба фон-Бергена моего шт. милостивого государя, во град Келне ан дер. Шпрее». Печать сургучная, малого размера; сохранилась середина от нея с изображением всадника на коне; от надписи латинской кругом сохранилось «…nim…ferat om…». См. сборник in — 40, по описанию Хр. Лопарева — т. II, № LXIV.

432 О последнем узнаем из писем отца его, Михаила Лопухина, см. в том же сборнике Общ. люб. древ. письменности.

— (к Францу Понну, в Гамбург)... на лутчей корабль посади, отпустить к Городу... к Денису[433] и о всем к нему свое радение явить и спомогательство.

(10 июня) Писал к сыну своему, чтоб ехал в Москву и на его потребу и росплату послал к нему письмо Францу Понну 300 ефимков.

(8 июля) Писал к Матвеюшке, чтоб неотложно ехал, разделався там, к Москве, взяв в Амбурхе у Франца Понна на дорогу, буде у него нет и ехал смирно... и бережно…

(15 июля) Пространно писано, чтоб однолично, все отстави прихоти, ехал домой без всякого ослушания.

(29 июля) Писал с прошением, чтоб ехал, и к Понну, чтоб денег больши не давать, разве что на дорогу.

(5 авг.) К Матвею о возврате его со многим прощением.

(9 сент.) Писал к Матвею, велел без всякого прекословия быть в Москве.

(16 сент.) Писал к Матвею, велел ему однолично быть без всякой отговорки домой.

(30 сент.) К Матвею, велел ехать немедленно.

Этим отметки о письмах Андрея Андреевича к сыну заграницу кончаются. Все эти заметки, при всем их лаконизме, производят сильное впечатление. Мы видим в них и безграничную любовь к сыну, и желание ему всякого добра, и глубокое сокрушение о его беспутной жизни и лености. Повидимому, кроме немецкого языка, Матвей Виниус заграницей ничему не научился. По прибытии домой он продолжал числиться на службе в прежнем чине стольника.

Из записей в книге домаш. записок узнаем, что 27 апр. 1704 г. поутру Андрей Андреевич «отпустил сына Матвея по присылке из С.-Петербурга. Денег дано 50 руб., а что какой рухляди отпущено, платья... ружья, лошадей и запасов и т. д.». Но поведение Матвея в Петербурге не стало лучше. В той же книге читаем: (20 мая 1705 г.) «Никите Дмитриеву сы-

[433] Денис Гоутевал. Архангелогор. почтмейстер, помощник Виниуса.

ну Полтеву дано в посылку к Матвею денег 20 р., чтоб ему отдать с роспискою, а буде живет неподобно и упивается, ему не отдавать, а отдать Дмитрию Резанову, или кому верить мочно, чтоб ему давать помалу, а не вдруг».

Гамель сообщает, что в 1706 г. Матвей Виниус был командирован заграницу с каким-то поручением по части теологии[434]. В это время отец его был «в отлучении» — жил в Голландии, в своих расходах во время этой поездки Андрей Виниус отмечает «с Матфеем», но называет ли он здесь сына, приехавшего к нему, или слугу, не знаем, о результатах командировки Матвея Виниуса ничего неизвестно; неизвестно даже, с отцом ли он вернулся, или один. Но все-таки он не мог ни до чего дослужиться. Обладая знанием лишь немецкого языка, он зарабатывал мало. 18 дек. 1718 года состоялся сенатский указ, чтобы выдать ему за перевод курантов 20 рублей и «впредь ему, Матвею, быть при канцелярии (Сената) для переводу немецких писем»[435].

Дочь А. А. Виниуса, Катерина Андреевна, бывшая за Калитиным, скончалась (раньше июля 1704 г.) прежде других членов его семейства. За ней последовали, по-видимому, мать и невестка (жена Матвея?), а в конце 1715 г. скончался и Матвей Виниус. Об этом узнаем из письма кабинет-секретаря Макарова Ив. Алексеев. Мусину-Пушкину: «по прошению Андрея Виниуса ц. вел указал зятю его, Алексею Калитину, для его старости, быть при нем... Причина помянутому Калитину быть при бедном старике Виниусе для того, что у него *никого* не осталось, ибо и последний его, Виниусов, сын ныне умер, и для того ц. вел. за его службы над ним умилосердился и указал при нем быть зятю его Калитину». Указ был подписан 20 дек. 1715 г., а послан 7 янв. 1716 г.[436]

5 окт. 1716 г. царица Екатерина писала Виниусу письмо, в котором называет еще одного его родственника — полковника

---

[434] Гамель, 37.

[435] Доклады и пригов. Сената, III, 1361.

[436] Там же, V, 1234.

Порецкого; но об этом Порецком мы из книг Виниуса почти ничего не знаем (о нем упоминается один раз, да и то не как о родственнике).

Так печально сложилась семейная жизнь Андрея Андреевича.

В противоположность этому хозяйственные дела Виниуса складывались наилучшим образом, и накануне смерти он был предметом понимания, вероятно, не одного «родственника».

«Книга домашних всяких записок» А. А. Виниуса, из которой мы почерпаем известия о его хозяйстве[437], разделяется на 2 половины: в одной записи идут в хронологическом порядке, вроде хозяйственного дневника, другая носит характер бухгалтерской книги, даже с терминами «дебет» и «кредит»: в этой же второй части находим попытку в форме таблицы изобразить свои хозяйственные операции. Для нас удобнее всего обозреть содержание этой книги по известным категориям тех или иных хозяйственных вопросов.

Недвижимое имущество Виниуса было в это время значительным. В апреле 1705 года он впервые записывает подробно все данные о своем недвижимом имуществе; но так как это он делает при смете на раскладку казенных повинностей, то тут же ему приходится перечислять и дворы своего зятя, и соседей (некоторые были у него заложены, поэтому точную цифру дворов принадлежащих самому Андрею Андр. мы впервые находим лишь в «сказке» его жены (20 авг. 1707 г.): «а поместей, и вотчинных, и бобылских дворов за ним, думным дьяком, в Московском уезде, в Дмитрове, в Мещовску, в Болхове, в Белеве, на Резани, в Шацком, в Пошехонье, всего в 8 городех — 104»[438]. В сент. 1708 г. Виниус насчитывает 105 дворов;

[437] Любопытно, что эта книга начинается 1703 г., а книга черновых писем доведена до 1702 г.

[438] Моск. Архив Мин. Юст., Разрядные вязки, № 44. Названия сел и деревень см. ниже (не будут упомянуты лишь 2 пустоши, которые назо-

в 1712 г. он купил еще двор в Москве у Лариона Порецкого в Покровской сотне. Двор, где А. А. Виниус жил, находился у Сретенки. Был у него также загородный Московский двор, о посещении которого находим интересный рассказ в Дневнике Корба. «Мы отправились в имение Виниуса», пишет Корб, расположенное на несколько миль дальше (от Воскрес. монастыря). Дом построен был из черепицы, но представлял различные удобства: протекающий тут же ручеек и широко раскинувшиеся поля представляли привлекательное зрелище. Первым удовольствием было восхитительное катание на лодках и прелесть ловли рыбы сетями; это тем более нас занимало, что мы знали, что ловим блюдо себе на ужин. Хозяин проявил полную услужливость, могущую свидетельствовать об его искренней расположенности и выдающемся радушии. После соколиной охоты, радушного и обильного обеда и обмена взаимных вежливостей и любезностей, г. посол пожелал вернуться в Москву[439].

Есть сведения еще о деревне Виниуса в Перемышльском уезде, принадлежавшей когда-то Б. М. Хитрово. Эта деревня, после бегства Виниуса заграницу, досталась ген.-майору Полонскому; но по указу 4 марта 1715 г. была возвращена Виниусу[440].

Недвижимое имущество давало Андрею Андреевичу большой доход, о размерах которого, впрочем, судить трудно. Записи поступлений оброчных денег, припасов и пр. так разрознены, перечерканы и пр., что подвести им итог нет возможности. В таблице значится, что со своих деревень Виниус получал в Москве деньги, муку ржаную и пшеничную, толокно, овес, сухари, овсяную крупу, гречневую крупу, яшную крупу, муку яшную, просо, горох, конопляное масло, льняное масло, шерсть и сукно, масло коровье, сыр и творог,

---

вем здесь: это — пустоши Шитина и Лазаркови Горетова стана (см. Межевые книги М. Архива М. Юст.).

439 Корб, 154. Dukmeyer, 369.

440 Госуд. Архив, Кабинет Петра В., кн. № 32.

сено, солому, гусей, кур и уток, вино, дрова, лучину, быков, баранов и свиней, щетину, холсты и «мелочь всякую». Попадаются записи и о получении наемной платы: «у токаря, что на загородном дворе живет, взято по записи в 23 сего м-ца (май 1704) пол-2 рубля, а на 702 и 703 сказал, что платил и Матрена сказала, что деньги были приняты», «(15 июля 1704 г.) Мещовский староста Сава Игнатьев прислал за Мосальские пустоши наемных денег 5 руб. 5 алт.»; (5 марта 1705 г.) принял у Ми... за наем пустошей на сей 1705 год оброку 8 руб. и отпись ему дана моей руки на орленой бумаге».

Число крепостных А. А. Виниуса нам неизвестно; в книге он дает подсчет только прислуге. Так напр. в феврале 1708 г. он записывает. «Людей всех моих на лицо: мужеска полу 10, Лавруха, Афонка, возничий, конюх — 4, … 10, малых… людских 8, женска полу — 18, девок 17, всего 62». Им он платит «жалованье». В январе 1704 читаем: «Лаврухею вору не дано, для того, что взял у Матвея камзол и штаны лосиные без моего ведома». — Рядом с упоминаниями о прислуге попадаются такие записи: «(янв. 1704) «попу, что служит в дому моем, довелось по его сказке додать 2 рубли»; «(март 1704) Якову учителю... дано ему 1/4 круп гречневых и овсяных пополам». В апреле 1704 снова идет подсчет «людям» всего оказывается 42; на их содержание 149 руб. 4 алт. в год. 22 февр. 1705 г. людей значится 37, из них мужеского пола — 16 (по-имянно называются: Гаврила Петров с племянником Антошкою, Анисим Малцов, Тихон Алексеев, Иван Вихарев, Николай, Афанасий и Дмитряшко Волохи, Иван Овдокимов, Нос, Иван Чухна, Яков Чухна, в стряпальной вдова Ирина, Парашка, Кадька и татарка, робята Марко, Алешка, «кормлю солдатку Огрофену — жена Наумова». Отмечаются уходы «людей» 18 янв. 1701 — «один ушел, говорит, что на Хопер»; 28 февр. Того же года — «ушел и записался в солдаты», «ушел в матросы»; были случаи изгнания: февраля 22 (1705 г.) «дал отпускную бабе Волошке; учинена за то, что блудно прижила ребенка мальчика с Лаврушкою поваром, что отдал в солдаты даточные в

прошлом в 1701 году в январе, а другого прижила с Валешкою, что у Матфея живет и отпускная дана с той сего… в тетратех список. Пошла во двор Ивана Самойловича»; марта 27 (того же года) «отпустил малого Иванова сына... Антошку за плутовство, что живучи в Бернове, ничему учиться не стал, и что выучился — забыл, и дал ему отпускную за своею рукою. Сказали — пошел служить к брату своему двоюродному, подъячему».

Государственные повинности и взносы вызывали со стороны Андрея Андреевича самые обстоятельные записи. В прежние времена он ревниво оберегал свои вотчины от этой статьи расходов. Вот, напр., содержание некоторых его прежних челобитен.

19 дек. 1686 г. Андрей Виниус бил челом, чтобы с его деревень стрелецкий и запросный хлеб поставить не в Сумы, как было указано, а в Смоленск. «У меня, пишет он, в Мещовском уезде по переписным книгам 19 дворов, а на лицо столько крестьянишек нет, да в той же деревнишки многие крестьянские дворы с хлебом и со всяким заводом сгорели и от того те крестьянишка разорились; да в Волховском уезде деревнишко ж у меня по переписным книгам всего 4 дворишка и с тех деревнишек моих… велено стрелецкой и запросной хлеб поставить в Сумы и от того и достал в конец разорятся, а рублевые деньги с них я заплатил». Ради «пожарного разоренья» челобитная была удовлетворена[441].

В 1688 г. Мещовский воевода Клем. Игн. Зыбин по указу из Пушкарского приказу и по приговору уездных людей, по смете и по выкладке градских жителей и плотников, на проезжий мост, казенный погреб и амбар, а из остатков — на воеводские хоромы, которые огнили, по углам обвалились, собирал со двора по бревну, а также плотникам за работу, и на тес, и на гвозди по алтыну. С вотчины А. Виниуса (село Олех и дер. Плоскан) с 19 дворов взято было 8 сосновых

[441] М. Архив. М. Ю.., Белгор. стола Разр. столбцы, № 1084, л. 330.

бревен, а вместо 11 дубовых бревен взято по 10 денег за бревно, а деньгами 19 алтын. Вместо леса они сами пожелали внести деньгами, потому что не захотели везти лес в Мещовск «за тяжелиною и за дальним расстоянием». — Но крестьяне Виниуса сочли нужным пожаловаться помещику и по челобитной Виниуса велено было Калужскому воеводе допросить Мещовского, по какому указу и на какое дело брали лес и деньги с крестьян Виниуса, а также — «за какую вину одного крестьянина он бил тростью и батогами». На последнее обвинение Мещовский воевода отвечал, что он крестьянина вовсе не бил; на остальное дал вышепомянутое объяснение. Конец дела неизвестен[442].

В 1697 году Виниус опять обратился к государю с челобитной: «деревнишка, г-рь, за мною, х. т., поместные и вотчинные на Рязани, в Шацком, в Волхове, в Белеве, и в Мещовску, и в Пошехонье; а ныне в те городы посланы разборщики и просят у крестьянишек моих сказок, сколько в которой деревнишке дворов сверх переписных книг 186 году, а в твоем, в. г-ря, указе о том имянно, что у нашей братьи таких сказок имать, не написано, и те разборщики в тех городех крестьянишек моих держат и волочат, и убытчат». Заявляет, что число дворов у него записано в Поместном приказе. Царь велел сказок не требовать[443].

19 апр. 1698 г. последовала новая челобитная: «в Мещовской, г-рь, моей деревнишке, в сельце Олех с деревней Плоскою, по переписным книгам 186 году крестьянских и бобыльских 19 дворов; а ныне в стругoвое дело в Брянск с тех моих мужиченков задатку подрядчику, и от письма, и работником с лошадьми сошло с двора по 2 рубли; а правят в то ж дело еще с двора ж по 4 рубли»; он просит: «не вели, г-рь, тех достальных денег на них, (крестьянах) править, пока подрядчики будуть сочтены в правду, во что им то стругoвое дело

[442] Моск. Архив М. Ю., Белгор. стола Разр. столбцы, № 1309, *л.* 53 и сл.

[443] Там же, *л.* 425.

стало, и буде с кампаней той, в которой мои мужиченки написаны, за платежем чего не достанет, вели, г-рь, те достальные деньги на мне здесь на Москве взять в Розряд и о том в Брянск и в Мещовск послать грамоты». Эта челобитная также была удовлетворена[444].

В то время, к которому относится рассматриваемая нами книга, подобных челобитий мы не встречаем. Записей же о выполнении повинностей и о взносах довольно много. Вот наиболее интересные из них.

«Апреля 29 (1704 г.) стольник Григорий Кирилов сын Жихарев описывал печи и у меня на дворе... в палатах нижних и верхних и в ст... хотя б где вверх и печей не было. В передней, боковой комнате, спальной — 4. В ст… ной в поварке... очагом — 2. Вверх над стрепальною да в 3 полатах — 4. 2 людских, да что у крылца 1, всего 3. — 13 печей. 13 печей.

Записав ... взял по 2 д. с печи, всего 4 алт. 2 д. и в книгах стольника отметил, что взяты, а отписи не взял, затем, что дело малое и бумаги гербовой не случилось. С загородного двора заплатил с 7 печей по 2 д. всего платил с 20 печей — 7 алт.

«Марта в 1 день (1705 г.) подъячим Земских дел приказа, старому Антипе Иванову 23 алт., молодому подъячему Петру Ларионову 16 ден., пошлин о том же на Аптекарской... дано в Приказе Зем. дел 6 руб., в Печатной приказ печатных пошлин дано и за работу 1 руб. 3 алт. 2 д. Всего стала та данная 8 р. 1 алт.

«Апреля в 23 д. (того же года) против в. г-ря имянного указу и боярского приговору велено собрать со всех городов с 25 дворов крестьянских по подводе под артиллерийские припасы. Сего ж м-ца в последних велено взять и поставить мая в 1 день до Смоленска, а хто не поставит — и на том вдвое. И по тому указу я подрядил Тайнинского села, что под Москвою, крестьян: Козма Климов да Артемей Семенов.

Запись писана апреля в 20 д.

---

[444] Моск. Архив М. Ю., Белгор. стола Разр. столбцы, № 1654, л. 112—115.

А порукою по них в той поставке артиллерийские извозчики Матфей Андреев сын Белоусов да Ларион Никитин.

А нанято 10 подвод по пол—5 руб. с подводы, да десятых с них же плачено пол—5 руб., итого 49 рублев с полтиною.

И те подводы имутся с 250 дворов.

А в той складке моих вотчин по переписным книгам 186 (году)	
дворов Московского уезду в Горетове стану в	
с. Степанкове	8
в с. Соколникове	7
Дмитровского уезду в с. Никольском Плоскуново то ж	6
В Мещовском уезде в с. Олех и дер. Плоской	19
В Белевском уезде в дер. Ташлыкове	14
В Волхонском уезде в дер. Слободке	9
В Рязанском уезде в селе Растошных (?) Борках	9
В Шатском уезде в селе Коверине	6
А в Пошехонском нет. Всего	73
За Алексеем Калитиным в Ярославском уезде в с. Ситково (?)	7
А со Ржевской и Старитской нет.	
За Иваном и Михаилом Николевыми в сельце	
Горках Москов. уезду	5
в Алексинском уезде село Борисоглебское	29
в Козельском уезде с. Алешкина	13
в Галицком уезде угор (?) с деревнями	44
в Володимерском уезде с. Леушева	18
в Костромском уезде с. Ивановское Подосиниха	13
в Белевском уезде д. Хокимна (sic)	6
в Шатском полсела Коваль Свинцова Данево то ж	7
в Вологотском уезде с. Зубова	4
Всего за ними крестьянских	132

Да по его ж веленью приписал Назарей Кисленской.

А за ним в Алексинском уезде в с. Карачеве	3
Да за дядею его Назаровым	2
Всего за Кислинским	5
За Иваном Ивановым сыном Чепелевым	
В Коломенском уезде полсела Секирина	2
Крапивенского уезду Соловской тож в с. Шклове	2
Воротынского уезду в селине Рылдове (?)да в с. Малой Груздовке	15
Коширского уезду в д. Зарытова	6
Медынского уезду в д. Острожной	6
Всего за Иваном Чепелевым	31
Всего в тех вышеписанных деревнях и селах	250

Возложено взять со двора по 6 д. и того будет 50 рублев.
В том числе платить мне и платил 14—6.

За Алексея Калитина	1—4 (платил он)	
Ивану Николаеву	26—8	(платил он и мне дошли)
За Кислинских	1	
Ивану Чепелеву довелось дать и дошли мне	6—2	
	Всего 50	

Да в складке с 160 д. надобно 2 мерина с телегою и хомуты, и проводник. А с моих Московских и Дмитрова не указано, так и с Пошехонья. А с прочих довелось дать с 52 дворов тут к Алексеевой Ярославской нет. С Николевых опричь Московных и Вологод. и Шатских 118 дворов. Всего у нас у обоих в складке 170 дворов.

Положили за 2 мерина 12 руб. за хомуты, шоры, телега — 2 р. проводнику цена 10 р. Ему на дорогу — 10 руб. Всего — 84 руб. имется с двора по 6 д.

По жеребию достался проводник дать Ивану Николеву, а с меня с 52 д. 10 р. 13... мерин в зачот 6 р. додать 4 р. 13 ... и та статья исправлена.

Только при том договорились, буде тот проводник назад выдет, тут за него 10 р. розделить подворью мне достанется на 52 д. по 2 с двора, а Самойловичу то ж, мне 8 р. 3 а. 2 д., ему 6 р. 30 а., а буде умрет или сбежит безвестно остался — 10 р. за тем, чей тот проводник есть.

И в том подряде моих денег в росходе с 63 д. платил я по 6 р. 4 д. 7 — итого руб. 14 —6. За Ярославские Алекс. Калитина по 6 р. 4 а. 7 д. руб. 1—4. Всего 16.

В тех подрядных денгах от 8 р осталось у меня 16 д. и тем денгам росход:

Извощики обочли у меня — 10, на гербовую бумагу и подъячим за писмо в Земской приказ всего 6 а. 4 д. обоего 16 д.

И те двои подводы стали мне всего с 25 дворов складно с Москвы до Смоленска с отписьми кладу и со всякими иными proторми с 75 д. руб. 17.

Другие с 170, а с меня с 52 дворов за лошадь и в подмогу проводнику и за телегу, и хомут, и шлею, и припряжь и за солдата всего с двора по 8 и с отписьми и со всеми проторми будет 12—4—16.

Обоего стало руб. 29—4—16.

И в то число взят на Болховичах	руб.	6
С Белевских взят	руб.	10
С Мещовских взят	руб.	10
С Рязанских взят	руб.	6
С Шатских взят	руб.	4
	итого	36
С Дмитровских Плоскунова		1—2
С Ситковских по 6 д. с двора		1—4
	Всего	38—6
И всего довелось взять с Ярославских с 25 дворов подвода с Москвы до Смоленска по 6 д. с двора	итого	1—4

А со 160 д. по 2 мерина да проводник по тому ж с двора		1—4
Всего за те обе подводы за них взять	руб.	2—8

Пожалования и награды, равно как и *подарки* вообще, упоминаются, сравнительно, редко: в декабре 1703 г. митрополит Казанский прислал Андрею Андреевичу «косяк осетра свежего», в июне 1704 сам Виниус послал кружева в подарок какому-то «Алексе за советы от болезней его самого и жены; в дек. 1708 какой-то митрополит прислал Виниусу в подарок «Жития Святых» Димитрия Ростовского и книгу «Утешение в печали сущему»: наконец есть и царское пожалование.

«(1710 г.) Апреля в 22 и 23 д. Сибирского приказу президент кн. Матфей Петр. Гагарин за мои труды, что написал ему от ц. в-ва лица к Хивскому государю грамоту и от его лица к Хивским сенатором образцовой же лист с купчиною и купетских дел с комисаром с Петром Худековым. Да за начертание Сибирской губернии печатей Сибирской, Тобольской, Вятской, Пермской прислал ко мне г-рева жалованья пару соболей в руб. 30...»

Прежде А. А. Виниус неоднократно получал царские подарки: но в это тяжелое для него время такой подарок должен был сильно обрадовать его. В знак признательности он послал кн. Гагарину в дар ценную икону Нерукотворенного Спаса, сделав об этом на иконе соответствующую надпись[445]. Икона эта имела интересную историю. Ее прислал в подарок Иоанну Грозному папа Григорий XIII; она была потом в покоях царя Феодора Иоанновича, затем попала впоследствии к патриарху Филарету и по его смерти была отдана в иконохранителницу. Отсюда она, по приказанию царя Феодора

[445] Икона с упомянутой надписью находится в церкви с. Косицы Верейского уезда Московской губернии.

Алексеевича, была отдана в пожалование Виниусу, когда этот последний был дьяком Аптекарского приказа[446].

А 4 июля Виниус пишет: «В свои имянины дал я невестке своей перло около шеи с... запанками жемчугу было золотников с 18 да 4 запанки, всему цена руб. 100. Спорото верх треуха умершей дочери моей Катерине Андреевне».

Обыкновенные расходы в записях А. А. Виниуса, конечно, доминируют над всем прочим содержанием. Наиболее интересна запись

«Сего 1709 года смета домашним расходам.

На харч в год на день по 3 алт.	36 р. 5 алт.
Людем жалованье и холостым расход —	25 р. 9 алт.
Себе платье, жене и сыну, и обувь робяткам	50 р.
Запасов в прибавку — мяс, рыб и пр.	22 р. 9 алт.
Дров в прибавку и протчих запасов	29 р. 7 алт.
На пива, меду и прочие питья и вина	40 р.
	200 р.

(подсчет произведен, очевидно наскоро и потому не точен).

В дополнение к перечисленным категориям сведений приведем еще некоторые выписки из рассматриваемой нами книги в хронологическом порядке:

(декабрь 1708 г.) Ивану Агапитову отданы книги сия:

Библия большая в лицах —	12 р.
Библия ж в лицах, что у него купил, продал —	12 р.
Евангелие в лицах, что у него взято, продал —	8 р.
Атлас водный с чертежами —	15 р.
	47 р.

[446] С пожалованной иконы Виниус, по-видимому, заказал копию (может быть даже не одну) и на каждой из икон сделал надпись об её истории, почти везде одинаковую. Об одной такой иконе, находящейся в с. Михайловском, Старицкого у Тверской губ., местный священник, о. Казанский, делал доклад в заседании Тверской Ученой Архивной Комиссии 16 сент. 1896 г. Но в надписи на той иконе, которую изучал о. Казанский, нет упоминания о передаче иконы кн. Гагарину.

— Из деревни Степанского привезли пшеницу 27 чет., плоха совсем.

(17 янв. 1704 г.) Из Пошехонских деревень привезли... ничего, пишет, что за поборами г-ревыми многими привесть не мочию.

(7 марта). Продана корова и бык, взято 8 р.

(25 марта). Накладная на двор Ивану Пиколеву писана Матвеевым именем и за его рукою февраля в 11 день. Срок выкупу или просрочка февраля в 15 день 1705 года.

(июнь 1704 г.) Сена перевел с Дорофеева лугу, что на Яузе 20 возов косили из моего хлеба крестьяне подмосковные.

— Делал я 2 седла немецких, дал своих домашних кож и шерсти.

(20 окт.) Анисиму поймали в Яуских воротах в русских штанах, сняли кафтан, выкупал, взял у меня 13 д. впредь в зачот жалованья на 705 год.

(дек.) Андрей Чепелев прислал Матвееву лошадь, мерина бура, что откупил у Ивана Говорова, а дал де за нее 30 руб. Послана в Подмосковную.

(июнь 1705 г.) На поездке на службу издержано дома на всякую покупку всего 15 р. 20 алт.

(июня 3) Приходил ко мне розряд. подъячей.. . и Шведа у меня свел, который у меня стоял с женой и с 2 детьми девочками, прапорщика Ягапа «Habe» и поставил у гостя у Никифора Сырейщика на Стретенке. Всего стояли у меня янв. с 27 18 недель 1 день; стали мне, положить на неделю по 2 р., всего 36 руб.

(1705, 1706, 1707 и 1708 гг.)

В отлучении моем за море и в Голанской земле.

В расходе с Москвы во всяких в дороге издержек в покупке рыбных запас, лошадей збруи, палубы (?), шоры, рыдван и протчих до гр. Польшею и на харчи и всяких расходов с Матвеем	руб.	209—1

Будучи в Гродне 7 месяц. на харч и что там будучи оставил рыдван, палубы, шоры, хомуты, полатку куплено сена запасов и протчих мелочей всего на	руб.	89—9
От Гродни до Галанской земли лошадей попадало, лутчей неметской — платья и покрадено в харч провозе в ростерке посуды, седел и иного всякой рухляди по смете на	руб.	76—5
В Галанской земле будучи на харч, платье, наем за постоялое, провоз, опричь Булеуса (?)	руб.	51—1
У Булеуса стоял 1706 с июля по апрель 1708 году всего 600 дней в подарках ему, и жене, и людем, и Елисав. и племяннице	руб.	120—1
Из Амстердама морем до Архангельского города и до Москвы в харч и провозе всего	руб.	105
		852 —

(1 дек. 1708 г.) Отдано Ивану Агапитову 96 листов фряжских новой библии, что с собою привез, продавать по 3 д.

(1 янв. 1712 г.) Поехал из Глухова, приехал к Москве.

(25 янв.) Стал. . . у своячины своей для того, на моем дворе стояли шведы.

— Жена моя сказала издержала убогим — 50 р.

— Несколько рецептов (напр. водка стомахалис доктора Костериноса).

Изредка в книге попадаются записи на голландском яз.; последняя страница вся написана по-голландски.

Подводя итоги данным о семейной жизни и хозяйственной деятельности А. А. Виниуса, мы видим в них сочетание самых разнообразных проявлений «немецкой» и русской натуры. В семью Андрей Андреевич, очевидно, очень хотел внести русские начала — преобладающую роль домовладыки, чинность и благолепие; вместе с тем он хотел дать сыну и соответствующее образование, обеспечить его служебную карьеру. В хозяйственные дела помещика—крепостника он вносил «немецкую» порядочность, рассудительность, разум-

ные отношения к подчиненным. Его аккуратность доходила до того, что в бурные годы своего «отлучения» — бегства за границу, он находил возможным вести счет своим расходам и вернувшись домой, аккуратно занес их в свою домовую книгу.

По-видимому, материальное положение самого Андрея Виниуса до конца его жизни было не плохим. Выше мы видели, что царь вернул ему конфискованное имущество. Теперь, когда старик был близок к смерти, родственники его, очевидно, с жадностью готовы были расхищать его достояние. Может быть, этим и объясняется его просьба о разрешении «быть при нем» его зятю, Алексею Калитину; а между тем исполнение царем этой просьбы кое-кому очень было не по вкусу. Об этом можно заключить из письма государыни к Андрею Андреевичу, в котором она просит «господина Виниуса» сделать своим наследником племянника его, полковника Порецкого, «ежели ближе его нет»[447]. Неизвестно, что Виниус ответил на это письмо, но едва только он скончался (по-видимому, в самом начале 1717 года)[448], как, по просьбе полковника Порецкого, Екатерина снова вмешалась в дело об имуществе Виниуса: 5 марта 1717 года она писала сенаторам из Амстердама, чтобы они взяли под охрану «дворы, деревни и пожитки умершего думного дворянина Виниуса» до ее прибытия и не отдавали их ни Алексею Калитину, ни кому другому[449].

Когда состоялось окончательное распределение имущества скончавшегося, неизвестно; переход его библиотеки в публичную библиотеку, по свидетельству Пекарского, состоялся в 1718 г.

---

[447] Черновое письмо от 5 окт. 1716 г., см. Государственный Архив. Каб. Петра В., кн. № 62, I.

[448] А не в 1714, как значится в Сборнике Имп. Рус. Истор. Общества, т. 60. К 1714 году относятся последние, дошедшие до нас, письма Виниуса.

[449] Копия с письма Екатерины сенаторам см. Госуд. Архив, Каб. Петра В., кн. № 62, 1.

Мы сделали обозрение жизни и деятельности Андрея Андреевича Виниуса. Оно приводит нас к следующим выводам.

А. А. Виниус был одним из лучших представителей переходной эпохи (XVII—XVIII вв.). Большая часть его жизни принадлежит XVII веку, большая часть деятельности — времени Петра. Он представляет собой великолепный тип русского работника обеих эпох. В XVII веке он, увлекаясь светской культурной работой — проектами флота, дипломатией, почтами, не чужд был и добродетелей той эпохи — он интересовался богословскими и этическими вопросами, писал в этом духе ряд сочинений, получал иконы в подарок от государей; в XVIII веке он ловкий вельможа, смотрит на религию с культурной и государственной точки зрения. Он заслужил глубокое доверие и уважение правительства в XVII в. и сохранил их надолго и при Петре В. При Петре он весь отдавался той сфере, где кипела преобразовательная деятельность. С «птенцами гнезда Петрова» вместе он участвовал в попойках, не отставал от них в деле приобретения для себя лично материальных выгод; с этими же «птенцами» он и работал до изнеможения, несмотря на свой почтенный возраст. Редкие деятели Петровского времени соединяли в своих руках такое большое количество дел, которое лежало на Виниусе; да иначе и быть не могло — вряд ли кто из сотрудников Петра обладал такими разнообразными познаниями, как этот «русский немецкого происхождения» — как называет его Корб. Он знал несколько языков, прекрасно владел русским литературным слогом, имел большую, разнообразную библиотеку; обладая гибким умом, он умел быть и хорошим администратором, и дипломатом, и деятелем просвещения, и аптекарем, и заводчиком, и литейщиком; знал корабельное дело, был опытен в финансовых вопросах, интересовался геологией и географией. Его мы видим в Москве в приказах, в Верхотурье и Туле на заводах, в Вильно — ведущим переговоры с почтмейстером, в Малороссии — в роли правительственного агента, в Гродно — при артиллерии, наконец за

границей. Жизнь закончил он в Петербурге: он был в числе первых насельников новой столицы. Почти до смерти он не переставал заниматься наукой.

Подражая царю, который
То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник
… … … …
На троне вечный был работник,

Виниус был таким же в тех сферах, куда помещала его властная рука преобразователя России. Судьба отказала ему в счастии — насладиться семейными радостями: судьба же отказала ему и в другом счастии, о котором мечтает всякий труженик — увидеть окончательные плоды своей деятельности. Он не дожил до конца Северной войны, которая была ведена флотом и артиллерией, в созидании которых Виниус был одним из главных помощников Петра.

Почта, это великое культурное явление, до Виниуса еще была только в зачаточном состоянии, ходила только на запад: при нем пролегли почтовые дороги по всем направлениям от Москвы — в Архангельск, Азов, Киев, даже — в далекую Сибирь.

Мы видели, как пострадал Аптекарский приказ, когда одно время Виниус оставил его, то же случилось с почтами и с Сибирью. Развитие первых надолго замедлилось; Сибирские дороги запустели, и сношения по ним стали прекращаться; а что делали Сибирские воеводы после Петра В., без надзора такого лица, каким был Виниус, — слишком хорошо известно. Несомненно, что в лице Виниуса Петр имел выдающегося помощника и очень дорожил им. Имя Виниуса должно в истории Петра В. стоять рядом с именами Гордона и Лефорта, и нисколько не ниже их.

Всем вышесказанным объясняется то обстоятельство, что царь, после всех превратностей судьбы старика, довольно скоро согласился на возвращение его из-за границы, вернул

ему его имущество и даже внешний почет. Такая личность заслуживала нашего внимания, тем более, что в тех произведениях исторической литературы, которые касаются биографии Виниуса, оказалось много неточностей и подчас грубых ошибок, которые и были указаны в соответствующих местах нашей работы.

Что касается семьи Виниусов вообще, то надо сказать, что она представляет совсем иной тип приезжей иностранной семьи, чем семья Марселисов. Марселисы до конца остались чуждыми русским интересам; они до конца работали среди русского общества, как гости; они не поддались обрусению. Виниусы — напротив. Превосходя Марселисов в образованности, они быстро сжились со своей новой родиной, сделались русскими, даже православными, не оставляя своего «немецкого» трудолюбия и энергии. Они сумели соблюсти свои личные интересы, сумели оказать большие услуги и своей новой родине. Правда, младший из них, Матвей, по-видимому, стал жертвой неумения сочетать немецкие качества с русскими; погубило ли его баловство отца, или среда, в которую он попал в Берлине, неизвестно. Но отец и дед его навсегда оставили по себе след в русской истории.

Глава 5
Почтовое дело при Виниусах

I

А. А. Виниус, как почтмейстер. — Положение его и его сына, Матвея, в этой роли. — Рижская почта в эпоху Виниусов. — Маргарита Гизе и Андрей Макс. — Случай применения «наложенного платежа». — Борьба Виниуса с Мемельским почтмейстером и роль курфирста Браденбургского в этой борьбе

Со вступлением в управление Рижской и Виленской почтами Андрея Андреевича Виниуса, почтовое дело вступает в новую эпоху своего существования, гораздо более продолжительную, чем предыдущая. В момент своего назначения почтмейстером, 4 декабря 1675 года, А. А. Виниус, кроме многих случайных поручений, которые на него возлагались, был, в чине московского дворянина, переводчиком Посольского приказа и скоро стал именоваться дьяком этого приказа. Занимая официальное положение в таком важном учреждении; он в сущности превращал почтовое дело в правительственное учреждение. Умный и ловкий человек, он сумел извлечь из этого большие выгоды и наоборот — устранить невыгодные стороны этого обстоятельства — чересчур большое вмешательство правительства в руководимое им предприятие. Ему иногда помогало еще то обстоятельство, что непосредственные его начальники, лица, заведовавшие Посольским приказом, были или люди высокопросвещенные по тому времени, всячески ласкавшие иностранцев, вроде Арт. Серг. Матвеева, кн. Вас. Вас. Голицына, или даже родственники Виниуса (думный дьяк Ем. Игн. Украинцов). Кн. В. В. Голицын весьма интересовался почтовым делом и сношениями внешними и внутренними вообще; он, напр., настойчиво требовал восстановления приходившей в упадок Виленской почты, ему принадлежит почин в деле устройства Сибирской почты; Ем. Игн. Украинцову Виниусы

обязаны учреждением Архангелогородской почты. Правда, правительство уже понимало многие детали почтового дела и вмешивалось в его распорядок довольно энергично; но Виниусом очень дорожили, как знающим и опытным дельцом, и потому допускали соблюдение им собственных интересов.

Когда А. А. Виниус стал быстро подвигаться в своей служебной карьере, заведывание сложным почтовым делом стало ему не под силу, и вот «за его службу» 8 июля 1695 года Рижская и Виленская почты были переданы его сыну, Матвею. Указ об этом был подписан думным дьяком Украинцовым[450]. Но Матвей Виниус был личностью довольно бледной, и настоящим хозяином предприятия был все-таки его отец, который в некоторых случаях открыто проявляет свое участие в почтовых делах, и Петр Великий, отнимая у Матвея Виниуса почты в 1701 г., писал по этому поводу самому Андрею Андреевичу и имел в виду именно наказать отца, а не сына.

Наиболее существенная разница в положении Виниусов, как почтмейстеров, по сравнению с Марселисами, заключается именно в том, что у Виниусов не могло возникать столкновений с приказом, где Андрей Андреевич играл видную роль. Это давало возможность Виниусам упрочивать и развивать дело во всех отношениях. На те 25 лет, когда Виниусы стояли во главе почтового дела, было заключено несколько новых почтовых договоров, основан ряд новых почт, частных и правительственных, организация дела была усовершенствована и роль этого предприятия для политической, культурной и экономической жизни государства обозначилась весьма ярко и именно — в лучшую сторону.

По должности почтмейстера Виниусы не получали жалованья; за то, подобно своим предшественникам, они употребляли в свою пользу сборы с отправителей и получателей,

---

[450] Т. II, № 84. Матвей Виниус еще 18 окт. 1693 г. получил заведывание новооткрытою Архангелогородскою почтою, не без участия того же Украинцова.

а иногда даже с казны. Ямщики за доставку почты получали жалованье и прогоны то из Посольского приказа, то из других (об этом ниже будем говорить подробно). Были случаи, что правительство обязывало Виниусов платить прогоны почтарям; но за то всегда в таких случаях делалась оговорка: в случае превышения расходов почтмейстера над его доходами, правительство должно возместить ему убытки. Этого последнего ни разу не случилось, потому что единственный серьезный расход — уплата заграничным почтмейстерам за правительственную корреспонденцию, всегда предупредительно, и даже авансом, оплачивался правительством. Позже, впрочем, уплата прогонов ямщикам все чаще и чаще начинает производиться из средств предпринимателей.

Приступим теперь к обозрению событий из истории почт в эпоху Виниусов. Начнем с заграничных сношений.

Новому почтмейстеру необходимо было обновить заграничные связи. В 1677 г. был им заключен новый почтовый договор со вдовой Рижского почтмейстера Якова Беккера — Маргаритой Гизе. До 1684 г. этот договор был в силе, хотя Виниус был очень недоволен своей контрагенткой. Упадок Виленской почты (вследствие разных причин) способствовал тому, что прочностью связей с Ригой особенно приходилось дорожить.

В начале июня 1688 г. почтмейстер Новгородка Шведского, Аврам Петерсон, заявил, что Шведская почта ожидает Псковскую на рубеже по 2—3 дня. Решено было отпускать почту из Москвы вместо вторника в понедельник и послать строгие предписания по Новгородской дороге об ускорении гоньбы. В 1684 г. начались с Ригой открытые столкновения. 14 мая Виниус жаловался вообще на медленность Рижской почты, а между прочим упомянул, что и заграничная почта на этом пути почему-то шла от Риги до Пскова не 7—8 дней, а 10. Это последнее обстоятельство заставило его просить, чтобы Псковский воевода написал об этом Рижскому губернатору: пусть тот велит одному из местных почтмейстеров,

Штейну, ставить почту на рубеже, согласно прежним договорам, на 3-й день. Желание Виниуса было исполнено. Шведский король сам обратил внимание на это дело и велел назначить комиссию для разбора дела[451].

Виниус вступил на путь борьбы неохотно. У него с Маргаритой Гизе отношения вообще были плохие. Она «чинила ему многие обиды»; сверх договора брала лишнюю плату, присылала связки разрезанными, чего нигде не водится, почту и куранты ставила на рубеж не в уроченный срок. Долго он не заявлял жалоб, боясь перерыва почтовых сношений, но, наконец, решился. Заключив новый договор с почтмейстером Юрьева-Ливонского, Андреем Максом, Виниус обратился с ходатайством к правительству — чтобы Псковский воевода вступил по этому поводу в сношения с Рижским генерал-губернатором. Необходимо было просить ген.-губернатора сделать распоряжение о пересылке всех писем, адресованных в Россию — в Юрьев. От Виниуса потребовали сказку, что замедления почты и сокращения вестей от этого не последует.

14 октября 1684 г. во Псков была послана по этому поводу грамота[452]. Дело почему-то замедлилось и 10 февраля 1686 года Виниус снова должен был обратиться к правительству с просьбой — возобновить сношения с Рижским ген.-губернатором, потому что Андрей Макс без его именного указу не может взять на себя доставку на рубеж почты, «опасаясь той вдовы», Маргариты Гизе. Во Псков было послано новое распоряжение по этому поводу[453]. Псковский воевода, бояр. кн. М. Г. Ромодановский написал ген.-губернатору Кристергорну письмо (26 февраля) соответствующего содержания. Кристергорн отвечал (6 марта), что опасаться Маргариты Гизе нечего, потому что он, ген.-губернатор, уже письменно сделал распоряжение Максу

---

[451] Н. Бантыш-Каменский, Обзор внешн. сношений России, Т. IV, 201.

[452] Т. II, стр. 88.

[453] Т. II, стр. 110.

заключить договор с Виниусом; теперь он снова делает официальное распоряжение, чтобы Юрьевский почтмейстер укрепил договор с Виниусом и вел дело аккуратно, чтобы жалоб на него не было, а если он будет в отъезде, чтобы его доверенные люди не расстраивали дела с Рижской почтой. По мнению Кристергорна необходимо также, чтобы и Виниус не вступал ни с кем иным в договор без ведома Макса. Виниусу не следует, намекал Кристергорн, «искать своей корысти» в почтовом деле, а надо «полюбиться» с Максом и быть с ним в союзе. При этом ген.-губернатор просит извинения у Ромодановского, что обо всей этой переписке он дал знать королю. Сам он признает почту через Ригу и Юрьев очень важной и для своих дел, потому что если посылать письма в Москву через Вильну, то они идут 24 дня, а от Риги до Москвы чрез Юрьев — 9 дней[454].

Договор Виниуса с Максом до нас не дошел, однакож из позднейших документов узнаем, что зарубежный почтмейстер присылал почту в Печорский посад и его почтарь принимал почту здесь, у Псковского ямщика; за пересылку зарубежному почтмейстеру давалось вперед ежегодно 290 ефимков Любских, кроме провозной платы от Риги до Мемеля, которая вносилась по весу каждый раз особо.

В августе 1686 г. Виниусом был заключен новый договор с Рижским почтмейстером[455], сменившим Маргариту Гизе. Этим почтмейстером был, по-видимому, Штейн.

Первые сведения о существовании перлюстрации на Рижской почте дошли до нас от 1687 г. Шведский посланник при Московском дворе, Христоф фон-Кохен, писал Рижскому ген. -губернатору 28 сент. 1687 г.: «так как Русские зорко следят за корреспонденцией и письмами и самое заведывание почтами поручено Русскому (?), то я буду отправлять письма

---

[454] Н. Бантыш-Каменский, Обзор внешн. сношений России, Т. IV, стр. 121—123. Ответ Кристергорна пришлось переводить в Москве, так как во Пскове переводчик не знал шведского языка.

[455] Т. II, стр. 460.

к Вашему Превосходительству в конверте на имя частного лица в Риге, которое будет каждый раз доставлять их Вашему Пр-ву»[456].

От 1691 года дошло до нас интересное дело о пересылке по почте посылки «с наложением платежа». Почтмейстеру Виниусу было поручено правительством купить заграницей некоторые медикаменты. Виниус написал заказ в Гамбург, Андрею фон-Зому. Этот последний исполнил поручение и послал ящик с лекарствами и письмом на латинском языке следующего содержания: «лета 1691 г. мая в 22 день в Амбурхе взять на господине Андрее Виниюсе за лекарства, которые по его прошению у городового аптекаря куплены, а в ящике под его Андреевым клеймом запечатаны, и в Любок посланы, и тамо Яков Фохт приняв, послал с карабелщиком Гопнером в Ригу к почтодержавцу к Штейну в употребление ево Андреево, и за те лекарства издержано даже до посылки в Любок, аптекарю по счету заплачено за те лекарства 149 марков 15 шелегов, да за ящик, и вывозных пошлин; и в Любке издержано провозу, и за грамотки о том писанные, всего 10 марков 5 шелегов. Всего 160 марков 4 телега, по 3 марка или по 48 шелегов в ефимок, итого 53 ефимка 24 шелега, а ефимки считать по 56 копеек, и в платеж прислал он, Андрей, 30 ефимков, донять 23 ефимка 20 шелегов и те достальные деньги заплатить па Москве Кондратью Канегитеру; под тем подписано: Андрей Фансом (руку?) приложил». Приписано: «Да из Любка провозу и пошлин в Риге 3 рубли 14 алтын, и всего за те лекарства в Амбурхе издержано, и провозу, и пошлин в Риге, заплачено 33 рубли 10 алтын».

Вероятно, получено было в Москве нечто вроде «повестки» на эту посылку из Риги, потому что 24 июля Посольский приказ послал грамоту во Псков окольничему и воеводе М. В. Собакину с предписанием: послать в Ригу к почтмейстеру Штейну и сыну его Якову «кого пригож», чтобы полу-

[456] Рус. Старина, 1878, сент., стр. 122. Соколов, С.-Петерб. почта, 118.

чить ящик и «за печатью довезть до Пскова с бережением», а из Пскова послать в Москву. Воевода послал подъячего Савву Меньшого Емчужникова и этот последний привез из Риги во Псков «ящик с лекарствы, обвязан в рогоже за двемя красными почтовыми печатями». Ящик этот был послан в Москву с Псковским помещиком Ив. Вельяминовым 30 сентября и представлен в Посольский приказ 21 октября. 26 октября лекарства были «взнесены к в. г-рям в Верх» и приняты боярином Львом Кир. Нарышкиным. 16 ноября последовал указ заплатить почтмейстеру Андрею Виниусу 33 руб. 10 алтын[457].

Рижская почта имела ветвь далее на запад, во владения курфирста Бранденбургского. Ближайшим важным пунктом этих владений был Мемель. С Мемельскими почтмейстерами Виниусам пришлось также приходить в столкновение. 28 апр. 1691 года курфирст издал новый почтовый тариф, который был разослан по всем его городам. Из-за этого тарифа и возникло первое недоразумение у Московского почтмейстера с Мемельским. Этот последний, по имени фон-Боммель, начал с того, что брал плату за письма в большем размере, чем раньше. Виниус пожаловался, и курфирсту была послана грамота по этому поводу. В ответной своей грамоте курфирст заявил, что ему ничего не было известно о прибавках, которые делает Мемельский почтмейстер. А между тем фон-Боммель в письме к Виниусу (15 дек. 1692 г.) сообщил ему, что именно курфирст распорядился ввести новый почтовый тариф с 1 янв. 1693 г., от сообщения скоро дошло и до дела: почтмейстер стал брать за каждую грамотку по 5 грошей лишних. 3 мая Виниус по этому поводу снова вошел с челобитной в Посольский приказ. В челобитной этой он пишет следующее. До 1 янв. 1693 г. Мемельский почтмейстер брал с него за те грамотки, что надо было отправлять через Гамбург, — по 81 грошу, а за те, что надо было посылать через Клеве — 33 гроша; теперь же, по указу курфирста, или по

---

[457] Материалы по ист. медицины в России, изд. Новомбергским, т. IV, стр. 555—557.

своему произволу, он берет на 5 грошей больше, как с писем, так и с курантов. Этой прибавки Московские торговые иноземцы платить не захотели. Виниус просил послать грамоту к курфирсту, чтобы тот велел porto взимать по-прежнему тарифу, как брал Кенигсбергский почтмейстер Штурм. Виниус надеялся, что малое количество Московской корреспонденции, а главное — «в. г-ря соседственное прошение» помогут убедить курфирста. В заключение Виниус говорит, что «от таких новых накладов почта, придя в напрасное отягчение, разорится» (а между тем в предшествующих строках говорилось о *малом* количестве писем в Мемель).

Во этой челобитной сделана была «выписка» из дел, касающихся Рижской почты. Но 8 мая Виниус подал дополнительную челобитную, чтобы в грамоте к курфирсту было добавлено: велеть Мемельскому почтмейстеру зачесть вперед излишне переплаченные ему до сих пор деньги. Постановлено было послать к курфирсту грамоту соответствующего содержания. Грамота Фридриху III была послана 19 мая 1693 года. В этой грамоте, по изложении дела, заявляется, что если курфирст исполнит просьбу царей об удовлетворении желаний Виниуса, то таковое доброхотство государи примут «любительно» и в такой же мере и со своей стороны укажут «воздать»; а «почта — дело потребное и во всех государствах установленное» «и чтоб для общего добра везде ходила безо всякого отягчения и остановки»[458].

Что происходило по поводу этой грамоты заграницей, судить трудно. Бранденбургские курфирсты гордились своей почтой. «Великий курфирст» писал императору еще в 1652 г.: «мои почты устроены с такою заботливостью и таким старанием, что могут служить примером дли всех других почт». Теперь, при своей ответной грамоте, курфирст Фридрих III прислал протокол вскрытия в Берлине пришедшей из Москвы через Мемель почты. Протокол этот составлен 1 июля

---

[458] Материалы по ист. медицины в России, изд. Новомбергским, Т. II, № 87.

1695 года курфиршеским секретарем и дворовым почтмейстером М. Геппертом в присутствии 6 присяжных курфиршеских почтовых писарей. Вскрытая почта заключала в себе 4 пакета: 1) толстый пакет на имя Гендрика фон-Зома Дирихсона, в Гамбург, весом в 2 лота; по вскрытии, в нем оказалось 4 письма: 2 — самому адресату, и 2 — иным лицам; 2) пакет к Ягану и Осипу Вольфам в Лондон с надписью «провоз заплатить в Амстердаме»; в этот пакет также было вложено письмо иному лицу; 3) пакет к Т. Сандерсу в Лондон; 4) пакет к Ягану Неатану в Амстердам, в котором также оказалось вложенным письмо иному лицу. Вкладывание разных писем в один пакет во владениях курфирста воспрещалось и на этом вопросе курфирст сосредоточил все свое внимание. В своей ответной грамоте курфирст пишет следующее.

Он ознакомился с теми обвинениями, которые возводит почтмейстер Виниус на Мемельского почтмейстера. Никаких перемен в тарифе он, курфирст, не вводил и никому не позволит вводить. Но им сделано одно важное распоряжение, чтобы почтмейстеры, ради своих выгод, принимая и оценивая письма отдельно, не смели потом запечатывать их в общие конверты, чтобы пересылка стоила дешевле и избыток оставался бы в их пользу. Виниус также позволяет себе такой прием. Курфирст просит: велеть Виниусу все письма посылать отдельно, с реестром, как это делают Свейские почтмейстеры. Мемельский почтмейстер, по словам курфирста, берет столько, сколько обозначено в печатном тарифе и его почтовые распоряжения совершенно соответствуют порядку в других странах. Свейские почтмейстеры без всяких возражений платят, сколько полагается. Курфирст обещает, что он никогда не позволит повышения тарифа, а, напротив, употребит все меры к облегчению сношений. В доказательство своих слов о поступках Виниуса курфирст велел к своей грамоте приложить вышеупомянутый протокол[459].

---

[459] Материалы по ист. медицины в России, изд. Новомбергским, Т. II, № 88. Срв. также Бантыш-Каменский, VI, 22.

Такой ответ должен был вызвать со стороны Виниуса обстоятельные разъяснения, которые он и изложил в своей новой челобитной, 12 декабря того же года.

Курфирст отвечает г-рям, что о прибавке тарифной платы ему ничего не известно и никогда он не давал приказания повышать тарифа. А между тем фон-Боммель именно писал, что плата возвышается с 1 янв. 1693 г. по приказанию курфирста. Печатный лист, теперь присланный, представляет тариф, установленный курфирстом 28 апреля 1691 года. Значит, Боммель, после издания этого тарифа, почти 2 года не приводил его в исполнение. Отсюда видно, что этот тариф к данному случаю не относится, а если Боммель теперь вздумал его применять, то это уже произвол. Желая вывернуться, он теперь начал дело о связках. Устроил так, что связок Виниуса был распечатан в Берлине. За этот связок было уплачено по весу, согласно печатному тарифу; такие связки, без особого подозрения, распечатывать не полагается. Указ курфирста, чтобы не класть в один пакет нескольких писем, действителен только для его подданных, а у иностранных почтмейстеров они должны принимать связки и письма так, как они есть. Распечатывание связков есть «непристойность большая и нарушение не только почтового, но и международного права». Если бы посылаемые связки всегда распечатывались, то никто не стал бы посылать писем по почте. К этому Виниус прибавляет, что, при распечатывании связков в Берлине, в них оказались грамотки, которые были посланы из Москвы отдельно, а запечатаны вместе с другими в Мемеле! И вот при таких условиях курфирст, введенный в заблуждение, не только ничего не отвечает на жалобу о повышении платы, а допустил еще и распечатывание связков, против всякого права. Где же ему, Виниусу, в таких случаях искать защиты, как не у в. г-рей? И вот теперь он просит это его разъяснение приобщить к делу и дать ему возможность, в случае повторения обид, снова подать в. г-рям челобитную.

Пока на этом дело и кончилось. Почта продолжала ходить безостановочно.

II

Рижская почта в эпоху Виниусов (продолжение). — Оплата заграничных расходов почтмейстеров казною. — Случай освобождения частного лица от почтовой платы. — Почта во время «великого посольства». — Злоупотребления Рижского почтмейстера Герарда Грена. — Расстройство Рижской почты при начале Северной войны

В 1694—1697 годах по Рижской почте посылались пакеты и письма генерала и адмирала Франца Як. Лефорта о государстве иных делах и для него получались таковые. За это было уплачено Рижскому и Мемельскому почтмейстерам 162 рубля, Андрей Кревт, по указу государя, посылал в Амстердам и Англию письма и пакеты с медными приборами и также получал ответные письма из-за границы; на это истрачено за 2 года 45 рублей. Пакеты с грамотами государя к дьяку Кузьме Нефимонову, посланные из Москвы в Вену *(через Ригу)* и обратно — отписки Нефимонова, обошлись 13 рублей. Всего за этот период на казенную корреспонденцию было затрачено 220 рублей. На эти 220 руб. Матвей Виниус предъявил ходатайство, прося вернуть ему их. Посольский приказ ничего не знал о переписке Лефорта и Кревта; относительно же Нефимонова было известно лишь, что ему были посланы из Москвы через Рижскую почту в Вену 4 грамоты, а от него получено тем же путем 7 связков. Понадобился особый указ об уплате, который и последовал 15 мая 1697 года.

15 ноября 1695 года Матвей Виниус писал подъячему Никифору Агафонову, заведовавшему почтой в Пскове, следующее. Им получено письмо от нового Рижского почтмейстера Грена, от 31 окт., что прошлая почта пришла с нашей стороны без сум; но при этом Греи не пишет, все ли письма дошли. По справке с подорожной оказалось, что в Псков запоздала Московская почта, посланная 18 октября; вместо того, чтобы прийти во Псков 27, она пришла лишь 3 ноября в 1 часу ночи, так что 27-го пришлось отпустить

заграницу лишь мешочек с Псковскими письмами. Виниус просит Агафонова справиться: «ты, пожалуй, выправься и разыщи на Загорье, и во Пскове, и на посаде, для чего так долго мешкала с Загорья, кто ее задержал и почтовые сумы, с Москвы отпущенные октября 12, 18, 25 и ноября в 1 и 8 день, все ль за рубеж пошли и по записке в Печерской, которая почта в котором числе за рубеж и с кем отпущена, и есть ли росписка, и кто росписался, потому что из тех почт с одной об нужных делах в. г-рей грамота к курф. Бранденбургскому послана; да о сем крепко попамятуй, чтоб зарубежской почтарь в приеме нашей почты, как примет, росписался и в подорожных бы написано было, кто почту Моск-ую примет. А на Печ. посаде против указу в. г-рей чтоб была тетрадь росписная на Съезжем дворе впредь для всякого спору и, что в том учинится, пожалуй ко мне отпиши»... «И сумы остатние пришли мне назад именно, а, буде прошли в Ригу, о том иноземцу коему по дороге чтоб отписать о присылке тех сум для того, что ныне из Новагорода присланы запасные сумы и их послать назад»[460].

31 октября 1696 г. Гордон получил из Шотландии письмо, весом в 10 зол., и заплатил за него 2 руб. 7 грив., т. е. до 40 руб. а наш счет. Это заставило его хлопотать об избавлении от громадных расходов, которые он нес при своей обильной переписке. И вот ему удалось добиться разрешения — не платить за письма, получавшиеся для него из Риги[461].

9 марта 1697 года отбыло из Москвы заграницу «великое посольство», в котором инкогнито находился сам царь Петр Алексеевич. Во время пребывания этого посольства заграницей почта по Рижской дороге особенно напряженно работа-

---

460 М. Арх., М. Ин. Дел, Почт. дела, карт. 6, л. 1.

461 Попытка установить бесплатное доставление Рижских писем в Москву была при Марселисах; но в данную эпоху это единственный случай, когда известное лицо имело право получать частные письма бесплатно.

ла. Познакомимся с некоторыми данными из переписки за это время[462].

23 июля 1697 г. Андрей Виниус писал в посольство: «Милости прошу у господ послов, чтоб приказали всем подручным своим, кому писать к Москве позволено, чтоб сносили свои письма к одному человеку и к нам бы посланы были в одном пакете, а то всяк приносит на почтовый двор по малой самой грамотке, а иные и больше, порознь, и у них на мне берут заплату, как с больших, так и с малых, ровную[463] и в том многий мне убыток, а в одном пакете, то бы легче было и о том прошу им мое челобитье донести»[464].

В декабре 1697 г. Матвей Виниус просил, в виду большой заграничной переписки, дать ему авансом, взачёт за присылаемые из-за границы письма — 300 рублей для своевременной уплаты заграничным почтмейстерам. 14 декабря состоялось постановление — дать ему деньги из Новгородского приказу из четвертных доходов[465]. Но 21 декабря глава посольства, Ф. А. Головин, писал в Приказ Большой казны о выдаче Виниусу 300 рублей «на заплату Амстердамской почты»[466]. Приказание это запоздало; но им воспользовались впоследствии.

В самом начале 1698 года возникло интересное дело у Матвея Виниуса с Рижским почтмейстером, Герардом Греном. С ним мы знакомимся из документов, среди которых первым является челобитная Матвея Виниуса, 19 января 1698 г.

---

[462] Здесь разумеется переписка только по почтовому делу; обильная переписка А. Виниуса с царем по другим вопросам рассмотрена нами в биографии Андрея Андреевича.

[463] Здесь отзываются, конечно, Мемельские порядки. 30 июля Виниус писал одному приятелю в Амстердам, нельзя ли попросить почтмейстера собирать все русские письма в один пакетик (Моск. Архив Мин. Ин. Дел, Почтовые Дела, карт. 6, д. 86 об.).

[464] Письма и бумаги Петра В., т. I, 633.

[465] Т. II, стр. 172.

[466] Памятники Диплом. сношений т. VIII, 1152.

Рижская почта, по его словам, ходит по прежним договорам и по договору 1686 года. Новый Рижский почтмейстер, Герард Грен, несмотря на то, что подтвердил прежние договоры, стал нарушать их. Прежде всего он стал брать лишнюю плату (считая присланные ему деньги «малой ценой» — низким курсом). Матвей Виниус возражал, но, не желая вредить ходу почты, уплачивал, а для того, чтобы следить за курсом денег и для постоянных сделок с Греном уполномочил Рижских жителей Гендрика Гинца (Hintz) и Петра Офкина (Offkingh)[467]. Это Грену не понравилось и он стал уполномоченным Виниуса делать всякие неприятности: задерживал письма, деньги, не принял одного связка, адресованного Виниусу[468]; приказал своим служащим не принимать у Гинца и Офкина писем. Когда не был им принят Шведский связок, то Гинц и Офкин вынуждены были послать нарочного Рижского фурмана Якова Эка до Пскова и заплатили этому фурману особо 10 ефимков; связок этот принял во Пскове Ефим Фагет, но не мог передать его дальше — потому что почта уже отошла и должен был держать его у себя целую неделю. Матвей Виниус просил обратиться через Псковского воеводу Кир. Алексеев. Нарышкина к Рижскому губернатору с просьбой: 1) призвать Герарда Грена и допросить его под присягой по поводу жалоб Виниуса; 2) допросить его служащих, правда-ли, что Грен, ссылаясь на королевский указ, запретил им принимать письма от Гинца и Офкина; 3) допросить также в случае нужды, в качестве свидетелей, Гинца и Офкина;

[467] Эти два лица сделались контрагентами Виниуса не позже 1696 года. В 1697 г. Виниус посылал им коробок и просил купить одну или две книжки на голландском или немецком языке «добрые исторические или какие новые в лавках Рижских обретающие для забавы», прислать в атом коробке и написать, что они стоят (Моск. Архив М. Ин. Дел, Почт. Дела, картон 6, л. 91 об.).

[468] Как видно из другого документа — не принял, ссылаясь на то, что почта будто бы уже отошла.

4) в случае, если неправота Грена будет доказана, «учинить указ» ему, и приказать удовлетворить претензии Виниуса.

В тот же день было велено сделать выписку. Выписаны были некоторые статьи Кардисского договора (мы приводили их выше). Не дожидаясь резолюции, Матвей Виниус подал вторую челобитную, в которой подробно изложил дело на основание только что полученного им от Гинца и Офкина письма. Гинц и Офкин писали Виниусу, что Грен не отдает им пакеты, присланные Виниусом и требует, чтобы эти пакеты были при нем распечатаны. Такого распечатывания, по словам Виниуса, не делается с иноземскими пакетами у нас ни в Новгороде, ни в Москве. Деньги Виниус платит аккуратно, и теперь — они заплачены вперед, с января по июль месяц. Грен сердится, что Виниус все уплаты производит через Гинца и Офкина, а непосредственно с ним не желает иметь сношений. Но иначе и быть не может: во-первых, Грен допускает злоупотребления, а во-вторых, все равно — Виниусу надо иметь каких-нибудь агентов заграницей для дел с Рижской и Мемельской почтой. Теперь особенно опасны выходки Грена, потому что через Мемель и Ригу идут важные пересылки между Москвой и великим посольством. В дополнение к прежним своим просьбам Матвей Виниус просит еще: 1) написать ген.-губернатору, чтобы он доложил все это королю; 2) обсылку с губернатором учинить с нарочным подъячим немедленно, в виду важности пересылки писем в настоящее время; 3) написать также и королю Свейскому, чтобы этот последний велел, кому следует, напомнить о соблюдении прежних договоров, удовлетворить претензии Виниуса и назначить нового почтмейстера. Последнюю грамоту Виниус советует послать из Новгорода через Ругодив к губернатору, чтобы тот препроводил ее к королю.

Вторая резолюция о выписке последовала 25 января. А в этот же день была подана еще одна челобитная, на этот раз уже от торговых иноземцев — англичан, голландцев и гамбургцев, за подписью Томаса фон-Келлермана. Иноземцы

заявляли, что они пишут между прочим, заграницу письма о тех товарах, какие требуются в казну, во дворец, на казенный двор и в ряды и до сих пор таковые их письма ходили без задержки, а теперь Грен, задерживая письма (на это жаловались им их заграничные корреспонденты) или не принимая их, причиняет им большие убытки. Иноземцы также просили написать об этом самому королю, чтобы этот последний велел дать удовлетворение им за убытки, или же отставить того почтмейстера; просили также объявить об этом Шведскому резиденту Томасу Кипнеру и сказать ему, чтобы и он, со своей стороны, писал к королю.

По справке оказалось, что вступить в сношения с королем Шведским невозможно; от великих и полномочных послов 6 февраля через Амстердам пришло приказание — не списавшись с посольством (где был царь) ни в какие государства к государям грамот не посылать. Поэтому решено было ограничиться перепиской должностных лиц: Псковского воеводы с Рижским ген.-губернатором. Нарышкин должен был потребовать, чтобы Рижский почтмейстер был допрошен, чтобы ему строго запрещено было распечатывать и задерживать письма и чтобы велено было ему во всем удовлетворить Виниуса; при этом Нарышкин должен был пригрозить в случае надобности — обратиться с жалобой к королю. 11 февраля Нарышкину была послана грамота соответствующего содержания, 17 февраля он ее получил, написал грамоту к Рижскому генералу Эрику Дальбергу и послал ее с подъячим Никифором Агафоновым 27 февраля. Подъячий вернулся из Риги с ответом 18 марта. Ответ был подписан Рижским губернатором Эриксоном и при нем было приложено объяснение, данное письменно Греном. Псковский переводчик Тобиас Мейснер перевел эти документы и они были посланы в Москву[469]. В своем ответе Рижский губернатор говорит, что,

[469] При этом воевода и переводчик очень смущены были, что в царском титуле, упомянутом в ответе Рижского губернатора, были пропу-

по прочтении воеводской грамоты, он немедленно потребовал к себе Грена и допросил его. Тот дал объяснение и словесное и письменное. Грен заявил ему, что о счете у него с Виниусом дело улажено, что грамоток он никогда не задерживал; виноваты во всем недоразумении Гинц и Офкин: они вовремя не приносят писем на почту. Что касается тарифа, то губернатор не мог доискаться истины, потому что в данное время не было в Риге тех лиц, которые этим делом распоряжаются. Он потребовал только от Грена, чтобы тот не задерживал почт, никаких новостей не заводил и постарался во всем удовлетворить Московского почтмейстера[470].

Письменное объяснение Грена, приложенное к грамоте Рижского губернатора, написано в довольно раболепном тоне. Относительно платы он заявляет, что Виниус его расчетов не понял, что он давно уже сошелся с Гинцем и Офкиным и для него такая жалоба неожиданна. Ему все равно, через кого ему приходится вступать в расчеты с Виниусом; но Гинц и Офкин ссорят его с Виниусом. Они не хотят сообразоваться с порядками, установленными в почтовой конторе, хотя он, Грен, старался убедить их при помощи разных должностных лиц в необходимости этого. Их посыльный, «невежливый и безумный малый» причинил Грену много неприятностей. Письма они нарочно приносят поздно, после урочных часов, на что в свое время он, Грен, уже жаловался начальству и добился даже того, что Гинц и Офкин в присутствии королевских чиновников сознались, что они сами виноваты в происшедших недоразумениях — что они не знали правил. Кроме Гинца и Офкина в Риге не найдется никого, кто был бы недоволен почтой. Для Грена непонятно, что могут иметь против него Московские торговые иноземцы? Ни Виниус, ни

щены некоторые слова, а титул Свейского короля был написан также не по обычному.

[470] В заключение губернатор несколько обидчиво отзывается о поведении подъячего — явился к губернатору без предуведомления, не захотел остановиться в отведенном ему доме.

Гинц, ни Офкин не смогут доказать, чтобы он, Грен, когда-либо повредил или задержал почту; все это они могут только выдумывать. Он готов даже на суд по этому делу, потому что не знает за собой никакой вины. Он всегда тщательно соблюдал все договоры. На будущее время он будет поступать еще осторожнее, чтобы не давать повода ни к каким ни словесным, ни письменным жалобам[471].

Дело, по-видимому, на некоторое время уладилось. Вслед на этим (8 апр. 1698 г.) встречаемся с челобитной Матвея Виниуса по такому случаю. Ему надо было перевести в Ригу своим комиссионерам Гинцу и Офкину 500 ефимков. Не решаясь послать такую сумму почтой, он поступил так — внес 500 ефимков в Приказ Большой казны и получил оттуда приказ во Псков таможенному голове о выдаче 500 ефимков подъячему Никифору Агафонову. Виниус просит — послать эти ефимки из Пскова в Ригу с добрым подъячим, с провожатыми. Просьба Виниуса была исполнена.

15 апреля 1698 г. Андрей Виниус снова писал в посольство, но на этот раз уже соблюдая общие интересы: «прошу, чтоб пакеты большие с пумбрами были подписаны, чтоб ведать, все ль в доходе или нет, а по пумбрам Мемельским из Риги одного пакета большого в доходе не обретаю, и о том в Ригу и в Мемель писано, и буде то учинилось не омылкою или опискою какою, то пропал в Риге, однако ж ныне о том сыскивать учну»[472].

Письма Андрея Виниуса доходили до царя Петра так: из Москвы в Амстердам на 27-й день, в Лондон — на 35-й день, в Вену шли почти месяц[473]. Замедление почт каждый раз очень беспокоило Виниуса, так что даже самому царю приходилось его успокаивать[474].

---

[471] Все это дело — см. Т. II, № 94 (стр. 177—196).

[472] Письма и бумаги Петра В., т. I, 708.

[473] Ibidem, I, 234, 237, 253. Содержание этих писем рассказано нами в биографии Виниуса.

[474] См. выше, стр. 256.

20 мая 1698 г. Матвей Виниус снова обратился в Посольский приказ с ходатайством. Он заявил, что ему приходится пересылать массу писем казенных и частных в посольство, и из посольства в Москву. Не желая вводить казну в расход, он не требует ничего за пересылку от Москвы до Риги: но заграницей пересылка все-таки дорого стоит. Рижскому почтмейстеру он платит в год 290 ефимков серебром; сверх того, ему же за пересылку писем до и от Мемеля с 26 марта 1697 г. по 1 апреля 1698 г. вышло 81 руб. 30 алт. 2 деньги. Мемельскому почтмейстеру за этот же срок вышло 305 руб. 27 алт. 4 деньги за пересылку писем до и от Клеве и Эмерика. Итого выходит 387 руб. 24 алт. 4 д. Сюда надо присчитать еще плату, внесенную тем же почтмейстерам за письма Кузьмы Нефимонова в Посольский приказ — 16 руб. Всего — 403 руб. 24 алт. 4 д. Вычитая отсюда выданные ему в зачет (см. выше) 300 рублей и 62 р. 13 алт., полученных им из Иноземского приказу, он считает за казною долгу 41 руб. 11 алт. 4 д. (ефимками — более 75 ефимков). Теперь он вновь просит — дать ему взачет, сверх следуемых ему денег — 300 ефимков.

На этот раз выдача последовала из Приказа Большой казны.

К этому времени (август 1698 г.) относятся жалобы императорского посла Гвариента на чрезвычайную неаккуратность Виленской почты и дороговизну Рижской. Он просил Венское правительство ходатайствовать перед царем (бывшим тогда с посольством в Вене), чтобы ему было разрешено посылать письма через Ригу и бесплатно[475].

---

[475] Guarient an den Grafen Kinsky vom 3 Aug. 1698: «... wie ungewiss langsamb, und unsicher die Polnische Post von hier abgehe, wie thewer hirentgegen seibige per Riga seye, allwo jede bagag mit i dugh. bezahlen muess. Ess were aber diesem vverckh noch wohl abzuhelfen wofern. Ew hoehgrfl. Excellentz… bey dermahlens zu. Wien anwesenter grossgesandschalt oder aber thro Tzaar. Mayst. selbsten dahin zu ineamminiren gern hen wollten, dass meine Künfftige brieffe in der post per Riga von allem portogeld dergestalt frey seyn mögte. (Dukmeyer, I, 101).

В том же августе 1698 г. великое посольство вернулось из-за границы в Москву.

Злоупотребления Грена возобновились. Было узнано, что он осмелился еще раньше распечатать пакеты, посланные из Москвы в посольство. Жалуясь на это, Матвей Виниус предлагал и даже посылать впредь письма в Кенигсберг не через Ригу, а через Литву. На Грена пришлось жаловаться Шведскому королю. На грамоту царя Петра король Карл XII ответил 30 окт. 1698 г. Разделяя негодование царя на нарушение договоров и поступки Грена против старого устава, король поручил Рижскому ген.-губернатору расследовать дело, и, если Грен окажется виновным, — «учинить ему образцовую казнь»[476].

Не лишено интереса, как образчик деловой переписки между Московским почтмейстером и его агентом во Пскове, следующее письмо:

«Во Псков подъячему, которой почту ведает.

Государь мой, Никифор Агафонович, здравствуй. Присем послана нарочная почта, и доложа кравчего и воеводы Кирила Алексеевича, пошли с нарочным подъячим за рубеж на Ригу спешно и вели отдать Рижскому почтмайстеру имянно, чтоб при нем же послали на Мемель. А которого числа послано будет, о том бы у себя записал. А письмо послано к кому, о том батюшко писал сам к Кирилу Алексеевичу. А которая посылка из Риги к тебе послана, пожалуй, сее добрым ездаком пришли ко мне, чтоб в целости дошла. Засим челом бью. Матюшка Винијус, 207, генваря 1»[477].

24 декабря 1699 г. Шведский резидент, Томас Книпер подал жалобу царю на Московского почтмейстера. Шведский фактор, Филипп Фингаген, писал Книперу из Новгорода, что получает от него для короля не все письма, которые он (т. е. Книпер) посылает. Книпер в своем челобитье заявлял, что он посылал свои письма каждые три по-

---

[476] Т. II, стр. 459.

[477] М. Арх. М. И. Д., Почт. Дела, карт. 6, л. 161 об.

чты, отдавая их А. А. Винниусу. Между тем и к Фингагену, и к генералу Рижскому письма его не доходят, сумки оказываются распечатанными и печать у сумок — не Андрея Андреевича, а какая-то иная; бывают случаи, что в росписи посылаемых писем его письма значатся, а в сумках, прибывших в Новгород, их не оказывается.

Прежде чем от имени Матвея Виниуса дано было по этому поводу объяснение, на Рижской дороге произошел весьма неприятный случай. В начале 1700 года пропала почта, пришедшая из-за рубежа (об обстоятельствах, при которых это произошло, будет рассказано нами в другом месте). Царь Петр написал Псковскому воеводе, И. И. Головину, чтобы тот принял всевозможные меры к ее разысканию[478], и было основание думать, что она была похищена. Почта была найдена, 3 месяца спустя после пропажи, при следующих обстоятельствах. «Человек» псковитина И. Кокошкина увидал на дороге запечатанные суммы и сказал об этом своему хозяину. Тот сейчас же поехал на указанное ему место, но сум там уже не нашел. Они оказались у крестьянина, который узнал об этой находке. Место, где лежали эти сумы, было в 3 верстах от почтовой дороги, в лесу. Лежали они, очевидно, под снегом, потому что заплесневели, и письма в них оказались мокрыми, хотя печати на письмах были целы[479]. Одна из сум была распечатана, и по росписи в ней не хватало писем Андрея Вутенанта[480]. Очевидно, эти письма понадобились Шведскому правительству, и их сумели похитить; в это время Дания готовилась к войне со Швецией, а Вутенант был Датским резидентом в Москве. Этот случай очень напоминает собой похожий случай, но только с применением насилия, о котором рассказывает

---

478 «Во Псков о розыску пограбленой почты изволил в. г. сам писать своею рукою к Ивану Ивановичу Головину, чтоб всяко и гораздо постарался о сыску пограбленой почты» — записал А. Виниус в книге своих черновиков (М. Архив М. И. Д., Почт. Дела, карт. 6, л. 231 об.).

479 Письма и бумаги Петра В., I, 788.

480 Там же, 813.

Нейгебауер в своем сочинении, враждебном Петру. По его словам, Кенигсек. бывший впоследствии Польским послом при Русском дворе, когда еще был простым Саксонским капитаном, получил приказание напасть на Русскую почту на Лифляндской границе. С несколькими замаскированными слугами он это и сделал. Предполагалось отнять некоторые письма известного (gewissen) двора. Поступок этот приписали Шведам, чем еще более Русские были раздражены на этих последних[481]. Рассказ этот, по-видимому, сплетня, сложившаяся по поводу вышеупомянутого факта.

В первой половине января Виниус получил из Риги пакет с «порозжею бумагою» и посылал запрос по этому поводу к одному из своих корреспондентов[482].

15 января Матвей Виниус (в лице Гаврилы Петрова) давал объяснения по поводу жалобы Книпера. Он заявил, что все письма получаются, записываются и раздаются в особой избе, Андрей Андреевич писем не принимает, а принимают, записывают и отпускают «почтовый писарь» Томас Фадемрехт да Гаврило Петров. Томас Книпер присылает свои письма с кем попало. Писем Книпера к Шведскому королю у них нигде не записано, а письма его в Новгород и Ригу у них записаны[483]. Об их пропаже или перемене печати на сумах из Новгорода никогда не приходило известий. Почтовые сумы при отпуске всегда запечатываются государевою почтовою обыкновенною печатью, а не печатью А. А. Виниуса.

Покончив с возражением на предъявленные обвинения, почтмейстер, в лице Гаврила Петрова, принес горькие жалобы. 13 декабря из Риги был послан в Москву на имя А. А. Виниуса пакет (как он полагает — от генер. Карловича); из этого пакета письма были вынуты, а на место их вложен чистый лист, и пакет запечатан новой печатью. Затем почтмейстер полагает, что и пропажа сум, случившаяся близ границы в

---

481 Dukmeyer, 425.

482 М. Арх. М. И. Д. Почт. Дела, карт. 6, л. 225 об.

483 Срв. выше, стр. 306.

начале настоящего месяца, также дело, учиненное «вымыслом нарядным каких зарубежских людей» или Рижского почтмейстера, который уже несколько лет причиняет русской почте множество неприятностей. Такого нападения на почту больше 20 лет не бывало, да и отнимать русским людям почтовых сум не для чего: в них, кроме иноземских писем, ничего нет. Такие нападения на почту бывают лишь в военное время; теперь же это неприятно для торговых людей, которые от этого потерпят большие убытки.

Далее, почтмейстер просит спросить Книпера, когда именно он посылал письма своему королю и с кем послал их на почту, кто их на почте принял, и писал ли он об их пропаже к другим факторам и Новгород, Псков или к генералам в Ригу и Ругодив?

Наконец Виниус выступил с проектом перенесения всех почтовых сношений на Виленскую дорогу. Это было крупной реформой; с ней мы знакомимся на основании весьма достаточного количества материалов, и потому удобнее будет посвятить этому вопросу особое место, что мы ниже и сделаем.

В том же 1700 году, начиная Великую Северную войну, царь Петр был озабочен развитием почтовых сношений. М Виниусу был дан указ о приведении в лучший порядок заграничной почты. 18 января Андрей Андреевич писал ему по этому поводу «пространно», имея в виду то обстоятельство, что тогда же Петром был намечен новый почтовый трактат, целью которого было перенесение почтовых сношений с Кенигсбергом[484] окончательно на Виленскую дорогу.

Тогда же писал Виниус Гинцу и Офкину «о почтах проведав, отписали б, куда удобнее, на Псков или чрез Вильню»[485], а к А. А. Матвееву писал, чтоб он «на Ригу не посылал до времени»[486].

---

[484] Кенигсбергским почтмейстером в это время был Heysius.

[485] Моск. Архив и М. И. Д., Почт. дела, карт. 6, л. 243.

[486] Там же, л. 260 об.

Рижская почта переживала кризис. Впрочем, и управление Виниусов почтами в это время также переживало кризис. Первая, после многих перипетий, восстановилась, второе — прекратилось с 1701 г. навсегда.

III

Виленская почта в эпоху Виниусов. — Упадок Виленской почты и доклады Андрея Виниуса по этому поводу правительству. — И неосуществившаяся попытка В. В. Голицына восстановить эту почту помимо Виниуса. — Посольство Зембоцкого. — Договор 1685 *г. Почта в договоре о Вечном мире 1686 г. — Ссора Виниуса с Виленским почтмейстером. Шретером. — Правительственная перлюстрация* 1690 *г.; сведения о частной перлюстрации. — Варшавская почта*

Когда Андрей Виниус вступал в управление почтами, Рижская почта процветала, а Виленская находилась в упадке. При конце его управления было как раз наоборот. Рижская пришла в расстройство, а Виленская, с трудом призванная к жизни, развилась и окрепла. Причина этого, конечно, прежде всего, кроется во внешней политике, ссора со Швецией и союз с Польшей роковым образом отразились на обеих почтах. Что же касается отдельных событий, то в истории Виленской почты в эпоху Виниусов мы встречаемся с явлениями и фактами, весьма похожими на то же самое в истории Рижской почты.

Обновляя сношения по Рижской дороге. Виниус должен был мириться с упадком Виленской почты. Еще пока велись дипломатические переговоры с Польшей, и приезжали послы (напр. Чарторыйский и Сапега), почта эта действовала исправно, но затем, когда в договоре с Польшей о почте ничего не было условлено, почта Виленская начала сильно упадать. Рейнгольду Бисингу было послано еще раз соболей на 30 рублей, но дело явно прекращалось. Окончательно убили его слухи о моровом поветрии заграницей. На границе были

поставлены заставы; письма к торговым иноземцам перестали приходить от границы возвращались назад и многие пропали совсем[487]. Московские иноземцы также перестали по этой почте посылать письма; что же касается русских торговых людей, то, по уверению Виниуса, ему не приходилось посылать их писем в Польшу до этого времени. Так как официального закрытия почты не последовало, то с отдельными письмами возникало много недоразумений, и иностранцы потерпели не мало убытку. Такое неопределенное положение тянулось очень долго. В 1681 году пришлось снова поставить заставу на рубеже. В июне этого года Рейнгольд Бисинг писал Виниусу, упрекая его в том, что он не аккуратно отправляет почту из Москвы (не каждую неделю) и грозил пожаловаться на Виниуса царю. Виниус поспешил представить в Посольский приказ статьи, разъясняющие положение дела. В этих статьях говорится:

1) пока в Польше был резидентом Тяпкин, почтовый пересылки между Москвой и Польшей бывали часты, и почта ходила аккуратно;

2) моровое поветрие прекратило переписку частных лиц по этой дороге, потому что письма задерживались на заставах;

3) упадок торговых промыслов иноземцев в Москве также повлиял па переписку;

---

487 В современных юридических сочинениях Хёрнигка (1649) и Романуса (1664 г.) признается, что во время эпидемий на почте лучше всего соблюдать Венецианское постановление — допускать письма из-за границы только в том случае, если они написаны на тонкой бумаге и обернуты проволокой, а не льняной ниткой (Почт.-Тел. Журнал, 1899, июль, 803). О мерах, которые применялись у нас против занесения эпидемий см. Материалы по ист. медицины, изд. Новомбергским, т. II и IV. В конце XVII века у нас входит в обычай, в случае прихода корреспонденции из заразной местности, посылать в Москву *восьмую* копию писем (Ibid, II, XI, VII). Распоряжения о заставах 1680—681 гг. были вызваны сообщениями, полученными Виниусом от Кеннигсбергского почтмейстера Вернера Штурма в дек. 1680 г. (Ibid., II, 260).

4) остаток корреспонденции, шедшей по Виленской почте, был направлен на Ригу, и иноземцы уже привыкли пользоваться одной Рижской почтой;

5) куранты Рижские интереснее Кенигсбергских и Голландских, потому что в них больше Шведских и Польских известий, а потому не стоит жалеть о прекращении присылки курантов через Вильну. Наконец, если нужно, то Кёнигсбергские куранты можно получать и через Ригу.

24 июня 1681 года велено было взять у дьяка Андрея Виниуса сказку, как быть с Виленской почтой. Сказка была им представлена 7 июля. В ней он заявляет следующее.

Виленская почта, учрежденная во исполнение Андрусовского договора, предназначена была для политических сношений в виду их важности в то время, и для сношений торговых. С того времени она ходила непрерывно до 1679 года, доставляя политические и торговые письма и грамотки. Но с 1679 года, когда поставлены были заставы, торговая переписка прекратилась. Теперь эту почту отпускать не с чем грамот в. г-ря к королю и обратно — очень мало, резидентов на обеих сторонах нет, а торговые люди перестали посылать грамотки на Вильну. Чтобы теперь из-за маловажных посылок не тратить казны на прогоны ямщикам, следует совсем остановить Виленскую почту; если же будет нужно послать грамоту к королю, то можно отправить ее с нарочной почтой[488].

Согласию с такими представлениями Виниуса, 16 июля 1681 г. состоялся указ, посылать почту по Виленской дороге только в случаях особой надобности. Упадок этой почты продолжался, и в 1683 г. она даже вовсе перестала ходить. Новый глава Посольского приказа, знаменитый кн. Вас. Вас. Голицын, был этим очень недоволен. На требование правительства восстановить эту почту, Виниус отвечал в прежнем духе; но с ним, очевидно, не согласились. 16 июля 1683 года Ямско-

---

488 Т. II, № 50.

му приказу дан был указ, чтобы снова поставить почту от Москвы до Смоленска и до Литовского рубежа и обратно с курантами и со всякими письмами; приемом и отпуском велено почту ведать в Москве в Посольском приказе, а в Смоленске — рейтарскому ротмистру Фаддею Крыжевскому[489]. В грамоте по этому поводу Смоленскому воеводе сказано, чтобы Фаддей Крыжевский возобновил сношения с Литовским почтмейстером. Это заставило Виниуса представить правительству статьи, оправдывающие приостановку Виленской почты. Повторив в этих статьях уже известные нам его доводы, он сообщает далее, что Рижская почта в достаточной мере доставляет сведения обо всем, что происходит в Европе и Азии, а между тем казне эта почта обходится дешево. Мимоходом он делает упрек правительству — Ивану фан-Сведену платили 1200 руб., а ему не платят ничего, а между тем у него выходит по 600 р. в год на всякие расходы; ставит себе в заслугу, что у него с зарубежными почтмейстерами хорошие отношении. В заключение он просит: «и впредь о Виленской почте *и Рижской* у меня ль быть по-прежнему в отпуске и приеме и впредь зарубежским почтмайстерам деньги посылать ли, и о том чтоб мне учинен был указ». Ловкий почтмейстер, очевидно, ставил вопрос ребром: если ему верит, почему отнимают одну почту, а если не верят, почему не отнимают обе?

По обыкновению, велено было «выписать» все распоряжения, касающиеся почты с начала ей возникновения[490]. При этой выписке приведены статьи, представленные Виниусом в 1681 г., Голицын уступил: 3 сент. 1683 г. последовало распоряжение — обождать с восстановлением Виленской почты. Смоленскому воеводе была послана новая грамота в отмену

---

489 Моск. Архив и М. И. Д., Почт. дела, карт. 6, л. 243. стр. 71—72. О временно учрежденной скорой гоньбе по этому пути см. в последней главе этой части, где идет речь о правительственных почтах.

490 Выписка эта, по началу тождественная с П. С. З., № 1402, интересна своей второй половиной, которую см. в Т. I. № 51, стр. 70—72.

прежней (13 сент.). Неделю спустя кн. В. В. Голицыну пришлось снова читать в курантах тревожные слухи о моровом поветрии и снова распоряжаться о заставах на всех границах[491].

Наконец Виленская почта дождалась восстановления. В 1685 году был в Москве по поводу заключения Вечного мира посол Польского короля Ян Зембоцкий. Он заявил кн. Голицыну, что король для удобства постоянных сношений хотел бы восстановить почту на прежних условиях. Согласие на это было дано, и в грамоте, которую повез Зембоцкий, было сказано об этом утвердительно[492], Андрею Виниусу было велено вступить по этому поводу снова в переписку с Рейнгольдом Бисингом. Этот последний не упустил случая снова попросить себе в награду в год по паре соболей «добрых» 7-го мая Виниус просил по этому поводу инструкций у правительства. Соболей дали, но Виниус был озабочен заключением нового торгового договора с Бисингом, «без которого с ним трудно вести дело»[493].

С 1685 года Виленская почта снова начала ходить. Но уже в ноябре между Бисингом и Виниусом отношения сделались натянутыми. В своей сказке[494] Виниус сообщает об этом следующее 16 июля он писал Бисингу о возобновлении прежнего договора. Бисинг не пожелал оставить дела по-прежнему, а внес в присланные Виниусом статьи много перемен и (не без умысла прибавляет Виниус) в новом договоре поставил королевское имя раньше царского. Московский почтмейстер, внеся в свою очередь поправки, послал договор Бисингу вторично, 14 сентября. 2 месяца от Бисинга ответа не было,

---

[491] Т. II, № 66. Сохранились и ответные отписки воевод, получивших такое распоряжение: из Киева просто уведомляют об исполнении предписаний, а из Новгорода — посылают успокоительные вести (ibidem, № 59).

[492] Т. II, стр. 81.

[493] Там же, стр. 100.

[494] Там же, № 63.

а почта стала останавливаться, что Виниуса напугало, особенно в виду того обстоятельства, что как раз в это время и Рижская почта, вследствие козней Маргариты Гизе, была в критическом положении. Виниус просил, чтобы велено было Смоленскому воеводе вступить по вопросу о Виленской почте в переписку с Литовскими властями. Желание Виниуса было исполнено: 26 ноября послана была грамота Смоленскому воеводе бояр Б. В. Бутурлину: поручено запросить Могилевского коменданта, почему не приходит Виленская почта и почему Бисинг не доканчивает дела; при этом добавлено, что, если Бисинг не даст удовлетворительного ответа, то царское величество будет писать об этом деле самому королю.

10 декабря Бисинг прислал договор подписанным. Договор, датированный 24 августа 1685 года, несколько отличается от прежнего договора 1669 года. Познакомимся с его содержанием.

1-я статья его удостоверяет, что прежние счеты погашены, и никаких уплат ни с чьей стороны за прежнее время не должно быть. 2-я статья заявляет, что Бисинг, получив почту на Прусской границе у местечка Ленкен в среду, обязуется доставлять ее в пятницу в Вильну, откуда, после двухчасовой остановки, почта должна следовать дальше и прибывать в Минск в воскресенье, в Могилев во вторник, в Кадинг — в среду, и таким образом будет совершать курс от границы до границы в 8 дней. 3-я статья устанавливает размеры платежа. Со всех писем из Москвы и из Кенигсберга должно быть уплачиваемо по 18 грошей с письма; уплата должна производиться по полугодиям по счетам Бисинга. Мешкание почты весной и осенью, в дурную погоду — в вину не ставится. В 4-й статье сказано, что со всеми почтами Бисинг должен присылать по двое адвизов, за что Бисинг просит прислать ему в дар пару соболей в 25 ефимков, 5-я статья посвящена государственной корреспонденции: грамоты и государские письма следует пересылать бесплатно, довольствуясь только «пожалованием» государей, 6-я статья касается грамот иных

государей, кроме Московского и Польского. С этих грамот Бисинг намерен брать с грамоты по 2 ефимка. С грамот посольских взимать обыкновенный платеж. 7-я статья устанавливает таксу с ящиков и посылок «с мелочью» — 90 грошей с фунта. 8-я статья гласит, что, если письма, связки или посылки на Литве пропадут, то Бисинг обязуется всеми мерами их отыскивать; такое же обязательство ложится и на Виниуса в Московской стране. 9-я статья устанавливает свободное хождение торговых грамоток. В 10-й статье заявлено, что вес на связках должен быть обозначен всегда точно[495].

Сравнивая этот договор с договором 1669 года, замечаем следующую разницу: 1) доставка почты из Вильны на рубеж замедляется: прежде полагалось на нее 4 дня, теперь 5 дней; 2) во 2-м договоре большое внимание обращено на точное определение таксы и указание той корреспонденции, которая перевозится даром или на льготных условиях. В остальном замечаем или сходство (ручательство почтмейстеров за целость почты) или несущественную разницу (ответственность почтмейстеров смягчается — в 1-м договоре в случае нападения разбойников, а во 2-м — в случае дурной погоды). Остальные подробности разные, но не имеют большого значения. Итак, новый договор понадобился, по-видимому, исключительно по той причине, что нужны были точные и гарантированные условия почтовой оплаты, отсутствие которых раньше причиняло недоразумения. Что заключение таких условий было особенно необходимо, видно из всех последующих отношений Московского и Виленского почтмейстеров.

Договор 1685 г. был доложен Виниусом Посольскому приказу 10 декабря, причем Виниус прибавил, что купеческих писем с этой почтой отправлять не придется, потому что это будет ослаблять деятельность Рижской почты. В раздумьи он задает даже вопрос — может быть Рижскую почту

[495] П. С. З. III, № 1402.

совсем остановить или отправлять только до Новгорода и Пскова? Ответ правительства был краток: «Виленской почте ходить»[496].

Когда в декабре 1685 года Смоленский воевода получил из Посольского приказу указ присылать вестовые письма Назария Краевского не с нарочными посыльщиками, а через почту, то он вынужден был запросить Приказ, как ему быть, когда почта не ходит? Тем временем у этого воеводы шла переписка с Могилевским наместником по поводу Виленской почты. 18 декабря вернулся его посланный, рейтарского строго ротмистр Василий Кулбацкий, и Бутурлин допросил его о причинах нехождения почты Кулбацкий сообщили, что по поручению воеводы он ездил в Могилев и отдал наместнику Константину Петуху письмо Бутурлина. Наместник послал это письмо королю, а от себя сказал Кулбацкому, что он этого дела не знает, что, как только придет в Могилев почта, он ее ни часу задерживать не станет. Вместе с тем Кулбацкий предъявили, письмо от Петуха. В этом письме Могилевский наместник сообщает, что он писал по настоящему делу Бисингу, и что последний, вероятно, пришлет удовлетворительный ответ.

В договоре о Вечном мире с Польшей (26 апр. 1686 года) снова встречаемся со статьей, касающейся международной почты (ст. 29-я). Слова договора почти те же, что были и в Андрусовском договоре; только термин «начальнейший над почтою» заменен термином «почтмейстер»[497]. Почта, согласно этому договору, становилась международной в государственном смысле слова: «через те почты, как от великих государей в окрестные государства к Цесарю Римскому, и к Аглинскому, и к Датскому, и к Свейскому и к Польскому королям, также и от них к вел. г-рям грамоты и всякия

[496] Т. II, стр. 109.
[497] П. С. З. III, № 1186.

государственныя надобные вестовые письма и куранты присылаются»[498].

В феврале 1686 года Рейнгольд Бисинг скончался. До 19 мая почтой в Вильне заведовал его брат Герард. Виниус поддерживал с Герардом Бисингом те же сношения, как с его братом, посылал ему соболей, платил деньги по его приказу в Москве иезуиту Нармолту. Когда 19 мая в Вильне почтмейстером сделался Ян Шретер (Крет, Шхредер)[499], то счеты были уже погашены. Шретер, не заключивши еще с Московскими» почтмейстером никакого условия, написал Виниусу, чтобы он прислал ему соболей на 100 рублей (денег на покупку, разумеется, не прислал). Осторожный Виниус написал Шретеру, что соболи очень дороги, а он, Виниус, в долгу перед ним не состоит. В июне Виленский почтмейстер позволил себе знакомую нам (по Рижской почте) выходку: распечатал связок, шедший из Кенигсберга в Москву. Но до июля открытой ссоры еще не произошло. Уплаты за присылаемые связки Виниус пока не производил. В июле поднята была речь об уплате. 7 июля Виленская почта не пришла вовсе. Виниус увидел в этом дурной признак: «знатно, что в Вильне тот почтмейстер задержал». 13 июля пришлось Виниусу выступить с жалобой перед Посольским приказом. Он заявил, что Шретер требует с него по 6 алтын с лота со всяких иноземных писем и курантов от Прусского рубежа до Кадина. Эта цена была слишком вдвое более прежней. Сообщил Виниус также и о распечатании связка в июне и о неприходе почты 7 июля. Результатом такого поведения Виленского почтмейстера, по мнению Виниуса, будет то, что торговые иноземцы не будут посылать своих писем с этой почтой, и почту отправлять еженедельно не придется; Виниус просит не ставить ему этого в вину. Что же касается куран-

---

[498] П. С. З. III, № 1402.

[499] По-польски он подписывался Shretter, в немецкой передаче его называли Schröter.

тов, то Винниус успокаивал правительство, что они будут аккуратно приходить с Рижской почтой.

Решено было писать об этом деле самому королю. 24 июля Виниус произвел расплату с Шретером, уплатив ему за время с 20 мая по 15 июля червонными золотыми по старой таксе. Но такая расплата была не по душе Виленскому почтмейстеру, и он написал князю В. В. Голицыну письмо (в начале августа), в котором жалуется, что Виниус оскорбляет его и не платит следуемых денег, причем прибегает к обману: пользуясь неведением нового почтмейстера, Виниус будто заявил, что платил всегда по 15 грошей от лота (тогда как платил на самом деле по 18 коп.), на что пришлось ему, Шретеру, согласиться. К своему письму Виленский почтмейстер приложил счет на почтовые связки, пересланные с 3 мая (не забудем, что до 19 мая почтмейстером был его предшественник, рассчитавшийся с Виниусом). Из счета видно, что за 3 месяца почт из Кенигсберга в Москву было 14, из Москвы в Кенигсберг — 9; переслано в первом направлении — 154 1/2 лота, во втором — 217 1/2 л.[500]).

14 августа Андрей Виниус давал объяснения по поводу письма Виленского почтмейстера. Перечислив все факты со времени восстановления Виленской почты, Виниус приступил к перечислению всех злоупотреблений Виленского почтмейстера: 1) за провоз грамоток он требует плату вдвое более прежней; 2) распечатал один связок с письмами; 3) почта его запаздывает; 4) когда он, Виниус, написал ему обо всем этом, Шретер обиделся и стал угрожать, что будет задерживать все купеческие письма и стал требовать уплаты даже за те связки, за которые уже было заплачено Герарду Бисингу. Виниус сообщил об уплате, произведенной им 24 июня, обещал и впредь, в случае надобности — платить, но купеческих грамоток по этой почте посылать уже не придется: прослышан о поведении Виленского почтмейстера, торговые иноземцы уже не хотят посылать своих грамоток с этой

[500] Т. II, № 56, стр. 82—83.

почтой[501]. Виниус просил написать обо всем этом ближним людям короля Польского. В заключение Виниус заявлял, что государственная корреспонденция будет им посылаться по-прежнему.

17 августа состоялась резолюция по делу о Виленской почте: 1) написать к Литовскому канцлеру Марциану Огинскому, чтобы он принудил Виленского почтмейстера поступать во всем по заключенным раньше договорам; 2) написать Литовскому почтмейстеру, чтобы он не задерживал почты и пригрозить ему жалобой королю; 3) потребовать от этого почтмейстера, чтобы он все исполнял по заключенным раньше договорам, а в случае, если у него нет текста этих договоров; 4) послать ему этот текст на польском и немецком языке[502].

В следующем, 1687 году, когда боярин В. П. Шереметев был в Польше, по почте посылалось много государственных макетов и она действовала беспрерывно. Посылались грамоты императору, королю Польскому, Венецианской республике и русским послам в Польше и в Вене.

В 1690 году впервые по официальным документам можно установить существование перлюстрации в почтовом деле (о чем раньше нам приходилось говорить на основании частного письма 1687 г.). Неожиданно была возвращена с дороги назад из Кадина в Смоленск посланная заграницу почта. Это было сделано с таким усердием, что возвращены были даже письма Польского резидента. В этом распоряжении А. Г. Брикнер видит проявление реакционной политики пат-

---

[501] Интересно, что около этого времени (1687 г.) Дрезденский сейм высказался так о почте: «известно, что корреспонденция считается душою коммерции и благоустроенной торговли и что без нея торговые обороты упали бы, а самая торговля прекратилась; напротив, посредством ея торговля распространяется по всем направлениям, ростет изо дня в день и современем может сделаться всемирною». (Почт.-Тел. Журн., 1899, июль, 804).

[502] Т. II, № 56, стр. 86—87.

риарха и других лиц, захвативших временно власть в свои руки после свержения царевны Софии[503]. По нашему мнению, поводом к этому распоряжению послужил более определенный факт: события 1689 года в переписке иностранцев могли получить нежелательное для правительства освещение. Странно только, что раньше не спохватились этого сделать; вероятно, получено было чье-нибудь указание на определенный факт в этом роде. 28 апреля, согласно царскому указу, думный дьяк Ем. Игн. Украинцов велел послать в Смоленск воеводе окольн. кн. Ф. И. Шаховскому грамоту следующего содержания.

Если Смоленские жители, шляхта, или мещане, и иных чинов люди, будут писать письма за рубеж, и будут приносить эти письма переводчику Ивану Кулбацкому, который заведует приемом и отпуском почты, то этот последний, прежде отсылки их по назначению, должен предъявить их воеводе. Письма должны быть *не напечатаны*, чтобы, без ведома воеводы, никто ни о чем заграницу не осмеливался писать. Если же кто о каких-нибудь делах своих или о *каких-нибудь вестях* будет писать заграницу без ведома воеводы с какими-нибудь ездоками или с почтой, то и корреспонденты, и переводчик будут в ответе и, смотря по содержанию письма, — могут даже подвергнуться жестокому наказанию. Вместе с тем было велено прислать в Москву, в Посольский приказ, возвращенную из Кадина в Смоленск почту, за исключением писем Польского резидента, которые предписано было немедленно послать заграницу, по назначению. По этому последнему вопросу велено было даже узнать, по чьей неосмотрительности вместе с частными письмами были возвращены письма резидента[504].

Помимо этой грамоты, доказательством нашего предположения о влиянии событий 1689 г. на введение перлюстрации являются некоторые данные из биографии известного

503 Russ. Postwesen, стр. 897.
504 Т. II, № 79.

медика Карбонари, приехавшего в феврале 1689 г. в Москву. Обнаружилось, что он завел обстоятельную переписку с иезуитами в Вене, которых подозревали в сочувствии царевне Софии[505]; по этому поводу его несколько раз водили к допросу в Посольский приказ и, наконец, формально запретили ему заграничную переписку с Веной.

Есть, к сожалению, сведения, что не только правительство, но иногда чиновники — по собственному почину, иногда даже частные лица, были не прочь просматривать проходящие по почте письма и никакие печати не в состоянии были удержать их от этого. В конце 90-х годов императорский посол Гвариент и австрийский агент Плейер в своих письмах неоднократно жалуются на это обстоятельство, порицают «известное любопытство этой подозрительной нации», которое вынуждает прибегать к мерам осторожности, между прочим — к шифровке[506]; Плейер, преувеличивая и сгущая краски, писал, что у русских считается обыкновенным делом задерживать письма, вскрывать их, прочитывать, бросать, причиной этого он считает тоже «ihren vor alter her ihnen angebohrnen, und schon emgewurzleten argwohn nach aller menschen gedanken»; они не придают значения тому обстоятельству, что это гибельно отражается на их же торговле и лишает их доверия всех прочих народов[507]. Польский рези-

---

505 Рихтер, «История медицины в России», ч. 2-я, М. 1815. Стр. 382 и сл.

506 Guarient an den Grafen Sedlnitzkij (juni 1698): «...deroselben unter 15 undt 22 Maji abgelassene schreiben habe erhalten. Worauss der beiieben zu fürohin Unterhaltenter correspondentz, undt sonst bexeügenter particulare propension mit mehrerem vergnüglichst Erlesen, alldieweilen aber, der discretion, und bekandter curiosität dieser argwolmerischen nation unterworffen bin, Jezuweilen doch nachdenkliche undt Ziffren reqnirirente partieularitäten gern beysetzen mögte, habe ich einige buchstaben von denen mitgegebenen reichss — Zifre zu dem Ende beyschlossen». (Dukmeyer, I, 101).

507 Устрялов, История Петра В., IV, 2, стр. 655. Следует, впрочем, сделать оговорку, что цитируемое донесение Плейера относится к тому

дент жаловался, что некоторые, адресованные ему письма, не были получены им, другие — получены распечатанными. Патрик Гордон писал в Шотландию своему сыну Джемсу о необходимых мерах предосторожности при посылании писем в Москву. Мы не разделяем чересчур пессимистических взглядов современников и полагаем, что у нас охотников читать чужие письма, особенно писанные на *иностранном* языке, было все-таки меньше, чем заграницей[508].

Воротимся к нашему рассказу.

В 1690 году (вероятно, под влиянием распоряжений Прусского правительства об оплате каждого письма отдельно пришлось за каждое письмо из Кенигсберга в Москву, независимо от веса, платить еще 2 талера (т. е. 15 руб. на наши деньги[509], хотя с Кенигсбергским почтмейстером Штурмом у Виниуса недоразумений никаких не возникло.

Когда «великое посольство» было заграницею, то Виленская почта работала также усиленно, хотя и слабее Рижской. Она, в свою очередь, имела ветвь на запад — в Варшаву. Дошло до нас одно сообщение о Варшавской почте (она была учреждена в конце сороковых годов XVII века). В октябре

времени, когда Виниусы были уже в опале и потеряли заведывание почтами.

[508] Brückner, Russ Postwes., 897. Тайна, которую должно представлять содержание письма для лица передающего, с незапамятных времен считалась необходимым условием письменных сношений (вспомним письмо Давида Иоаву, переданное через Урию). Способы свертывания писем у древних в значительной степени известны нам; а сохранившееся большое количество всевозможных печатей египетских, греческих и римских служат свидетелями существовавших способов запечатывания писем. В средние века посыльных заставляли присягать в соблюдении тайны письма, а Лютер прямо заявлял, что kein grösserer Brieffälscher ist auf Erden, derm wer cinen fremden Brief zu eigen macht. У нас, как мы видели, также практиковалось и запечатывание писем и сумок, и присяга почтарей; а *распечатывание* практиковалось и заграницей. Официальных жалоб на такого рода злоупотребления Московской почты до 1701 г. мы в почтовых делах Посольского приказа не встречали.

[509] Brückner, Russ. Postw., 901.

1697 года Андрей Виниус жаловался в «великое посольство» на неаккуратность Варшавской почты, доходящей до Москвы через 4 недели, а иногда и больше. «Хотя многажды о исправлении прошено, но у них того не чинится» письма, посланные из Варшавы 28 августа, а из Амстердама 3 сентября, пришли в один день — 26 сентября[510]. Виниус винил в этом нераспорядительность русского резидента Алексея Васильева, который, по-видимому, и жил в Варшаве как раз с целью посредничества между «великим посольством» и Москвою. В черновых письмах Виниуса сохранились письма к Васильеву. В одном из них (1 янв. 1699 г.), когда царь Петр уже вернулся из-за границы. Виниус, поговорив с Васильевыми, о мастерах, пишет: «а о перемене твоей истинно стараюсь, и есть указ, только ищем человека, к тому способна. При сем по имянному в. г-ря... указу послано к Прокофью Возницыну письмо; пожалуй, скоро, скоро, как можешь и известно пошли, чтоб дошло до его рук. А в Вене живет *для того приему* Михайла Волков. И ко мне о той посылке, коего числа и с кем, и как послал, прошу отписать»[511]. Стало быть и в Варшаве, и в Вене в это время были агенты для передачи корреспонденции русским послам.

Только что приведенное письмо Васильеву было послано также с предосторожностями. Виниус отметил в своей книге: «в Смоленск, к бояр. и воев. к Петру Сам. Салтыкову того ж числа писал, чтоб послал нарочного рейтара, или два, или кого пристойно, чтоб то письмо довезть наскоро до Алексея Васильева в Варшаву, или где живет, чтоб как скоро мочно до него дошло, потому что в том письме по имянному в. г. указу послано нужное письмо к думн. дьяку к Прокофью Возницыну».

В июле того же года Виниус снова пишет Васильеву, сначала о мастерах рудных («постарайся о том деле, понеже государево»), а затем: «при сем послан великой связок к

[510] Письма и бумаги Петра В., т. I, стр. 333.

[511] Моск. Архив М. Ин. Дел, Почт. Дела, карт. 6, л. 161 об.

цесарскому посланнику де-Ралу (это — Гвариент), что к нему с Москвы отпущен и в нем в. г-ря грамота к цесарю. Пожалуй, ему при приезде его в Варшаву, отдай. А буде он Варшаву проехал мимо или до сей грамотки уже уехал, прошу нарочну цесарскому в Варшаве буду чему посланнику, или послу, или резиденту отдать, чтоб чрез почту наскоро послали к господину де-Ралу или к самому цесарю и о том изволь ко мне известие учинить за сей связок» (30 июля)[512].

С января 1700 года началась у Виниуса усиленная заграничная переписка о соединении обеих заграничных почт на Виленской дороге.

IV

Дело о соединении обеих заграничных почт на Виленской дороге

Давая 15 января 1700 г. объяснения по поводу обвинений Томаса Книпера, Матвей Виниус (в лице своего представителя, Гаврилы Петрова) принес многие жалобы на злоупотребления Рижского почтмейстера и тогда же предложил коренным образом реформировать сношения с Европой, сосредоточив все заграничные сношения на Виленской дороге и установив постоянный почтовой путь через Литву и Пруссию до Кенигсберга, с ветвью из Тильзита на Мемель и Ригу. Высказанные Виниусом соображения были приняты к сведению. Был составлен обширный доклад по этому поводу. Познакомимся с его содержанием.

Сначала в докладе излагается, по обычаю, вся история почты: указана первая жалоба на Рижского почтмейстера Грена (в 1698 г.) в задерживании и распечатывании писем, письма по этому поводу Рижскому генералу из Пскова и самому королю от царя, ответ Шведского короля, в котором этот последний сообщает, что он приказал Рижскому

[512] Моск. Архив М. Ин. Дел, Почт. Дела, карт. 6, л. 189.

генерал-губернатору сделать расследование по этому поводу и, в случае вины, наказать Грена; далее указана вторая жалоба Матвея Виниуса, в 1699 г., на новые, еще более тяжкие обиды со стороны Грена, новая посылка грамоты к королю, его обещания и полная безнаказанность Грена. В доклад вставлены статьи, в которых перечислены все злоупотребления Грена. Содержание этих статей следующее.

Заключая в августе 1686 года договор. Грен обязался исполнять все его статьи, требующие поступать правдиво и задержки никаким письмам не чинить, а между тем 1) старался обсчитать Виниуса и клеветал на его уполномоченных Гинца и Офкина; 2) утеряв на почте посланную икру, писал, вместо оправдания, грубые ответы; 3) задерживал письма, и иногда не принимал от Гинца и Офкина писем, лживо заявляя, что почта уже отправлена и вынуждал их нанимать нарочных посыльщиков; 4) задержал большой пакет из Амстердама под № 22 и писал, что для него не хватило места, потому что посланы 2 коробочки с семенами и книгами в Псковской суме; это оказалось ложью. Очевидно, он хотел удержать у себя пакет, но, опомнившись, побоялся, и 8 дней спустя, с новой почтой прислал его. Когда по этому поводу производился в Риге розыск, то почтовые писари сказали, что среди массы писем и пакетов; этот пакет незаметно упал за шкапные двери, — и это неправда: в пакете было 160 золотников! А между тем Виниусу от этого была большая тревога — в пакете были важные посольские письма[513]. 5) Когда А. А. Виниус писал на Грена жалобу Рижскому губернатору Дальбергу (в августе 1697 г.), то последний ответил 21 сентября, а ответ его получен был распечатанным от Томаса Книпера лишь 26 июня; очевидно — Грен 9 месяцев продержал этот пакет в Риге, и распечатал его, и ничего ему за это не было. 6) Еще был случай такой: 1-го января 1699 г. государь приказал послать с нарочной почтой к своему послу на Турецком съезде нужные

[513] См. выше.

письма. Эти письма были положены в сверток, который, вместе с отдельным письмом самому Грену был запечатан в сумочку и подписан на его имя; распечатан, он прочел бы письмо, в котором его просят послать этот сверток и Мемель к почтмейстеру Боммелю. Грен, не распечатывая сумки, послал ее в Мемель. Боммель, получив сумку и увидев, что она адресована Рижскому почтмейстеру, послал ее обратно в Ригу и тогда только Грен распечатал ее, послал сверток опять Боммелю, а тот направил его, согласно отдельному письму на свое имя, в Вену и до съезда. Таким образом сверток замедлил на 2 недели, а Грен дерзко говорил, что он «то все покроет королевской япанчою».

Свои убытки за все время злоупотреблений Грена Винпус считал до 200 ефимков.

Согласно статьям Винпуса, ближний боярин и наместник Сибирский Ф. А. Головин в том же 1699 г. говорил со Шведскими великими и полномочными послами Иоганном Бергенгельмом и др., а затем подал им даже письменное требование, чтобы они уладили эти дела. Послы словесно отвечали, что у них по этому поводу никакого указа от короля нет, а когда они увидятся с королем, то все ему доложат. Письменного ответа они не дали.

Далее доклад излагает челобитье Книпера и ответ на него М. Виниуса, а равно и ходатайство последнего о перенесении почты на Кенигсберг через Вильну. Затем приведены выписки из трактата 1686 г. и отмечается, что в этом трактате не говорится о хождении почты через всю Литву до Пруссии. Признавая необходимость вступить по этому поводу в сношения с королем Польским и курфирстом Бранденбургским, доклад отмечает некоторые затруднения на Виленской дороге: в Смоленске умер переводчик Иван Кулбацкий, который ведал почту, и там не оказывается человека, знающего немецкий и польский язык; послать туда из Москвы также некого, потому что в Москве лишь один польский и немецкий переводчик — Иван Тяжкогорский (Чешкогорский), да и тот стар. Придется доверить почту в Смоленске рейтарам, не знаю-

щим немецкого языка, которые теперь заведуют ею попеременно.

В заключение доклада снова говорится о Шведской почте: договоров с королем о ней никаких нет. Бергенгельм ходатайствовал об учреждении новой почты от Новгорода до Ругодива, но ему дали ответ, что в. г-рь даст об этом указ, если найдет нужным.

Немедленно началась у Виниусов усиленная заграничная переписка о перенесении всей заграничной почты на Виленскую дорогу. Об этом А. А. Виниус пишет и сыну своему Матвею, бывшему в то время в Берлине, и многим другим лицам. В январских отметках в его книге черновых писем читаем: «к воеводе Смоленскому послано в. г-ря письмо *за рукою* о радении в почтовом скором хождении и я о том писал к нему, чтобы выбрать человека добра в Смоленске и на рубеже, которые б писали в Кадин, и Могилев, и Вилню, о добром порядке почты»[514]. А. А. Матвееву Виниус писал заграницу, чтобы он посылал свои письма на Варшаву или Кенигсберг[515].

29 января 1700 года состоялся государев указ о перенесении Рижской почты на Виленскую дорогу. В нем говорится об отсылке заграничной почты по дороге Кадин-Могилев-Минск-Вильна-Тильзит-Кенигсберг или Мемель-Рига, с тем, чтобы 1) Виленский почтмейстер ставил почту от Кадина до Прусской границы в 8 дней, 2) заключить договор с ним о наилучшей постановке передачи писем (те же подробности. что и в наших прежних почтовых наказах); 3) список с этого договора представить в Посольский приказ; 4) почту отпускать из Москвы в Кенигсберг по понедельникам каждую неделю и принимать также еженедельно; 5) платить М. Виниусу заграничным почтмейстерам из своих сборов с торговых людей, а государственную корреспонденцию перевозить даром. Для установления нового почтового тракта

---

514 М. Арх. М. И. Д., и Почт. д., карт. 6, л. 231 об.

515 Там же, л. 235.

указ предписывает: 1) послать Смоленскому воеводе грамоту, чтобы он велел выбрать из Смоленских служилых начальных людей из иноземцев подходящего человека, знающего польский и немецкий язык и поручить ему заведывание почтой; 2) заграничные сумы, на которых не написано, чтобы их распечатывать в Смоленске, препровождать в Москву не распечатывая; 3) больше 2 час. почты в Смоленске не задерживать; 4) почтмейстеру держать по 2 чел. почтарей с 2 хорошими лошадьми всегда у себя на дворе и дать им обычные наставления о гоньбе; 5) Смоленской шляхте и торговым людям сказать указ, чтобы они всю свою корреспонденцию отдавали на почту, а не посылали с посторонними лицами; 6) перечневый список полученной в Смоленске почты каждый раз присылать в Москву, с указанием, в каком состоянии прибыли сумы и пакеты; в случае порчи печатей или сум заявлять в Приказную палату и производить розыск; 7) на самом рубеже, в Мигновичах, ведать почту сыну Фаддея Крыжевского[516] или кому-нибудь из многопоместных Смоленских рейтар и иметь также добрых почтарей с добрыми лошадьми для быстрой передачи почты в Кадин и в Смоленск; 8) обо всяких неприятностях по дороге от Москвы до Смоленска и от Вильны до рубежа должен нести переписку Смоленский почтмейстер; 9) обновить личный состав почтарей в Дорогобуже, Вязьме, Можайске и указать почтарям, чтобы они гоняли по 6—7 вер. в час и строго соблюдали обычные правила почтовой гоньбы; 10) прогоны Матвей Виниус должен уплачивать *(из своих средств?)* по полугодиям и четвертям года; 11) обо всем вышеизложенном сообщить из Посольского приказа в Ямской и в города к воеводам. Затем указом постановляется послать грамоту Польскому королю, русскому резиденту в Польше Любиму Судейкину и Бранденбургскому курфирсту.

Указ этот повелено вписать в книгу, а М. Виниусу сказать, чтобы почта отпускалась на Вильну и на Ригу «куды

---

[516] В рук. И. Публ. Библ. Т. IV, 648. л. 122 он почему-то назван Иваном.

по состоянию времени и случаю удобнее и скорее чаять ходить мочно» (значит — Рижская почта не уничтожалась). Указ скреплен дьяком Никитой Зотовым.

10 февраля того же года была послана грамота соответствующего содержания Смоленскому воеводе, бояр. П. Сам. Салтыкову. Воеводе предписано сообщить, кому он поручит почту в Смоленске и в Мигновичах В то же время послана была память в Ямской приказ об обновлении личного состава почтарей и о том, чтобы они за уплатой прогонов обращались к М. Виниусу (память не датирована). В Можайск послана грамота об установке почтарей 28 февр. 1700 г.; 29 февр. такие же грамоты посланы в Дорогобуж и в Вязьму.

26 февраля от имени М. Виниуса было представлено в Посольский Приказ новое заявление. 18 февраля писал Псковский почтмейстер Никифор Агафонов, что на той неделе Рижская почта опять не пришла и обмена сумами не пришлось сделать. Получены слухи о том, что ожидался приход Польских войск под Ригу и потому многие русские торговые люди, бросив в Риге свои товары, прибежали во Псков. С тех пор уже 3 Московских почты на рубеже залежались. Виниус просил послать воеводе М. И. Головину грамоту, чтобы он устроил так: послал из Пскова в Ригу «доброго» человека, чтобы тот отвез туда все сумы, сколько их на рубеже накопилось, для посылки в Мемель и дальше, а также взял из Риги письма, адресованные в Москву; если же по случаю войны проникнуть в Ригу невозможно, то проехать в Митаву и отдать сумы тамошнему почтмейстеру; если же и этого невозможно, то пусть пришлют все сумы обратно в Москву, а их надо будет послать на Вильну. Впрочем, по словам заявления, неизвестна также судьба писем, посланных с 18 янв. на Вильну; поэтому следует из Смоленска послать надежного человека, чтобы взять у заграничных почтмейстеров письменные обязательства в аккуратности. Еще раз Виниус напоминал о необходимости послать грамоты к королю Польскому и курфирсту Бранденбургскому. Для заведывания почтой в

Смоленске М. Виниус рекомендовал Матвея Фликерка, полковника Смоленских полков, который знает немецкий и польский языки. М. Виниуса очень беспокоил вопрос, что будет, если Рижская почта остановилась по причине злоупотреблений почтмейстера и по причине войны, а Виленская остановится из-за неаккуратности почтмейстеров?

По поводу этого заявления боярин Ф. А., Головин приказал послать грамоты соответствующего содержания во Псков и Смоленск. От Виниуса было послано И. И. Головину частное письмо, набросок которого сохранился «пожалуй, г-рь, прикажи проведать, что от Саксонов под Ригою делается и буде изволишь нарочно кого послать, вели, г-рь, грамотки взять к почтмайстру. Писано к нему о почтах, отсель посланных, и которые из Мемля ожидаю, где девались и у него б о том спросить, а в той посылке опасности тебе никакой нет, сказать им дело, для чего приехал, меж тем можетю... дела проведать и усмотреть и о всем полагаюсь на твое, г-ря, премудрое рассуждение, что в том изволишь учинить, смотря по тамочному состоянию»[517].

Смоленскому воеводе, П. С. Салтыкову 27 февраля была послана вторая грамота следующего содержания: с 18 янв. отпускается почта с Москвы через Вильну в Кенигсберг, но куда эти письма до сих пор девались, получались ли они где нужно или нет — неизвестно. Поэтому пусть воевода пошлет какого-нибудь надежного человека в Вильну, чтобы разузнать о судьбе этих писем, а равным образом взять у заграничных почтмейстеров «обнадежности за руками» в правильном ходе почт; посыльному пусть даст на подъем из Смоленских неокладных сборов.

На эту грамоту боярин П. С. Салтыков ответил 9 марта, что он послал заграницу Смоленского рейтара Никифора Лазовского, чтобы получить от заграничных почтмейстеров письменные обязательства в аккуратности. В другой своей

[517] М. Арх. М. И. Д., Дела Почтовые, карт. 6.

отписке, датированной также 9 марта. Салтыков извещает, что выбрать в Смоленске человека, знающего польский и немецкий языки, нельзя, потому что такого нет, о чем воевода много раз писал уже в Москву раньше; ныне почту в Смоленске ведает подъячий Приказной палаты Макушка Матвеев, не знающий иностранных языков, а в Мигновичах — Смолянин Яков Кучин; все остальное по указу им исполнено.

И. И. Головин еще 18 февраля писал, что уже 2 почты у него залежалось и он намерен их держать, пока приедет зарубежный почтарь. Но еще 22 февраля удалось передать эти 2 залежавшиеся Московские сумы прибывшему зарубежному почтарю и получить от него заграничную почту. Эта последняя была получена в Москве 1 марта. На предписание 27 февр. Головин отвечал повторением прежней отписки.

29-м февраля помечены грамоты Польскому королю, Бранденбургскому курфирсту и Русскому резиденту в Польше, Любиму Судейкину.

Польскому королю Августу II царь писал в грамоте о необходимости «обновить» почту от Москвы до Вильны и до Кенигсберга, Царь просил повелеть почтмейстерам Виленскому, Минскому, Могилевскому и Кадинскому отправлять почту, привозимую из Москвы через всю Литовскую землю до Пруссии «наскоро, в уреченное время, со всякою целостию» и «чтоб в государстве вашего кор. в-ства в городех и местах гетманы, и воеводы, и генералы и иные начальные люди в той почтовой гоньбе на обе стороны никакого озлобления, и задержания, и остановки не чинили», но всячески ей содействовали. Соответственно с этим Любиму Судейкину было предписано, получив царскую грамоту к королю, просить об аудиенции, подать грамоту лично королю и, после приветствия, говорить о почте. После этого резидент также должен был побеседовать об этом с канцлером, подканцлером и иными ближними людьми о содействии установлению новой почтовой передачи, о бесплатной пересылке резиденческой корреспонденции не только в Варшаву, но и во Львов,

и в Краков. Что король укажет, о том резиденту предписано сообщить в Посольский приказ; надо постараться, чтобы король дал ответ благоприятный и поскорее.

Бранденбургскому курфирсту Фридриху III царь Петр писал в грамоте, чтобы он повелел Кенигсбергскому почтмейстеру посылать заграничные письма в Москву через Тильзит и Вильну, и обнадежил его своевременным и достаточным вознаграждением со стороны Московского почтмейстера[518].

Посылая эту грамоту, А. А. Виниус писал Смоленскому подъячему, заведовавшему почтовым делом:

«При сем по имянному в. г-ря указу послано к тебе в г-ря нашего, блгч-еш. монарха грамота к королевскому вел-ству Полскому, и ты пожалуй учини по должности своей, чтоб та ево в. г грамота до короля вскоре дошла, и указы в Вилню и к иным почтмейстрам послать указать, и я прошу от себя постаратись, чтоб крепкие повеления паче ж к Вилен, почм-ру послания были, дабы добрых почтарей и лошадей по всем переменам имели и гоняли наскоро, чтоб почта от Мигнович или Кадина до Кролевца в 8 д. могла поспевать; а то истинно возможно, пот. что из Кролевца чрез Ригу почта ходила до Москвы в 2 недели, и тот путь дале многим, нежели чрез Вилню. И что вам учинится, прошу свое старание для почты в посылке ево, в. г., дел и иноземских писем была учинена (sic). А к курфистру Бранденбургскому о том же ево, в. г., грамота послана и ко мне аще возможно о сем отписати»[519].

Новая почта — новые опаздывания почтарей. Уже в марте М. Виниус стал получать от Виленского и Кадинского почтмейстеров жалобы, что Московская почта на рубеж к размену не поспевает, а из Смоленска — жалобы на медлительность Можайских, Вяземских и Дорогобужских ямщиков. Это заставило его просить поручить надзор за почтой в Дорогобуже подъячему Фед. Вас. Гандошке с правом наказывать

[518] Эта грамота есть также в «Пис. и бум. Петра В.», т. I, стр. 333.
[519] М. Архив. М. И. Д., Почт. д., карт. 6, л. 243.

неаккуратных почтарей батогами. Указ об этом был послан 22 марта 1700 г.

5 апреля вернулся в Смоленск Никифор Лазовский и привез новому воеводе, Вл. П. Шереметеву, лист Виленского почтмейстера и подал сказку о своих переговорах с другими почтмейстерами. Могилевский почтмейстер и Кадинский урядник сказали ему, что уже получили от Виленского почтмейстера известие о новом устройстве почтового хождения и обещали приготовить «добрых» почтарей с хорошими лошадьми и не задерживать почт «ни часу». Лист, присланный Виленским почтмейстером, В. П. Шереметев со своею отпискою препроводил в Москву.

В своем «листе» Шретер (Shretter) пишет следующее. Никифор Лазовский, присланный И. С. Салтыковым, чтобы навести справки о хождении почт, просит его дать письменное уведомление. Теперь он, почтмейстер, заявляет, что от Варшавского резидента часто бывали письма в Москву, реже бывали письма из Москвы к резиденту; все эти письма отсылались немедленно. Когда установлено было хождение почты через Инфлянты, то первая почта из Москвы была получена в Вильне из Кадина 13 февраля по новому стилю; в ней был один пакет до Кенигсберга. Второй пакет прибыл 20, третий 27. 6 марта, хотя почта из Кадина прибыла, но Московских писем в ней не было; то же повторилось и 12, и 20 марта, и лишь 27 марта снова получен был пакет из Москвы. Что касается заграничной почты, то в первый раз она была получена и направлена в Москву 26 февраля (был пакет с письмами из Кенигсберга); то же повторилось 5, 12, 19 марта. 26 марта в Кадин уже не было послано Кенигсбергских писем, «dia złych przepraw poczly w Prusiech doczekać nie mogli» (была распутица?). Почта теперь устроена так, что из Вильны она выходит в пятницу, в 9 ч. вечера, в Могилев приходит во вторник, в Кадин — в среду вечером; из Кадина выходит в Вильну в понедельник, в надлежащее время, в Могилев приходит во вторник, в Вильну — в субботу вечером (если не помешает

весенняя и осенняя распутица). Из Вильны в субботу вечером почта отправляется и в Кенигсберг, и в Варшаву. «Лист» датирован 29 марта 1700 г.

Ряд документов дела о соединении заграничных почт на Виленской дороге заканчивается мемориалом, подписанным за «генерального почтмейстера Матвея Виниуса» Томасом Фадемрехтом. Содержание этого мемориала следующее:

В начале мемориал излагает причины перенесения хода заграничной почты на Виленскую дорогу. «Aus unterschiedlichen Ursachen», а главным образом вследствие злоупотреблений Рижского почтмейстера Грена, который в течение нескольких лет позволял себе задерживать и даже распечатывать государственную корреспонденцию, нарушая этим даже jus gentium, и оставался безнаказанным, несмотря на жалобы Шведскому правительству, решено приостановить движение почты по Рижской дороге и перенести на дорогу через Польшу. На основании прежних договоров, теперь заключается условие с Виленским генеральным почтмейстером Яном Шретером (Johann von Schröter) и его заместителем г. Готфридом Шульцем, что они обязуются доставлять почту от Прусской до Русской границы в 8 дней (если не будет препятствий от распутицы). Между тем замечается, что ныне из Кенигсберга до Москвы почта доходит в 14–15 дней, а обратная почта в Литве идет очень медленно, доходя до Кенигсберга на 23, 24 и даже 25-й день. В пределах Московского государства, до Кадина, почта идет 5 дней (в чем можно убедиться из почтовых расписок), значит в медленности виноваты Литовские почтмейстеры. Этим доставляется большая неприятность и государям, и резидентам, и торговцам.

Мемориал находит, что необходимо обратиться к королю, чтобы воздействовать на почтмейстеров, о чем и делает представление «его превосходительству» (Ihro Excellentz; Любиму Судейкину? или Польскому резиденту в Москве?), прося его воспользоваться посредничеством генерала-майора фон-Лангена. Мемориал датирован 26 авг. 1700 г. На обороте его

сделана приписка, из которой видно, что Виленскому почтмейстеру об этом сделано было представление 8 окт. того же года.

Тогда же Виниус писал и Смоленскому воеводе, Петру Сам. Салтыкову, прося внимания к делу.

Кроме того, так как Рижская дорога могла, вследствие войны, потерять свою конечную часть и стала бы заканчиваться Псковом, признано было весьма желательным соединить этот конечный пункт с Виленскою дорогою. По поручению царя, Ф. А. Головин писал Андрею Виниусу из Ругодива, чтобы перевести Виленскую почту из Смоленска или из Вильны на Псков. Но этому вопросу Виниус вступил в переписку с Виленским почтмейстером и его товарищем[520]. Те признавали проект такого перенесения невозможным. Пришлось правительству самому устроить отдельное почтовое сообщение Смоленск — Псков, о котором речь будет в другом месте.

В договоре, заключенном Петром В. и Августом II в начале войны, 26 февр. 1701 г. в Биржах, есть также статья (VIII-я), в которой упоминается о почте: «Еще до отъезду нашего главная воинская дума о действе будущего воинского походу отправлена; и что во оной постановлено будет, то в сем договоре от слова до слова положено последовати, и по том прилежную и верную пересылку иметь, и ради вящшей удобности почта даже до пограничного места с обоих стран уставлена будет. Но егда в пребывающем походе, по прилучающимся обстоятельствам, воинскую думу отправить надлежит; и та на стороне его кор. вел-ства с призывом нашего генеральства, а на стороне нашего цар. вел-ства с призывом при нашем дворе обретающегося королевского польск. министра чиниться имеет, и тако основательная ведомость о всем намеренном учинена да будет»[521].

---

[520] С товарищем Шретера, Шульцем, встречаемся в почтовых записных книгах за 3.700 год, 1 октября 1700 года ему было послано по почте 41 зол. золота стоимостью в 50 дукатов; 5 ноября — 40 зол. в 49 дукатов: 9 декабря — 8 1/2 зол. в 10 дук.

[521] Рук. Имп. Публ. Библ. F. IV, 648. л. 139.

V

Развитие переписки по заграничной почте и участие в ней русских людей. — Почтовые записные книги и материал, почерпаемые из них о Рижской и Виленской почте. — Сведения Гордона о Виниусовской почте. — Куранты и почта. — Содержание и значение курантов

В 1692 году Виниусу приходилось давать справки по делу учреждения Архангелогородской почты; сообщая мимоходом сведении о Виленской и Рижской почтах, он говорил, что «приходит Рижская почта из-за Свейского рубежа к Москве в Посольский приказ через Псков и Новгород с немецкими курантами и с иноземческими грамотками. И изо Пскова и из Новгорода с отписками и всяких чинов людей с грамотками: так же и с Москвы до Новгорода и до Пскова и за Свейский рубеж в. г-рей с грамотами и с иноземскими и *русских всяких чинов и торговых людей* с грамотками ходит по вся недели». Сообщение, что «русские всяких чинов и торговые люди» в это время также посылали грамотки заграницу, не лишено интереса, особенно в виду того заявления, которое делал Виниус в конце 70-х годов в своем докладе о Виленской почте.

В настоящей главе мы попробуем сгруппировать тот материал, какой нам удалось найти по вопросу об участии иноземцев и русских людей в пользовании заграничной почтой в эпоху Виниусов. Это даст нам возможность, хотя в слабой степени, судить о том, как постепенно прививалось новое учреждение хотя в некоторых слоях общества.

С перепиской должностных лиц знакомит нас прежде всего челобитная, поданная Андреем Виниусом вскоре после его отрешения от должности. Содержание этой челобитной таково.

В прошедшие годы, когда он со своим сыном заведовал Рижской и Виленской почтами, по тем почтам посылались царские грамоты, дела и всякие письма к послам в Голландию, Данию и Берлин, и получались ответные письма и

всякие дела: посылались письма Андрея Кревта по государевым делам; письма к стольникам и иным людям, которые жили в командировке в Берлине, как напр. кн. Юрий Трубецкой, Семен Нарышкин — и посылались, и в приеме от них были. За все расходы по этой переписке (кроме писем Андрея Кревта) ему, Виниусу, зачтено в Оружейной палате 500 рублей.

С января 1700 по апрель 1701 года (отрешение Виниуса состоялось 17 марта 1701 г.) со всяких казенных писем следует ему еще 304 р. 12 коп. Виниус просил уплатить ему эту сумму.

К челобитной была приложена роспись писем, в которой значится, что:

1) Казенных писем из Голландии от Андрея Артем. Матвеева и из Дании от стольника Андрея Измайлова прислано 1077 зол. с четвертью.

2) После смерти Франца Як. Лефорта на его имя получено 32 золотника.

3) Писем стольника Семена Нарышкина в приходе и отсылке — 87 1/4 зол., князя Андрея Хилкова, дьяка Ивана Волкова, Аники Щербатова, Гаврила Меньшикова — 31 1/4 зол.

4) За три месяца 1701 г. казенных писем: Андрея Арт. Матвеева, Андрея Измайлова и др. в отсылке — 470 (469 ¾) зол., Семена Нарышкина и др. в отсылке и приеме 51 зол.

Всего с января 1700 г. до апреля 1701 года числится 1748 1/2 зол.

Платеж от почты по 12 коп. за золотник, всего 209 р. 82 коп.

Да будучи в Берлине Матвей Виниус заплатил почте 18 р. 80 коп.

Прогонных ямских денег Андреем Виниусом получено 5 р. 51 коп.

За письма Андрея Кревта (до октября 1700 г.) он считает 69 р. 99 коп.

Всего следует — 304 р. 12 коп.

Резолюция состоялась 13 авг. 1701 г. — выдать ему из Сибирского приказа вышеозначенную сумму деньгами, или соболями, или иною мягкою рухлядью. Уплачено деньгами[522].

К этому надо еще прибавить, что, несколько ранее Андрей Виниус получил еще 300 руб. за письма, посылавшиеся в 1698 г. в посольство и из посольства (это уже второй платеж; 21 дек. 1697 г. было уплачено в 1-й раз, см. выше).

Кроме вышеприведенных случайных сведений о лицах, ведших заграничную переписку, довольно много сведений можно почерпнуть из почтовых записных книг. К сожалению, почтовые записные книги (книги, в которых записывались имена получателей и отправителей писем, вес последних, оплата и пр.) Рижской и Виленской почт дошли до нас в печальном виде — разбитыми, разрозненными и дефектными, за 1699, 1700 (до сент. включ.) и начало 1701 г. (до апреля). Основательное ознакомление с этим видом документов можно сделать только путем обозрения сохранившихся за три года в целом виде книг Архангелогородской почты, с которыми мы в свое время познакомимся. Теперь же постараемся использовать материалы, сохранившиеся в книгах Рижской и Виленской почт.

Прежде всего не безынтересно привести фамилии абонентов почтового сообщения с заграничными городами в 1699—1701 гг. В сохранившихся частях почтовых записных книг встречаемся со следующими *русскими* корреспондентами.

1. Виниус и его семья.

Гаврила Петров, его «человек».

Андрей Арт. Матвеев.

Федор Алексеев. Головин.

5. Матрена Степ. Нарышкина.

---

[522] Челобитная и роспись напечатаны в соч. Хрущова по докум. Архива Почтов. Департамента; у нас см. г. II, стр. 503—507.

Эти пять имен весьма часто упоминаются в записях; почти каждая почта имеет письма к ним или от них. Другие имена встречаются несравненно реже:

Андр. Як. Хилков.
Александр Дан. Меньшиков.
Гавр. Андр. Меньшиков.
Фед. Степ. Салтыков.
10. Алексей Петр. Салтыков.
Петр Сам. Салтыков.
Василий и Алексей Фед. Салтыковы.
Аника Гавр. Щербатов.
Ив. Алексеевич (Мусин-Пушкин?)
15. Ив. Осип. Щербатов.
Осип Ив. Щербатов.
Петр Алексеев. Голицын.
Дм. Мих. Голицын.
Бор. Алексеев. Голицын.
20. Вас. Тим. Постников.
Андр. Петр. Измайлов.
«Учитель» Льва Кир. Нарышкина.
Учитель Никифор Кондратович.
Подъячий Никифор Агафонов.
25. Кн. Ив. Бор. Троекуров.
Алексей Ив. Троекуров.
Мих. Ларион. Волков.
Ив. Мих. Волков.
Ив. Дашков.
30. Иван Богданович (фамилия?)
Гр. Сем. Нарышкин.
Кир. Алексеев Нарышкин.
Кириак Степанов.
Княгиня Анна Барятинская.
35. Вас. Филатьев.
Мих. Род. Ларионов.
Илья Ив. Исаев.

Петр Терентьев.
Ив. Гаврилов.
40. Анна Л. Собакина.
Фед. Як. Собакин.
Савва Лутохин.
Аграф. Гр. Лутохина.
Гр. Чериков.
45. Серг Ив. Милославский.
Вас. Сем. Толочанов.
Кн. Ив. Фед. Ромодановский.
Фед. Юр. Ромодановский.
Мих. Гр. Ромодановский.
50. Ст. Ст. Бошеников.
Лука Бошеников.
Лев Гавр. Щербаков.
Моис. Ст. Бошеников.
Любим Судейкин.
55. Гавр. Ив. Головкин.
Ив. Ив. Бутурлин.
Юр. Фед. Шаховской.
Ив. Юр. Трубецкой.
Вас. Антемирев.
60. Кн. Федосья Вас. Долгорукова.
Фед. Фед. Плещеев.
Матвей Баскаков.
Вас. Б. Бухвостов.
Мих. Аф. Матюшкин.
65. Гр. Фед. Долгоруков.
Ив. Ив. Долгоруков.
Дмитрий Лихарев.
Ал-ей Сем. Шеин.

Итого 68 лиц. Список иноземцев-корреспондентов длиннее; только очень трудно установить правописание их имен, потому что очень много вариантов. Выбираем наиболее часто попадающееся начертание:

1. Abr. Gorgijn.
Abr. Kintsius.
Adolf Pott.
Condrat Cannengieser.
5. Cliristoffel Brandt.
Cosmus de Busch.
Carell Godfellow.
Baron Blumberg.
Baron Schneberg.
10. Conigseck.
Cobert.
Daniel Haertman.
Daniel Schaerbateur.
Patrick Gordon.
15. Guarient de Rail (импер. посол).
Daniel Carell.
Denijs Hautewall.
Philipp Vonhagen.
Condroij Leutenant due de Croij.
20. Evert Ysbrandt.
Francisco Gruasconie.
Frans Timmermann.
Frans Lefort.
Grillies Bartens Cloeck.
25. Grigorie Korbonarius.
Hendrich Boetenandt.
Hendrich Brest.
Hendrick Münter.
Hendrick Bodisco.
30. Herman en Hans Grouers.
Hend Stijles.
Hendrick Schwellengrebell.
Daniel Cannegieser.
Hendrick Krewett.
35. Panlus Heins (Датский посланник).

Mohr Secretarius.
Marschall Leutcnant.
Jean Verjuijs.
Jan Verckuijlen.
40. Jan Lups.
Jean Baltus.
Jacob Pendick.
Jacob Nieuwport.
Hans Hendrick Smith.
45. Jan Smith (тот же, что и предыд.?)
Jan van Sweeden.
Isaak Kintsius.
Isaak Hauthman.
Jan Houtman.
50. Major Goschka.
Resident Ciesielski.
Lucas Scholten.
Signora Jacomo.
Madame Mons.
55. Madame Lefort.
Madame Menesius.
Jean Grigorie (аптекарь).
Jacob Jans van Lutzenborgh.
Niclaes Romswinckel.
60. Niclaes Coll.
Niclaes Verhoeff.
Ottuell Mcuerell.
Paul Westhoff.
Jacobs Pieter Coijer.
65. Philipp Wolff.
Pastor Stumphius.
Roeloff Meijer.
Steffen Elout.
Thomas van Kellermann.
70. Thomas Kniper.

Volckert van Geijer.

Vice Admirall Cornelis Cruijs.

Вернер Мюллер.

Villiam Laijd.

75. Wauter Ewauts Jongh.

Hendrick Riemsuijder.

Otto Bleijer

Willem Ibrahimoff.

Cornelis Maeck.

80. Hendrick van der Hulst.

Henrich Hints.

Jacob Meijer.

Johann Gommers.

Итого 83 лица

Рассматривая вышеприведенные списки, приходим к убеждению, что Рижская и Виленская почты обслуживали в значительной степени интересы 1) русских и иностранных официальных корреспондентов и 2) торговых иностранцев. Фамилии частных лиц русского происхождения редки (4 особы женского пола, несколько коммерсантов — Филатьев, Исаев и, вероятно, 2—3 иных). Но даже эти редкие фамилии нам интересно видеть здесь. Русские торговые люди состоят в переписке с некоторыми торговыми иноземцами (напр. Кинтсиусом и пр.). Здесь уже есть некоторое подтверждение заявления Виниуса, сделанного еще в 1692 году о том, что и русские торговые и всяких чинов люди посылают свои грамотки по почте.

Важных казенных отправлений в 1699—1701 году в дошедших до нас книгах немного.

а) по Рижской почте:

22 августа 1700 г. — «связок в Свею, ближнему стольнику князю Андрею Яковлевичу Хилкову, подписано назади: из Вел. Новаграда ближнему боярину князю Ивану Юрьевичу Трубецкому послать к нему, резиденту, с нарочным посыльщиком».

30 августа несколько пакетов на имя государя (от кн. Ф. Ю. Ромодановского) «письмо верховое» и «письма вестовыя».

б) по Виленской почте:

28 февраля 1700 г. из Кенигсберга письмо государю.

9 марта с почтой в Кенигсберг послан большой пакет от государя к курфирсту Бранденбургскому и королю Польскому.

9 июля — снова посланы письма государя тем же соседям.

7 августа — получено письмо Виниуса от курфиста Брандербургского.

10 сентября — опять посланы письма государя его соседям.

31 октября получено письмо государю от курфирста Бранденбургского.

25 ноября получено письмо от резидента Хилкова из Стокгольма Ф. А. Головину.

5 декабря получен большой пакет государю от курфирста Бранденбургского.

9 декабря в Кенигсберг послан пакет А. А. Матвееву с письмом государя к Голландским штатам.

13 декабря получено письмо из Вильны Датскому посланнику.

16 декабря послано через Кенигсберг в Гагу А. А. Матвееву письмо с вложенным письмом государя королю Английскому.

23 декабря — то же, что 16-го.

25 февр. 1701 г. (в Смоленск). Een brieff von d. Zarisch. Printz aen Allexand. Daniclowitz Meszikoff.

Кроме перечисленных — много пакетов А. А. Матвееву и Ф. А. Головину — очевидно, казенных — (без указания отправителя).

Города, где находятся адресаты, иногда именуются, иногда нет. Нелишне все-таки перечислить упоминаемые города. Кенигсберг, Мемель, Рига, Лондон, Берлин (чаще всего — Матвею Виниусу, когда тот находился там в командировке), Вильна, Амстердам, Гамбург, Бремен, Данциг, Вена, Любек,

Офен, Гага, Копенгаген. Количество отправлявшихся в тот или другой город пакетов уменьшается в порядке приведенного нами списка городов.

Иногда письма из-за границы присылаются в Москву для передачи в другие города; упоминаются Воронеж, Казань, Азов.

Вряд ли кто-нибудь из русских или иностранцев того времени пользовался молодой русской почтой так энергично, как Патрик Гордон (бывший в приятельских отношениях с Виниусом). Из дневника его узнаем, что послать в почтовый день 14—16 писем было для него не редкостью (один раз он послал 25 писем). Он получал также через Виниуса заграничные газеты, книги, научные инструменты, даже вино и предметы роскоши. Переписка с торговцами нужна была ему для сбыта товаров, получавшихся часто вместо жалованья (соболи и пр.). Вследствие этого ему точно были известны многие подробности о Виниусовских почтах. Он сообщает напр., что письмо из Гамбурга в Москву идет 4 недели, из Москвы в Данциг — 3 недели, что плата берется с золотника писем, что такса за золотник от границы до Москвы — 8 коп., от Новгорода до Москвы— 4 коп., от Риги до Пскова — 6 коп.[523], такса за пересылку денег — 3 % их суммы. В 1696 г., как мы видели выше, ему удалось получить право не оплачивать заграничных писем, получавшихся на его имя.

Кроме доставления переписки частной и казенной, почта имела еще другую обязанность, очень важную в глазах правительства — доставление «вестовых писем» или «курантов». Мы только мимоходом касались этого вопроса; теперь остановимся снова на нем.

Едва закончилось тяжелое Смутное время, как возродились и стали быстро развиваться наши сношения с Западной

[523] По интересному подсчету Брикнера, плата эта была столь высока, что напр. за пересылку письма из-за границы в Москву приходилось платить в 60 раз больше, чем теперь за пересылку письма из Австралии в Москву (Russ. Postwesen, 900).

Европой. Правительство первых Романовых, Михаила и Филарета, озабочено было установлением дипломатических сношений и потому крайне нуждалось в получении сведений о заграничных государствах, их правительствах и порядках. В России не были известны даже имена царствовавших государей; верющие грамоты нашим посланникам нередко писались на имя таких владетелей, которых давно уже не было в живых. Сверх всего этого, простая любознательность искала удовлетворения в узнавании новостей изо всех стран. Как раз в это время появляются заграничные газеты[524], заключавшие в себе всевозможные сведения о всех странах. Узнав об этом, наше правительство позаботилось о том, чтобы добыть такие листки. Сперва наши немногочисленные агенты (в Риге, Польше) сообщали, по мере возможности, всякого рода известия, присылали печатные и писаные «вестовые письма», лично приезжали с сообщениями. Из всех этих известий, концентрировавшихся в Посольском приказе, составлялась настоящая газета, обычно называвшаяся «вестовые письма» или даже просто «столбцы»[525], для прочтения царю и его приближенным. До заведения почтовых сношений вести из-за границы получались медленно — через 2, 3, а иногда даже — 6 месяцев. С присылкой заграничных газет (с 1621 г., а может быть и ранее), дело пошло быстрее и оживленнее. Вестовые письма получают название «курантов» от одной заграничной газеты — «Courante vigt Italien». Подлинники привозных газет сохранились с 1681 г.[526] Большинство их — в Московском Архиве Министерства Иностранных Дел, но есть также небольшая коллекция их в Академии Наук (25 листков в 7 переплетах)[527]. Громадное большинство

---

[524] Нейкамп (Handwörterbuch der Staatswissenschaften, VII, 931).

[525] Новая обстоятельная статья по вопросу о курантах — г. Шлосберга «Начало период печати в России». (Ж. М. Н. Пр., 1911, кн. 9).

[526] А. Булгаков, Ответ на библиограф. вопрос (Моск. Телеграф, 1827, ч. XVI).

[527] Шлосберг, 72.

курантов — Немецкие и Голландские, но есть также Французские, Польские, Итальянские и Шведские. Содержатели почт (особенно Леонтий Марселис), как мы видели, зачастую распечатывали газеты и прочитывали их раньше передачи в Посольский приказ; это вызывало жалобы со стороны Приказа. При Виниусе таких недоразумений возникать уже не могло, потому что он распечатывал газеты не как содержатель почты, а как дьяк того самого Посольского приказа. Из писем и газет, получавшихся в Посольском приказе, делались выборки[528] и переводы и составлялись куранты для чтения царю и его приближенным. Как Виниус проявлял свою деятельность в этом направлении — мы рассказывали в его биографии. В курантах обычно помещались сведения: 1) главным образом — о военных событиях в разных европейских государствах, иногда даже с критическими замечаниями; описание вооружения войск, различных военных торжеств; 2) о придворных событиях при разных дворах, увеселениях, переписке государей между собою; 3) о действиях государственных сеймов, борьбе парламента с королем в Англии; 4) о дипломатических сношениях между правительствами, договорах, союзах; 5) о редких случаях в научной области, различных явлениях всех царств природы; 6) о положении торговли в различных государствах, приходе и отходе кораблей; 7) о церковных событиях и суевериях; 8) о народных волнениях; 9) о новых книгах, имеющих успех заграницей[529].

Содержание курантов, составлявшихся при Виниусе, уже было предметом нашего изложения. Наибольшее количество заграничных вестей Виниус получал, как мы видели, по Рижской почте; на это он указывал, когда желал объяснить, почему он так дорожит этой почтой в ущерб Виленской. На

---

[528] Вопреки мнению г. Шлосберга, переводилось далеко не все, что было в привозных газетах. См. т. II, приложения, № 66, а также стр. 384.

[529] Образцы курантов напеч. в Чт. Моск. Общ. ист. и др. Росс., за 1880 г., кн. II; в Истор. Хрест. Буслаева, М., 1861, стр. 1143; в Лет. Зап. Археогр. Комиссии 1865—6 г. вып. 4 и у Шлосберга, 83—99.

газетах того времени более, чем теперь, тяготела рука цензуры: несомненно, что наиболее интересные для Московского правительства вести — о Польских делах — лучше доходили из Риги, чем из Вильны.

Значение курантов в истории русской культуры было больше, чем это принято думать. Странно даже предполагать, что их содержание было известно только царю и его приближенным (даже и в таком случае вести проникали бы в общество); вспомним, как когда-то переводчики жаловались, что от Леонтия Марселиса посторонние люди узнают о разных вестях прежде правительства. На Виниусов было некому жаловаться, а между тем нет никакого основания предполагать, что они, прочитывая куранты раньше, чем последние переводились и сообщались правительству, не могли не делиться новостями с близкими людьми. Большое разнообразие содержания курантов давало много материала для бесед и, несомненно, много сведений проникало по крайней мере в верхние и торговые слои общества. Не на этих ли беседах учился торговый крестьянин Посошков, феномен нашего тогдашнего общества? Конечно, такие лица могли появляться только единицами, но для всего нужно начало. Знакомство с историей Архангелогородской почты даст нам также любопытные сведения о торговом классе того времени. Во всяком случае нельзя очень понижать значение курантов, сравнивая их с «Ведомостями» Петровского времени, содержание которых было нисколько не богаче. Что же касается цензурных условий, то не существуя в Москве для курантов (потому что куранты не предназначались для общества) они во всей силе существовали для «Ведомостей». У нас в обществе существует наивное мнение, что «Ведомости» в истории русской периодической печати были единственною *бесцензурною* газетою, потому что редактором их был, сам царь![530]

---

[530] См., напр., ст. «К двухсотлетию русской период. печати» в «Киевском Слове» за 1903 г. Цензурные условия для «Ведомостей» рельефно обнаружились в сообщениях о Прутском походе. Любопытнейшие сведе-

Мы остановились на вопросе о курантах потому, что газеты с самого начала своего появления в Европе пришли в тесную связь с почтовым делом, ибо только в тесной связи с почтой газета могла достигать своей главной цели — широкого распространения в обществе. От этого газеты некоторое время были монополией почтмейстеров: они возникали на важных почтовых трактах, редактировались и издавались почтмейстерами. Когда Марселисы раз прочли неблагоприятное для Московского государя известие в курантах, они, как мы видели, немедленно вступили в сношения по этому поводу — с Кенигсбергским почтмейстером. Поэтому, когда речь идет о культурном значении почты, то неминуемо приходится иметь в виду и ту тесную снизь, которая существует между этими учреждениями и периодической печатью.

VI

Личный состав почтового управления в эпоху Виниусов. — Внутренние распоряжения. — Записной столбец 1701 *года. Почтовые станции. — Несколько статистических данных из почтовых записных книг* 1700 *года. — Общие наблюдения над историей Рижской и Виленской почте при Виниусах*

Как мы видели, «немецкая» почта состояла в ведомстве Посольского приказа, под бдительным надзором самих начальников приказа. Эти последние принимают доклады («изветы», «сказки») по важнейшим делам от самих почтмейстеров (Андрея и Матвея Виниусов) и их уполномоченных (Гаврилы Петрова); производят допрос провинившимся почтарям, деятельно вмешиваются во все дела по сношениям

ния о технике издания «Ведомостей» см. в книжке В. А. Погорелова «Материалы и оригиналы Ведомостей 1702—1727 г. М. 1903». Автор сделал, между прочим, то интересное наблюдение, что «Ведомости», печатавшиеся сначала в количестве 1000—2000 экземпляров, позднее печатались иногда всего в 30 экземплярах (см. у В. А. Погорелова, стр. VII).

Виниусов с заграничными почтмейстерами. В эпоху Виниусов начальниками Посольского приказа были: боярин Артам. Серг. Матвеев (до 3 июля 1676 г.), думный дьяк Лар. Ив. Иванов (дважды, с 4 июля 1676 г. по 21 дек. 1680 г. и с 6 мая 1681 г. по 15 мая 1682, когда он был убит стрельцами), Вас. Сем. Волынский (с 21 дек. 1680 г. по 6 мая 1681 г.), кн. Вас. Вас. Голицын (с 17 мая 1682 г. по 6 сент. 1689 г.), думный дьяк Ем. Игн. Украинцов (после ссылки Голицына, до 19 апр. 1699 г.) и Фед. Алексеев. Головин (с 18 февр. 1700 г. по авг. 1706 г.)[531]. С проявлениями их деятельности нам приходилось и еще придется встречаться. Но кроме этих начальников приказа, среди второстепенных лиц его состава, подъячих, также иногда указываются лица, имевшие отношение к почтовому управлению. Таков, напр., Дмитрий Симоновский. Есть указания, что приблизительно с апреля 1677 г. по сентябрь 1689 г. ему поручались дела, касающиеся почты и вестовых писем: его скрепу часто видим на различных документах[532]. Хотя активную роль таких лиц определить по документам невозможно, но с их участием в деле нельзя не считаться.

Развитие почтового дела при Виниусах должно было вызвать увеличение штата служащих, их помощников. Из лиц, которые «прием и отпуск почты ведают», упоминаются при Виниусах: в Новгороде — переводчик Илья Гитнер, в Мигновичах — поручик (а впоследствии майор) Фаддей Крыжевский, в Смоленске — переводчик Иван Кулбацкой; в конце периода, когда обоих этих лиц уже на службе не было, в Смоленске при почтовом деле упоминается подъячий Макушко Матвеев[533], в Мигновичах — Яков Кучин, в Дорогобуже — подъячий Фед. Вас. Гандошка. Во Пскове упоминаются

---

[531] См. С. А. Белокуров, О Посольском приказе, passim.

[532] См. т. II, стр. 101, 117, 143, 144. Белокуров, стр. 52—53.

[533] В авг. 1700 г. Виниус отмечает в книге своих черновиков: «подъячему Смоленскому, чтоб прислал списки с отписей Зубовского, в которых числех на рубеже почты отданы или подлинные и держал бы у себя записку в тетратех подлинную приему и отпускам». (М. Архив М. Ин. Дел, Почт. Дела, карт. 6, л. 277).

переводчики Иван Фаншейден, Тобиас Мейснер, Ефим Фагет, но их отношение к почте установить трудно; действительным агентом Виниусов был там подьячий Никифор Агафонов. В Архангельске (со времени учреждении Архангелогородской почты. 1693 г.) «прием и отпуск почты ведал» иноземец Денис Володимеров Гоутевал (о нем будем говорить впоследствии). Но все эти помощники Виниуса играли гораздо более скромную роль, чем агенты Марселисов; очевидно, Виниус проводил энергично принцип централизации управлении. Несколько более самостоятельности обнаруживает лишь Никифор Агафонов. Мы видели, что даже сын А. А. Виниуса, Матвей, сделался его преемником скорее по титулу, чем на деле. За то чрезвычайно выросло значение ловкого помощника Андрея Андреевича в Москве — его «человека» Гаврилы Петрова. Обычно он в документах называется «думного дьяка Андрея Андреевича Виниуса человек, который почтовые отпуски и приемы в книгу записывает». Но он, как увидим, широко проявлял свою деятельность: он подписывался за Матвея Виниуса на «сказках», сам подавал «сказки» в Приказ, приводил туда провинившихся ямщиков и делал на них «извет» от себя лично, наконец вел весьма обширную корреспонденцию по всем почтовым дорогам от себя лично, и кажется, не только деловую, но и торговую по своим делам. Мы часто будем встречаться с его именем. С отъездом заграницу Матвея Виниуса, помощником почтмейстера становится Фадемрехт, исполнявший поручения Виниуса по заграничной переписке; во всяком случае он не был простым «писарем», как он иногда называется[534]; он называет себя secretarins.

Осталось упомянуть только заграничных агентов Виниуса. Такими в Риге были напр. Генрих Гинц и Петр Офкин и др.[535]

---

[534] Т. I, стр. 464, а также Моск. Архив Мин. Ин. Дел, Почтовые Дела, карт. 6, л. 86 об. Впоследствии он играл выдающуюся роль в Московском почтовом управлении.

[535] В книге чернов. писем читаем: «с сею почтою послано в Ригу 200 ефимков под печатью Матф. Поппа да дикой лошади... 40 горно-

Из истории личного состава не лишены интереса отпуски и командировки должностных лиц. Сведений о них дошло немного.

8 декабря 1677 г. Фаддей Крыжевский подал челобитную об отпуске его из Мигнович к Москве, для его дел, уверяя, что почте от этого никакой задержки не будет (нам выше приходилось говорить об упадке Виленской почты в это время). Отпуск был дан, но велено было заменить Крыжевского кем-нибудь другим, «чтоб почта не стояла». В Москве с Крыжевским случилась неприятность. Из Посольского приказа, куда он явился, он был отослан в апреле 1678 г. в Приказ княжества Смоленского, по требованию последнего, Смоленский приказ намеревался привлечь его к обычной военной службе. Крыжевский в январе 1679 г. подал челобитную о прикомандировании его снова к почтовому делу. Сделали запрос Виниусу, насколько Крыжевский пригоден для почтового дела. Андрей Виниус ответил, что ротмистр Крыжевский больше 8 лет работал по почтовому делу беспорочно; если и бывали неаккуратности в ходе почт, то в этом виноват не он, а зарубежные почтари, наши ямщики и плохое состояние дорог. Велено было приставить снова Крыжевского к почтовому делу, а шляхтича Николая Озерова, который в это время заменял Крыжевского в Мигновичах, отставить от почты[536]. Этим дело не кончилось: понадобилась вторая челобитная Крыжевского (апрель 1679 г.) и только тогда состоялась резолюция о посылке грамоты в Смоленский приказ для освобождения Крыжевского от службы (17 апр.).

стай... 4 песца всему цена 20 ефимков к Рейеру да Гинцу и Офкину в подарок мешочик чаю да бадяну да Мемельским в подарок мешочик чаю ж да бадяну» (М. А. М. И. Д., Почт. Д., карт. 6, л. 112 об.)

[536] Т. II, стр. 51.

В ноябре 1680 г. Крыжевскому удалось получить еще раз отпуск в Москву для «нужных его делишек в приказах»[537].

Денис Гоутевал возбуждал ходатайства о командировке в Москву из Архангельска неоднократно.

Никифор Агафонов был командирован в 1698 году в Ригу с грамотой от Псковского воеводы к тамошнему генерал-губернатору[538].

В марте 1699 года командировка понадобилась самому почтмейстеру «для совершеннейшего изучения латинского и немецкого языков и других наук» в город Берлин. Матвей Виниус получил заведывание Архангелогородской почтой 18 окт. 1693 г., а Виленской и Рижской — 8 июля 1695 г., но, очевидно, был еще очень молод, и числился почтмейстером только по имени; поэтому отец его, в сущности до самой отставки никогда не покидавший почтового дела, мог без особого ущерба расстаться с сыном на время. Если в феврале 1701 г., когда Матвей Виниус вернулся из командировки и замечался в почте «непорядок»[539], то во всяком случае непорядок этот не был результатом его отсутствия; о причинах расстройства Рижской почты в это время было говорено выше. А Матвей Виниус, который 8 июля 1695 г. «*за службу» отца* своего получил заведывание почтами, 17 марта 1701 г. *за вину отца* лишен быль этого заведывания: «взята оная от вас не за ино что, только что оная у вас была ни в какую пользу государству, но только вам, ибо сколь крат я говорил тебе (т. е. Андрею Виниусу) о корреспонденции в иные места, но те мои слова тщетны» (письмо Петра В. от 16 апр. 1701 г.). Архангелогородская почта была оставлена в управлении

---

537 Т. II, № 37. Дальнейших сведений о Крыжевском почти нет. Известно только, что на почтовой службе он был до 1690 года, а после того жил в Москве и надел чин майора.

538 См. выше. Там же — о его невежливом поведении в Риге по отношению к губернатору.

539 См. переписку Мих. Лопухина с его сыном в Сборн. Общ. Люб. древ. письм. по опис. Лопарева, т. II, № LXIV.

Матвея Виниуса и была в его руках еще некоторое время; но деятельность ее с апреля 1701 г. в наших документах не сохранилась.

От личного состава Рижской и Виленской почт переходим к технике самого дела. Рассмотрим факты, свидетельствующие о тех или иных переменах в нем, происшедших за время управления Виниусов.

Прежде всего следует отметить то обстоятельство, что правительство твердо держалось раз принятого порядка в пересылке казенной корреспонденции. В августе 1676 года окольничий и воевода кн. Ив. Борис Троекуров писал царю изо Пскова, что Псковский воевода Петр Шереметев отказывается давать подводы его гонцам; то же писал «товарищ» Троекурова, кн. Федор Шаховской, из Великих Лук. Из Москвы ответили, что отписки можно присылать через установленную почту, а для самых нужных дел и вестей можно требовать у Псковского воеводы денег на уплату нарочным гонцам, о нем Псковскому воеводе было сообщено. «А без самых нужных и скорых дел *нарочных* гонцов к нам. в. г-рю *не присылать,* и прогонных денег не терять[540]. Нечто похожее произошло в 1696 году. Псковский воевода Ив. Степ. Салтыков написал в отписке по одному делу, что он посылает эту отписку через уставленную почту, а затем, очевидно, передумал и послал ее в Москву с Пусторжевцем Чихачовым, ехавшим в Москву по своему делу. Неизвестно, заплатил ли воевода Чихачову или нет; но когда Чихачов представил эту отписку в Разряд, там очень были недовольны и воеводе был послан запрос по этому поводу, а Пусторжевец был задержан в Москве до выяснения дела[541].

4 июля 1683 года был поднят вопрос о дне отправления почты из Москвы. Андрей Виниус подал в Посольский приказ челобитную, в которой заявляет следующее. По

---

[540] Моск. Архив Мин. Юст., Белгор. стола Разряд. столбцы, № 820, *л.* 599—621.

[541] Там же, № 1420, *л.* 514—523.

установленному обычаю, Рижская почта отправляется из Москвы по вторникам; но вследствие медленности почтовой гоньбы, эта почта приходит на Шведскую границу, в Новгородок, так поздно, что заграничным почтарям приходится ждать ее по 2—3 дня, как свидетельствует заграничный почтовый агент Аврам Петерсон. Это запаздывание влечет за собою другое: в Москву почта приходит с запозданием на 3—4 дня. Виниус просил разрешения отправлять почту вместо вторника в понедельник. Кн. В. В. Голицын приказал: почту отпускать в понедельник, а в города, находящиеся на дороге, послать к воеводам грамоты, чтобы ямщикам было сделано напоминание о необходимости быстрой и беспрерывной (и днем и ночью) езды под угрозою жестокого наказания за опаздывание.

Поднят был вопрос относительно печатей на сумах, по следующему поводу.

14 мая 1684 года опять поднялось дело о медленности Рижской почты. Андрей Виниус заявил, что почта из Пскова приходит в Москву в 9-й день, а из Новгорода — в 7-й, т. о. запаздывает на несколько дней; Рижские почтари также запаздывают во Псков. Поэтому Виниус просил послать указ, чтобы ямщики гоняли по *часовым росписям:* кроме того, он просил еще: печатать почтовые сумы в Новгороде, в Приказной палате, чтобы печать на сумах всегда была одинаковая, чтоб из сум не пропадали дела, отписки и посольские письма, что возможно при разнообразии печатей. В Москве сумы печатались «государевою обыкновенною печатью». Некоторые подробности о печатях приведены нами в истории Архангелогородской почты. Просьба Виниуса была исполнена[542].

В следующем году состоялось постановление о заблаговременном заготовлении почты на ямах. Виниус просил, чтобы во Пскове и Новгороде всякие отписки заготовлялись

[542] П. С. З., т. II, № 1082, см. также у нас, т. II, стр. 91—93.

подъячими заранее, чтобы, не задерживая обычной почты, сразу по ее получении, могли вкладывать свою корреспонденцию в сумы. Просьба его была исполнена[543].

Был случай передачи почты для доставки постороннему лицу. Это было нарушением давнего правила, что почтарь по нужде может передать суму другому, но не иначе, как приведя новое лицо к присяге. Неоднократно самым решительным образом запрещалось ямщикам посылать «наемщиков и малых ребят». В 1693 году произошел такой случай.

Ямщик Московской Рогожской слободы Яков Яковлев был нанят ямщиками этой слободы для почтовой гоньбы от Москвы до Можайска с 1 сент. 1692 г. по 1 сент. 1693 г. 3 августа 1693 г. он принял на почтовом дворе у Андрея Виниуса почтовые письма и расписался у Гаврилы Петрова. С этими письмами он поехал в Можайск, но не доехал 65 верст (проехал село Перхушково), как у него лошадь наколола заднюю левую ногу и не могла идти далее. Пришлось оставить ее в Перхушкове. Тогда Яковлев отдал почту Смоленскому рейтару Андрею Лукьян. Гариничу, прося его доставить почту в Можайск, и за это предложил ему плату — 8 денег. Рейтар пришел в Можайск 5 августа. Приказчик Можайского яму Семен Насонов да ямщик Никита Иванов Хрях привели его к воеводе. На допросе у воеводы рейтар отвечал, что суму взял у ямщика Яковлева, а прежде никогда ни у кого писем не брал и не носил. Рейтар был арестован, а в Москву была послана отписка о случившемся. Ямщик был призван в Ямской приказ и допрошен. Он рассказал, как было дело и прибавил, что прежде никогда и никому почты не передавал. Его били кнутом нещадно; старосту и поручителей его били батогами. Рейтара велено было из-под ареста немедленно освободить[544].

В рассматриваемую эпоху также пришлось решать вопрос: всякие ли посылки можно посылать по почте? Вопрос

---

543 П. С. З., т. II, № 1082, см. также у нас, т. II, стр. 90.
544 Т. II, № 90.

был поднят по поводу беспорядков, которые грозили возникнуть между Новгородскими почтарями.

В мае 1688 года переводчик Илья Гитнер сообщил из Новгорода Виниусу, что среди местных ямщиков затевается что-то недоброе. Ямской приказчик Федор Андреев Шишкин, неизвестно чем недовольный, стал настраивать ямщиков против почты. Он советовал ямщикам бить челом государю, что им, кроме почтовых сум, приходится перевозить на почтовых подводах всякие тяжести: большие бочки с рыбою, уксусом, целые возы мерзлой рыбы. Те ямщики, которые отказывались прикладывать руки к челобитной, подвергались с его стороны преследованию: он их бил батогами, штрафовал, угрожали, бить кнутом. Далее, он требовал от почтарей, чтобы они, кроме сум, ничего не принимали и, чтобы проверить, исполняют ли ямщики его приказ, он требовал, чтобы они всегда, и ночью и днем, являлись с почтой перед отъездом к нему.

Сообщение Гитнера было Виниусом немедленно доведено до сведения Посольского приказа, причем почтмейстер счел нужным сам дать объяснения. Он уверял, что тяжелых кладей никогда почтарям возить не приходится, бывает, что зимою в санях им приходится везти пуд или два рыбы и уксусу, не больше[545]; обычная же кладь, кроме сум, состоит из лимонов, апельсинов, лекарств и ренского вина для потребностей царского двора.

Распоряжение по этому делу состоялось следующее: ямскому приказчику почтарей не ведать; легкие посылки — лимоны, апельсины и пр. возить, по-прежнему, с почтовыми сумками; лекарства же и вино, для особой аккуратности, посылать каждый раз с особыми нарочными посыльщиками,

---

[545] В книге черновиков писем Виниусов (Моск. Архив М. Ин. Д., Почтовые дела, карт. 6) есть черновик письма некоему Ивану Семеновичу (от 15 нояб. 1695 г.), в котором А. А. Виниус просит прислать ему кадочку щук и судаков, 10 вед. уксусу да небольшой бочонок сигов.

запечатав в Приказной избе Новгородскою печатью и тщательно увязав на возу (2 июня 1688 г.)[546].

Имеет отношение к этому вопросу также дело, возникшее в 1692 году. В Новгородской Приказной палате 9 марта, при разборе почты, оказалось в ней 91 соболий хвост, обернутые в бумагу и запечатанные красным сургучом. Таможенной печати на этой посылке не было. 16 марта опять — найдено было в таком же виде 10 пар соболей на лапах; приложены были к обертке печати немецкие и написан был адрес, также по-немецки, а таможенных печатей не было. Воевода велел эти посылки задержать в Приказной палате до царского указу и дал знать о них в Новгородский приказ. Велено было эти посылки вручить под расписку по подлинному свидетельству тому, кто предъявит на них Московскую таможенную выпись и сообщить потом в Посольский приказ о выдаче. Эта посылка причислена была, по-видимому, к числу «легких посылок», против пересылки которых по почте правительство ничего не имело, требуя только уплаты пошлин[547].

С большим трудом согласившись на восстановление Виленской почты, Андрей Виниус посягнул на давнее, очень важное, правило, гласившее, что почта должна отходить даже в том случае, когда писем нет. Он выговорил себе право не посылать почты в том случае, если ни казенных, ни частных писем не будет[548].

Обращено было внимание на форменную одежду почтарей. Уже в 1672 г. нужны были и заказывались для них новые кафтаны. Новый почтмейстер немедленно поднял вопрос об

---

546 Т. II, № 74.

547 Посылались ли почтою *люди?* Выражаясь яснее: были ли случаи проезда людей на *почтовых* лошадях? О том периоде, который мы изучаем, на этот счет сведений мы не нашли; но есть указ 9 марта 1703 года, в котором говорится, что «послан наскоро *чрез почту* Ямского приказу подъячий Ив. Колесов», чтобы заготовить по 100 подвод на ямах от Москвы до Новгорода для «государева шествия».

548 Т. II, стр. 100.

обновлении костюмов почтарей: 20 декабря 1675 года были заказаны новые сермяжные белые кафтаны. В 1681 году снова пришлось заказывать их: очевидно, кафтанов хватало приблизительно на 4 года. На каждый кафтан полагалось 4 1/2 арш. гамбургского сукна, за приклад и работу — 10 алт., а на все орлы — 2 арш. красного гамбургского сукна[549]. 20-го же декабря 1675 года для отправления заграницу грамот велено было изготовить 5 ящиков из белого железа[550]. Форменная одежда почтарей внушала населению почтительное отношение к ним и почтари ею очень дорожили: в 1680 году, когда у почтарей обоих почтовых дорог кафтаны износились, они били челом о даче им новых, «чтоб нигде ямщиков всякие люди, которые учнут с ними встречаться, не изобижали», без кафтанов им ездить нельзя, потому что «всякие люди на встречах их задерживают, и бьют, и называюсь пролыгальщиками»[551].

В беседе о почтах эпохи Марселисов мы высказали сожаление, что не сохранилось хорошего экземпляра записи прихода и отхода почт или так наз. «записного столбца» (иначе — подорожной). От рассматриваемой эпохи дошел до нас один хорошо сохранившийся экземпляр «записного столбца» 1701 г. Хотя на этот раз почта была лишь с казенными письмами, и представлена не на почтовый двор, а в Разряд, но весь путь ее от Пскова до Москвы представлен в целом виде и потому интересно с этим документом познакомиться. Приводим его здесь целиком:

«1701 г. генваря против 17 числа, в 8 часу ночи отпущена почта к в. г-рю к Москве в Розряд с вестовыми отписками изо Пскова от боярина и воеводы и военного кавалера Малтиского свидетельствовавшего Бориса Петр. Шереметева наскоро и

549 Т. II, № 39.

550 Памятник законов Империи Российской, часть I, Спб. 1825. Стр. XXXVI.

551 Т. II, стр. 54.

погнал изо Пскова к Загорскому яму ямщик Лашка Филипов того жь часа.

Генваря в 17 д., на первом часу дни пригнал Псковской почтарь на Загорской ям Лашка Филипов, а с собой привез письма в оберте, запечатаны красным сургучем и принял те письма Загорской почтарь Евтишка Семенов, и погнал на том же часу ко Мшаги.

Генваря против 17 числа, после полунощи пригнал Загорской почтарь на Пшаской ям Евтишка Семенов, а привез с собою почтовые письма в оберте запечатаны, привил те письма Пшаской почтарь Сенька Федоров и погнал к Новгороду того же часу.

Генваря в 18 д. в 3 часу дни пригнал в В. Новгород Пшаского яму почтарь Сенька Федоров привез письма запечатаны в оберте, и с теми письмами того часу из В. Новагорода погнал до Бронницкого яму Запольской слободы ямщик Крисашко Васильев, запечатаны в оберте письма Новгородскою почтовою печатью.

Генваря против 19 числа, во 2 часу ночи пригнал Новгородской почтарь на Бронницкой им Крисашко Васильев, привез с собою в обертке письма, запечатаны красным сургучом, в целости, принял те письма Бронницкой почтарь Коземка Самуилов и погнал на Крестецкой ям того жь часу.

Генваря в 19 день, за 2 часа дня пригнал Бронницкого яму почтарь на Крестецкой ям Коземка Самуилов, привез с собою в оберте письма за Новгородскою печатью, и те письма принял Крестецкого яму почты Сидорко Васильев и погнал того жь часу на Зимнегорской ям.

Генваря в 19 д., в 6 часу дни, Крестецкого яму почтарь Сидорко Васильев пригнал на Зимнегорской ям привез почтовые письма в обертке, запечатаны красным сургучом; на Зимнегорском яму принял те письма почтарь Мишка Степанов и погнал на Вышневолоцкой ям того ж часу.

Генваря в 20, в первом часу дни, пригнал почтарь Зимнегорского яму Мишка Остафьев (sic!) на Вышневолоцкой ям,

привез почтовые письма в оберте, запечатаны красным сургучем, принял почтарь на Вышневолоцком яму Офонка Прокофьев и погнал на Торской ям в том же часу.

Генваря против 21 числа пригнал почта от Вышневолоцкого яму вместо ямщика Офонки Прокофьева Тверской ямщик[552] Игнашка Люзнин, привез почтовые Псковские боярина и воеводы Бор. Петр. Шереметева отписки, запечатано красною почтовою печатью, в 11 часу ночи, и принял те почтовые письма Тверской ямщик Левка Паршин и погнал к Москве в том же часу.

1701 г. генваря в 28 д. привез в Разряд почту изо Пскова Тверской ямщик Левка Кузьмин сын Парфеньев (sic) и отдал в Розряде дьяку Федору Замятнину в 28 день в отдачу часов ночных»[553].

Учреждения новых почтовых станций в рассматриваемый период не последовало Подобно ходатайству Марселисов об учреждении почтового стана в с. Великом (между Можайском и Вязьмою), Виниусы также возбуждали ходатайство об учреждении перемены почты в Клину; но, по-видимому, их желания не были исполнены. Последнее ходатайство (о Клинском яме) было возбуждено 7 января 1685 г. Андрей Виниус доложил кн. В. В. Голицыну, что почтовые сообщения терпят большое неудобство от уничтожения Клинского яма. Ямщикам приходится делать расстояние от Москвы до Твери (180 верст) без перемены. Почта, отпущенная из Москвы, приходит в Тверь на 3-й или на 4-й день, и, взяв почту из Твери, ямщик насилу поспевает к новому отпуску почты из Москвы. Поэтому Виниус просил, чтобы в Клину выбрать одного из посадских людей с лошадью, дать ему прогоны и тогда почтовая гоньба значительно станет легче. В этой же челобитной Виниус просил о заблаговременном заготовле-

---

[552] Приняв их, вероятно, в Торжке («Торской ям»).

[553] Моск. Архив М. Юст., Новгор. стола Разрядные столбцы, № 250, л. 486—491. Сохранились еще 2 расписки в приеме почт Тверскими ямщиками, того же года, см. ibidem, № 250, л. 3 и 489.

нии почты во Пскове и в Новгороде (см. выше). В. В. Голицын приказала», чтобы в Клину стояли для почтовой гонбы Тверские ямщики поочередно, а для записи почт предложить Клинскому воеводе иметь особого дьячка[554]. Но выше, в записном столбце 1701 г., мы видели, что в Клине перемены почты не произошло. Зато Иверскому монастырю удалось выхлопотать себе право подачи своей корреспонденции на месте. 25 января 1692 года наместник Иверского Богородичного монастыря иером. Лаврентий с братией били челом государю о нижеследующем. Почта из Москвы в Новгород и обратно проходит мимо Иверского монастыря, через монастырскую вотчину, село Валдай. Перемена почты происходит близко, на Зимнегорском яму; но ямщики не принимают монастырских писем, вследствие чего монастырю приходится посылать свою почту с особыми посыльщиками к своим строителям и стряпчим в Москву и Новгород, что вызывает большие издержки. Наместник монастыря просит разрешить ямщикам принимать монастырскую почту в особом мешочке за монастырскою печатью и на яму, и в монастыре, и на его подворьях. Разрешение было дано[555].

Список почтовых станов по обоим дорогам представляется в следующем виде:

а) по Новгородской дороге (Рижская почта).

1) Москва —180 верст — Тверь.

2) Тверь —180 верст — Вышний-Волочок (иногда упоминается перемена почты в Торжке).

3) Вышний-Волочок — 85 верст — Хотелово.

4) Хотелово — 105 верст — Крестцы (по дороге упоминаются иногда Едрово, Валдай, Яжелбицы).

5) Крестцы — 35 верст —Заечево.

6) Заечево — 30 верст — Бронницы.

7) Бронницы — Новгород, летним путем — 30 верст, зимним путем — 20 верст.

---

[554] Т. II, № 58.

[555] Там же.

в) по Псковской дороге (Рижская почта).

1) Новгород — 50 верст —Мшага.
2) Мшага — 75 верст — Загорье.
3) Загорье — 30 верст — Псков[556].

с) по Смоленской дороге (Виленская почта).

1) Москва — 90 верст — Можайск.
2) Можайск — 90 верст — Вязьма.
3) Вязьма — 70 верст — Дорогобуж.
4) Дорогобуж — Смоленск.
5) Смоленск — Мигновичи[557].

Разрозненные и дефектные записи Рижской и Виленской почт за 1699—1701 гг. дают нам все-таки не безынтересные сведения также о внутреннем почтовом обращении.

Хождение почты, в общем, несмотря на все старания Виниусов, неаккуратное, было приблизительно еженедельное[558].

Что по этой почте отсылалось за границу и получалось оттуда, было предметом нашей беседы раньше. Теперь укажем, какие внутренние города упоминаются в записях, как места отсылки и присылки корреспонденции. При этом надо иметь в виду, что при перечислении частных писем редко

---

[556] Цифровые данные заимствованы нами из Почт. Дел Моск. Архива М. Ин. Дел, карт. 11. С показаниями ямщиков они часто не сходятся.

[557] См. т. II, в раз. местах; относительно расстояния Дорогобуж — Смоленск сказано, что сколько между ними верст — «того в поверстной книге не значится». Интересно, что на расстоянии Москва — Смоленск было около 533 мостов. (Кр. очерк развития вод. и сух. сообщений, стр. 86).

[558] Н. И. Соколов, того времени вся заграничная корреспонденция направлялась через Польшу, вследствие злоупотреблений известного Грена (С.-Петербургская почта при Петре В., стр. 9). Но из почтовых записных книг видно, что из Риги почта пришла, напр., 27 июля 1700 г., а в Ригу отослана — 10 августа. Что же касается дальнейшего функционирования этой почты, то, разумеется, не какой-нибудь Грен, а начавшаяся война со Швецией повели к перерыву заграничных сношений по этому пути. Заявление г. Соколова правильно только по отношению к Кенигсбергской почте.

называется город; приходится довольствоваться такими указаниями при записях казенных писем. Эти записи дают нам следующее.

Наибольшее количество корреспонденции за вышеуказанное время приходится, как и следовало ожидать, на Новгород и Псков. Далее идут: Торжок, Тверь, Старица. Старая-Руса, Олонен, Клин, Ржева-Пустая и Дмитров, село Валдай и волости Осеченская и Сомерская.

Из правительственных учреждений по числу отосланных и полученных пакетов первое место занимает Новгородский приказ, далее идут — Преображенское, Разряд, Посольский приказ, Дворец, Ратуша, Адмиралтейский приказ, Малороссийский приказ, Большая Казна, Приказ Каменных дел, Конюшенный приказ, Печатный приказ, Оружейная палата, Приказ провиантских дел, Житный двор, Иноземский приказ, Казанский приказ, Стрелецкий приказ, Корабельная палата и Семеновское; кроме того грамота из Преображенского Новгородскому митрополиту и от патриарха — Псковскому владыке.

Почти за целый 1700 год сохранились, хотя разбитые, разрозненные и попорченные во многих местах записи Виленской почты. Но об отсылке внутренней корреспонденции здесь весьма мало сведений, да и те в самом начале (январь — март). Упоминается 9 пакетов Преображенского приказа, 5 — Посольского и 1 — Поместного, из городов упоминаются — Смоленск (15 пакетов), Можайск, Вязьма и Торжок — по 1. По этой почте много интересных сведений о заграничной корреспонденции; о ней приходилось говорить выше Всех приемов было 44 (может быть есть дефект?), отпусков из Москвы —49. Отпуски нумерованы аккуратно; среди приемов не хватает № 40 и нет, по-видимому, окончания Почты из Вильны не занумерованы. О внешнем виде почтовых записных книг поговорим в главе об Архангелогородской почте, где эти книги сохранились очень хорошо и за целые 3 года.

Сделаем теперь некоторые общие выводы, к которым приводит нас изучение истории Рижской и Виленской почт в эпоху Виниусов.

Правительство Московское было весьма заинтересовано существованием и правильным развитием этих почты. Все более и более развивающиеся дипломатические сношения требовали частых и аккуратных посылок грамот, писем и т. п. Поэтому всякий ущерб, который эти сношения претерпевают, правительство всеми мерами старается устранить: противится закрытию явно невыгодной для предпринимателя почты, преследует всех лиц, мешающих правильности сношений, не задумывается по всякому, более или менее серьезному поводу, вступать в пререкания даже с правительствами соседних стран. Этою чуткостью правительства предприниматели пользуются и втягивают его иногда в свои личные дрязги.

Предприниматели ведут дело коммерческим способом. Они мало заботятся о расширении сношений, об усовершенствовании приемов заграничной пересылки, даже об интересах своих клиентов. Наводя с почтмейстерами других стран ссоры, они причиняют вред клиентам, не замечая, что этим губят свое предприятие. Их «протори и убытки» — их, больное место. Они не прочь вовсе прервать сношения по тому пути, где получается убыток от недостаточности почтовой пересылки, а вовсе не стараются создавать такие условия, при которых ничтожная переписка превратилась бы в оживленную. Улучшение дела, требующее расходов, их пугает. При таких условиях дело, конечно, не могло совершенствоваться.

Клиенты почты очень в ней нуждались. Даже и для этой эпохи нельзя считать безосновательным мнение Посошкова, что почта это — дыра в Европу, сквозь которую иностранцы ясно видят наши дела и получают возможность пользоваться всяким удобным случаем для того, чтобы получать выгоды от торговли. Но вместе с тем несовершенство почтовых сношений, отсутствие надлежащих гарантий тайны почтовой пере-

писки, корыстолюбие предпринимателей — все это очень отпугивало клиентов. Они вмешиваются в распри почтмейстеров и в свою очередь обращаются к правительству, потому что всякие осложнения в почтовом деле причиняют им большие убытки, замедляя или прерывая их сношения.

Мы видели во введении, как европейские предприниматели, вроде Турна и Таксиса, дискредитировали себя в глазах общества и в конце концов правительства решились подчинить почтовое дело своему контролю. То же предстояло теперь в России. По словам Адама Смита, почта — единственное коммерческое предприятие, которое при всяком образе правления может с успехом управляться правительством. 36 лет опыта частной эксплуатации почты в России дали в этом отношении совершенно определенные результаты. Предприятие не могло с успехом служить делу культуры и государственности, ибо коммерческие основания его давали ход эксплуатации и правительства, и общества. С 1701 г. дело изменилось, хотя и не с той резкостью, с какой следовало.

Но не будем до конца беспощадными в своей критике почтового дела в руках Виниусов. Не забудем, что они (особенно Андрей Андреевич) были люди не заурядные, а толковые и энергичные. Организовать почтовое дело в России было необыкновенно трудно, доказательств чего мы видели достаточно; и все-таки А. А. Виниус, несмотря на массу дел, которые лежали на нем, не имел соперников в почтовом деле; Марселисы без всякой борьбы отказались от этого хлопотливого дела, других охотников ни разу не появлялось за все 25 лет. Открывая коммерческую Архангелогородскую почту, правительство не смогло обойтись без Виниусов. Вот этот-то недостаток практических дельцов, без которых такое дело, как почта, да еще в такой стране, как Россия, должно было погибнуть вот это и заставляет нас высоко ценить заслугу Виниуса. Когда мы будем говорить о правительственных почтах, возникших в эту эпоху, то мы увидим, что все они

устраиваются по образцу почты Виниусов (иногда об этом *прямо* заявляется в указах). Стало быть, А. А. Виниусу мы обязаны, по крайней мере, тем, что он сохранил в целости начатое великое культурное дело. Взгляд на историю Архангелогородской и Сибирской почт, в истории которых этот делец сыграл также видную роль, еще более убедит нас в том, что начатое дело укрепилось, пустило корни в народной жизни и обладало уже задатками прочности существования. Этим почтовое дело обязано, повторяем. А. А. Виниусу.

VII

Ямские учреждения в эпоху Виниусов. — Запаздывания почтарей. — Состояние почтовых дорог. — Другие препятствия почтовой гоньбе. — Случаи потери сум ямщиками. — Беспорядки на ямах. — Уплата прогонов за почтовую гоньбу

Виниусам, так же, как и их предшественникам, приходилось испытывать много неприятностей, связанных с несовершенством ямских учреждений, услугами которых почтмейстерам приходилось пользоваться. Наиболее часто попадающиеся «дела» в эту эпоху — дела об опаздывании ямщиков. Неаккуратное хождение почты, как мы видели, было главной причиной отставки Марселисов; но эта же неаккуратность была самым обыкновенным явлением и в рассматриваемую нами эпоху.

Жалобы почтмейстера на неаккуратность ямщиков начинаются по документам с 29 ноября 1677 года. Виниус жаловался, что почта из Москвы в Мигновичи поспевает лишь на 8—9 день, а прежде поспевала на 5—6-й. Ямскому приказу поручено было по этому поводу учинить розыск и наказать небрежных ямщиков.

Далее, по порядку, идет жалоба в апреле 1688 г. 4 июля 1688 г. опять идет речь о неаккуратности ямщиков, при чем о ней говорится, как о постоянном явлении: «Свейская почта *всегда* Русскую почту ожидает, временем два и три дни» пи-

шет один из заграничных почтмейстеров. 8 декабря того же года Андрей Виниус снова выступил с жалобой на медленность Рижской почты, но на этот раз он прямо обвиняет ямщиков Московских, Тверских, Новгородских и Псковских. Они гоняют, по его словам, медленно и не старательно, иногда, вероятно, ходят пешком, на ямах медлит; иногда ездят не сами, а посылают своих работников на плохих лошадях. Результатом этого является запаздывание почты, по-прежнему, на 2—8 дня. Виниус просил наказать виновных и послать указ с расписанием, по скольку верст в час следует гонять. Ямщиков, виновных в медленности, велено было нещадно бить батогами и повторить им еще раз все прежние предписания. Новгородскому воеводе предписано было напомнить почтарям, что они должны ездить быстро, днем и ночью, на хороших лошадях, зимою и летом по 7 верст в час, а осенью, и в начале весны, когда бывает ненастье и грязь — по 5 верст.

14 мая 1684 года снова поднялось дело о медленности Рижской почты. Андрей Виниус в Посольском приказе заявил: Рижская почта опять стала ходить медленно — из Пскова в Москву приходит на 9-й день, а из Новгорода — на 7-й день, т. е. опаздывает на 3—4 дня. Почтари, очевидно, не гоняют по 7 и по 5 верст, или же не гоняют по ночам. Зарубежные почтари также запаздывают. Виниус просил наказать тех ямщиков, которые по часовым росписям окажутся виновными в медленности; послать пристава для ревизии гоньбы до Новгорода, Пскова и до рубежа; к Рижскому губернатору послать грамоту. Просьбы почтмейстера были исполнены; к губернатору поручено написать Псковскому воеводе. Во время разыскивания виновных в медленности гоньбы, в Твери произошел инцидент, о котором расскажем в другом месте.

Следующее упоминание о неаккуратности ямщиков относится к 7 января 1685 года. 11 июня 1688 г. получено было известие о неаккуратности ямщиков от Псковского воеводы Петра Головина. «Всегда, писал он в Посольский приказ, Московская почта приходит в пятницу или субботу,

а заграничная — в воскресенье; а 8 и 9 июня Московская почта не явилась; не пришла она даже 11-го, в понедельник. Пришлось 10-го заграничную почту послать в Москву, не дожидаясь прихода Московской. 20 декабря того же года Андрей Виниус снова жаловался Посольскому приказу, что почтари по Рижской дороге не ездят по 6—7 верст в час, как им приказано, и потому почта запаздывает к размену с заграничной и лежит на границе целую неделю. Равным образом и в Москву, добавляет он, прежде почта приходила в субботу в полдень, а теперь приходит в воскресенье вечером.

Ямщикам еще раз были сделаны напоминания с угрозой наказания.

Наконец и сама Москва провинилась по вопросу об аккуратности почтового оборота. Знакомый нам, Илья Гитнер заявил в Новгородской Приказной палате, что Московские почтовые сумы, долженствовавшие прибыть в Новгород 14 августа 1689 года, не прибыли даже 16-го. Новгородский воевода, бояр. кн. Петр Прозоровский написал об этом в Москву и получил ответ, что почта на этот раз была задержана в Москве по указу в. г-рей. Это произошло в роковые дни для правительства царевны Софии.

В мае 1691 года, в виду повторявшихся случаев неаккуратности ямщиков, еще раз сделано было им внушение «под жестоким страхом» ездить не медленно, возить почту лично, почтами среди дороги не меняться; приказным избам велено было при отсылке писем писать на обертке число, месяца и час отпуска почты, а равно и ямщика, с которым отправляется или получается почта.

Но, как бы ни было велико число дел о «мешкоте» почтовой гоньбы, и как бы ни осуждали мы ямщиков за «нерадение» в унисон с тогдашними властями, мы все-таки должны еще раз припомнить и те неблагоприятные условия, с которыми им приходилось бороться. Очень грустно видеть, что, бесконечно возбуждая дела о неаккуратности ямщиков, вла-

сти очень редко вступали в борьбу с вышеупомянутыми условиями. Случаи такого рода мы сейчас и рассмотрим.

24 апреля 1688 года Андрей Виниус подал челобитную следующего содержания. Ямщики, которые гоняют с Рижскою почтою, сильно запаздывают в пути, иногда на 3 и на 4 дня и больше. Причиной их медленности они выставляют плохое состояние дорог по Новгородскому пути. Мосты, проведенные на грязных и топких местах — попортились, а в иных местах совсем исчезли, их лошади тонут, ломают ноги[559]. Иногда им приходится, бросив лошадь, идти пешком с почтовыми сумами[560]. Почтовые сумы иногда также подвергаются порче — подмачиваются в дороге. Иные ямщики, боясь наказания, не принимают у других подмоченных сум; приходится последним возвращаться домой с сумами. Все это заставило Виниуса просить царского указу о починке и сооружении мостов. К челобитной его была приложена челобитная Тверских ямщиков, которая, излагая в общем дело так, как оно изложено в челобитной Виниуса, указывает определенно реки, на которых нет мостов: Мошница, Истра, Ямога, Иногаща, Лодужа, Лоника и кроме того много малых речек, топей, болот, выбоин и грязей.

Были сделаны соответствующие распоряжения и разосланы грамоты воеводам (2 мая) о приведении дорог в порядок. В числе прочих господ, получивших соответствующего рода распоряжения, получил их и Торжковский воевода М. Т. Челищев. Сгоняя на мостовые работы людей из своего уезда, он особенно налег в своих требованиях на крестьян села Федуева, вотчины князей Долгоруких. Они били

---

[559] На больших реках находились обыкновенно плавучие мосты, неустойчивые и легко погружавшиеся в воду.

[560] Такие пешеходные путешествия приходилось делать иногда на несколько десятков верст часто через грязи, болота, лесные дороги, загроможденные упавшими деревьями, страдая от туч комаров и мошек, дрожа при мысли о лесных зверях и разбойниках (срв. «Кр. очерк развития вод. и сух. сообщений», Спб., 1900, стр. 86).

челом государю, что роспись повинностей была составлена неким Рафаиловым неправильно, крестьяне терпят насилие воеводы и нужду, разоряются. Послан был указ Челищеву — не высылать Федуевских крестьян на работу и не посылать в это село своих посыльщиков[561].

Вышли осложнения с починкою дорог также в Клинском уезде. На р. Мошнице, как оказалось, сошлись 2 уезда: Клинский и Дмитровский. Следовало строить мост жителям двух уездов. Так как по времн. рассылки грамот 2 мая Дмитровскому воеводе грамоты послано не было, то он не захотел участвовать в постройке моста на Мошнице, несмотря на убеждения Клинского воеводы, Дм. Ярцова. Пришлось жаловаться государям. Дмитровскому воеводе был послан указ соответствующего содержания.

Тоже самое повторилось в 1687 году. В июле этого года также были разосланы указы в Новгород (бояр. П. Вас. Шереметеву), Клин, Тверь, Торжок: нелепо для почтовой гоньбы на грязях и на топких местах, где проезд был с нуждою, построить мосты городскими и уездными людьми. 8 августа и 11 сентября Клинский воевода Елисей Зорин доносил государям, что в Клинском уезде, от р. Мошницы, по рекам и по грязям старые мосты починены, а иные и вновь намощены, но не везде: в некоторых местах старые мосты не укреплены, потому что уездные сошные люди в Клин для мостового дела до 7 авг. не явились, а служилых людей для посылки за ослушниками в Клину нет. Что же касается р. Мошницы, то с нею возникло то же недоразумение, что и прежде. Клинские люди не захотели одни строить на ней мост. Клинский воевода писал об этом и в Посольский, и в Ямской приказ и ответа ни откуда не получил; писал он и Дмитровскому воеводе, но тот ответил, что без государского указа он мостить мост не смеет. Между тем переезд через Мошницу был крайне необходим, по причине болот и больших грязей, через нее нельзя

[561] Т. II, № 45.

переправиться ни вброд, ни на плоту. Распоряжение, какое нужно, было сделано, но неизвестно, как оно было исполнено[562].

И этим дело не кончилось. Клинский уезд также заленился. 23 марта 1696 года воевода Юрий Дашкин прислал государю отписку с сообщением, что по большой Новгородской дороге, где ездят с почтой, мосты на реках, речках и грязях ветхи, а некоторые и совсем обрушились. Воевода просил дать указ по этому поводу, потому что без указа местные жители не хотят строить мостов. Ему ничего не отвечали; через 2 недели он возобновил свою просьбу: дан ли на этот раз был ответ — неизвестно.

Три года спустя посол Гвариент, среди своих жалоб на неаккуратность и на недобросовестность Московских почт, помещает также жалобу на плохое состояние дорог[563].

Не одна природа, но и некультурность общества, грубость и эгоизм участников дела ставили иногда крупные затруднения его развитию. Приведем примеры.

15 марта 1678 года Загорские ямщики жаловались, что когда они приезжают во Псков с сумами, то Псковские ямщики иногда по 3 дня их задерживают, чтобы обратную почту не везти самим, а отправить с ними[564]. Между тем, по словам Загорских ямщиков, Псковичи люди зажиточные, в устрое их 40 вытей, а Загоричей — только 14. Велено было Псковичам не задерживать Загорских ямщиков, а самим отвозить сумы в Загорье.

---

[562] М. Архив Мин. Юст., Новг. стола Разр. столбцы, № 211, л. 407—409 и 435—437.

[563] Guarient an Herrn von Dolberg, 29 Apr. 1699: «Muss gestehen, dass olmerachtet dess vorgekehrten unpractiquablen Weges, anlauffenten Wassers und anderer mit Eingehentem frühling bevorstelienten difficultäten, sehr besorget, ess mögten vielleicht durch Tzs, ordre, alic Einlauffente schreiben nach Veronisch gesendet, und nach gutbefindung aussgeliefert oder zurüekbehaltcn werden (Dukmeyer, I, 101).

[564] В этой челобитной ямщики заявляют, что от Загорья до Мшаги — 90, а до Пскова — 35 верст.

23 июля 1679 г. Андрей Виниус заявил Приказу о том, что Фаддей Крыжевский жалуется на задержку почтарей в Смоленске. Дело в том, что почтари с заграничной почтой часто прибывают в Смоленск ночью и их в город долго не пускают, а бывает так, что писем у них, адресованных в Смоленск, совсем нет, и таким образом время у них пропадает даром. Виниус спрашивал, стоит ли заезжать почтарям в Смоленск, если у них не будет туда писем? Рассудили, очевидно, что почтари все-таки должны заезжать в Смоленск, потому что резолюция была: «послать память в Приказ княжества Смоленского, не велеть Виленской почты в Смоленске задерживать»[565]. Заезд в Смоленск, разумеется, был необходим, хотя бы для того, чтобы забрать оттуда письма, адресованные в Москву; но письма эти были почти исключительно казенные и Виниус не интересовался ими, потому и задавал не делающий ему чести вопрос.

На речных переправах также часто задерживали почтарей, как напр., на Волге в Твери (заявление Виниуса 14 мая 1684 г.) и в других местах.

Еще хуже было с «воровскими людьми», уже начинавшими находить вкус в нападениях на почтарей. В июне 1684 года в Клинском уезде, в Селивинском лесу, на Тверского ямщика Алексея Вахурова напали разбойники, отняли у него сумы, сорвали печати, обрезали ремни, но убедившись, очевидно, что денег в сумах нет, сумы бросили на дороге, лошадь увели, а ямщика связали по рукам и ногам и оттащили в сторону. Там он пролежал с полдня до полуночи. С ним было несколько других связанных проезжих людей, которые, по уходе разбойников, развязались и почтаря развязали. Подобрав сумы, ямщик поплелся пешком в Клин и явился к воеводе Якову Алфимову 24 июня, за 2 часа до свету. Воевода, сняв с него показания, осмотрел сумы с письмами. Письма оказались перевязанными шнурками (мутоузами) и запечаты сур-

565 Т. II, № 38.

гучом, оттиски и советные грамотки оказались в целости. Тогда воевода послал городских и уездных людей в погоню за разбойниками и дал знать обо всем в Москву. Дело было направлено в Приказ Сыскных дел; дали знать об этом также в Ямской приказ[566].

Весьма часто все-таки бывало, что почтари, лучшие из ямщиков, как предполагалось — далеко не стояли на высоте своего призвания. В изданных нами документах есть 4 очень интересных в бытовом отношении дела: почтарей Кузьмина, Елизарьевского и двух Ивановых.

18 декабря 1686 года Тверской ямщик Пронка Кузьмин принял ночью у Вышневолоцкого ямщика почтовые сумы с ящиком и в тот же час поехал к Москве на своих, санях со своей лошадью. Когда он отъехал от Твери 12 верст, лошадь его чего-то испугалась, вышибла ямщика из саней и побежала назад в Тверь вместе с санями. Пронка побежал за нею, но догнать, конечно, не мог. Не доходя 5 верст до Твери, Пронка встретил своего зятя, Якова Вахурова, на тех же санях и лошади, ехавшего ему навстречу. Ящик в санях оказался, по сум не было. Оказалось, что лошадь Пронки ночью того же дня (три часа спустя после его отъезда) прибежала к его двору. Жена Пронки, Ирина Родионова, и дочь Наталья, не видя хозяина, и думая, что с ним случилось несчастье, подняли вопль. Наталья прибежала с плачем к Якову Вахурову и сказала, что лошадь отца пришла домой, а отца нет и почтовых сум также нет. Яков пошел к Пронкину двору; там уже собралось много ямщиков. Ямщики немедленно послали Якова Вахурова на Пронкиных санях по той же дороге разыскивать Пронку. По словам Вахурова, он встретил Пронку в 5 верстах от Твери *не пешим,* а на наемной лошади (это разногласие даже после очной ставки осталось не разъясненным). Пронка, приняв у Вахурова лошадь и сани с ящиком, поехал с ним вместе по направленно к Москве разыскивать почтовые сумы. По дороге

[566] Т. II, № 67.

они спрашивали о сумах у всех встречных и искали на пути. Найти сум им не удалось, и они явились поутру 22 декабря в Москву, в Посольский приказ, к Виниусу, с одним ящиком. В ящике оказалась «персонка», которую прислал для образца живописец из города Ниеншанца.

Виниус доложил о происшедшем кн. В. В. Голицыну. Было приказано послать пристава, сына боярского Кузьму Данилова, в Тверь. По дороге пристав должен был по обеим сторонам по всем деревням расспрашивать, не поднял ли кто потерянных сум; кто поднял — пусть отдаст приставу, не опасаясь для себя никаких последствий. На дороге пристав также должен был тщательно осматривать все места, не упали ли где сумы или, может быть, будучи подняты, отброшенные, лежат где-нибудь в стороне. Ямщикам через воевод велено было объявить, чтобы с вестовыми письмами посылали людей добрых, а не пьяниц и сказать, что за потерю сум будет назначено наказание без пощады. В случае, если сумы будут найдены, пристав должен привезти их к Москве и представить в Посольский приказ; если сумы не будут найдены, то Тверской воевода должен бить батогами Пронку Кузьмина при всех ямщиках.

Тверскому воеводе, кн. Лавр. Савин. Горчакову, была послана грамота с изложением дела. Воеводе было предписано допросить Якова Вахурова, как он взял сани и ящик, почему узнал, что лошадь и сани вернулись к Пронкину двору, при ком он их осматривал, кто ему велел ехать навстречу Пронке, объявлял ли он соседям и старостам, что сани приехали, а сум не оказалось, заводил ли он сани и лошадь к себе на двор; допросить также других свидетелей дела и, если возникнет разногласие, дать очные ставки и весь розыск прислать в Москву, также как и Пронку, и его зятя, на их подводах, старостам и ямщикам сказать указ (как поручено было приставу, см. выше), если будут найдены сумы, — прислать их в Москву, в Посольский приказ, а ямщика Пронку (во всяком случае); бить батогами нещадно.

Согласно полученному предписанию, кн. Горчаков произвел розыск, все прикосновенные к делу лица были допрошены, за разыскиванием сум были посланы Тверские стрельцы Олисов и Антонов и 3 ямщика — Пронка и Левка Кузьмины и Степка Дружинин. 29 декабря посланные вернулись и подали воеводе «доезд» о своей командировке и принесли 2 письма Новгородских дворян и 4 листа немецких, а равно и куранты. Все это найдено было ими в 10 верстах от Твери, без сум, на левой стороне дороги, против деревни Высокой помещиков Боборыкиных. Кузьма Данилов заявил, что эти письма и листы — почтовые: тогда воевода отдал ему их под расписку и отправил в Москву вместе с Даниловым свое производство по делу и ямщиков Кузьмина и Вахурова.

Небезынтересно коллективное показание ямщиков Тверского яму и их старосты, Исачки Фомина. Они уверяли, что Пронка поехал не пьяным, при них, и многие люди, по их словам, видели, что он не пьян. Когда его сани прибыли домой, то староста и ямщики осматривали их: почтовых сум не было; не было также на лошади узды, седелки и возжей; съестных припасов также не было. Они подтверждали также, неизвестно на каком основании, что Вахуров встретил Пронку ехавшим на наемной лошади.

Все эти данные были вряд ли в пользу Пронки Кузьмина.

По наведенным по Рижской почте справкам оказалось, что 14 декабря из Новгорода были отпущены сумы с зарубежскими, Псковскими и Новгородскими письмами, между которыми были воеводские отписки и дела. Содержание этой корреспонденции установить трудно. Было также денег 6 рублей, посланных некоему Псковитину Андрею Ногину (бывшему, очевидно, по делам в Москве).

7 января 1687 года Виниус подал заявление, что, по всем признакам, сумы были выхвачены из саней возле Пронкина двора, а потом, чтобы отвести подозрение от Тверских ямщиков, несколько листов были подброшены в удаленной деревне. Виниус просил объявить, что в случае пропажи сум,

кроме наказания, с ямщиков будет взыскиваться пеня и все те деньги, которые, по показанию корреспондентов, окажутся пропавшими, наказание должно быть жестокое, потому что с сумами могут пропасть государевы грамоты, воеводские отписки и ценные документы, из которых другие люди могут извлечь пользу.

Резолюция по всему этому делу была следующая: «на ямщиках пропавшие деньги доправить, ямщиков освободить, равно как и задержанных крестьян деревни Высокой (крестьяне сидели в Твери в тюрьме); объявить, что при повторении подобных случаев ямщики будут подвергнуты жестокому наказанию и ссылке»[567].

14 июня 1691 года, в 3 часу дня, Андрей Виниус послал ямщика Тимофея Елизарьевского по Смоленской дороге до Можайска с почтовыми сумами, в которых были важные письма (напр., грамота Смоленскому воеводе, письма Польского резидента). На другой день, в первом часу, ямщик этот вернулся в Москву и явившись во двор к Андрею Виниусу, заявил ему, что с ним произошло несчастие. Отъехав от Москвы 12 верст, в Малюновских горах, не доехав до вотчины окольничего Андр. Артам. Матвеева, села Одинцова, версты за 2, он остановился в поле, хотел покормить лошадь и сам отдохнуть (куда спешить!). Слезши с лошади, он заткнул повод за пояс, а сам ... лег спать, привязав в тороках у лошади почтовые сумы и свой форменный кафтан. Проснувшись, он увидел, что лошадь отвязалась и ходит неподалеку, а сум и кафтана в тороках нет. Все его поиски ни к чему не привели. Приехав в село Одинцово, он рассказал о случившемся священнику, старосте и крестьянам, и просил, в случае, если кто сумы найдет, чтобы представил в Москву, в Посольский приказ.

Ямщика этого Виниус отправил со своим человеком Гаврилой Петровым в Приказ. В тот же день из Стрелецкого приказу подъячий Петр Исаков принес найденные сумы с

[567] Дело Кузьмина, очень попорченное временем, восстанавливается, благодаря частым повторениям одних и тех же показаний. См. т. II, № 71.

письмами. Письма были пересмотрены, составлен им список и переданы Виниусу для вторичной отправки по назначению. Ямщику Елизарьевскому, за его пьянство и неаккуратность, велено учинить наказанье — бить батогами нещадно[568].

29 августа 1691 года был отпущен из Пскова в Печорский посад с почтовыми сумами Псковской выборной ямщик Трофим Иванов. 30 августа у него в Печорском посаде должен был произойти размен сум с зарубежной почтой. Но Иванов к размену не явился и пропал без вести. Псковский воевода, окольн. Мих. Вас. Собакин, узнав о его исчезновении, послал подъячего Приказной палаты Михаила Колиашникова, со стрельцами и местными жителями, разыскивать почтаря, а для приему заграничной почты пришлось особо послать другого подъячего. 31-го августа подъячий привез зарубежную почту, взяв ее на постоялом дворе в Печорском посаде. В тот же день явился во Псков и Трофим Иванов, и на допросе сказал, что дорогой, в лесу, среди болота, от Пскова в 3 верстах, он потерял и сумы и не мог их найти. Посланы были Псковские ямщики на то место, и им удалось найти сумы у дороги, в гречи. Сумы оказались в целости и за печатями. Воевода распорядился послать их в Ригу с подъячим Приказной палаты Саввою Меньшим Емчужниковым, а Трофим Иванов до указу был посажен под караул. Из Москвы последовало распоряжение: «велеть тому ямщику, за то, что он те сумы, знатно — пьян, обронил, при иных ямщиках, его братьи, бить батоги нещадно, чтоб иным ямщикам неповадно было пьяными сум терять»[569].

Но, бесспорно, интереснейшим из фактов этого рода, является случай потери сум на той же дороге ямщиком Силкою Ивановым, в начале 1700 года. Об этом случае мы упоминали выше; теперь остановимся на нем подробно.

---

[568] Т. II, № 80. Дело это рассказано и у г. Хрущова, но автор этот, по небрежности, приделал к нему конец из другого дела — ямщика Трофима Иванова, о котором сейчас будет речь.

[569] Т. II, № 81.

5 янв. 1700 г., в 1-м часу ночи, подъячий Никифор Агафонов, ведавший почту во Пскове, отпустил Московские почтовые сумы с письмами за рубеж с Псковским почтарем Кузьмою Ивановым. Последний сам не повез писем к рубежу, а послал ямщика Силку Иванова. Этот последний, утром 6 числа, приехал в Печорский посад и, прежде чем явиться на постоялый двор, где происходил обыкновенно размен писем, поехал за Шведский рубеж в Колодовец, где у «чухна» в кабаке купил 4 стопы вина. Потом он вернулся в Печорский посад, где на постоялом дворе разменялся сумами со Шведским почтарем Яковом Вилимовым, ок. 4—5 ч. дня. Затем с Сижскими почтовыми сумами он поехал во Псков. Дорогой он пил вино. На Устинском погосте, на кружечном дворе, в кабацкой избе он остановился и еще сильно выпил; его «розняло». Дальше поехал он за час до отдачи дневных часов, но дорогой заснул. На закате солнца, в 3—4 верстах от Устинского погоста, его увидели дворцовый крестьянин с. Горки Степан Фадеев с другими крестьянами, ехавшие из Пскова в Горки. Лошади почтаря шли шагом «самым тихим». Силка спал в санях. Фадеев подошел к саням, будил почтаря, тряс его за ноги, говорил: «встань, православной!» но не добудился и по совету других, оставил его в покое. Это видели также бывшие вблизи крестьяне с. Кусвы, Осин Петров с братом, которые ловили в это время рыбу на р. Великой. Полчаса спустя, по их словам, почтаря уже не стало видно. Через 2 часа после этого, Осип Петров поехал с братом домой, в с. Кусву и проехав версты, увидали вдали, что лошади почтаря стоят, а какой-то неизвестный человек будит Силку: «товарищ, вставай!» Почтарь спал беспробудно. Тогда неизвестный отрезал пристяжь, выбросил Иванова из саней, а на коренной лошади, в санях, уехал по направлению к Псковскому озеру, мимо с. Кусвы. Осип Петров с братом тем временем подошли, посмотрели на лежащего пьяного почтаря, на шапку, лежавшую на сажень от него, и, «убоявшись» пошли своей дорогой. Здесь, игравшие на берегу р. Кусовки, ребята сказы-

вали им, что видели незнакомого человека, проехавшего мимо них к Псковскому озеру. Этой же ночью к крестьянину архиерейского с. Кусвы, Титу Трофимову, постучались в окно его соседи и спросили его, почему он не уберет лошадь, которая ходит у него на гумне с хомутом? Тит ответил, что эта лошадь не его, и отправился вместе с ними посмотреть ее. Темно-гнедая лошадь оказалась совсем незнакомой. Тогда Трофимов вспомнил о том, что он слышал от Осипа Петрова, и пошел к митрополичьему сыну боярскому, Трофиму Леонтьеву, чтобы доложить ему об этом. Трофим Леонтьева потребовал к себе Осипа Петрова, допросил его, а затем, собрав несколько человек, поехал на то место, где должен был лежать пьяный почтарь. Силка лежал на том же месте. Увидав, что он жив, а только сильно пьян. Леонтьев приказал взять его на сани и привез его к себе. Когда Иванов проспался, Леонтьев допросил его о сумах. Тот, разумеется, не мог ничего ответить. Тогда Леонтьев взял его с собой и поехал до Устинского погоста, расспрашивая у всех встречных про сумы. Целовальник Устинского погоста, Аврам Иванов, рассказал Трофиму Леонтьеву о заезде Силки к нему и о его пьянстве. Силка беззаботно говорил Леонтьеву, «хоть та лошадь с сумами и ушла, но будет дома!»[570].

Пришлось Силке Иванову явиться к Никифору Агафонову без сум. Тот уже беспокоился, что почтаря долго нет и в 4-м часу ночи против 7-го января докладывал об этом в Приказной палате воеводе Кир. Ал-еев. Нарышкину. Немедленно по явке почтаря (за 2 ч. до света) Агафонов и его самого представил воеводе. Силка сочинил целую историю: будто в 3 ч. ночи возле села Кусвы напало на него 10 чел. разбойников с рогатинами, отрезали пристяжную лошадь, его выбросили из саней и увезли сумы на тех самых санях куда-то ко Псковскому озеру. Он же, будто, на пристяжной лошади, поехал в архиерейское село Кусву к приказчику Трофиму Леонтьеву и

[570] Силка Иванов отказывался от этих слов даже на пытке.

потом вместе с ним гонялся за ворами до Устинского погоста, но никого не настиг. На вопрос, почему он не взял с собой, когда ехал из Пскова, проводника. Силка отвечал, что не взял для того, чтоб ему «ехать было легче».

К. А. Нарышкин послал капитана Лаврентия Кленикова со стрельцами в Псковский уезд, около Печорской дороги, для розыска сум; Силку Иванова посадил под стражу, а в Москву написал о случившемся того же 7 января.

9 января явился к воеводе Трофим Леонтьев. Он привел темно-гнедую лошадь и рассказал о том, как он разыскал пьяного Силку, но прибавил, что о нападении разбойников Силка ему ничего не говорил, когда они ездили искать сумы. Воевода послал еще для розыска сум капитана Михаила Кленикова и поручил последнему объявить всем окрестным жителям, чтобы, без боязни ответственности, нашедшие сумы представили их; если же они утаят, то не избегнут наказания. Об этом было объявлено также во Пскове во всех рядах и около Пскова в посадах, через бирича.

Капитан Лаврентий Клеников привез сведения об обратной поездке Силки Иванова, полученные им от целовальника Устинского кабака и от дворцового крестьянина Степана Фадеева. Целовальника Аврама Иванова допросили. Он рассказал, как Силка заезжал к нему, пил вино из своего бочонка и хвастался, что у него в санях есть еще большой бочонок вина. Он, Аврам, не посмел отнять у Силки вина «для того, что он, Силка, ехал во Псков для в. г-ря почтового скорого дела»; а не объявил духовным лицам Устинского погоста потому, что их не было дома[571]; провожатым же с почтарем послать было некого.

---

[571] Эту часть показания Аврам Иванов после изменил и просил подъячих Никифора Глаголева и Максима Федорова оторвать конец его показания и написать, что вина он у Силки не взял потому, что «ему никакого указу на это от бурмистров не было», и насчет духовных лиц отозвался, что не помнит, были ли они дома или нет. За услугу Аврам дал подъячим 2 алт. 2 деньги. На такое обращение с документом Ники-

Показание целовальника подтвердил его работник.

Степан Фадеев и другие крестьяне рассказали о своей встрече с почтарем в дороге, но про сумы никто ничего сказать не мог. Возможно, что пьяный почтарь закрывал их в санях собственным телом.

15 января в Псковскую Приказную избу пришли крестьяне деревни Шертово, Сенька Юрьев да Гараска Иванов, и привели бурую лошадь, которая под 8 января в полночь[572] оказалась у двора Гараски. Силка признал эту лошадь за ту самую, которая отнята была у него ворами.

На этот раз для собрания сведений был послан в Шертово сам подъячий Никифор Агафонов.

16 января вернулся ни с чем к воеводе капитан Михаил Клепиков. О сумах узнать ему ничего не удалось.

17 января Силку Иванова подвергли пытке. Он подтвердил свое прежнее показание, добавил даже, что «воры» вытащили его из саней за горло, били в шею и замертво бросили его на берегу Великой. Показания Леонтьева и целовальника он опровергал, насчет же вина сказал только, что в Устинском кабаке он выпил на 2 деньги, а у него вина никакого не было.

17 января из Москвы последовал указ; «о тех пропалых зарубежских почтовых сумах во Псковском уезде около той дороги всеми волостьми и людьми розыскать всякими сыски накрепко, какими мерами и от кого той почте такая гибель учинилась». Но еще раньше, чем дошел до К. А. Нарышкина этот указ, этот воевода получил письмо от А. А. Виниуса, в котором последний от государева имени просил Нарышкина

фор Агафонов жаловался воеводе; но это дело сочли, очевидно, неважным.

[572] Жена Гараски Иванова, Прасковья и другие свидетели говорили, что лошадь была у двора Гараски против 8 янв. в полночь; 8-го они водили ее для объявки на Колпинской погост, но не застав ни попа, ни причта, продержали ее у себя до 9-го. Гараска же и некоторые другие утверждали, что лошадь пристала против 9-го числа.

«про воровство и отъем почтовых сум всякими мерами и крайним старанием по порубежным погостам и деревням розыскать» и среди крестьян явно и тайно разузнавать, куда побежали грабители, не к Риге ли или к Ругодиву[573]. Виниус просил даже Нарышкина обещать награду тому, кто даст сведения.

Получив письмо Виниуса, Нарышкин распорядился подвергнуть Силку Иванова вторичной пытке, 22 января. На этой пытке злополучному почтарю дано было 16 ударов, да трижды жгли его клещами. Почтарь рассказал о своей поездке в зарубежный кабак и о том, как он пил в дороге и в Устинском кабаке; относительно же разбойников сказал, что всю историю о нападении он сочинил, желая оправдать себя в потере сум.

После этого Нарышкин второй раз послал к Шведскому рубежу для розыска сум капитанов Флорова и Шестакова и приказал им по большим и проселочным дорогам и по погостам «всяких чинов людьми и уездными крестьяны» разыскать про те почтовые сумы и объявить всем жителям: кто сумы нашел, а объявить об этом не смеет, чтобы без боязни эти сумы, хотя бы распечатанные, привез в Приказную палату во Псков и получит за это награду; если же кто утаит найденные сумы, или, зная об их находке, не донесет, те, когда это обнаружится, будут строго наказаны.

Обо всем этом воевода отписал в Посольский приказ 26 января. Но происшедший случай, очевидно, так встревожил правительство, что на место Нарышкина был назначен другой воевода и 28 января Силка Иванов был допрошен снова воеводой Ив. Ив. Головиным.

28 января Силка показал то же, что и 22-го, Головин послал еще раз в митрополичье Кусовское село митрополичьего дьяка Григ. Протопопова, подьячего Приказной палаты

---

573 Виниус подозревал, что нападение на почтаря подстроено враждовавшим с ним Рижским почтмейстром Греном, чтобы досадить русской почте.

Якова Коурчина и псковитина посадского человека Поликарпа Бахарева. Они узнали про то, что крестьяне Осип и Максим Петровы видели незнакомого человека, когда он увозил сани Силки Иванова, где должны были находиться почтовые сумы. Хотя Петровы пробовали запираться в том, что они это видели, но на допросе у воеводы рассказали, что видели. Осип Петров вынужден был сознаться, что он вовремя не донес кому следует о том, что видел, и в этом винился, хотя и прибавлял, что сделал это «простотою своею, а не с хитрости». Степан Фадеев также еще раз повторил свой рассказ. Чтобы окончательно убедиться в том, что никто из этих лиц сум не взял, их подвергнули пытке; но ничего нового не узнали.

Дело было без движения 2 месяца.

6 апреля, у крестьянина помещицы Дарьи Нееловой, деревни Камня, Ивашки Афанасьева был в гостях Псковский воротник, Ермолка Лукин, с матерью и женой. Когда они уходили, их пошла провожать сестра Афанасьева, Авдотья. В леске, в снегу, она увидела в двух десятинах расстояния от их двора, двойные сумы и указала на них Лукину[574]. Все вместе осмотрели сумы. Зашивочные ремни у глухих концов были перерезаны. Лукин сказал, что это — сумы не простые, а, должно быть, почтовые (о пропаже почтовых сум Лукину пришлось раньше слышать). Ничего не вынимая из сум, они положили сумы на том же месте. Лукин сказал Авдотье, чтобы поберечь сумы, а сам пошел во Псков. Авдотья, оставив сумы, пошла домой и рассказала о находке брату. Иван Афанасьев немедленно отправился к тому месту с сестрой, взял сумы, принес к себе и собирался 7-го числа утром доставить их во Псков, в Приказную палату. Этого сделать он не успел, Ермолка Лукин объявил о находке своему хозяину, псковитину Ив. Аф. Кокошкину, и они вдвоем отправились за сумами. Сум на месте не оказалось и в тот же вечер, 6-го числа,

[574] Место это было в трех верстах от почтовой дороги.

они явились к Афанасьеву, взяли сумы и представили их в Псков, в Приказную избу, в 3 часу ночи.

Воевода осмотрел сумы. Печати на них были в целости, но у глухих концов ремни были перерезаны, а у одной сумки ремень был совсем оторван. Сумы заплесневели и письма были мокры. Письма были перебраны, высушены и отправлены в Москву. Что в Москве по проверке оказалось, было сказано нами выше.

Иногда среди ямщиков возникали вообще непорядки, в которых или они сами бывали виноваты, или их старосты, или даже воеводы. Расскажем несколько таких случаев.

Немедленно вслед за обновлением Виленской почты произошли осложнения на Можайском яму. Можайский воевода, Ероф. Богд. Чернышев, получив указ о возобновлении почты, объявил Можайским ямщикам, что они опять должны принимать почту, возить ее быстро, и днем и ночью, не стоять и не мешкать; приказал и «сь великим подкреплением под смертною казнью», чтобы ямщики «в. г-рей делу мешкоты и простою не чинили», и чтобы в тот день и час, когда он, воевода, будет отпускать их к Москве или Вязьме, они давали бы ему расписки в приеме почты. 6 августа 1685 года ямской приказчик Иван Колюпанов доложил воеводе, что Можайские ямщики пропустили 2 почты от Можайска к Москве, не записав в Можайской Приказной избе и ничего не сказав приказчику; а когда этот последний начал им за это выговаривать, то они хотели его побить и заявили, что они не желают слушать воеводу и записывать почту. В тот же день ямской староста Сергей Кукишев и ямщики заявили воеводе, что они не представили почту в Приказную избу для скорости, а Вяземским ямщикам дали расписку и письма отправили в Москву, Ивану же Колюпанову они об этих письмах объявляли. Когда, вскоре после этого, воеводе приходилось для скорого дела посылать к ямщикам за подводами, даже с прогонными деньгами — ямщики стали отказывать в подводах. Воевода обо всем этом написал в Москву и оттуда полу-

чено было строгое предписание, чтобы ямщики исполняли все по государеву указу немедленно[575].

О том, как ямской приказчик едва не сделался виновником серьезных беспорядков среди ямщиков, рассказано было выше (дело Новгородского ямского приказчика Шишкина. 1688 г.). Теперь расскажем случай, как воеводы иногда вели себя с ямщиками.

19 июня 1684 г. был получен в Москве ответ Тверского воеводы на циркулярную грамоту об ускорении почтовой гоньбы и розыске виновных в медленности. Воевода Кузьма Клиз. Квашнин сообщал, что не может разыскать виновных. Ямской староста и ямщики сказали ему, что у них нет записей, кто и когда пригонял почту, а подорожные с такими записями находятся в Москве. Одновременно ямщики Тверского яму, Кондратий Киприянов с товарищами, били челом государям, прося запретить воеводе чинить у них розыск о медленности гоньбы: воевода, по недружбе, придирается к ним — «волочит, убытчит и грозит с пристрастием». Государи указали делать розыск не воеводе, а ямскому приказчику. Василью Коняеву[576].

Мы видели, что еще в эпоху Марселисов вопрос о вознаграждении ямщиков за почтовую гоньбу не был разрешен положительно: видели мы так же, как этот вопрос пытались ставить воеводы Пскова и Новгорода. В изучаемую эпоху такой вопрос был поставлен, — неизвестно, по какому поводу — Приказом Большой казны. Вероятно по какому-нибудь указу или помете пришлось ему заплатить прогоны, и вот он обратился с памятью в Посольский приказ, прося разъяснений о почтовом деле: когда и по какому указу учинена почта, для чего, сколько ямщикам платится прогонов за почтовую гоньбу и из каких доходов, какая плата взимается за письма, кто ее взимает и на что ее расходуют (5 марта 1691 года). Посольский приказ ответил на этот запрос большой выписью,

[575] Т. II, № 62.

[576] Там же, стр. 97—98.

в которой рассказал всю историю почты с 173 (1665) года, привел содержание всех существующих договоров и постановлений, а относительно платы заявил: 1) прогоны даются почтарям из Посольского приказу, и за 198 (1690) год их выдано 79 руб. 14 алт. 5 ден.; 2) собирает ли Виниус деньги за письма, сколько, и куда их расходует — того *в приказе неведомо*, и в приказ он тех сборных денег не отдает[577]. Но эта выпись не отличается правдивостью: 1) прогоны платили и другие приказы, как нам известно еще из эпохи Марселисов; 2) почта всецело находилась в ведении Посольского приказа, и Виниус был дьяком этого приказа: поэтому странно, что в приказе ничего не знали о сборе денег за корреспонденцию.

Среди всех вообще почтовых дел Московского Архива Министерства Иностр. Дел документы об уплате прогонов ямщикам за почтовую гоньбу играют первенствующую роль в количественном отношении. Ни один картон не свободен от таких дел, а в некоторых (напр. в 4-м) они занимают добрую половину. Каждое из таких дел начинается обыкновенно челобитной ямщиков того или другого яма с указанием сроков, за которые прогоны не выплачены. На челобитной пишется помета, по которой делается выписка из дел. В этой выписке иногда излагается вкратце вся история той или другой почты; сюда же прикладывается «сказка» почтмейстера о количестве почтовых отпусков, сделанных с данными ямщиками за определенный срок. Далее идет обыкновенно подсчет следуемых денег и резолюция об уплате с указанием того учреждения, которое должно произвести уплату. Вот некоторые данные из этих дел[578].

Плата всегда вычислялась по 3 деньги за 10 верст за 1 подводу. Число подвод в год различно, но не более 52 (не считая нарочных, которые оплачивались отдельно и употреблялись чрезвычайно редко). Уплата производилась до 1690 года обыкновенно из Посольского приказа (Виниус неохотно всту-

---

577 С. Г. Г. и Д., т. IV, 629; П. С. З., III, № 1402.

578 В т. II есть несколько таких дел.

пал в сношения с Ямским приказом), а после этого — из Новгородского приказа, хотя были отдельные случаи выдачи денег из Ямского приказу, Большой казны. Володимерского приказу, Галицкой и Устюжской чети. Провинциальным ямщикам часто выдавались деньги из местных Приказных изб. С 1700 г., когда доходы Новгородского приказа и Четей были взяты в Ратушу, за уплатой прогонов иногда обращаются туда. Но в конце периода состоялось распоряжение, чтобы Матвей Виниус по всем почтам платил прогоны из своих средств (как это было на Архангелогородской почте; кроме данных, имеющихся в деле о преобразовании Виленской почты (см. выше), нам попалось еще черновое письмо А. Виниуса Смоленскому воеводе, Вл. И. Шереметеву, такого содержания:

«Г-рю моему Володимеру Петровичу. Здравия твоего, государя моего и всякого благополучия на лета многа желающе, многократно челом бью. При сем тебе, г-рю моему, мое прилежное есть прошение: аще возможно, чтоб о всяких государевых делах отписки посылать с обычайною зарубежскою почтою, а не нарочными, как ныне неколико почт прибежали мне без твоего, г-рь, известия, с небольшими отписками о делех не зело нужных; а извычайная, г-рь, почта ходит по вся недели сряду, а буде когда самое нужное дело позовет на чрезвычайную почту, и то изволишь приказать посылать по своему рассмотрению, а буде дела приказные, не зело нужные, пожалуй, вели, г-рь, посылать с обычайною Вилинскою почтою, потому что *прогоны положены платит мальчику моему*, и в том ему только будет убыток напрасной, и о сем и паки твоего, г-ря моего милостивого, прося жалованья, премного челом бьет А. Виниюс. 1701 г., марта в 12 д.[579]».

В наказе преемнику Виниусов, П. Н. Шафирову, прямо указано, что прогоны ямщикам обеих (Виленской и

[579] М. Арх. М. И. Д., Почт. Дела, карт. 6, л. 310 об.

Архангелогородской) почт должен уплачивать почтмейстер из своих сборов, по полугодиям[580].

VIII

История Архангелогородской почты. — Причины ее возникновения. — Первые три именные указа: попытка устройства правительственной почты. — Четвертый именной указ: передача почты Виниусам. — Правительственный характер предприятия и роль предпринимателей

Неудача попытки Леонтия Марселиса открыть почту от Москвы до Архангельска могла быть вызвана только случайными условиями. В почте этой чувствовалась большая необходимость. И правительству важно было завести почтовые сношения по обширным северным пространствам России для более удобного сообщения с местной администрацией, и торговые иноземцы давно добивались этой почты, потому что Архангельск был одним из важных центров их торговых операций, а по дороге, напр., в Вологде, на Ваге и пр. существовало несколько их промышленных предприятий. Московско-Архангелогородский путь был для иностранцев тогда даже важнее Московско-Балтийского, что было ясно еще в 40-х годах известному де-Родесу. Это происходило потому, что Московские торговые иноземцы через Архангельск могли вести непосредственные сношения с родиной, тогда как берега Балтийского моря были в руках Шведов, ревниво охранявших свои права на этом море. Русская внешняя торговля могла направиться на запад лишь тогда, когда Россией были бы приобретены берега Балтийского моря, что и сделалось задачей внешней политики Петра Великого.

Но Архангелогородская почта, как увидим ниже, была необходима и для Русских торговых людей, особенно Московских капиталистов, державших в своих руках некоторые

---

580 См. т. II, стр. 520.

промыслы Северного края, и бывших главными контрагентами торговых иноземцев, которым непосредственная торговля с населением была воспрещена. Вследствие всего этого, попытка открыть Архангелогородскую почту, возобновленная в 1692 году, на этот раз кончилась полною удачею.

Поводом к возобновлению этой попытки послужила, как будто бы, — челобитная торговых иноземцев; на самом же деле вряд ли не повлияла на ускорение этого дела предстоявшая поездка молодого царя в Архангельск, действительно состоявшаяся в июле 1693 года.

В своей челобитной торговые иноземцы заявили, что по старым договорам между Московским государством с одной стороны, Англией и Голландией — с другой, они, иноземцы, завели торговые промыслы в Архангельске. Со своих промыслов они платят в казну многие тысячи рублей пошлины; Московские люди от торговли с ними также получают доход. Для развития этой торговли им необходимо иметь правильные сношения со своими заморскими контрагентами, приезжающими в Архангельск. Все это, по их словам, нуждается в учреждении правильных почтовых сношений, и потому они просят устроить почту и поручить это дело дьяку Андрею Виниусу, который в почтовом деле опытен, и которому они все вполне доверяют.

8 июня 1693 года последовал *именной первый указ:* поставит почту от Москвы до Архангельска по городам, на ямах; гонять с той почтой выборным Московским и городовым почтарям; возить с почтой от Москвы государевы грамоты, письма торговых иноземцев и Московских людей; обратно привозить — воеводские отписки, отписки гостей и письма торговых людей. Почте идти от Москвы на Переславль-Залесский, Ростов, Ярославль, Вологду, Вагу. Почтари должны переменяться на ямах быстро, ехать днем и ночью с великим поспешением, чтобы поспевать от Москвы до Архангельска, а также и обратно — добрым летним и зимним путем в 8 и 9 день, а весенним и осенним — в 10 и

11-й день; остановки на ямах делать в указные числа и часы. Движение почты предписывалось начать с 1 июля и до указу производить *через день*, а после — еженедельно, или даже — раз в 2 недели. Для постановления почты велено послать из Посольского приказу подъячего; велеть ему на ямах выбрать для этой гоньбы ямщиков добрых, не пьяниц, с хорошими лошадьми, сколько нужно; для этих ямщиков взять заручные выборные у ямских старост, лучших и рядовых ямщиков. Выборным почтарям сказать с великим подкреплением, чтобы они с той почтой гоняли наскоро, в час верст по 9 и по 10, а письма везли бережно, в мешках, под пазухою, чтобы на дожде не замочить и в пьяном виде не обронить на дороге (если подмочат или потеряют, то будут подвергнуты *пытке*). Для точности почтари должны на ямах расписываться на особых чистых столбцах — в каком числе, часу и кто именно на какой ям прибыл и в каком часу отправился; такие столбцы привозить потом в Москву и предъявлять в Посольском приказе; по всем ямам завести записные тетради, в которых записывать, куда отправлена почта (с Москвы или к Москве), какого числа и часу, кто поехал, целы ль печати на связках. — Если печати окажутся не целыми, или письма будут потеряны — ямщика отсылать к воеводе, расспрашивать, его распросные речи присылать в Москву, в Посольский приказ, а ямщика держать до указу в Съезжей избе. Обо всем этом велено послать из Посольского приказа в города к воеводам и в Архангельск — грамоты, в Ямской приказ и во Дворец (о послушных грамотах на Вагу) послать памяти. На Двину, к окольн. и воеводе Андр. Артам. Матвееву также послать грамоту, чтобы почта была поставлена и *ведалась* в Съезжей избе добрым *подъячим*, который завел бы у себя записную тетрадь с дьячьею скрепою, и записывал бы туда всякий отпуск и прием почты, число писем, названия адресатов, а на связках, отпускаемых в Москву — проставлял бы число и № по порядку. Чтобы почтовым ямщикам не было задержки в дороге, велеть в Холмогорском и Важском уездах на болотах

помостить мосты при помощи местных жителей. Этот именной указ велено было записать в Посольском приказе в книгу. Указ скреплен подписью думного дьяка Порфирия Оловеникова[581].

Когда читаешь этот именной указ, невольно припоминаются все те приключения, которые пришлось переживать почте со времени её возникновения. Урок прошлого не пропал даром. Затевая учреждение новой почты, правительство хочет заранее оградить ее от тех случайностей, которые приходилось переживать с прежними почтами. Посев всходил, и уже появились первые плоды, хотя, может быть, еще и не вполне совершенные. О Виниусе, как видим, в именном указе не говорится ни слова. Устроение почты возлагается на Посольский приказ.

Термин «Архангелогородская почта» не употребляется нигде в документах; мы его вводим в pendant к названиям других почт; в документах же большею частью употребляется выражение «почта, что к городу Архангельскому».

12 июня была послана упомянутая в именном указе память в Ямской приказ. Велено было командировать для постановления почты подъячего Степана Часовникова и послать грамоты из Ямского приказу в города, чтобы этого подъячего слушались. В памяти сказано также, что вследствие большого расстояния между Москвою и Переславлем-Залесским надо установить перемену почтарей под Троице-Сергиевским монастырем.

Такая же память была послана в Приказ Большого дворца с предписанием — распорядиться о послушании Часовникову в Важском уезде и о постройке мостов на топких местах.

Ямской приказ, кроме Часовникова, послал еще от себя подъячего Гаврилова в ближайшие города.

Степан Часовников обратился к государям с челобитной о даче ему жалованья за такую дальнюю командировку. Дано

---

[581] П. С. З., т. III, № 1470, и у нас. т. II, стр. 211—213.

было ему 10 рублей из Новгородского приказа из четвертных доходов[582].

16 июня последовал *второй именной указ*. Велено купить для почтарей Архангелогородской почты 15 кожаных сумок, разделить их на двое, верхние края обшить кожей, пришить ремни; купить 30 железных блях, нарисовать на них масляной краской орлы (чтоб от дождя рисунок не слинял) подклеить под бляхи подкладку, обшить по краям, кожей и привязать к ним ремни. Сумки, железо и ремни велено купить на деньги из Новгородского приказа подъячему Ивану Еремееву, и ему все это изготовить: а орлы написать золотописцам Посольского приказа Матвею Андрееву с товарищами. Всю работу велено было закончить в 4 дня[583].

В тот же день, 16 июня, Степану Часовникову была вручена «память». Ему приказано ехать на Переславль, Ростов, Ярославль, Вологду, Вагу, Холмогоры до Архангельска, говорить воеводам, чтобы они установили почту, устроили выборы почтарей, дали им соответствующие приказания о гоньбе, а жителям — о постройке мостов. С ним были посланы грамоты воеводам. Ехать он должен был скоро, подолгу не останавливаясь; ответы воевод должен записывать. На обратном пути он должен захватить с собой заручные выборные и воеводские отписки. Воеводам он должен сказать, чтобы выбирали ямщиков по 5—6, добрых, а не пьяниц, не наймитов, и не малых ребят; напоминать им о том, что местные жители, кроме помещичьих и монастырских крестьян, должны намостить, где нужно, мосты, на грязных местах набросать хворосту. Возле Троице-Сергиева монастыря Часовников должен

---

[582] Часовников был человек бывалый. Он был уже раз в дальней командировке — на Дон с грамотами и денежною казною в 1685—6 гг. В Моск. Архиве М. Юст. в столбцах Разряд. приказа № 1106 есть дело о нападении на него, когда он ехал обратно: Урывский соборный поп и приказный человек со многими людьми били его, отняли у него пожитки и черный статейный список всяким вестям.

[583] Т. II, стр. 219.

потребовать устройства почтового стана, куда бы Переславские и Московские ямщики привозили почтовые сумы и где были бы приготовлены почтари с лошадьми. Часовникову было предписано, под страхом наказания, не притеснять жителей и в тех местах, где ему придется проезжать и устраивать дела, — не брать с жителей взяток. На обратном пути он должен записать в тетради, в каких местах почта поставлена, где переменяются ямщики, сколько верст между переменами, каковы переправы в разных местах и пр. Явиться с докладом и документами он должен в Посольский приказ, к дум. дьяку Ем. Игн. Украинцову.

В этой «памяти» невольно обращают на себя внимание слова: «а будучи ему, Степану, у того дела и во уставе почты, городовым и уездным людем никаких налог не чинить и никаких взятков не брать, чтоб о том от посацких и уездных людей в. г-рю челобитья не было, и остерегаться ему того накрепко, а если в том будет на него челобитье — и за то быть ему, Степану, в наказанье». Проложение почтовой дороги было бы благодеянием для жителей при условии правительственных издержек и хлопот, в настоящем же случае, когда жители знали, что их будут сгонять на работу, да еще облагать поборами, они, конечно, должны были прибегать ко всяким хитростям, чтобы этих тягостей избыть и переложить их на другие плечи. Пользы особенной от почты жители не видели, и это новое дело внушало им только тревогу.

17 июня был издан *третий именной указ*. Велено на ямах для почты держать 3 мерина добрых со всякою гонебною рухлядью. В Ростове, где ямщиков нет, выбрать почтарей с лошадьми из посадских людей, и из архиерейских и монастырских крестьян, которые торгуют на посаде в Ростове[584]. Часовникову послана была дополнительная память об этом.

28 июня 1693 года от Часовникова была получена в Москве первая отписка, в которой он уведомлял, что от дворцового

---

[584] Т. II, стр. 228.

села Даниловского до Вологодского уезда дорога идет через Костромской уезд, куда не было послано грамоты об исправлении дороги. Между тем от ямщиков Ухорского яму он узнал, что на Ярославской дороге много топких мест, а мостов и гатей мало. Это заставило Часовникова написать отписку и приказать Ухорским ямщикам немедленно доставить ее в Москву. Немедленно же, по получении этой отписки в Посольском приказе, послана была в Стрелецкий приказ память. Извещая подробно об учреждении Архангелогородской почты, память прибавляет, что надо послать дополнительные грамоты на Кострому. Одна такая грамота, в Кострому, послана из Посольского приказа, другую, в Костромской уезд, должен был послать Стрелецкий приказ.

21 июня Часовников приехал на Вологду, 26-го — на Вагу и 29-го — на Двину. Везде все наскоро изготовлялось для почты. Согласно 1-му именному указу, 1 *июля 1693 года почтовое движение началось*. Но прием и отпуск Архангелогородской почты открылся не в Посольском приказе, а *в Преображенском,* у стольника Автамона Мих. Головина. Все-таки Посольский приказ несет на себе все заботы о новом почтовом пути.

11 июля была послана грамота в Троице-Сергиев монастырь архим. Викентию с братиею. Подробно извещая об учреждении Архангелогородской почты и ее правилах, грамота сообщает следующее.

Велено было в посаде под Троице-Сергиевым монастырем устроить перемену для почтарей в виду того, что между Москвой и Переславлем переезд чересчур велик. Теперь государям сделалось известно, что на посаде под монастырем, на станции, где поставлены почтари, прием почты производит монастырские подъячие, которые живут не на посаде, а в монастыре; а когда ямщики с почтой прибывают ночью, им некому сдать почту, потому что монастырь ночью запирается; от этого происходит задержка на 2—3 часа и больше. Грамота требует, чтобы монастырские подъячие, сменяясь, былибы безотлучно на станции для необходимых записей и отме-

ток приходящих и отходящих почт. При этом отмечается, что надо записывать число, час и четверти часа прибытия ямщиков.

12 июля получена была вторая отписка подъячего Степана Часовникова. Он извещал, что в Важском уезде дорога в полном порядке.

31 июля Часовников вернулся в Москву и привез отписки всех воевод о том, как они исполнили государев указ.

Далее в наших документах замечается перерыв. До осени, очевидно, заведенная машина работала правильно[585]. Но осень сразу дала себя знать. Прежде всего она произвела переворот в управлении. Достаточно бросить беглый взгляд на обращение почты в приложенных нами ниже таблицах, чтобы видеть, какая громадная разница существовала между обычной перепиской и осенней перепиской Архангельска с Москвой. Недаром в первых своих ходатайствах об учреждении почты до Архангельска иноземцы говорили только о ярмарочном времени; недаром и Ордин-Нащокин когда-то тоже указывал на это время, как на такое, когда особенно нужна почта между Архангельском и Москвой. Уже в сентябре правительство должно было почувствовать, что оно не в состоянии управиться с *коммерческою* почтою; а 18 октября перемена в управлении совершилась.

18 октября был издан *четвертый именной указ*. Велено уставленную почту от Москвы до Архангельска ведать приемом и отпуском Матвею Виниусу. С апреля по декабрь (8 месяцев), когда к Архангельску приходят корабли и отходят от него за море, во время ярмарки, во время беспрестанных переездов торговых людей *Русских* и иноземцев, — почту велено отправлять каждую неделю. По этой почте надо отправлять также государевы грамоты и указы, воеводские отписки и всякие дела между Москвой, Архангельском,

[585] В это время (июль-сентябрь) царь Петр был в Архангельске, катался по морю, оборудовал верфь, заложил корабль, беседовал с иностранцами, устроил фейерверк.

Вологдой, Вагой, Устюгом, Тотьмой, Сольвю-Вычегодской, Каргополем, Кевролью, Мезенью, Яренском, Кольским и Пустоозерским острогами, Устьинскими волостями и дворцовыми селами (как именно должна передаваться почта в сторону от дороги об этом речь после). Кроме казенной корреспонденции, «для лучшего распространения торговых промыслов» разрешается Матвею Виниусу принимать и отпускать торговые грамотки Русских людей и иноземцев. В Архангельске должен заведовать почтой и «списываться» с Виниусом — иноземец Денис Владимиров Гоутевал. Виниус и Гоутевал раздают полученные грамотки корреспондентам и взимают за провоз плату такую, чтобы торговым людям «тягости лишней не было». Прогоны ямщикам между Москвой и Вологдой Матвей Виниус должен уплачивать из своих средств; а между Архангельском и Вологдой ямщики должны ездить без прогонов, как и прежде бывало с казенными поручениями. Казенная корреспонденция, которая до учреждения почты посылалась с нарочными гонцами, и стоила больших расходов, теперь должна была быть посылаема с уставленной почтой. Казенная корреспонденция, адресованная в сторону от почтовой дороги, идет так. Грамоты, указы и проч. дела, адресованные в Устюг, Соль-Вычегодскую, Яренск и Каргополь из Вологды отсылаются в названные города с нарочными посыльщиками; точно также отписки и дела, идущие из этих мест в Москву, должны присылаться в Вологду, а от Вологды идут в Москву с почтой. Подъячий, который будет заведовать почтой в Вологде, должен записывать приход и отход казенной корреспонденции в особую книгу. Грамоты и дела, адресованные из Москвы в Кевроль, Мезен и Пустозерск — идут через Архангельск, таким же порядком, как и предыдущие.

Далее, интересно распоряжение указа относительно сум. Одна казенная сума идет от Москвы до Архангельска без распечатывания по дороге, равно как и обратно. Города же, находящиеся по пути, отдают свои пакеты в другую суму, ко-

торая, по мере надобности, распечатывается, причем воевода каждый раз на вкладываемом связке делает надпись о распечании им сумы. Печатать эту суму воеводы должны всегда одною печатью красного сургуча, чтобы ясно видно было, кто приложил печать. Почту ни в каком случае нельзя задерживать более часу; поэтому каждый воевода должен изготовлять свою корреспонденцию к отправке — заранее. Почтари должны быть не старики и не молодые ребята; гонять должны по одному, а не по двое, чтобы мирским людям не было лишней тяготы. Виниус и Гоутевал отпускают и принимают почту у себя на дворе; а на станциях сумы и печати осматриваются дьячками и записываются в тетради, а в подорожную для скорости вписывается только число, час и имя почтаря, который повез почту. Для письмоводства быть на станциях дьячкам или крестьянским детям по выбору, на срок 3 месяца или полгода, как люди захотят.

Относительно прогонов именной указ гласит следующее. Ямщики, которые ездят между Москвой и Вологдой, должны приезжать к Москве каждое полугодие с росписями, сколько в каких числах почт пробежало, и прогоны должен им заплатить Матвей Виниус *безволокитно*. В случае, если его сбора с торговых грамоток на это не хватит, то недостающие деньги должны быть уплачены из казны, из Посольского приказа, потому что прежде платилось нарочным посыльщикам, и если бы почты не было, то и теперь пришлось бы платить. Для справок по этому вопросу необходимо составить в Посольском приказе смету прежних расходов.

В случае, если в Москве или в Архангельске в уреченные дни казенной корреспонденции не будет, то почту *не отпускать* до следующей недели, а наоборот в экстренных случаях посылать почту и между сроками[586].

Четвертым именным указом заканчивается ряд документов *законодательного* характера по делу об учреждении

[586] Т. II, стр. 274—278.

Архангелогородской почты. Но этот самый четвертый указ возбуждает много недоумения, и надо хорошо знать условия тогдашней жизни, чтобы как следует понять этот законодательный акт.

Прежде всего остается непонятным, превратилась ли Архангелогородская почта в силу этого указа в предпринимательское учреждение или осталась учреждением правительственным или, наконец, сделалась учреждением частным с правительственной гарантией?

Если почта эта сделалась учреждением предпринимательским, то: 1) почему между Архангельском и Вологдой ямщики должны ездить без прогонов? Мотивировка: «для того, что теми уездами и преж сего они гоняли без прогонов». Но ведь они гоняли исключительно по поручениям правительства, а не в интересах частных людей!

2) Как вознаграждается труд лиц, ведущих дело письмоводства на почтовых станциях? Ведь они тоже работают значительно в интересах частных людей.

3) Если бы никогда не было у Матвея Виниуса остатка от сбора, вследствие уплаты ямщикам, то что же получал бы он от всего этого предприятия? А Посольский приказ признает это вполне возможным и находит естественным; если он соглашается покрывать дефицит, то только потому, что все равно-де пришлось бы платить посыльщикам, если бы почты не было. Наконец,

4) как объяснить последнее, прямо убийственное для предпринимателя правило — *не отправлять* почты, если нет *казенных* писем, и отправлять *вне очереди*, если таковые есть?

Допустим теперь, что автор этого законодательного акта считал почту учреждением правительственным. Тогда возникают следующие вопросы:

1) Зачем правительство так заботливо говорит об интересах торговых людей и совершенно забывает интересы лиц, которым поручено ведать почту? Им не только не назначается никакого жалованья, а не обещается даже никакой мило-

сти в случае радетельной службы. Правительство милостиво соглашается только не ввести их в убыток!

2) Правительство как бы довольно, что с учреждением почты оно соблюдает экономию: прежде была «в расходе прогонных денег в. г-ря казне в приказех и городех многая издержка». Но на чей же счет делается эта экономия? Очевидно, правительство полагает, что на счет торговых людей, которые оплачивают пересылку своих писем. Но ведь пересылка коммерческой корреспонденции невероятным образом увеличивает работу всех лиц, раньше обслуживавших только правительственные нужды!

Если при всех этих условиях, Виниусы не только не подавали слезных челобитий об освобождении их от этой службы, но даже сами не прочь были взять эту почту в свои руки и (как мы думаем) при помощи своего родственника, думного дьяка Ем. Игн. Украинцова, добились этого, то это можно объяснить только тем, что они, несмотря на то, что правительственные требования были непомерно велики, а гарантия — ничтожна, считали эту почту выгодной для себя, и их ожидания оправдались. Что же касается трудового элемента почты — подьячих, ямщиков и пр., то их переживания будут предметом нашей беседы ниже.

IX

История Архангелогородской почты (продолжение). — Запрос правительства о прежних расходах за доставку корреспонденции. — Установление почты в Ярославле, Ростове, Переславле, в Вологде, на Ваге и на Двине. — Участие Костромского воеводы в деле почты. — Постепенное получение ответов на запрос правительства о расходах за доставку корреспонденции

Четвертым именным указом заканчивается учредительный период в истории Архангелогородской почты и начинается организационный.

26 октября 1693 года в Ямской приказ была послана память по поводу четвертого указа: велено послать послушные грамоты во все города по этому поводу.

Дело считалось сделанным. Успокоившись, сочли нужным подсчитать будущие выгоды, измерить ту экономию в расходах, которая ожидалась с учреждением почты. В том же месяце в Приказ Большой казны была послана память, которой предписывалось: 1) всю казенную корреспонденцию направлять уставленной почтой, послать послушную грамоту на Вагу о гоньбе и 2) составить смету, сколько израсходовано в 7200 (1692) году на прогоны нарочным посыльщикам. 31 октября в Устюг, Тотьму, Соль-Вычегодскую, Каргополь, Кевроль и Мезень, Яренск, Колу и Пустозерск были посланы по почте грамоты с сообщением об уставленной почте и предписанием нести переписку с Москвою через Вологду или Архангельск, а также — прислать смету денег, израсходованных на нарочных посыльщиков в 7200 году. В ноябре такая же память была послана в Стрелецкий приказ. С ответами познакомимся в другом месте.

13 ноября дан был *наказ* Матвею Виниусу касательно порядков Архангелогородской почты. В нем перечисляются все данные, известные нам из предыдущих документов. В наказе перечисления все почтовые ямы и даже ямщики от Архангельска до Москвы. Матвею Виниусу предписано предъявлять в Посольский приказ росписи уплаченным прогонам, чтобы ямщики не требовали денег из казны. Почтовые сумы и связки почтмейстер должен был запечатывать своей одной печатью. С Гоутеналом он должен состоять в постоянной переписке по делам почты. Ямщикам они должны подтвердить, что те должны гонять почту поспешно, бережно, сум не подмачивать и не терять, печатей не портить. О сумах, распечатанных в дороге, или подмоченных, Матвей Виниус должен немедленно извещать Посольский приказ, для привлечения почтарей к ответственности. Из Посольского приказу выдается для почты 7 переметных сум и 15 жестяных орлов для поч-

тарей. Казенную корреспонденцию Виниус должен разносить по приказам немедленно.

К наказу сделана приписка, содержание которой звучит для нас знакомо: «запан, жемчугов, золотых и ефимков», без оплаты пошлиной, по почте не посылать»[587].

Такой же наказ был послан Денису Гоутевалу. Гоутевал должен был следить за тем, чтобы одна сума приходила из Москвы с печатью Матвея Виниуса, а другая — с воеводскими печатями. В первую суму он должен запечатывать те письма, которые будут адресованы прямо в Москву. Приписка у этого наказа по содержанию совпадает с припиской у наказа Виниуса; но так как последняя дошла до нас лишь в пересказе, то приведем первую в полном виде: «А с тою уставленною почтою ему, Денису, жемчугу и запан и иных мелких узорочных товаров, с которых по их, в. г-рей, указу и по новому торговому уставу доведется в их казну взять пошлину, — и золотых, и ефимков, не посылать, и от Города к Москве таких посылочных узорочных товаров не принимать и тем казне в беспошлинном провозе убытков не чинить, и того смотреть ему, Денису, накрепко, чтоб отнюдь таких посылок в письменных связках, как у иноземцев, так и у Русских людей, с тою почтою не было. А если в приеме у Архангельска и в посылке к Москве от иноземцев или русских людей такие заповедные товары явятся, ему, Денису, тех посылок с почты не отдавать, а извещать о том в Архангельске воеводам в Приказной палате, а по извету его, Денисову, те посылки взятия будут в казну безденежно, а с тех, кто такие посылки принимал на почту и с тех, кто посылал — будет взята пеня по рассмотрению, что в. г-ри укажут, чтобы, на то смотря, иным так чинить было не повадно»[588].

В том же ноябре месяце пришло новое известие из Троицкого монастыря, который, видимо, очень тяготился наложенной на него почтовой повинностью. Известно стало, по

[587] Т. II, стр. 289—299.

[588] Там же, стр. 299—303.

показаниям Переславских ямщиков, что почтовый стан под Троицким монастырем снят и ямщикам приходится делать переезд между Переславлем и Москвой без перемены. По этому поводу в Ямской приказ была послана память о восстановлении снятого стана. Но, вероятно, монастырю удавалось уклоняться и в будущем, как увидим ниже.

В Ярославль и Ростов грамоты об учреждении почты были посланы с Часовниковым 16 июня 1693 года. В одной из них было высказано пожелание, чтобы при распределении почтовых остановок не было слишком больших переездов. Когда сделалось известным, что в Ростове ямщиков нет, то была послана новая грамота, чтобы почтарей выбрать из посадских людей и из крестьян, торгующих в посаде.

14 июля того же года воевода Вас. Соковнин прислал в Москву отписку. Перечислив, данные ему приказания, воевода сообщает, что почта в Ярославле поставлена на посаде, на большой проезжей Михайловской улице, на подворье Толгского монастыря; в Ростове — в городе; в Переславле-Залеском — на посаде, на Семеновской улице на дворе вдовы Пелагеи Валуевой. Здесь же он перечисляет имена ямщиков. Запись почты поручена: в Ярославле — подъячим Приказной палаты, в Ростове — дьячку Земской избы под надзором воеводы Ивана Контяжина, в Переславле — старому подъячему в Приказной избе. При этой же отписке воевода прислал в Москву заручные выборные. Содержание этого вида документов следующее: сначала перечисляются выборщики — староста, десятские и другие люди; затем называются имена и фамилии (а иногда и отчества) выбранных ямщиков, указываются требования, предъявленные им, согласно государеву указу; наконец, заявляется ручательство выборщиков за почтарей с приемом на себя ответственности за их аккуратность. Выборная заканчивается подписями.

31 июля, возвратившись из командировки в Москву, Часовников привез вторую отписку воеводы Соковнина, с новым перечислением станций и ямщиков.

В октябре 1693 года тому же воеводе была прислана грамота с изложением 4-го именного указа по Архангелогородской почте. Велено было при этом прислать смету расходов на нарочных посыльщиков на 7200-й год. Ответ воеводы не сохранился.

Почтовая гоньба вызвала челобитную со стороны Ростовских посадских людей и их земского старосты, Якова Ксенева. Содержание её следующее.

В июне 1693 года по указу в г-рей подьячий Ямского приказа Иван Гавриловн строил почту Согласно указу, из посадских людей было выбрано 3 человека и им дано 3 мерина. Между тем из Ярославля также был получен приказ о выборе почтарей (от воеводы). Вторично выбрали тех же. Гоньба началась; выборной дьячек записывал отпуски. В августе Ямской приказ потребовал выбора еще 2 человек, что и было исполнено. Ростовцы теперь жалуются, что в других городах гоняют с почтой ямщики, а не посадские люди, и отпуски записывают приказные подъячие, а не выборные. В Ростове же есть ямская слобода, к которой придана деревня Луконино со всеми угодьями; с этой слободы Переславские ямщики берут в подмогу по 70 рублей, а с деревни — по 90 руб. на год и гоняют за Ростовских ямщиков, не упуская получать и государево жалованье, и прогоны. Ростовцы заявляют, что они в казну платят хлебом и деньгами по 1 р. 10 алт. со двора в год, десятую деньгу, оброчных соколов, и другие подати, служат годовую службу, поставляют в. г-рям живую рыбу осетров и стерлядей, возят ее на своих лошадях. Ото всех этих поборов они оскудали и платить податей им нечем, и гонять почту им не на чем. Они просят учинить им в почтовом деле «милостивый указ».

Из этой челобитной ничего не вышло.

На Вологду грамота об учреждении Архангелогородской почты послана была также 16 июня 1693 года. 9 июля того же года Вологодский стрелец Васька Сысоев привез в Москву

отписку от Вологодского воеводы, кн. Петра Львова. В отписке было сказано, что Часовников прибыл в Вологду 21-го июня (ехал от Москвы 6 дней); что другая грамота, посланная с подъячим Ямского приказа Иваном Гавриловым о 3 меринах на каждом яму получена в Вологде 25 июня. Воевода извещает, что в Вологодском уезде, от Вологды до Костромского и Галицкого уездов мосты и гати устроены; а к Важскому уезду он послал отставных дворян и подьячих Вологодской Приказной избы с той же целью. Почты, по его словам устроены и перемены идут в таком порядке:

1) в Вологде;

2) на Обнорском яму (60 вер. от Вологды по направлению к Ярославлю);

3) в Двиницкой волости, в поместье Якова Тимоф. Малого, в дер. Кобылкине;

4) в Сянжемской вол., в поместье Мирона и Никиты Ив. Рогуновских в дер. Горке.

Между станциями — по 50 верст[589]. На станциях поставлено по 3 человека почтарей и по 3 мерина со всем необходимым. Список почтарей и заручные выборные воевода обещал прислать с Часовниковым, когда тот будет ехать обратно, что и исполнил.

В октябре 1693 года в Вологду была послана грамота с изложением известного нам последнего именного указа. В декабре кн. Львов прислал упомянутую в этой грамоте смету расходов на нарочных посыльщиков в 7200 году, «в тетратех».

Грамота об учреждении Архангелогородской почты послана была тогда же, 16 июня, и на Вагу. Здесь несколько подробнее формулированы возможные вины почтаря: «если печати будут не целы, сумки «гораздо подмочены» или поте-

---

[589] По позже составленному расписанию считалось от дер. Горки до дер. Кобыльской 50 вер., езды 8 час.; от Кобылкиной или Кобыльской до Вологды — так же. Всего считалось от Вологды до Архангельска 26 ямов, 605 верст, гоньбы 4 суток 1 1/2 часа, на остановки — 26 часов, итого 5 сут. 3 1/2 часа (весной и осенью 7 1/2 сут.

ряны, или где-нибудь почтарь замешкается напрасно — виновного подвергать расспросу и учинить ему наказанье, смотря по вине; сумки подмоченые или с попорчеными печатями так и отпускать далее, сделав о том соответствующую запись, на связках требуется отмечать не только число и №, но и год.

11 июля получена была в Москве отписка от Важского воеводы Петра Взимкова. Он извещал, что Часовников привез ему грамоту 26 июня (10 дней от Москвы до Ваги). Дорога по Важскому уезду от Вологодского до Двинского уезда, по приказанию воеводы, была расчищена, устроены мосты, гати и перевозы, для выбора почтарей посланы пристава, чтобы выбрать из мирских людей по 5 почтарей на ям. К этим 5 почтарям на каждую станцию воевода предполагал дать по 5 лошадей и на ямах завести записные тетради. От Важского уезда до Яхренги (Вологодского уезда) переезд сделан на 15 верст, большого нельзя было сделать, до Двинского уезда переезд — 30 верст. Роспись станций воевода приложил при отписке, а заручные выборные обещал прислать с Часовниковым.

Роспись станов в Важском уезде такова:

1) Яхренга — Жихово, 15 верст[590].

2) Жихово (дер. Курьяновская) — Липки, 15 верст, езды 2 1/2 часа.

3) Липки — Вакомин, 24 версты, езды 4 часа.

4) Вакомин — Низовье. 18 верст, езды 3 часа.

5) Низовье —Вельск, 24 версты (по друг. — 22 версты, езды 4 часа).

6) Вельск — Судрома, 25 верст (по друг. — 27 вер., езды 4 часа).

7) Судрома — Великая Слобода, 25 верст, езды 4 часа.

8) Великая Слобода — Усть-Пуя, 25 верст, езды 4 часа.

9) Усть-Пуя — Усть-Паденга, 15 верст, езды 2 1/2 часа.

---

590 По другому счету — от дер Горки Вологодского уезда до дер. Курьяновской — 40 вер., езды 6 1/2 час.

10) Усть-Паденга — Шенкурск, 15 верст, езды 2 1/2 часа.

11) Шенкурск — Золотилова, 20 верст, езды 3 часа.

12) Золотилова Керчана (Керчела, Корчевская дер.), 10 верст, 1 ½ часа.

13) Керчана — Марьемин, 20 верст, езды 3 часа.

14) Марьемин (Верхокичевская вол.) — Усть-Вага, 15 верст, езды 2 1/2 часа.

15) Усть-Вага (деревня Отласовская) — Березник, 12 верст, езды 2 часа.

16) Березник — Морж (Двинского уезда), 30 верст[591].

31 июля Часовников привез с Ваги вторую отписку. При этой отписке была приложена новая роспись станов с перечислением почтарей, а также заручные выборные.

В октябре 1693 г. Важский воевода получил однородную с другими воеводами грамоту; ответ его неизвестен.

На Двину грамота об учреждении Архангелогородской почты была послана одновременно с предыдущими. В ней, между прочим, говорится, что на ямах почтари не должны мешкать более часу; что потерянные сумки надо искать «со всяким радением»; есть упоминание и о том, что в иных местах почту придется отправлять *водным путем*. Воеводе велено отписать в Москву с Часовниковым, в каких местах будет устроена почта, сколько будет выбрано почтарей и лошадей; прислать также заручные выборные. Мосты приказано устроить до возвращения подъячего в Москву.

1 июля 1693 года отошла с Двины первая почта в Москву: прибыла она 8 июля. С этой почтой воевода, А. А. Матвеев послал отписку государям. Из этом отписки узнаем, что Часовников прибыл на Двину 29 июня (значит, ехал от Москвы почти 2 недели). Матвеев как бы извиняется, что до отъезда Часовникова он не в состоянии будет закончить устройство мостов и гатей. Относительно учреждения почты он пишет, что велел Двинским земским старостам выбрать из посадских

---

[591] По другому счету — от Щастиозерской волости до дер. Березинской 15 верст, езды 2 1/2 часа.

людей и из уездных крестьян почтарей добрых, а не пьяниц и «легких», которым ямская гоньба была бы за обычай, с лошадьми добрыми. Для осмотра проезжей сухопутной дороги от Архангельска до Важского уезда он послал трех сотников стрелецких и велел им с крестьянами помостить мосты, нагатить гати, расчистить лесные места. Осталось только назначить станы и составить заручные челобитные. Эту отписку, как уже выше сказано, Матвеев послал с первой почтой, раньше отъезда Часовникова.

31 июля Часовников привез вторую отписку Матвеева. Воевода уведомляет, что сотники, посланные им для расчистки дорог, вместе с земскими судейками, сотскими и мирскими людьми, досматривали проезжую дорогу, устроили мосты и гати, леса расчистили и сделали дорогу шириною 3—4 саж. Вместе с тем назначены были станы и состоялись выборы почтарей. Выбрано из Двинян — посадских людей и из волостных крестьян, 36 человек, по 4 человека на ям, на каждом яму воевода велел держать по 12 самых добрых лошадей. Почтарям по ямам, воевода разослал наказные памяти с перечислением их обязанностей.

Роспись станов была сделана на Двине следующими образом:

1) Архангельск — деревня Лявля, 25 верст; езды 4 часа.

2) Лявля — Холмогоры, 25 верст, езды 4 часа.

3) Холмогоры — дер. Коначевская (Коначова, Емецкого стану, Ступинской волости), 25 верст, езды 4 часа.

4) Коначевская — дер. Великодворская (Ракульской волости), 15 верст, езды 2 1/2 часа.

5) Великодворская — Сийская сотня (дер. Толокнова), 20 верст, езды 3 часа.

6) Сийская сотня — дер. Зачачье (Заболоцкая или Забеленская полусотня), 15 верст (по друг. 25 вер., езды 4 часа).

7) Зачачье — Звоская волость, 20 верст (по друг. 17 вер., езды 2 1/2 часа).

8) Звоская полость — Морж, 20 верст, езды 3 часа.

От Моржегорской волости до ближайшего Важского яму указано 20 верст (Важский воевода считал 30: позже до Щастиозерской волости считали 17 верст, езды 2 1/2 часа).

Кроме того, А. А. Матвеев сообщает, что в Двинском уезде, через р. Двину, против Бобровской деревни, и по другим речкам устроены для почтовой гоньбы в 7 местах перевозы и мост.

К этой же своей отписке А. А. Матвеев приложил заручные выборные ямщиков.

В октябре новому Двинскому воеводе, стольи Фед. Матв. Апраксину была послана грамота, такая же, как другими, воеводам. Он исполнил предписание о смете расходов на нарочных посыльщиков и сообщил г-рям, что за 7200-й год прогонных денег и на дорогу израсходовано из Приказной избы 90 руб. 4 алт. 1 деньга (было 25 посылок).

В Кострому грамота об учреждении Архангелогородской почты была послана 30 июня 1693 г. Она послана была потому, что большая Ярославская дорога, по которой должна была идти почта, проходит также через Костромской уезд. Воевода должен был велеть жителям привести дорогу в порядок устроить мосты и гати и приказать смотреть за ними, чтобы они чинили их, когда понадобится. С этою грамотою был послан толмач Василий Козлов. 5-го июля толмач был у Костромского воеводы, Андрея Мешкова-Плещеева; грамота была принята, а отписки воевода не дал, сказавши на словах, что он послал строить мосты и гати и все, что заключается в грамоте — будет исполнено. Этим словесным ответом в Москве остались недовольны и 25 июля была ему послана новая грамота с требованием, чтобы он письменно уведомил о том, в какой мере им выполнен государев указ. В конце августа Мешков-Плещеев прислал, наконец, обстоятельную отписку о том, как им выполнен государев указ. Он сообщает, что послал подъячего Арефья Лаврентьева на большую Ярославскую дорогу, чтобы устроить, где нужно, мосты и гати. Жителям было приказано чинить эти мосты и гати, как толь-

ко они начнут портиться. Подъячий Лаврентьев, приехав в дворцовое село Даниловское, предъявил тамошнему приказчику Петру Воронину, наказную память. Тот ответил, что распоряжение о мостах им уже получено из Приказу Большого дворца, и мосты и гати уже устроены. После этого Лаврентьев поехал за Ухорский ям, взявши с собой местных жителей. За ямом и полем одну гать они устроили. Далее, — приказчик села Покровского (Спаса-Нового монастыря) и староста, выслушав наказную память, отказались дать работников для мостов и гатей. Воевода сообщает в Москву о такой задержке.

Была послана память в Приказ Большого дворца о посылке послушной грамоты приказчику и старосте о строении и починке мостов.

Мы рассмотрели отношение администрации важнейших местностей к устройству Архангелогородской почты. Так или иначе всюду были приняты меры к исполнению царского указа. Долго не получалось только ответа на вопрос: каковы были расходы на посылку правительственной корреспонденции. Мы видели, что только двое из перечисленных нами воевод дали своевременный ответ: Вологодский и Двинской. Постепенно стали приходить ответы и от других воевод.

Каргопольский воевода ответил лишь в конце ноября, что посылка с отписками в 7200 г. была лишь однажды и истрачено на уплату Каргопольскому приставу 24 алт. 3 д.

Сольвычегодский воевода ответил 26 ноября. Он за 7200 г. сделал пять посылок в Москву и истратил на нарочных посыльщиков 8 р. 13 алт. 2 д.

Кеврольский и Мезенский воевода ответил в декабре. Им за 7200 г. посланы были 2 подъячих Приказной избы и пристав. Прогонов им из казны не было дано, а заплачено на прогоны и в подмогу из мирских расходов. Сумму эту указать воевода не может, потому что книги земских старост взяты и увезены этими старостами на Двину для общего счету расходов.

Кольский воевода ответил в феврале. Он сообщил правительству, что в 7200 году из Кольского острога в разных месяцах и числах за казною посылано в Москву в Новгородский приказ и в Приказ Большой казны 24 человека, дано им 19 подвод, а прогонов от Славинского волоку до Москвы по 24 алт. 3 ден. на подводу, всего 18 руб. 32 алт. 1 д.

Все эти ответы вряд ли могли удовлетворить правительство. Расходы, по-видимому, были невелики, да и учреждение почты все-таки не избавляло от расходов: надо было подумать, как установить сообщение отдаленных местностей с почтовой дорогой.

X

История Архангелогородской почты (продолжение). — Жалобы населения и почтарей на тяжесть почтовой повинности и меры правительства по этому поводу. — Дело Устьянских волостей. — Откупщики и почта

Подавляющее большинство дел, относящихся к истории Архангелогородской почты, представляют, как и следовало ожидать, дела о тяжести новой повинности, в особенности в тех местах, где правительство сочло возможным безвозмездно предоставить почтмейстеру услуги ямщиков, т. е. па пути от Вологды до Архангельска. Наибольшее количество челобитных по этому поводу было подано Важанами и Двинянами; много ходатайств представлено Устьинскими волостями, но по несколько иной причине; есть челобитные Вологодцев и Переяславцев. Рассмотрим все эти челобитные в хронологическом порядке.

В конце января 1694 года получена была в Москве челобитная от выборных почтарей Двинского и Важского уездов и Устьянских волостей. Они жаловались на своих выборщиков, что те не зачитают им в повинности той гоньбы, которую они, почтари, несут на себе. Теперь, пишут они, мы гоняем почту и лошадей держим и кормим на свой счет; а прежде посыла-

лись с грамотами и отписками нарочные гонцы, которым миряне давали подводы, и повинность эту зачитывали. «Мы, говорят они далее, в конец погибаем: кляченки наши стали и пахать нам не на чем, помираем голодною смертью». Челобитчики просят пока хоть зачитывать им их службу в счет поборов в Земской избе.

В удовлетворение этой челобитной 7 февраля последовала резолюция: послать грамоты к воеводам и память к судейкам Устьинской волости; велеть учинить поверстку и ряд между посадскими людьми и уездными крестьянами, чтобы никто не был в обиде и отягощении.

Двинские земские старосты, Оська Важенин с товарищами, подали челобитную следующего содержания.

Когда устраивалась почта, то на ямах были наняты дворы и поставлено по 4 человека ямщиков да по 12 лошадей. С 1 июля по 1 октября 1693 года эта почта ставилась через день, а с тех пор ставится либо раз в неделю (с 1 апр. по 1 дек.), либо раз в 2 недели. Для посылки казенной корреспонденции в Мезень, Кевроль и Пустозерск также приходится посылать нанятых почтарей, для чего им, Двинянам, приходится держать еще в 8 местах по 2 человека с 2 лошадьми с большими издержками. Прежде, когда посылались нарочные гонцы, такую повинность приходилось отправлять очень редко. Далее они исчисляют свои повинности: они платят в казну стрелецкие деньги, земские расходы, возят казну из Архангельска и Холмогор в Москву, Колу и Пустозерск на санях и на судах, и на все это у них выходит по 10—11 тыс. рублей на год; служат в разных службах — у сбора таможенного и кружечного дворов в головах, и в ларечных, и в целовальниках по 800 человек и больше — ежегодно; а вытей на Двине только 570.

Они просит — учредить в их уезде стройные ямы с ямщиками и лошадьми и дать ямщикам вместо прогонов и обельных деревень — государево жалованье из Двинских таможенных доходов, чтоб им «за иные города в разореши не

быть, потому что в иных многих Российских городах почтовой гоньбы нет, а где и есть — там есть стройные ямы».

По справке оказалось, что в 7200 г. с отписками из Двины к Москве было 25 посылок. Теперь же им придется, по указу, делать 40 отпусков в год, всего (!) на 15 больше.

Последовала резолюция: «Отказать. Быть так, как указано[592]».

Но скоро последовало новое челобитье Двинян. Заявляя, что с почтарями они заключили договор за высокую цену, и что на наем их выходит по 400 р. в год. Двиняне жалуются, что посадские люди города Архангельска не участвуют в их расходе, а посадские люди Холмогор от великого тягла и поборов бегут в Архангельский посад. Двиняне говорят, что такое положение дела вынуждает их собратий бросать свои дворы и деревни и «брести врознь». Двиняне просят разрешить им держать на ямах по 1 лошади и гонять без проводников по одному человеку, платя на 10 верст по алтыну. Притом они просят — велеть им держать гоньбу только от Холмогор до Важского уезда; а от Холмогор до Архангельска они вновь просят устроить стройные ямы и гонять Архангельским жителям.

11 мая 1694 года состоялась резолюция: послать на Двину грамоту с прочетом: от Архангельска до Холмогор гонять Архангельским посадским людям, а от Холмогор до Важского уезда и назад до Холмогор и до Лявли Холмогорскими уездом; держать на ямах по 2 человека с лошадьми — летом, осенью и весной, а зимой — по 1 человеку и 1 лошади, гонять летом, осенью и весной — раз в неделю, а зимой — раз в 2 или в 3 недели: почтарям на прокорм давать, по прежнему обычаю, на 10 верст по алтыну на человека и лошадь, им же для корму лошадиного отвесть луг, где стоят их дворы, поборов на них не накладывать, ни к какому иному делу их не брать и в гоньбе им ни в чем препятствий не делать. Двин-

---

592 Т. II, стр. 324—329.

скому воеводе обо всем этом послана грамота, где прибавлено: выбрать мирским рядом меж себя для гоньбы на ямы, где перемены, почтарей от семей, людей легких и к гоньбе удобных, а не одиноких, чтобы их тяглые жеребья не были пусты и... подати, как стрелецкие деньги, так и иные платежи, сбирали бы сполна без доимки, и быть тем выборным почтарям на тех ямах переменяясь по очереди, погодно, по выбору мирских людей, «чтобы никто тою гоньбою отягощен или облегчен не был, а была бы в той гоньбе меж мирских людей равная поверстка».

В апреле 1694 года получена была в Москве челобитная Важских почтарей Вакоминского яму. Они заявляют, что так как им приходится держать почту хорошими лошадьми (рублей по 10 и больше) и быть все время на стану, то они лишены возможности зарабатывать себе средства к жизни (они были из тяглых крестьян); а подати всякие, и ямские и мирские издержки они платят, и за недомки попадают на правеж. Лошади их от скорой гоньбы пали; сами они в конец разорились. Они просят, по примеру почтарей других городов и уездов, не взимать с них податей, Важский мирской челобитчик, почтарь Евдоким Андреев Васендин, на устном допросе в Посольском приказе сказал следующее.

В прежние годы с государевыми делами ездили нарочные посыльщики. Тогда в селах и деревнях поставлены были выборные и наемные из мирских людей ямщики, которые давали посыльщикам лошадей и получали деньги за это от мирских людей «по розмету» с вытей, согласно договору. Теперешние почтари выбраны вместо гонцов, и дают им с ямского двора ямские охотники за провоз почты прогонов по 2 алтына на 10 верст, а гоняют почтари не на ямских, а на своих лошадях; этими деньгами почтарям-крестьянам прокормиться с лошадьми невозможно; ямские деньги сбираются, в числе прочих, и с самих почтарей в ряд с другими крестьянами; прежние же гонцы гоняли на ямских лошадях на двух, а не на одной, как они теперь и брали себе в наем от

Архангельска до Москвы по 15 рублей и больше. Теперь, прибавил он, они, 75 почтарей Важского уезда, просить — не взимать с них ямских и мирских податей, кроме тяглых их жеребьев, оброчных и стрелецких денег, или же — дать им на почтовую гоньбу мирских крестьянских лошадей и корм для них, а равно кормы для самих почтарей из сборных крестьянских вытных денег в той же мере, как и Вологодским ямщикам, потому что гоньба не дает им возможности пахать землю. Гонять на одной лошади, по словам Васендина, невозможно, потому что дорога «лесиста и волочиста». Вологодским ямщикам на все это дается прогонных денег по 4 алтына за 15 верст; такую же сумму просят теперь и Важане[593].

Челобитчик был, по-видимому, человек дельный и сумел как следует поставить дело: добился, чтобы ему дали высказаться, изложил дело толково и убедительно и имел успех.

Резолюция (11 мая) была следующая. Дать Важским выборным почтарям грамоту на Вагу с прочетом. Велеть для почтовой гоньбы, по прежним указам, держать на ямах по 2 человека «добрых мужиков, легких, искусных и не пьяниц». А каждого с доброй лошадью: одному — гонять с почтою Московскою, другому — с Архангельскою; ездить летом — верхом, а зимою — в санях, днем и ночью, и гнать так, чтобы лошади не было тяжело («скорою рысью»), где дорога гладкая и не грязная — 15 верст в 2 часа (а где грязная — велеть нагатить гати и намостить мосты). На ямах отвести почтарям и лошадям постоялые дворы, близь церквей, на большой проезжей дороге, а не по сторонам. При записи их не задерживать. Гонять везде по одному человеку, а не по два. Лишних почтарей — отставить, а кто заболеет или умрет — выбрать иного. С вышеупомянутых двух человек взимать только стрелецкие, ямские и оброчные деньги; в мирскую Земскую избу, на воеводские и подъяческие расходы с них

[593] Т. II, стр. 335—336.

ничего не взимать, и на правеж их не ставить. Воеводам ни к чем, кроме разбою и воровства, почтарей не ведать. На прокорм им давать на 15 вер. по 2 алтына человеку с лошадью и этих денег, при сборе, на почтарей не раскладывать, а брать их с мирских людей, которые не гоняют. Для прокормления лошадей отвести им свободный луг. Дьячку на бумагу и чернила давать из мирской Земской избы по рассмотрению.

На основании этой резолюции 14 мая была послана память в Приказ Большого дворца и грамота Важскому воеводе кн. Як. Евф. Мышецкому. Воеводе было предписано — в Важском уезде на указных ямах поставить по 2 человека с лошадьми, а лишних почтарей свесть; на Вакоминском яму до указу быть почтарю Евдокиму Васендину и его детям. Остальное содержание грамоты такое-же, как и резолюции 11 мая. Грамота была послана с тем же Васендиным; дан был указ — дать ему подводу за его прогоны и велеть везде пропускать его без задержания.

Очевидно, правительство начало чувствовать необдуманность первых шагов при устройстве Архангелогородской почты. Оно ухватилось на первый раз за Васендина, как умного человека, от которого можно получить толковые сведения и на которого можно положиться. А в будущем должны были еще неоднократно возникать осложнения, потому что гоньба новая была несравненно тяжелее прежней, хотя бы потому, что она была регулярной и требовала постоянного и значительного количества людей и лошадей[594].

Выше нам уже приходилось говорить, что Троице-Сергиев монастырь очень тяготился возложенной на него заботой о почтовой гоньбе. 11 июня 1694 г. почтари Переславля-Залесского, отягченные длинным переездом от Переславля до Москвы, просили устроить им перемену в Клементьевой слободе у Троицкого монастыря, чтобы они

[594] Припомним еще, что в это время (с мая до сентября) в Архангельске был второй раз царь Петр Алексеевич.

там могли передавать почту Московским ямщикам[595]. Снова последовало распоряжение в Ямской приказ об устройстве почтовой смены у Троицкого монастыря с оговоркой: «буде в прошлом 201 году поставлены были для гоньбы Московские ямщики». Очевидно, у Троицкого монастыря почтовый стан никак нельзя было наладить.

В том же июне 1694 года было рассмотрено обильное документами дело жителей Устьинских волостей: Чадромской, Шангальской, Соденской, Ростовской, Никольской, Введенской, Дмитриевской, Пежемской, Чушевицкой[596]. Они подали челобитную следующего содержания.

В 1670 и 1671 годах Важские крестьяне били челом царю Алексею Михайловичу ложно, что необходимо в Чушевицкой волости устроить ям и гонять гоньбу — в одну сторону до Вологды, а в другую — до Пречистой Богородицы Верховажской. Ям был устроен; но в 1672 году, по челобитью местных крестьян, царь велел снять этот ям. В 1689 году Важские ямские охотники обратились с просьбой на Благовещенской ярмарке (в Важском уезде) к воеводе Александру Петр. Скуратову — заставить Устьянских крестьян дать подводы и прогоны по случаю проезда архиеп. Холмогорского Афанасия. Исполнение этого требования тяжело отозвалось на крестьянах[597] многие были посажены в тюрьму и за решетку. К весеннему Николе (9 мая) они должны были исполнить возложенную на них обязанность; это ввело бы их в тяжкие убытки. Но царская грамота 4 мая освободила их и от яма, и от предстоявших расходов по поводу проезда архиепископа. Но Важане на этом не успокоились и в 1698 г. по поводу такого же проезда архиепископа, снова возбудили дело о наложении повинности на Устьянских крестьян (перед воеводою Взимковым); при этом они стали прямо нападать на Устьянских крестьян, разгоняли их с торгу из Шенкурского и при-

[595] Т. II, стр. 349—350.

[596] Там же, стр. 349—373.

[597] Архиепископам по росписи 1627 г. полагалось 15 подвод.

чиняли им убытки. Год спустя, перед воеводой кн. Я. Б. Мышецким, Важане снова добивались, чтобы повинность предыдущего года была взыскана с Устьянских крестьян и на этот раз добились своего: от налогов, продаж и потери торга в Важском уезде Устьянцы пришли в разорение; нельзя стало возить хлеба и скота ни в Важский уезд, ни в Холмогоры. Не обращено было внимания даже на царские жалованные грамоты. Третья царская грамота снова освободила Устьянцев от ямов и они обложены лишь денежным взносом в Устюжский приказ 460 р. в год. В феврале 1694 г. был прислан указ (о нем была речь выше) — гонять Устьянцам вместе с Важанами почту, учинить поверстку и счет на эту повинность, как было при прежней гоньбе. Теперь Важане восторжествовали окончательно, добившись своего, вопреки прежним царским жалованным грамотам.

Теперь Устьянцы просят: велеть Важанам не нарушать царских жалованных грамот, не запрещать Устьянцам торговать в Шенкурске и на Благовещенской ярмарке, не заставлять Устьянцев поставлять подводы и прогоны для архиепископа, просили также не привлекать их вместе с Важанами к почтовой гоньбе и связанным с нею поверстке и счету.

По поводу этой челобитной в Посольском приказе была сделана обширная выпись.

В выписи, по обыкновению, изложена сперва история учреждения Архангелогородской почты. Здесь упомянуто было и о той челобитной, которую подали в январе Устьинские выборные крестьяне вместе с другими Двинянами и Важанами о зачете им почтовой повинности и о других челобитных. Констатируется тот факт, что в грамоте 9 февр. 1694 г. ничего не сказано о гоньбе Устьянцев *вместе* с Двинянами и Важанами; а когда поставлены были ямы, то в Устьинских волостях яма не понадобилось.

На устном допросе Устьянские челобитчики заявили: «никогда с Важанами они, Устьянцы, гоньбы не держали и

всегда были освобождены от таковой гоньбы по царским жалованным» грамотам, освобождающим их от ямской гоньбы Поморских городов; вместо этой гоньбы они платят с вытей своих прибылые ямские деньги сверх настоящих оброков. Кроме того, Двинская дорога только на протяжении 3 верст проходит чрез Чушевицкую убогую волость, вдающуюся клином в Важский уезд; яма здесь нет. Когда до устройства почтовой гоньбы ездили нарочные гонцы, то этих гонцов возили на своих подводах Важане и Устьянцев они к этой повинности не притягивали. В самом деле: от Важского уезда до Вологды приходится гонять через помещичьи и вотчинные земли, а ведь крестьян помещичьих к этой повинности не притягивают. Теперь же, Важане, притягивая Устьянцев к гоньбе, хотят, чтобы Устьянцы гоняли по *Важскому* уезду. Кроме того, Важане написали Устьянцев в челобитную (в январе 1694 г.) самовольно «за очи, воровски», так что Устьянцы об этом ничего не знали.

К этому делу Устьянцы приложили жалованные грамоты: Иоанна IV (1-я без году, далее 1540, 1546 и 1583 гг.), Михаила Феодоровича (1622 г., подтвержденная впоследствии другими царями), Алексея Михайловича (1672 г.[598]) и Феодора Алексеевича (1682 г., подтвержденная его преемниками в 1683 г.). В мае 1692 г. Устьянцы также получили жалованную грамоту, по которой Устьянские крестьяне от денежных сборов города Тотьмы и от ямской гоньбы были освобождены за плату 460 руб. в год, в Чушевицкой волости яму велено не строить и Важских крестьян в гоньбе Устьянцам не переменять. По справке с Устюжским и Ямским приказами оказалось, что Устьянцы вышеупомянутый налог платят исправно, и что в ямской гоньбе им участвовать не полагается.

25 июня 1694 г. состоялась резолюция: послать грамоту Важскому воеводе, велеть ему не притягивать Устьянских крестьян к почтовой гоньбе и поверстке, потому что в фев-

---

[598] В этой грамоте приводятся любопытные подробности об упрямстве Устьянцев, не желавших гонять ямской гоньбы. См. т. II, стр. 367.

ральской грамоте хотя и говорилось об участии в гоньбе Устьянских крестьян, но с оговоркой — «против прежняго», а между тем *прежде* Устьянцы в этой гоньбе никогда не участвовали, а взамен этого несут дополнительный оброк. Гоньба для Важан, по мнению правительства, не трудна, да кроме того за нее ямщики обелены, податей мирских не платят, получают прогоны и корм для лошадей, а из-за трехверстного расстояния притягивать Устьянцев к гоньбе нет основания.

Этим дело и кончилось.

Но положение Важан все-таки было тяжелым. В феврале 1697 года они опять бьют челом о том, что вопреки государевым указам с них берут «ямские деньги, отпуски и в почтовую гоньбу и на земской расход и во всякие мирские держи», не дают им дьячков для записей, чернил и бумаги, притягивают их к мирским выборам. Матвей Виниус, приглашенный для подачи мнения по поводу этой челобитной, на вопрос, почему Важские и Городские ямщики неаккуратно гоняют почту сообщил следующее.

В прошлом 1696 году Важские ямские охотники Ивашка Шипунов с товарищи взяли на откуп ямскую и почтовую гоньбу через Важский уезд. Они собирают для себя ямские деньги, а почтарям по 2 и по 3 года не платят, сколько следует, и потому почтари пришли в скудость; сверх всего этого эти самые откупщики требуют с почтарей ямские деньги с обжи по розвытке; почтарям приходится также платить стрелецкие подати. При таких условиях почтари в некоторых местах дошли до того, что не возят, а *носят* почту на своих плечах. К этому надо еще прибавить, что откупщики, вопреки царскому указу, не дают для почты ни дьяков для письмоводства, ни бумаги, ни чернил. Виниус предлагал: на почтовых станах держать вместо 4 почтарей — по 2, с хорошими лошадьми. Это облегчит мирских людей. Затем следует, чтобы откупщики в почтовую гоньбу не вступались, а почтари находились в заведывании земских старост, сотских и целовальников; чтобы эти власти давали почтарям

по-прежнему на 15 верст по 2 алтына на человека, брали бы у них отписки, подлежащий зачету у откупщиков. При таком положении почтарям придется платить только стрелецкие деньги. Дьячков для письмоводства, бумагу и чернила нужно также почтарям дать[599]. 15 марта состоялась резолюция: поставить в Важском уезде на каждом стане по 2 выборных почтаря с хорошими лошадьми и платить им из Земской избы; откупщикам у почты не быть, прием и отпуск почты записывать земским старостам и целовальникам. В сентябре получена была от нового воеводы, кн. Феод. Як. Вяземского, отписка, в которой он сообщает о новых выборах почтарей; но при этом он сообщает, что до 1 сент. 1697 г. он велел гонять старым почтарям потому, что деньги на их содержание откупщиками собраны были с крестьян сполна.

XI

История Архангелогородской почты (продолжение). — Дела о медленности почты на Архангелогородской дороге. — Состояние самой дороги. — Приключения на дороге. — Случаи беспорядков среди почтарей и населения. — Случай посылки секретной грамоты по почте. — Помощники Виниуса по Архангелогородской почте

Дела о медленности почты, о ее запаздывании на Архангелогородском пути возбуждались, по-видимому, гораздо реже, чем на западных почтах; но разумеется и здесь они причинили не мало забот правительству и почтмейстерам. Но и правительство, и Виниусы уже имели опыт в этом отношении; теперь они не гонятся за тем, чтобы только пускать в дело батоги, а всегда исследуют причину медленности почты и запаздывании почтарей. Вот что нам сообщают документы.

---

[599] Т. II, стр. 401—402.

Не прошло и года после учреждении Архангелогородской почты, как по подведенным результатам почтового обращения оказалось, что почта ходит гораздо медленнее, чем это следовало по первоначальному проекту. Предполагалось, что она будет приходить из Архангельска в Москву через 8 суток; она же делала путь в 9 и даже в 10 суток. Проверка подорожных записей дала следующие результаты:

1) От Архангельска до Холмогор, 50 верст, предполагалось езды 11 час., оказалось 21 час.

2) Холмогорским уездом — 121 верста; предполагалось езды 23 часа, оказалось 37.

3) Важским уездом от Моржа до Жихова — 300 верст; предполагалось езды 66 час., оказалось 72.

4) От Жихова до Вологды 155 верст; предполагалось езды 30 часов, оказалось 35.

Все расстояние от Вологды до Архангельска можно было бы совершить в 5 сут. 4 часа летом и зимою, и в 7 $^1/_2$ сут. — весною и осенью. От Вологды до Москвы — 420 верст ямщики делают в 2 суток, т. е. по 8 $^1/_2$ верст в час.

Кроме медленности езды, запаздывания происходили от нарушении правильности смены почты с Липицкого и Жихонского яму гоняют до самой Вологды (155 верст); Вологодские ямщики не встречают Важских ни в Горках, ни в Кобыльской (в начале на этих ямах всегда стояло по 3 Вологодских ямщика).

Эти обстоятельства вызвали грамоты на Двину, Вагу и в Вологду. Велено было «учинить крепкий заказ» ямщикам, чтобы они гоняли скорее; поставлено им в вину, что вместо прежних 4 суток, они гоняют от Архангельска до Вологды 7 суток, между тем как число отпусков убавлено: сначала гоняли через день, а теперь гоняют всего раз в неделю, а иногда и в 2 недели. Велено, если почтари будут гонять летом и зимою менее 6—7 верст в час, или медлить на переменах более $^1/_2$ часа бить виновных батогами нещадно. На росписных подорожных велено писать только в Холмогорах, на двух конечных Важских

ямах, на Вологде, в Ярославле и в Москве; это последнее распоряжение вызвано тем, что на прочих ямах иногда долго нельзя найти дьячка, особенно в тех местах, где нет церкви. Старостам велено записывать только в тетради то, что прежде записывалось вместе и в подорожной. Велено, чтобы на переменах, где ждут почты, лошадь стояла уже оседланная, и, по приезде почтари, староста должен немедленно отпустить почту далее, а потом уже записать все, что нужно, в тетради. Важским почтарям велено гонять только до первого Вологодского яму; мотивировано это тем, что Важанам гонять 150 верст без перемены и без жалованья — тяжко, а Вологодские ямщики имеют земли и получают ежегодно жалованье и прогоны.

10 июня 1694 г. грамота соответствующего содержания была послана на Двину. Велено от Архангельска до Холмогор совершать путь в 8—9 час., а от Холмогор до Моржу — в сутки. Такая же грамота и в тот же день была послана на Вагу. Упоминая о льготах, недавно предоставленных Важанам, грамота требует, чтобы путь от Вологодского уезда до Холмогорского совершался в 2 1/2 сутки зимним и летним путем. Такая же грамота, и опять-таки в тот же день, была послана в Вологду. Перечислив все вышеупомянутые обстоятельства, грамота требует, чтобы Вологодские ямщики не заставляли Важских почтарей гонять до Вологды, а сменили бы их в Горках.

Последняя грамота, очевидно, не возымела надлежащего действия. В сентябре того же 1694 года в. г-рям сделалось известно, что Важский почтарь по-прежнему возит почту до Вологды, от чего происходит медленность в доставке почты: из Архангельска к Москве почта поспевает лишь в 9 суток. Была снова послана грамота кн. Львову о постановке промежуточных станов. Но в феврале 1695 года Вологодские ямщики просили освободить их от обратной гоньбы (Важский уезд — Вологда) и от содержания лишних 2 станов и подъячего для записи почт на последнем (к Ваге) стану. Просьба их была исполнена. Постановлено: Вологодским ямщикам

гонять в одну сторону до Обнорского яму, а в другую — до Важского уезда, а от Важского уезда до Вологды гонять Важским почтарям; промежуточные станы и подъячего свесть. Об этом посланы были, как водится, грамоты в Вологду и на Вагу.

В феврале 1697 года Матвей Виниус, допрошенный о причинах медленности почты, делал представление правительству о необходимости подтвердить почтарям, что они должны гонять почту по указам, лошадей в наем не отдавать, почтовых сум пешком не носить, по его заявлению, необходимо было также позаботиться о приведении в порядок дорог и мостов.

Все эти дела, конечно, бледнеют перед массой дел о медленности почты на западных дорогах. Патрик Гордон отмечает в своем дневнике как обыкновенное явление, что в Архангельске он получал Московскую почту на 7-й день.

Дорогу исправлять и мосты чинить на этом пути также приходилось реже, чем на западных путях; и это дело на Архангелогородской почте, по-видимому, было поставлено лучше. Мы видели, как энергично велось дело починки дорог и мостов при открытии почты. Далее мы встречаем лишь следующие факты: 11 мая 1694 г. в одной резолюции (см. выше) говорится мимоходом, что в Важском уезде надо нагатить гати и намостить мосты, где дорогая грязная. — Серьезнее дело возникло в конце июля 1695 г. Ямщики Шенкурского яма подали челобитную по следующему поводу. В прошлых 1693 и 1694 годах, по указу государей, для путешествия самого царя и для скорой почтовой гоньбы на большой проезжей дороге в Важском уезде — по рекам, на волоках, топких местах, грязях, ручьях и пр., были устроены мосты и гати, а также на реках приспособлены плоты. Теперь, по заявлению челобитчиков, плоты и мосты отчасти снесены водою, отчасти развалились и сгнили; а крестьяне ничего чинить не хотят. Ямщики просят прислать на Вагу грамоту соответствующего содержания.

Серьезная челобитная вызвала серьезную и обстоятельную резолюцию (24 августа): послать на Тотьму (?) грамоту, велеть тамошнему воеводе осмотреть по дороге мосты и топкие места и составить смету, сколько где нужно починить старых мостов и сколько новых, сколько нужно для этого лесу. Затем, по этой смете, велеть сошным людям навозить лесу[600] и наступающим летом починить старые мосты и поставить, где нужно, новые. Грамота была послана на Вагу (а не на Тотьму!), 17 сентября 1695 г. Этим случаем воспользовался Матвей Виниус, чтобы попросить кстати послать такую же грамоту на Двину. Грамота была послана 6 ноября.

В феврале 1696 г мы видим, что крестьяне Важского уезда упоминают в одном из своих ходатайств (о нем ниже), что за перевозами и мостами надо смотреть и своевременно их чинить. Год спустя об этом упоминает в одном из своих докладов Матвей Виниус. Если припомним, сколько мучений испытывали воеводы на западных путях с местными жителями при постройке мостов и починке дорог, то поймем, насколько это дело было поставлено лучше на Архангелогородском пути.

Отдельных приключений с сумами на пути по Архангелогородской почте за время 1693—1697 год нам известно только два.

6 ноября 1693 года Матвей Виниус заявил в Посольском приказе, что в полночь прибыл к нему ямщик из Переславля-Залесского, Ивашка Кузьмин, и привез суму не запечатанною. В суме оказались 3 письма: к стольнику Федору Апраксину, к генералу Францу Лефорту и к полковнику Юрию Лиму. В подорожной, поданной ямщиком, не записан отпуск почты. На допросе ямщик заявил, что суму в распечатанном виде он принял от Ростовского почтаря. По представленной подорожной оказалось, что распечатанная сума с 3 письмами была привезена на Звоской ям из Зачаческого яму от почтаря Ивана Тарасова его работником, и не было представлено при

[600] Навозить лесу и притом «не топкого» предписывалось зимой, потому что зимой его возить легко, а в другое время года — тяжко.

этом никакой записки: в таком виде сума и пошла далее, по направлению к Москве. Очевидно, сума эта шла вне обыкновенного порядка. По правилам, письма эти на Звоском яму следовало переложить в общую суму, шедшую от Архангельска, а ее сочли нужным пустить отдельно. Розыска по этому поводу не производилось.

12 июля 1695 года явился в Посольский приказ известный нам Гаврила Петров и привел с собой ямщика Семена Кокушкина. Явились они, чтобы доложить о приключении на почтовой дороге. Дело было так.

10 июля приготовлена была к отправке в Архангельск почта с письмами стольника Фед. Матв. Апраксина, а также с письмами иноземцев и русских торговых людей, в двойных запечатанных сумах. Почту эту принял для отправки ямщик Рогожской слободы Оничка Гаврилов. Но этот ямщик сам с почтой не поехал, а отдал ее ямщику Переславля-Залесского. Семену Кокушкину. Последний приехал в Москву за 2 недели перед этим, ища извозного заработка (потому что в рядовые Переславские ямщики он не был поверстан) Кокушкин взял с Гаврилова за доставку почты в Переславль 11 алт. 4 деньги. Дело было для Кокушкина не новое; раньше всегда он за него брался и все обходилось благополучно. Но на этот раз случилось несчастие. Миновав Троицкий монастырь, он ехал под вечер Сватковскою рощею (в 8 верстах от монастыря). В это время на него напали 2 разбойника с дубинами, отняли почту, 5 рублей его собственных денег (вырученных им от продажи холстов) и убежали. Ямщик решил вернуться в Москву и заявить о случившемся.

Кокушкина били батогами, а затем отдали его ямщику Рогожской слободы Оське Константинову и велели им искать пропавшие сумы.

Конец дела неизвестен.

Мы видели, что Архангелогородская почта особенно тяжела была и для населения, и для почтарей. Многочисленные челобитные и жалобы на её тяжесть служат этому наглядным

доказательством. Правительство не поддавалось и чересчур медленно принимало меры к облегчению этих тяжестей. Результатом этого сделались коллективные беспорядки. Правда, до большой драмы, вроде открытого бунта, дело не дошло, но случаи, подобные Новгородским смутам 1688 г. (по делу Шишкина), возникали и здесь; интересно, что как там, так и здесь неудовольствие возникало не по адресу правительства, а по адресу предпринимателей. Были, впрочем, и случаи обыкновенной распущенности.

Начнем с явления последней категории, а затем приведем пример беспорядков первой категории.

В начале февраля 1696 года крестьяне Важского уезда били челом о следующем. Выбраны в их уезде почтари; некоторые из них — люди бедные и бессемейные, выбраны не по большой дороге, а из дальних деревень. В нынешнем году хлеб в Важском уезде вымерз, кормов не стало; у иных почтарей лошади пали. Это повлияло на почту: она стала ходить медленно. У почтарей старосты нет и никто за ними не смотрит. Переносы и мосты тоже без надзора. Есть у почтарей государев указ — кроме разбойных и воровских дел воеводам ни в чем их не ведать, в выборы их не выбирать, земских поборов с них не брать. Между тем иные почтари пьют и бражничают, а в пьяном виде обижают крестьян, берут с них налоги. Бедных и негодных почтарей заменить некем. Челобитчики просят, велеть быть почтарским старостою Кузьме Григорьеву Нечаевскому[601], чтобы он за почтарями смотрел, смирял их, а вместо бедных и негодных людей сделал, выбор новых добрых и семьянистых: точно так же чтобы он смотрел за перевозами и мостами и распоряжался своевременной их починкой. Старосту они просят освободить от взноса ямских денег и всяких мирских поборов, не выбирать его ни в какие выборы и воеводам его не ведать, чтобы старосте и почтарям налогов, нападок и обид не было. Ему же они просят пору-

[601] Это — вторая крупная личность на Ваге, после Васендина.

чить сбор прогонных денег от ямских охотников с ямского двора и раздачу их по ямам за почтарскую гоньбу по 4 алтына за 30 верст, потому что в сборе этих денег ямской двор очень неаккуратен. Для гоньбы и для записей они просят дать старосте из миру дьячка. Кроме этого, челобитчики просят отдать им в мир луга, отведенные почтарям, а вместо лугов отдать почтарям Панешин наволок пол-трети обежного числа, что написан впусте и который обыкновенно захватывают наезжающие люди.

Ответ, к сожалению, неизвестен. Несомненно, что почтарей оставить при указанном положении было невозможно. Что меры были приняты как нужно, доказывается тем, что в 1698—1700 годах Архангелогородская почта ходила очень аккуратно.

В том же 1696 году на Архангелогородском пути произошли гораздо более серьезные осложнения.

В мае вдруг прервалось почтовое сообщение. Встревоженный почтмейстер написал на Вагу какому-то Ивану Борисовичу (вероятно, подъячему, заведовавшему почтой) письмо следующего содержания (сохранился черновик этого письма в 2 отрывках):

«Отселе почта к Архангельскому городу по вся недели одноважды, а от Архангельского города писали ко мне, что там положено на том, что отпуску быть по недельно-ж. И как та почта отпущена от Города апреля в 18 день, а к Москве прибежала мая в 1 день и с того времени по се число (27 мая) ни единой почты от Города не бывало. И зде о том не ведаем, что думать. А в приказах зде сказывают, что таких указов на Вагу и на Двину не послано, чтоб быть заставе. Да и про то я не ведаю, которые почты с Москвы в апреле и в мае отпущены, где от тебя девались, отпущены ль к Городу, или где залежались и буде где залежались, пожалуй, учини радетельно, вели их к себе взять и буде невозможно чрез Вагу горным путем послать с сею почтою, хотя б отпустить в нарочной лодке к Городу водою, и о почтах бы справиться, кои дошли и

которые не в доходе, чтоб их сыскать, потому что были с теми почтами нужные в. г-ря грамоты, также иноземские нужных их о корабельных отпусках грамотки и ты, Иван Борисович, пожалуй, учини мне против всего о всем подлинную ведомость, чтоб мне мочно знать, а иноземцы, чая, что их грамотки доходят порядочно, а буде где залежались, вельми им будет скорбно и не безубыточно, и я против сего о всем буду от тебя ожидать отповеди. Хотя буде от Города почты не будет, и ты отпусти нарочную ведомость ко мне, куды и как сия почта пойдет».

Другой отрывок того же письма: «А от Города мне ведома нет о здешних 5 почтах, которые отпущения с Москвы апрели в 22 и в 29 день, да мая в 6, 11, 20 день и те почты к тебе дошли ль, и в коих числех», и от тебя отпущены ль, и к Городу в доходе ль, или где залежались, пожалуй, как ни есть постарайся, чтоб подлинную ведомость взять и буде где на Ваге лежат, домогись, чтоб их к Городу пробить, а которые залежались Городские, чтобы их взять к Москве и впредь посылать ли чрез Вагу — о том ко мне, пожалуй, отпиши и на случай, что с Вологды отпускать водою в лодочке и с кем посылать лутче, дадут ли по переменам гребцов, чтоб в пути и досталь не остановилась, не пропала, и что каких ведомостей возьмешь о том почтовом поведении, пожалуй, ко мне отпиши»[602].

У себя, в книге черновых писем. Виниус отметил: «к воеводе Федору Апраксину писать, чтобы послать нарочно, сыскать, где почты девались и что за причина задержания». А тем временем от Дениса Гоутевала получены были тревожные известия. В ту же книгу ниже Виниус заносит: «писать к Денису о мирских Архангельского города людех, что *не хотят гонять*, чтоб перво поговорить, а потом о допросе бить челом». Такие же тревожные сведения были получены, повидимому и с Ваги.

602 Арх. М. И. Д., Почт. Дела, карт. 6, л. 31 об.

15 июня почтмейстер доложил Посольскому приказу, что получил из Архангельска от Дениса Гоутевала известие, что Архангельские и Двинские посадские люди и уездные люди не хотят гонять почту, а гоняющих отговаривают, приводя тот довод, что с почтою казенных писем не бывает, а лишь грамотки торговых иноземцев. Виниус заявил, что это — ложь, что казенные письма бывают с каждою почтою; в разные города посылается от 5 до 15 государевых грамот; вместе с тем из городов к Москве также с каждою почтою бывают воеводские отписки, во время ярмарки — гостинные отписки. Прежде, по словам Виниуса, на нарочных посыльщиков выходило по 200—300 руб. на год казенных денег, а теперь этого расхода казне нет.

По этому поводу велено было Матвею Виниусу подать роспись казенной корреспонденции. Роспись была подана 10 июля. Из неё узнаем, что в 1693 году, когда царь Петр Алексеевич был в Архангельске, то его письма к брату и к матери отправлялись через день и по-недельно; в следующем году, при таком же случае, письма царя отправлялись понедельно и через 2 недели, в те же годы почта с государевыми грамотами в разные города отправлялась из Москвы однажды в неделю, или в 2-3 недели; обратно получались также часто воеводские отписки из разных городов; в 1695 году на ярмарку посылались грамоты к гостю, к головам таможенному и кружечных дворов и в разные города, также — получались отписки воеводские, гостиные и таможенных голов; далее роспись становится обстоятельной: поименована казенная корреспонденция по дням, с сентября 1695 по 8 июля 1696 года[603]. В заключение прибавлено, что с тою же почтою бесплатно посылаются и всевозможные челобитные самих же жителей, и что за казенную корреспонденцию в прежние годы расходовалось до 600 и 400 рублей (цифра расходов уже повышена по сравнению с прежним показанием) в год, а теперь казна не платит ничего.

---

[603] Т. II, стр. 391—393.

31 июля последовала резолюция — послать грамоты на Двину и Вагу велеть учинить посадским и уездным людям поверстку и счет, чтобы никто не был отягчен или изобижен, чтоб почтовой гоньбе задержания не было, потому что через почту посылаются государевы грамоты и воеводские отписки; а кто учинится в той почтовой гоньбе оглушен и сыщется про то допряма, то таких людей наказывать, смотря по вине. Грамоты были посланы в середине августа.

Тактичность опытного администратора предотвратила катастрофу. Мы видели, как Виниус, при первом слухе о неудовольствии народа, не сразу прибегнул к репрессиям, а сперва счел нужным «поговорить». Теперь, когда пришлось проявить твердость, она была проявлена, но с тактом — снова пересмотрены условия, в которых находятся почтари и население: а в марте следующего, 1607 года, при слухах о бедствии населения вследствие неурожая и голода, Виниус записывает в своей книге черновых писем: «писал к Денису, чтоб давать сентября по первое число 206 году убогим для нероду и голоду из моих по три ... на день и у ... меня зачол, пока либо умилосердится Господь Бог и подаст хлеб»[604]. Что именно раздавалась бедным — хлеб или деньги, написано неразборчиво, но важен факт заботы о населении, которое на предпринимателя несет известный труд.

Этим и исчерпываются все данные, которые сохранились в документах касательно осложнений на Архангелогородской почте.

Как при обозрении истории почт в эпоху Марселисов нам пришлось один раз наткнуться в Почтовых Делах на дело, не имеющее прямого соприкосновения с почтой, так и в эпоху Виниусов одно постороннее дело также попало в ряд документов почтового управления. И на этот раз причиной появления этого постороннего дела снова были куранты. К курантах, привезенных с Рижской почтой 8 июня 1696 года,

---

[604] Моск. Архив М. Ин. Дел, Почт. Дела, карт. 6, л. 68.

прочли известие из Дюнкирхена, что Англичане мешают выйти в море Яну Варту (известный в то время морской разбойник), затем, в известиях из Амстердама значилось, что Варт с 18 кораблями все-таки вышел из Дюнкирхена. Это навело почему-то страх на наше правительство и велено было послать на Двину грамоту следующего содержания: воевода должен всегда опасаться появления на море морских разбойников, чтобы эти последние, придя в устье реки, не учинили грабежу и пожару среди местных жителей или среди русских и иностранных судов; предписано — если есть оружие в Архангельске, то чтобы продавцы препроводили его в Вологду, а то его могут захватить разбойники; «вожам морским» русским и иноземцам, предписано, под страхом жестокого наказания и даже смертной казни без ведома воеводы никаких кораблей в устье Двины не вводить, на взморье предписано иметь крепкие караулы, а также и на пристани, и даже — в самом городе; следует изготовить и навести, куда следует, пушки. Самую грамоту обо всем этом воеводе предписано было хранить в тайне (тем не менее она была послана *по почте*, 18 июня).

Мы уже упоминали двух лиц, которые участвовали в управлении Архангелогородской почтой под руководством Виниуса. Это были — некий Иван Борисович на Ваге (подъячий?) и Денис Володимеров Гоутевал в Архангельске. Последний получил от правительства особый наказ, одновременно с Матвеем Виниусом; он не был подчинен Виниусу; ему предписывалось лишь «списываться почасту» с Московским почтмейстером. Но бывший в силе в то время Андрей Андреевич обращался с Гоутевалом, как с подчиненным, хотя и допускал его к участию в прибылях. Вот, напр., что один раз Андрей Виниус отметил у себя в книге черновых писем, (в 1698 г., окт. или ноябрь) «писал Денису с большими ценми, что нерадиво пишет и забывает и пренебрегает о делах моих. Откину его одналично с генваря, буде о делах, которые к нему, писать опустит. Ефимков не посылал бы, прислал

двойные старые, без цены и легки и в том мне только убыток, и грамоток моих не смотрит». Но дело уладилось; а впоследствии у Виниуса с Гоутеналом были самые сердечные отношения[605].

Гоутевал пять раз возбуждал ходатайства о командировке в Москву из Архангельска, большей частью — по первому зимнему пути, когда работа почты в Архангельске ослабевала (дошли до нас его челобитные 1694, 1695, 1696 и 1699 гг.). Командировку он просил «ради в. г-ря почтовых дел» и за подводу платил прогоны из своих средств.

XII

Почтовые записные книги Архангелогородской почты

В Московском Архиве Мин. Иностр. Дел сохранились почти целиком почтовые записные книги Архангелогородской почты за 1698—1700 годы (Почтовые Дела, картон 7). В этих книгах аккуратно записывались: год, месяц, число отправления или получения почты, а равно её порядковый №; после этих обозначений идет список фамилий — иностранцев и русских, получателей или отправителей: если записывается отпуск почты, то перечисляются фамилии отправителей, а если прием, то получателей. Таким образом получается полная картина участия в корреспонденции московских жителей и остаются совершенно неизвестными их иногородние корреспонденты. Против фамилии каждого обозначен вес письма. Запись каждого отпуска или приема заканчивается перечислением казенных пакетов; здесь уже определенно указывается, из какого приказа куда посылается пакет и наоборот откуда в какой приказ пакет получен. Вот, для примера, 2 первые записи:

«Laus Deo. *Л*. 1698 adij den 5 Januarij Vorsand. Sub № 1.

---

[605] См. след. главу, где говорится между прочим, о письмах Виниуса Гоутевалу по их собственным делам.

	S	W	A
Isaak Hautbman	—	5 1/2	—
Condratt Kanigietor	—	—	2
Hendrich Boelenandt	—	1	
Jacob Pendik	—	1	3 1/2
Johan Vorckölen	—	—	2
Daniel Kanegielor	—	—	3
Mathias Poppe	—	—	3 1/4
Daniel Shorbatonr	—	1	2
Hanlz Shmiet	—	13	—
Octtavius Mevrell	—	—	1
Daniel Harthmann	—	—	3
Paull Westhoff	—	2	—
Jan Amor (?)	—	—	2 1/2
Vouler Ewoutz	—	21/2	3 1/2
Jan Timmermann	—	—	2 1/2
Ивана Панкратьева	—	1	—
Андрея Ременникова	—	1	—
funft Denijs Haulew erho	?		—
Christian Albrechl	—	—	3
Denijs Hautewall	—	—	2
Jan Twifel	—	—	2 3/4
Pieter van Lups	—	—	1
		31	33(?)

Из Дворца 2 грамоты на Вагу. Из Розряду в Ярославль одна.
Anno 1698 den 13 Januarij Empf.

Sub. № 1	S	W	A
Daniel Harthman	—	—	2 1/4
Philip Wolff	—	—	1 1/4
Nicolaus Romswinkell — 11 в.	—	—	39 1/2
Isaak Hauthmann	—	—	11/2
Jan Vorkijler	—	—	11/2
Ludwig Shmormar	—	—	1
Jan Timmermann	—	—	13/4
Thomas Vadembrecht	—	5	3
Ивана Панкратьева	—	5	—
		5	513/4

С Вологды 4 отписки — 2 в Судной Володимерской приказ, в Сибирской приказ одна, в Приказ Малые России одна».

На основании этих записных книг составлены нами таблицы, к обозрению которых мы теперь и приступим.

Таблица 1-я посвящена отсылке 1698 г. Из нее видим, что отправлений было 14; большею частью они производились через неделю; но иногда чаще (20 и 24 февраля), иногда реже (5 и 20 января). Каждая почта заключала в себе несколько (от 7 до 42) пакетов торговых иноземцев. Но русские не всегда посылали пакеты; 8 раз ими не было отправлено ни одного пакета; 21 апр., 26 мая, 23 июня, 7 и 15 июля, 4 авг. и 15 дек. Наибольшее количество пакетов русских было 13 (7 окт.). Казенных пакетов более всего было послано 22 июля (25); 30 июня не было послано ни одного казенного пакета. Что касается отдельных личностей русских торговых людей, то наибольшее количество пакетов было послано Гаврилою Петровым (41), затем Иваном Панкратьевым (27), Иваном Исаевым (15) и Матвеем Григорьевым (13); из учреждений более всего пользовались почтой для отсылки пакетов — Приказ Большой Казны (110), Новгородский приказ (39), Приказ Большого Дворца (30) и Судный Владимирский приказ (29).

Наиболее оживленная отсылка торговых пакетов падает на сентябрь и октябрь, наименее оживленная — на зимние месяцы (с декабря по май; наиболее глухим месяцем был, очевидно, февраль).

Таблица 2-я дает картину приема почтовых пакетов в 1698 году. Всех приемов было 43; еженедельный прием в точности осуществлялся весьма редко (от 15 апреля не было приема до 2 мая, а за то за приемом 3 октября следовал прием 8 октября. Торговые иноземцы получали пакеты с каждой почтой (от 7 до 48); русские не получили ни одного пакета 17 мар., 14 июля и 6 янв. 1699 г. Прием 6 и 13 января занесен в таблицу 1698 года потому, что эти пакеты посланы были в Москву в 1698 г., что доказывается тем, что они занумерованы № 42 и № 43. Наибольшее количество пакетов получено рус-

скими 29 окт. (11). Казенных пакетов более всего было получено 14 сент. (15). Ни одного пакета не было получено 27 янв. и 3 марта. Из русских торговых людей более всего писем получено, кроме Гаврилы Петрова (36) — Иваном Панкратьевым (28). Иваном Исаевым (15) и Матвеем Григорьевым (13). Из учреждений более всего пакетов получили Приказ Большой Казны (81) и Новгородский приказ (25). Здесь наиболее оживленным месяцем был октябрь, наиболее глухим — январь.

Таблица 3-я посвящена отсылке 1699 года. Всех отсылок было 45. Наиболее длинный промежуток был между отсылками 3 и 18 февраля, наиболее короткий между 6 и 12 мая. Торговые иноземцы послали minimum (6 пакетов) — 6 января, maximum (45 пак.) — 22 сентября; русские — с 21 почтами не послали ни одного письма (в течение всего 1 полугодия они весьма мало пользовались почтой), maximum они послали 22 сентября (11). Казенных пакетов более всего было послано 28 апреля (22); 18 февр. и 8 июля не было послано ни одного казенного пакета. Из русских людей, кроме Гаврилы Петрова (43), наибольшее количество писем послал Иван Исаев (13); Матвей Григорьев послал всего 9 пакетов, а Иван Панкратьев отстал даже от Овошникова Григория, Добрынина Логина и Федотова Онисима, пославших по 7 пакетов; он послал всего 6. Из учреждений более всего послал, попрежнему, Приказ Большой Казны (48); за ним идут — Приказ Большого Дворца и Преображенский (по 29); затем Новгородский Приказ (25) и Бурмистерская палата (24), Владимирский Судный приказ несколько отстал (20). Наиболее оживленным месяцем по отсылке был сентябрь, наиболее глухими — декабрь и январь.

Таблица 4-я посвящена приему 1699 г. Всех почт прибыло 47 (2 ненумеров., очевидно, вне очереди — одна в июле, другая в августе). Наиболее длинный промежуток между приходами почт был между 1 и 22 мая наиболее короткий между 30 апр. и 1 мая, 5 и 6 июля. Вообще приход почт был очень

неравномерным. Торговые иноземцы получили 12 августа всего 3 письма, но эта почта, очевидно, была добавочная, правильнее считать minimum — 11 пакетов (9 января 1700 г.). Maximum получен иноземцами 21 сент. (54). Русские не получили ни одного пакета 19 раз (особенно часто так случалось в первой воловине года и в декабре): maximum ими получен 18 октября (11). Казенных пакетов было получено более всего 8 августа (11): не получено ни одного казенного пакета 10 марта, 18 апр., 30 апр., 6 июля, 12 и 24 авг., 4 окт. Из русских более всего получил пакетов Матвей Григорьев (14); за ним следуют — Иван Исаев (12) и Иван Панкратьев (10). Гаврила Петров, конечно, получил исключительное число пакетов (42). Из учреждений, по-прежнему, из числа полученных пакетов, первое место занимает Приказ Большой Казны (60); за ним следует — Новгородский Приказ (35). Из других учреждений ни одно не получило 20 пакетов. Наиболее оживленными месяцами были октябрь и ноябрь, наименее — январь и февраль.

Таблица 5-я (отсылка 1700 г.) *и 6-я* (прием 1700 г.) уже представляют картину некоторого упадка почтовых сношений. Количество писем менее не только по сравнению с 1699, но и по сравнению с 1698 г. Начало Великой Северной войны сказалось, очевидно, на почтовом деле.

Отсылок было 42. Наибольший промежуток был между 16 янв. и 1 февр. и 7 —23 дек., наименьший между 5 и 10 авг. Иноземцы отправили 16 янв. — 12 писем, (minimum), а 8 и 15 сент. — по 37 (maximum). Русские 23 дня не посылали вовсе писем, 7 и 21 окт. они послали по 11 пакетов (maximum). Казенных пакетом более всего было отправлено 10 августа — 14); три раза в отсылке казенных пакетов не было (11 мая, 14 окт. и 7 дек.). Из русских людей более всех отправили писем, кроме Гаврилы Петрова (38) Онисима, Федотов (11) и Матвей Григорьев (10). Панкратьев на этот раз не отправила ни одного письма, а Иван Исаева — всего 6, меньше Федора Семенникова (7). Из учреждений на этот раз первыми оказа-

лась Ратуша, сделавшая 62 отправления; за ней идут, на почтительном расстоянии, Преображенский (21) и Адмиралтейский приказ (20). Приказ Большой Казны оказался даже ниже Приказа Большого Дворца (19); он сделала, 16 отправлений. Наиболее оживленными месяцами были сентябрь и октябрь; наименее январь и февраль.

Приемов в 1700 г. было 41. Наибольший промежуток был между 24 апр. и 14 мая, наименьший между 4 и 7 окт. Иноземцы получили maximum пакетов 18 сент. (43), minimum — 8 сент. (11); русские получили maximum 28 окт. (12); 21 день они не получили ни одного письма (с начала года до 14 мая, весь сентябрь, декабрь, 26 ноября и 25 июня). Учреждения получили maximum 8 июля (11); не получили ничего — 13 февр., 20 мар., 18 июня, 28 окт., 12 и 20 дек. Из русских людей только один, Ивана Исаев, получил 10 пакетов; Матвей Григорьев получил 9, остальные еще меньше, только Гаврила Петров, по обыкновению, получил значительно больше всех (37). Из учреждений более всех получила пакетов — Ратуша (55); за ней идут Преображенский приказ (27), Новгородский приказе (25) и только после этого — Приказ Большой Казны (12). Самыми оживленными месяцами были сентябрь, октябрь и ноябрь, наиболее глухим оказался март.

Сделаем теперь *сводку всего извлеченного нами из таблиц* 1—6 *материала.*

Аккуратного отправления и прихода почт, как видно, Виниусы не могли достигнуть. Что приход был неравномерен (были случаи промежутка в 20—21 день между двумя приходами), это еще понятно: на таком дальнем расстоянии трудно было почтарям поспевать везде точно, и трудно было следить за их неаккуратностью и её причинами; но удивительно, что даже отправление почт из Москвы не было правильным. Правда, большей частью старались отправлять почту через 7 дней, но встречаются случаи, даже помимо нарочных отправлений, что почта отправляется на 6-й (в 1699 г.), 5-й (1700 г.) и даже 4-й день (1698 г.) после отсылки

предыдущей почты, или, наоборот, на 15-й (1698—1699 г.) и даже 16-й (1700 г.). Последнее, конечно, более понятно, чем первое. Впрочем, все эти явления предусмотрены наказом, данным Матвею Виниусу при учреждении Архангелогородской почты. Общее число отсылок, кроме нарочных, колеблется: 44, 45, 42, также как и число приемов — 48, 47 и 41. В этом смысле 1699 год является самым оживленным, а 1700 г. наименее оживленным.

Иноземцы не пропускают ни одной почты, чтобы не послать нескольких (minimum — 6) пакетов; число пакетов достигает иногда очень высокой по тому времени цифры — 45 пак. Получения их еще обильнее: minimum только в 1698 г. был 7, а maximum в 1699 г. достигал 54.

Русские торговые люди пользовались почтой гораздо умереннее, что вполне естественно. Много раз были случаи, что почта уходила и приходила без участия русских корреспондентов, всего за 3 года таких случаев было 92 (при общем количестве 262 экспедиции). 49 раз при отсылке и 43 при приеме. Maximum отсылаемых русскими пакетов был 13, да и то только в 1698 г., в приеме maximum писем дли русских выражается цифрой 12 (в 1700 г.). Начало года в этом отношении выдается особенно рельефно частым полным отсутствием участия русских людей в почтовой переписке. Сравнительно оживленную переписку русские ведут только осенью.

Казенные учреждения, конечно, не сообразовались с ярмарочным временем, и для них трудно указать пору года, когда отправления или получения становились чаще или реже. Можно отметить только правильно идущее из года в год уменьшение казенной корреспонденции, объясняемое, вероятно, приближением военного времени, породившем развитие экстраординарных сообщений.

Из русских торговых людей можно указать несколько имен лиц, наиболее энергично пользовавшихся почтой. Таковы: Иван Панкратьев, сделавший 33 отправления и полу-

чивший 69 пакетов (всего 72); Иван Исаев, пославший 34, получивший 37 пакетов (всего 71) и Матвей Григорьев, пославший 32, получивший 36 пакетов (всего 68). Отметим также — Федотова Онисима, сделавшего больше всех отправлений в 1700 г. и весьма деятельно участвовавшего в отсылке 1699 г.; Овошникова Григория и Добрынина Логина, не уступавших предыдущему в отсылке 1699 г. и Семенникова Федора, занявшего видное место в отсылке 1700 г. Наиболее равномерно пользуются почтой Иван Исаев и Матвей Григорьев; что же касается Ивана Панкратьева, то, сделав в 1698 г. 55 почтовых операций, он в 1699 г. сошел уже на 17, а в 1700 г. не послал и не получил ни одного письма.

Что касается казенной корреспонденции, то наиболее энергично пользуется почтой, бесспорно, Приказ Большой Казны, отпустивший и принявший 327 пакетов. Ему значительно уступают Новгородский Приказ (158 пак.), Ратуша (180) и Приказ Большого Дворца; иногда выдаются Преображенский приказ и Судный Владимирский.

Наиболее оживленными месяцами по числу отправляемых и получаемых пакетов являются осенние (сентябрь, октябрь, ноябрь); наиболее глухими — зимние (декабрь, январь и февраль).

На следующей странице мы имеем возможность принести *сводную таблицу,* прибавив указание числа корреспондентов.

Эта таблица, в свою очередь, дает возможность сделать следующие выводы.

Число русских корреспондентов мало уступает число иноземцев. Число пакетов, отправленных и посланных русскими людьми, конечно, несравненно меньше числа «немецких грамоток» и пакетов. В результате за 3 года число пакетов русских людей почти в 9 раз менее числа пакетов иноземцев и составляет 9,6 % всей корреспонденции. На каждого русского корреспондента приходится за 3 года по 13,3 письма, т. е. почти в 7 раз меньше, чем на каждого иноземца. Каждая экспедиция (отсылка или прием) дает на русских

корреспондентов средним числом 3,2 письма (почти в 8 раз менее, чем на иноземцев, что составляет 9,4 % всех отправляемых или получаемых в экспедицию писем (среднего числа). Никто не сомневается, что русские люди не могли проявлять такого энергического участия в почтовой корреспонденции, как иноземцы: но внушительная цифра числа русских корреспондентов (64 при 74 иноземцах) и хотя скромные, но не лишенные высокого интереса, результаты подсчета количества пакетов русских людей, уже не позволяют оставить без внимания того экономического и культурного значения, которое приобретала почта для Московского населения. Принимая во внимание, что количество корреспонденции русских людей, сложенное с казенной корреспонденцией, составляет 2107 пакетов, т. е. 23,7 % всей корреспонденции, прошедшей через почту за 3 года, мы придем к заключению, что новооткрытой почте суждено было стать учреждением прочным. Мы уже объясняли выше причину некоторого уменьшения корреспонденции к 1700 году, но это уменьшение обнаружилось и на переписке иноземцев и потому не характерно. Война, действительно, могла в этом отношении сыграть печальную роль, но и 21 год войны не погубили учреждения, сразу пустившего корни в обществе.

	Число корреспондентов	1698 г.					1699 г.					1700 г.					Всего за три года				Средн. число пакет.	
				Пакетов					Пакетов					Пакетов								
		Отсылок	Приемов	Отослано	Принято	Итого	Отсылок	Приемов	Отослано	Принято	Итого	Отсылок	Приемов	Отослано	Принято	Итого	Отсылок	Приемов	Итого	Пакетов	На каждого корреспондента	На каждую экспедицию (отсылку или прием)
Иноземцев	74	—	—	999	1147	2146	—	—	1081	1287	2368	—	—	1048	1187	2235	—	—	—	6749	91,2	25,7
Русских людей	64	—	—	169	178	347	—	—	119	146	265	—	—	116	126	242	—	—	—	854	13,3	3,2
Учреждений	37	—	—	273	214	487	—	—	228	184	412	—	—	183	171	354	—	—	—	1253	33,8	4,7
Итого	175	44	43	1441	1539	2980	45	47	1428	1617	3045	42	41	1347	1484	2831	131	131	262	8856	50,6	33,8

На основании тех же почтовых записных книг мы имеем возможность составить нижеследующие списки:

Список Московских *учреждений*, участвовавших в корреспонденции по Архангелогородской почте *в 1698*—1700 *г*.

1. Адмиралтейский приказ	Конюшенный «
Аптекарский приказ	15. Корабельная палата
Большого Дворца «	Костромская Четь
Большой Казны «	Малороссийский приказ
5. Бурмистерская Палата	Московский Судный приказ
Владимирский Судный приказ	Новгородский приказ
Генеральский двор (Преображенское)	20. Оружейная Палата
Дворцовый Судный приказ	Печатный приказ
Житный двор	Поместный «
10. Земский приказ	Посольский «
Иноземский «	Потешный двор (Семеновское)
Казанский «	Преображенский приказ
Каменных Дел приказ	Провиантских Дел приказ
Разряд	Пушкарский «
Ратуша	Сыскной приказ
30. Рейтарский приказ	35. Устюжская четь
Семеновский	Холопья суда приказ
Сибирский приказ	Ямской приказ
Стрелецкий «	

Список русских *торговых людей*, участвовавших в корреспонденции по Архангелогородской почте в 1698—1700 гг.[606]

Андреева Катерина	Исаев Иван
Андреев	« Илья Иванов
Боков Андрей Савинов	Иевлев Владимир
« Григорий	Карлучкин (?) Иван
« Ефрем	Кутуков Алексей Никиф.
« Савин Тимоф	Лабознов Кирилл Як.
Vandonin Juan (?)	« Максим
Григорьев Матвей	Лузин Андрей
Грутцын Василий	« Иван Клемент
Гурьев Афанасий	« Семен
« Михаил	Матвеев Петр
« Петр Иванов	Мыкляев Иван
Добрынин Логин	Нестеров Иван
Носов Григорий	Соколовский Григорий Иван.
« Яков	« Давид
Овошников Григорий	« Семен
Павлов Естер	Сыренщиков Афанасий Яков
« Иван	« Григорий
Панкратьев Иван	« Дмитрий Яков
Петров Гаврила	« Иван

[606] К сожалению, мы не смогли заняться отыскиванием их имен хотя бы в печатной литературе; но некоторые имена неоднократно нам приходилось встречать. В книге П. Милюкова «Государств. хозяйство России в первой четверти XVIII ст.» мы встречали И. Панкратьева (бургомистр 1703 г., стр. 143), М. Григорьева, Илью Исаева и А. Филатьева (по поводу Китайского торга, стр. 390); сыновья гостя Федора Семенникова обучались в Италии (О немец. школах в Москве, см. Чтения Общ. ист. и др., 1907, 1, стр. XXXV); в Сибирских делах Археографической Комиссии нам попадались купчина гостиной сотни Григорий Боков, гость Логин Добрынин и пр. Предлагаемый список, конечно, только предположительно может быть назван списком русских *торговых* людей.

Попов Иван	« Федор Матв
Роменников Андрей	Schegolin (?) Wolodimer
Румянишников Михаил	Терныцын Семен Павл.
Сверчков Афанасий	Тимофеев Арефий
« Иван	Турченинов Арефий
« Петр	« Тимофей
« Федор	Филатьев Алексей
Свешников Андрей	« Василий
Семенников Богдан Матв.	« Георгий Алекс.
« Иван	Щербаков Онисим
« Яков Матв.	Федоров Егор
« Федор Матв.	Федотов Онисим

Мы наблюдали, что весьма значительное число писем, отсылаемых и получаемых, падает на Гаврилу Петрова. Он в документах называется «человек думного дьяка А. А. Виниуса, который отпуски в книгу записывает». В очередных записях его имя нигде не встречается; но кроме очередных записей в почтовых записных книгах есть еще, так сказать, *личные счета клиентов* Московской почты, среди которых есть и его счет с обстоятельным указанием, сколько писем им послано или получено и с указанием веса. Личные счета, кроме Гаврилы Петрова, не заключают в себе ни одного русского корреспондента[607]; за то иностранцы почти все имеют каждый свою страницу, где ведется счет отправленной или полученной каждым корреспонденции. Во многих местах счета эти перечеркнуты и сделана отметка об уплате, один раз н оригинальном виде: «за часы зачол», т. е. корреспондент расплатился, очевидно, товаром, давши почтмейстеру часы. В другом месте отмечено: «деньги вручены Андрею Андреевичу». Благодаря этим личным счетам, к которым, вдобавок, есть реестр, является возможность составить список торговых

[607] В записных книгах Рижской и Виленской почты такие счета русских людей изредка попадаются; но среди них купеческих фамилий нет — только 2—3 более или менее знатных личности, вроде Матвеева, Головина и пр.

иноземцев-корреспондентов, что по очередным записям, вследствие неразборчивости немецких записей, было бы весьма трудно.

Список *иноземцев,* участвовавших в корреспонденции по Архангелогородской почте в 1698—1700 гг.

1. Abraham Gorgijn	10. Daniel Schaerbateur (Шхарбатур)
Abraham Kintsius	Daniel Carell
Adolf Pott	Denijs Hautewall
Coendraedt Cannengieser (Кондратий Канигитер)	Evert Ysbrandt (Елизарий Избрант)
5. Christoffel Brandt (Брант)	Egidius Zabbrt
Kosmus de Busch (Кузьма Буш)	15. Heynholt yan San
Carell Godfellow (Карлус Гутфель)	Francisco Guasconie
Daniel Gaertman	Frans Timmermann
Daniel Kanegietor	Jean Timmermann
	Gillis Barents Cloeck (Елисей Клюк)
	20. Hendrich Boetenandt
Hendrich Brest	Niclaes Verhoeff
Hendrick Münter	Octavms Mevrel
Hendrick Bodisco	Ottuell Meuerell
Hans Matth. Poppe (Матвей Попп)	50. Paul Westhoff Jacobs (Павел Вестов)
25. Herman en Hans Gouers	Peter Kock
Hend. Stijles	Pieter Goijer
Hendrick Schwellengrebell	Philipp Wolff (Филин Вулф)
Hendrick Krewett (Андрей Кревт)	Pastor Stumphius (Стумфиус)
Paulas Heins Densche	55. Roeloff Meijer
Envoye (Енвой Генс)	Rudolf Meijer
30. Jean Verjuijs	Slepan Elant
Jan Verckuijlen	Steffen Eloul
Jan Lups	Thomas van Kellermann
Jean Baltus	60. Thomas Kniper
Jacob Pendick	Thomas Vadembre (Фадемрехт)

35. Jacob Nieuwport	Volckerl van Geijer
Hans Hendrick	Vice-admirall Gornelis
Smith Jan van Sweeden	Gruijs (Kроус)
Isaak Kintsius	William Laijd (Вилим Лайд)
Isaak Hauthman	65. Wauter Ewauts Jongh
39a. Isaak Houtman	Hendrick Rumsuijder
40. Jan Houtman (Иван Гоутман)	Otto Bleijer
Lucas Schultz	Willem Ibrahimoff
Lucas Schölten	Gornelis Maeck
Lodevvick Shönrman	70. Hendrick Van-der Hulst
Martijr Ardin	Юрья Дробус
45. Niclaes Romswinckel (Ромсвинкел)	Иван Фрей
Niclaes Coll	Яков Ренголт
Стефан Цынбальщик	Афанасий Дикенсон
Английский каптин (без имени)	Александр Югг
	Юрья Кон
	79. Володимер Югг

Предполагал, что фамилии 39 и 39а, 41 и 42, 48 и 49, 55 и 56, 57 и 58, 65 и 79 могут попарно означать одно лицо, только с изменением написания, а под 25 скрывается 2 лица, получаем общий итог иноземцем корреспондентов — 74. Интересно, что иногда фамилии русских людей встречаются только в немецком написании, иногда фамилии иноземцев — в русском. Думаем, что это доказывает наличность переписки между русскими и иноземцами, причем письма русских могли быть написаны на немецком языке, а письма иноземцев к русским — на русском. Но, конечно, для решительного заключения данного материала весьма недостаточно, а оригиналов таких писем у нас не имеется. Отметим еще одно обстоятельство: в числе иноземцев-корреспондентов есть несколько лиц, не принадлежащих к торговому классу; но в виду того, что официальные письма пересылались бесплатно, и в эти записи не вносились, остается предположить, что попавшие сюда их пакеты носят характер частной корреспон-

денции, а потому и помогут быть из наших списков исключены.

Приходится, конечно, пожалеть, что *список городов и местностей,* которые обслуживались Архангелогородской почтой, может быть составлено только на основании записей казенной корреспонденции, но и это обстоятельство не лишает его высокого интереса. Мы видим из него, что Архангелогородская почта обслуживала казенные интересы в районе теперешних губерний Московской, Ярославской, Костромской, Вологодской и Архангельской, а отчасти — Олонецкой. Новгородской, Пермской, Вятской и Владимирской. Из ниже приведенной таблицы видно, что даже такие отдаленные местности, как Кольский острог, Пустозерск, Кевроль и Мезень, Верхотурье обслуживались этой почтой (в Кольский острог послано за 3 года 20 почтовых отправлений, в Пустозерск 5, в Кевролу и Мезень 17, Верхотурье 2); впрочем, сами эти местности активное участие в почтовых сношений принимали весьма слабо: Верхотурье[608] и Кольский острог не прислали ни одного пакета, Пустозерск 3, Кевроль и Мезень-2.

Вышеприведенными таблицами и списками, где мы старались собрать всевозможные статистические данные касательно Архангелогородской почты за 1698—1700 г., не исчерпывается богатый материал, который можно почерпнуть из почтовых записных книг рассматриваемых нами. Кроме шаблонных записей, на основании которых мы составляли списки и таблицы, в этих книгах повсюду рассеяны отдельные приписки и записи, совершенно не систематизированные, случайные: к ним мы теперь и переходим. Мимоходом внесенное примечание иногда проливает внезапный свет на многие обстоятельства, интересующие исследователя; а весь этот материал в совокупности дает возможность нарисовать целую картинку из бытовой, экономической и культурной жизни тогдашнего общества. Все эти записи,

[608] Верхотурье пользовалось другой почтовой дорогой — Сибирской.

приписки, примечания, мы тщательно выбрали и этим материалом теперь займемся.

Мы уже отмечали то обстоятельство, что записи ведутся 2 шрифтами — немецким и русским, причем иногда фамилии иноземцев заносятся русским шрифтом, а иногда наоборот — русские фамилии пишутся немецким шрифтом. По-видимому, определенной системы относительно шрифта нет; но кое-какие наблюдения и в этой области сделать можно. Приблизительно до апреля 1699 года фамилии русских людей пишутся исключительно по-русски, а с этого времени — в громадном большинстве случаев они пишутся по-немецки; что же касается иноземцев, то на всем протяжении книг их фамилии встречаются в русской форме довольно редко. Казенная корреспонденция записывается всегда по-русски, но записи эти с апреля 1599 г. становятся безграмотными и пишутся дрожащей, неуверенной рукой, другим почерком. Немецкие записи сделаны рукою Фадемрехта: русские до апр. 1699 г. — рукой Гаврилы Петрова, а с этого времени — неизвестным, вероятно, каким-нибудь другим «человеком», которого думали приучить к этому делу.

В громадном большинстве случаев содержание частных пакетов не указано, а казенных — наоборот, указано, хотя не всегда определенно. Относительно частных почтовых отправлений имеются следующие записи:

8 июля 1700 г. в приеме против фамилии Hans Matthias Poppe на полях, написано: «2 б. и два ящика ару...»[609].

---

[609] Мы знаем, что весьма частой посылкой из-за границы были апельсины и лимоны в ящиках; поэтому неразобранное нами слово может обозначать «апельсины»; но принять такое чтение мешает то обстоятельство, что слово «апельсины» нигде в документах не встречается, а вместо него употребляется слово «помаранны».

	1698 г.		1699 г.		1700 г.		ВСЕГО
	Отсылка	Прием	Отсылка	Прием	Отсыл-ка	Прием	
Антониев монастырь	1	—	—	—	—	—	1
Архангельск	24	92	23	84	33	52	308
Белоозоро	1	—	2	—	6	—	9
Вага	27	2	28	—	15	8	80
Верхотурье	1	—	1	—		—	2
Вологда	24	71	39	53	23	46	256
Вятка	1	—	—	—	3	—	4
Галич	1	—	—		—	—	1
Двина	66	——	46	—	13	—	125
Еренск	4	—	3		1	—	8
Каргополь	7	—	5	—	1	—	13
Кевроль и Мезень	10	—	4	1	3	1	19
Кольский острог	6	—	8	—	6	—	20
Кострома	3	—	3	—	—	—	6
Переяславль Залесский	3	—	1	—	1		5
Пермь Великая	—	—	1	—	—	—	1
Пошохонье	5	——	—	—	—	—	5
Пошохонские дворцовые села	1	—	—	—		—	1
Пустозерск	1	—	2	—	2	3	8
Романов	—	—	1		—	—	1
Ростов	1	—	—	—	1	—	2
Соль Вычегодская	7	—	6	—	5	—	18
Сысольская волость	—	—	—	—	1	—	1

Тотьма	6	—	9	—	8	—	23
Углич	1	—	—		—	—	1
Устьянские волости	1	—	—		—	—	1
Устюг	13	—	16	1	7	—	37
Холмогоры	1	53	—	33	1	24	112
Чаронда	4	—	2	—	6	—	12
Чухлома	—	—	—	—	3	—	3
Ярославль	23	—	17	—	9	—	49

21 октября 1700 г. записано: «с Вологды прислано 3 портища пуговиц золотых и те отданы Ефиму Симонсу». Запись эта сделана в ряду казенной корреспонденции; имя Симонса нигде более не встречается. Поэтому это почтовое отправление в нашу статистику не попало совсем.

Место назначения и отправления указываются лишь в казенной корреспонденции; в частной есть только случайные единичные указания; таковы:

16 июня 1698 г. два иноземческих пакета посланы «к Вологде»; 24 июня одно письмо получено «из Вологды». Обе отметки сделаны на полях. Это обстоятельство не дает права предполагать, что за все три года частных пакетов из Вологды получен — 1, а отослано в Вологду — 2. Интересен другой, несомненный вывод из этого: что частные письма посылались во все города Архангелогородского пути и получались в Москве также из разных, примыкавших к этому пути, мест. Несравненно больше указаний на то, что по этой почте посылались также письма за границу, и оттуда получались также. Это видно из записей первой половины 1698 года. «Заморских» пакетов послано:

27 янв.—	2	19 мая	4
20 февр.	5	26 мая	5
10 марта	4	2 июня	6
24 марта	6	9 июня	6
7 апреля	2	16 июня	2
21 апреля	3	30 июня	9
5 мая	4	12 авг.	1
12 мая	6	30 дек.	1

Всего — 66.

Получено «из-за моря».

10 февр.	1	31 мая	2
17 мар.	7	9 июня	1
2 апр.	1	17 июня	1
15 апр.	3	24 июня	2
18 мая	2	30 июня	3
		14 июля	4

Всего—27.

Отметки об этом сделаны на полях. С 12 авг. они прекращаются, и только 30 дек. находим заметку в этом роде. Это, конечно, вовсе не означает, что со 2-ой половины 1698 г. писем за границу по этой почте не отсылалось и оттуда не получалось; это значит, по нашему мнению, только то, что записывающие стали лениться делать соответствующие отметки.

Были, несомненно, случаи, что приходившее в Москву письмо приходилось направлять в другой город. Об этом свидетельствует одна отметка, сделанная случайно: 13 окт. 1699 г. в приеме против одной немецкой записи отмечено «Woronisz».

Дальнейшие заметки при частной корреспонденции стоят уже совершенно одиноко. Вот они:

15 окт. 1698 г. против 3 «немецких грамоток» отмечено: «присланы назад». Очевидно, письма эти, недоставленные адресатам, возвращены в Москву, и отметка делается затем, чтобы не взыскать вторично платы с отправителей.

1 мая в приеме сбоку написано: «положено в апреле». Долговременный ход почты от Архангельска до Москвы иногда сопровождался осложнениями, мешавшими аккуратному счету почт. Мы уже видели в таблицах, что некоторые январские приемы приходится заносить в таблицу предыдущего года, потому что письма этого приема были посланы, несомненно, в предыдущем году, о чем свидетельствуют номера, которые, очевидно, выставлялись на сумках, и в записных книгах упоминаются всегда. Раз был такой случай: почта № 12 была принята 30 апреля, а № 11 — 1 мая 1699 года; очевидно, № 11 шел от Архангельска 13 дней, а № 12 (если предположить отправление из Архангельска через неделю) — 7 дней.

13 окт. 1699 г. против письма Стумфиусу (известный пастор) отмечено: «не платит». 27 марта 1700 г. против фамилии Peter Kock написано «Шхарбатур»; 3 апреля, 24 апреля и 8 июля против Jean Timmermann значится «Брант». Против многих «немецких грамоток» значится: «Денисова счету», «за Денисов счет Гоутевала», «Denijs Hautewall» и пр.

Все эти отметки касаются, по нашему мнению, уплаты. Дело в том, что Peter Kock и Jean Timmerman не значатся в личных счетах и в реестре; вероятно, за первого получил письмо и заплатил Шхарбатур, а за второго — Брант. Что касается отметок о Гоутевале, заведовавшем почтовым делом в Архангельске, то, очевидно, существовала целая категория писем, которые отправлялись и получались бесплатно, а потом служили предметом расчета между Московским и Архангельским почтмейстерами.

Под 27 июля 1700 г. читаем «нарочная почта до Вологды по упрощению Томаса фон-Келлермана с письмом его нуж-

ным за его прогонами и за прогоны рядил 5 р.»[610]. Нарочные почты встречаются весьма редко. С частными письмами, кроме этого случая, таких почт можно отметить всего две, полученные в Москве. 6 июля 1699 г. с 18 немецкими грамотками и письмом Григорию Овонщикову и 12 августа того же года с 3 немецкими грамотками.

Этим исчерпываются все более или менее случайные отметки, попавшие в записные книги при частной корреспонденции.

Несравненно более всякого рода заметок находим при перечислении казенной корреспонденции. Мы уже отмечали то обстоятельство, что только при ней указываются и место отправления, и место назначения; нередко также указывается и содержание корреспонденции. В большинстве случаев только именуется посылаемое отправление: грамота, указ, отписка; этих названий весьма много. Реже попадаются:

В 1698 г. 20 янв.: «послано в Вологду по свечи в зачёт».

— 10 февр. получено «с Вологды дело розыскное про разбой».

— 2 мая получено «с Вологды книги ратных людей».

— 24 июня получено «в Большую Казну (из Холмогор) — роспись от гостя» (такая же запись 22 июля, 5 августа, 24 августа, 31 августа, 8 сентября; а 15 сентября — «2 свертка с росписьми в Большую Казну»).

—14 июля получены «с Вологды книги отписные в Иноземский приказ».

— 15 июля послано «из Посольского приказу связка с грамотами в Переяславль и в Ярославль».

— 17 августа получено «с Вологды в Сыскной приказ дело убийственное».

— 8 декабря получено «с Холмогор в Большую Казну дело».

— 30 декабря послан «из Володимерского приказу сверток с грамотами на Устюг Великий».

---

[610] Эта почта также не вошла в наши таблицы.

— 6 января 1699 г. получено «с Вологды в Розряд книги ратным людем».

— 13 января «с Ваги во Дворец» тоже.

В 1699 году:

— 18 января послано «из Володимерского Судного приказу на Вологду связок с грамотами».

— 20 января «с Вологды в Сыскной приказ дело Якова Валугина».

— 6 сентября «из Города в Большую Казну роспись».

— 27 сентября «из Города в столице дело в Большую Казну».

— 11 октября «из Города в Бурмистрскую полату в листу дела».

—16 ноября «из Города в Бурмистрскую полату в столбце дело», «в Большую Казну — в листу дело», «с Вологды в Новгородский приказ список с окладных книг».

— 22 ноября «в Стрелецкий приказ с Вологды к разным делам».

В 1700 году:

— 3 апреля «с Ваги в листу дела таможенные».

— 11 апреля «из Новгородского приказу грамота на Двину о хлебной даче стрелецким женам».

— 14 мая «с отпискою в Преображенской приказ присланы в листу волшебные письма и коренья».

— 24 июня «из Адмиралтейского приказу грамоты в листу на Вологду».

— 25 июня «из Города дело в столбике в Ратушу» (то же, 18 июля).

— 4 октября «от Города в Ратушу 2 столбика с отписками, в Новгородский приказ столбик с отпискою».

— 7 октября «из Ратуши 2 связка с грамотами и с указами к Городу и Вологде».

— 4 ноября «из Ратуши грамоты в листу в Архангельск». — 17 ноября получена «роспись колодникам в Сибирский приказ».

— 26 ноября посланы «в листу указы к Городу из Ратуши».

Таким образом мы видим, что по почте пересылались, помимо единичных казенных бумаг, целые партии документов в связках, свертках и пр., дела, книги и даже вещи (волшебные коренья). Содержание документов указано в 12 случаях, из них 5 — судебного характера, 5 — финансового, 2 — военного.

Существенное добавление к этим выводам можно получить из рассмотрения другой категории записей, в которых указывается не содержание и характер почтовых отправлений, а имена или названия адресатов. Приведем все эти записи.

В 1698 году:

— 24 февраля «в Пошехонские дворцовые села прикащику Ивану Ощеринову указ из Большие Казны».

— 5 мая «письмо Колмогорскому архиепископу из Большой Казны (ему же 30 декабря — «из Большого Дворца в Оптониев монастырь»).

— 12 мая «из Болшие Казны указ таможенному Двинскому голове» (ему же 2 сентября, 11 ноября).

— 2 июня то же — Вологодскому голове, 22 июля — Ярославскому.

— 9 июня из Большой Казны грамота гостю Василию Грутцыну, в Архангельск (ему же 22 июля из Большого Дворца, 29 июля из В. Казны, 4 августа — оттуда же, 4 грамоты, 21 авг. — из Б. Дворца, 2 сент. — из Печатного приказу, 16 сент. — из Б. Казны, 30 сент. — из Корабельной полаты, 7 окт., 18 ноября и 25 ноября — из Б. Казны, 25 ноября — из Корабельной полаты).

— 22 июля «из Устюжского приказу указ в Устьянские волости земским судейкам».

— 29 июля «из Розряду грамота в Архангельск к Францу Тиморману» (ему же 2 указа оттуда же, 19 авг., 1 указ — 16 сент.).

— 17 августа получено «адмирала Кроуса связок в Володимерской приказ».

— 19 августа «из Корабельные полаты указ в Ярославль Семену Лузину».

— 26 августа «из Посольского приказу грамота под обертком цесарского посланника».

— 23 сентября «из Володимерского приказу указ на Вологду подъячему Никите Рябову».

— 23 сентября из Сибирского приказа в Архангельск указ Денису Гоутевалу (тоже 28 окт.).

— 18 ноября из Новгородского приказа указ на Двину земскому старосте.

В 1699 году:

— 10 июня из Большой Казны указ в Архангельск к поташному промышленнику (тоже — 20 июня).

— 10 августа из Большой Казны указ таможенному голове (куда?).

— 31 августа из Большой Казны грамота гостю Василию Грутцыну (ему же 19 окт. указы и грамота в листу из Бурмистр. палаты, 2 дек. 2 грамоты и 4 указа из Ратуши, 9 декабря — указ из Б. Казны).

— 5 октября от бурмистров указ Двинскому бурмистру.

— 19 октября из Бурмистерской палаты указ в Кольский острог бурмистру Осипу Баженову.

— 13 декабря из Архангельска от архиепископа отписка в Преображенское.

В 1700 году:

Указы бурмистрам: 14 февр. из Ратуши в Кольский острог, 14 марта из Б. Казны в Архангельск, 5 мая из Розряда на Вагу, 10 авг. из Адмиралтейского приказа на Вагу, 15 сент. — из Ратуши на Двину, и оттуда же — на Вологду, 7 дек. — указ Сысольским земским бурмистрам (откуда?).

— 5 мая и 10 июня «из Дворца грамота архиепископу Колмогорскому»; от него 2 отписки в Оружейную палату и в Преображенский приказ — 4 ноября.

— 24 июня «из Большие Казны память к Городу Дмитрею Филатову».

— 14 июля «с Генеральского двора указ на Вологду к Федору Брянчанинову».

— 10 августа «из Ратуши грамота к Городу гостю»; ему же 2 указа.

— 15 сент. «из Ратуши грамота к Городу Федору Матвеевичу Семенникову».

— 23 сент. «из Ратуши связок с грамотами и с указами к Архангельску».

— 7 октября из Оружейной палаты грамота к сыщику Алексею Хвостову.

— 28 октября из Оружейной Палаты подорожная на Вологду Карлуса Гутфеля.

— 4 ноября из Дворца указ на Вологду Федору Воробьеву.

Как видно из содержания перечисленных записей, громадное большинство из них свидетельствует о том, что они относятся к корреспонденции финансового характера: это указы бурмистрам, гостю, поташному промышленнику и пр. Среди них одиноко виднеются такие корреспонденты, как Холмогорский архиепископ, Франц Тиммерман, Цесарский посланник, сыщик Алексей Хвостов.

Чтобы совершенно покончить со всякого рода записями и отметками, стоящими вне обычных записей, упомянем еще две.

Совершенно одиноко стоит запись 22 марта 1699. Она помещена после списка корреспондентов и гласит: «мирской челобитчик». Кто такой этот челобитчик, откуда он прислал свою челобитную, куда она была адресована — остается неизвестным. По-видимому, какой-то «мир» решил попробовать отправить челобитную помимо всяких приказов, — царю через почту. Дошла ли эта челобитная неизвестно. Вес ее, конечно, не обозначен, и пришла она в Москву и осталась, вероятно, не франкированной.

Вторая запись читается под 19 ноября 1699 года. Она гласит: «указы в. г-ря по челобитью гостиной сотни Онисима Федотова да Ивана Микляева в Архангельск с ямщиком

Переславской слободы Федкою Кукою». Эта почта — нарочная, без частных писем. Это третья и последняя почта, не внесенная в наши таблицы.

Здесь уместно вспомнить о том обстоятельстве, что масса писем посылалась самим Виниусом и членами его семейства, а между тем в почтовых записных книгах об этом сведений нет. В книге черновых писем Виниуса мы нашли полный текст одного такого письма (на Вагу, см. выше). Мелких же заметок о письмах по этой почте нам попадалось несколько. Напр., в сент. 1699 г. Виниус отмечает: «писала, в Город к архиерею, к боярину и воеводе, к Денису, Бранту, Любсу»; в апр. 1700 г. «к Денису о семги, чулках, рукавицах…, и буде что Витцен пришлет, о том бы писал», в авг. того же года: «Денису о провизии» (дважды); в июне 1701 г., «к Денису, и утешила, его, чтоб не сетовал» (после отставки Виниуса): тогда же — «к Избранту, чтоб Денису буде в чем учинить вспоможение», в сент. того же года: «к Денису, чтоб не унывал и ко мне б о своих нуждах и недостатках писал»[611] и др.

Мы закончили обозрение всего того материала, который дают почтовые записные книги Архангелогородской почты за 1698—1700 годы. Сделаем теперь выводы из этого обозрения.

Нельзя сказать, чтобы этот материал давал возможность сделать какие-нибудь неожиданные выводы, но, несомненно, что он весьма важен, как подтверждение целого ряда положений, которые можно было высказать a-priori.

Никто и никогда не сомневался, что почта прежде всего служила интересам правительства. Здесь мы имеем целый ряд указаний на то, как правительственные учреждения пользовались почтой для административных, судебных, а в особенности — финансовых целей. Помимо чисто фискальных интересов, правительство блюло и свои промышленные интересы, потому что казна еще продолжала быть купцом и

---

[611] М. Арх. М. И. Д., карт. 6, л. 195, об., 263, 277; об., 281; об., 313; об., 314.

промышленником. Гораздо слабее указания на культурные цели почтовых сношений, но и они несомненно существуют.

Иноземцы, основатели многих промышленных предприятий в России, в том числе и самой почты, естественно были первыми и самыми главными корреспондентами. Большой процент «немецких грамоток» в почтовом обороте нисколько не является для нас неожиданностью, несколько неожиданным является только то обстоятельство, что число фамилий иноземцев весьма мало превосходит число фамилий русских корреспондентов. Впрочем, при малом количестве приходящихся на каждого русского пакетов, это обстоятельство не представляется особенно важным.

Участие русских торговых людей в почтовой переписке до сих пор не было предметом ученого исследования. Но сношения русских торговцев с иноземцами — факт общеизвестный, а при дальности расстояния между Архангельском и Москвою нужда в письменных сношениях была несомненная. Учреждение почты шло навстречу этой нужде и было бы странно, если бы русское купечество не воспользовалось новым способом сношений. Что почта нужна была русским людям исключительно для торговых целей — видно из того, что они пользуются ею почти исключительно осенью, в ярмарочное время. Напрасно впрочем доказывать, что пользование почтою с какою бы то ни было целью должно было приучить общество к этому важному культурному учреждению и сделать почту в самом непродолжительном времени орудием всяких, не только экономических сношений.

Здесь уместно припомнить также то обстоятельство, что Рижской и Виленской почтой русское купечество пользовалось весьма мало. Чтобы объяснить это, необходимо коснуться вообще значения важнейших торговых путей того времени. Захватив в начале XVII в. берега Балтийского моря и далеко отодвинув от них русские владения, Шведы тем не менее хотели сохранить и воскресить замиравшие торговые связи Руси через Новгород с Балтийским морем. Поэтому они

весьма тревожились развитием Московско-Беломорского пути и их коммерческие агенты тщательно изучали вопрос об условиях, при которых можно было бы приостановить развитие этого последнего пути. Но основательное ознакомление с этими вопросами ясно указывало им на невозможность осуществления этих планов. Иностранцы, конечно, предпочитали вести торговлю с Московским государством непосредственно, а не через Шведские владения; поэтому они предпочитали совершать лишних 50 миль, огибая Скандинавский полуостров, чем проникать в Московию через Ревель или Ригу. Затем, еще с половины XVI в. англичане, а за ними другие иностранцы, начали пользоваться Архангелогородско-Московским путем, изучали местность, где пролегал этот путь, открыли свои фактории в Холмогорах, Вологде и пр., имели склады, суда, рабочих. Все это заставляло их дорожить привычным путем. Что касается русских торговых людей, то, независимо от тех же условий, они дорожили Архангелогородским путем, потому, что он был удобен и зимой, и летом, тогда как Новгородский путь летом был очень неудобен и лишь зимой был дешевле Архангелогородского: затем, по этому последнему пути, русские много зарабатывали на фрахте. Русскому правительству было также важно поддерживать Московско-Архангелогородский путь, потому что здесь оно получало большой доход от таможенных сборов, не считая пошлин с кабацких, соляных и железных промыслов, развитие которых также было связано с процветанием этого пути[612].

---

[612] Города по этому пути давно уже вели обширную торговлю. Вологодский край был богат салом и льном. Англичане и голландцы имели торговые дворы в Вологде еще в XVI веке. Англичане говорили, что нет города в России, который бы не торговал с Вологдою. Большинство судов, плававших по Сухоне, принадлежало Вологодским купцам. Тотьма в XVII веке заняла также видное место по торговым оборотам, Устюг Великий был центром меховой торговли. (Краткий истор. очерк развития водяных и сухопут. сообщений и торговых портов в России, Спб., 1900, стр. 30—31). О торговом значении Холмогор и Архангельска

Все эти условии делали надежды Шведов на оживление и возрождение Московско-Балтийской торговли мало основательными[613], эти же условия влияли и на почтовые сношения по известным нам дорогам, направляя русскую торговую корреспонденцию почти исключительно к Архангельску.

С приобретением берегов Балтийского моря при Петре В., последовали крупные перемены и в направлении русской торговли... и в почтовых сношениях.

XIII

Правительственные почты в последней четверти XVII века. — Сибирская почта. — Южные почты (на Киев, Запорожье, Белгород, Азов, Воронеж, Тамбов). — Западные почты (Москва — Мигновичи, Псков — Великие-Луки и Псков — Смоленск). — Жизнь и распорядок правительственных почт

Архангелогородская почта, как мы видели, была почтой, собственно говоря, правительственной, с допущением почтмейстера к пользованию её доходами. Мы отнеслись к ней

мы уже упоминали. Авторы только что цитированного труда ошибаются, полагая, что «главные торговые операции в городах Беломорского пути производились в летние месяцы: июнь, июль и август — в эти месяцы на Беломорском пути было особенное оживление». Мы уже отметили в тексте оживленность сношений в сентябре, октябре и ноябре. Дороги в это время, конечно, портились, но дело в том, что иностранцы намеренно медлили со сделками, надеясь понизить цены русских товаров, русские делали то же, и операции летом шли чрезвычайно вяло. Хотя официально ярмарка происходила с 1 июня до 1 сент., но первые иностранные корабли редко приходили ранее августа, уходили к концу сентября, а купцы не разъезжались до декабря (см. выше, стр. 88; также срв. т. II, 299, 388; Кильбургер, 156; Б. Курц, Донесения Родеса и Архангельско-Балтийский вопрос в полов. XVII в., Ж. М. Н. Пр., .1912, кн. 3, стр. 93; П. Мельгунов. Очерки по истории русской торговли IX—XVIII в., стр. 207).

[613] Обстоятельное рассмотрение всех, затронутых здесь вопросов см. в упомянутой статье г. Б. Курца.

с большим вниманием между прочим, также потому, что управляли ею Виниусы и она обслуживала интересы не только правительства, но и частных людей. Еще более правительственной может быть названа почта Сибирская, хотя она также доступна была для пользования общества. Главным основателем её был также А. А. Виниус, но не как частный предприниматель, но как своего рода министр — думный дьяк Сибирского приказа. Почта эта не могла давать в то время *дохода* и потому о роли *предпринимателя* здесь говорить не приходится.

Развитие путей сообщения в Сибири связано с именем кн. В. В. Голицына. Иностранец Нёвилль, в своей «Relation curieuse et nouvelle de Moscovie» передает рассказ, слышанный им от переводчика Сиафария. Этот Сиафарий был послан князем Голицыным в Китай. Два года пробыл он в путешествии, преодолевая многие трудности; но за то он собрал много сведений о местах, по которым ему приходилось ехать. По возвращении своем в Москву он обнадежил Голицына, что можно и по Сибири устроить путь столь же удобный, как и по всякой другой, европейской стране, Голицын приступил к устройству дороги для проезжающих. От Москвы до Тобольска, главного города Сибири, устроили по нескольку деревянных домов на каждых 10 милях и поселили в них по нескольку крестьян, отведя им земли, с условием, что каждый дом должен содержать по три лошади для проезжающих, взимая за то плату в свою пользу по 3 деньги за 10 верст. По всей Сибирской дороге, также как и по всей Московии, поставили столбы с означением пути и числа миль. Там, где снега столь глубоки, что лошади не могут идти, также построили дома и поселили в них осужденных на вечное изгнание, снабжая их припасами и заведя у них больших собак, которых можно запрягать в санки для езды по снегам[614].

[614] Рус. Вестник, 1841 г., т. IV, 153—154. См. у Гурлянда, стр. 204.

Дальнейшая забота о путях сообщения в Сибири выпала на долю А. А. Виниуса, вступившего в заведывание Сибирским приказом не позже 1694 г. Он, действительно, стал заботиться об устройстве правильных и постоянных сношений с Сибирью, велел составить описание путей, городов, карты Сибири, и наконец — учредить почту.

Важнейшими пунктами на Сибирской дороге были — Нижний Новгород[615], Кузьмодемьянск, Казань, Царево-Санчурск, Верхотурье, Тюмень, Тобольск, Березов, Сургут, Томск, Енисейск, Красноярск, Мангазея, Илимск, Якутск, Иркутск и Нерчинск[616]. Сибирская почта была окончательно установлена накануне возвращения Петра Вел. из-за границы; но ходила она пока только до Тобольска, в летние месяцы, *трижды в год*; особенно важно то, что этой почтой разрешено было пользоваться частным лицам. За доставку писем взималось по таксе, составленной 21 октября 1697 г. Такса эта следующая:

Роспись платежная грамоткам

С Москвы до Верхотурья и до Тюмени и до Тобольска — по 6 алтын; до Березова, до Сургута, до Томска, до Енисейска, до Красноярска, до Мангазеи — по 10 алтын; до Илимска, до Якутска, до Иркутска, до Нерчинска — по 16 алт. по 2 деньги с золотника; а буде с Верхотурья, или из Тобольска учнет кто писать в те Низовые города, и им Московской провоз до Верхотурья и до Тобольска зачитать, а из Сибирских городов и с Верхотурья торговых грамоток о посылке к Москве и о взятье провозу чинить по сему ж в. г-ря указу и по грамотам в. г-ря,

---

615 В Архиве Морского Министерства есть дело о принятии почты самим государем от почтаря на урочище Крутой-верх, в 10 вер. от Богородска (Дела Приказа Б. Казны пр. № 46, л. 185.

616 В Акт. Ист. т. V, № 294 и 295 напечатаны отписки Нерчинского воеводы, посланные «через почту наскоро» до Удинского, в декабре 1699 г.

каковы о том посланы во все Сибирские города. Октября в 21 день 7206 года[617].

Таможенным головам, которые принимали письма и взимали плату, приказано было «отнюдь ничьей грамотки не распечатывать и не смотреть, чтобы всяк, заплатя пристойную заплату, был обнадежен, что его грамотка в дом к нему дойдет».

Учреждение почты и вероятная реформа ямских учреждений, которая всегда находилась в связи с открытием новой почтовой дороги, могли произойти по причине зарождавшихся у правительства планов оживления торговли с Китаем. «Торговым людям», говорится в указе от 12 ноября 1698 г., приезжим, в промыслах их великая належит нужда, едучи в Китайское государство, о себе в дома и к родителям своим о нуждах своих писать»[618].

Письма из Сибири шли до Москвы, а те, которые были адресованы к Поморью до Верхотурья. По свидетельству Гордона, письма из Тобольска в Архангельск доходили в 2 месяца 20 дней. Особых почтмейстеров на этом пути не было назначено, а равно не упоминается и об особых присяжных почтарях.

Высокая такса на письма *(6 р. 80 к, на золотник* на наши деньги от Нерчинска до Москвы) давала возможность пользоваться почтой только богатым людям. Поэтому говорить о её широком культурном значении для Сибири пока не приходится: но не будем забывать, что интересы администрации и торгового класса так тесно переплетаются с нуждами общества, что даже при вышеуказанном положении дела учреждение почты представляет великое событие из истории Сибири.

Для корреспонденции своего приказа и своей лично, А. А. Виниус, конечно, усердно пользовался услугами Сибир-

---

617 П. С. З., III, № 1654.

618 Хрущов, стр. 26.

ской почты[619]. 28 янв. 1701 г. состоялся указ, чтобы особых посланцов воеводы посылали лишь с казной; а «отписки всякие против в. г. грамот отповеди присылать к Москве из Сибирских городов с почтой от города до города»[620].

Переходя на юг, мы должны констатировать здесь возникновение целой сети чисто правительственных почтовых дорог. Все они имели однообразный характер, поэтому характеристику их будем изображать в одной общей картине. Перечислим сперва важнейшие из них.

1) Москва — Калуга — Севск — Киев.

2) Москва — Калуга — Севск — Ахтырка — Полтава — Запорожье.

3) Москва — Тула — Мценск — Курск — Белгород.

4) Москва — Тула — Новый-Оскол — Азов.

5) Москва — Коломна — Тамбов.

Возникновение этих почтовых путей обыкновенно было связано с интересами военного времени; очень часто конечным пунктом такой дороги называются «полки такого-то воеводы. Вот некоторые подробности их возникновения.

Малороссийская почта. Царь Федор Алексеевич посылая в 1676 г. кн. Ф. Волконского воеводою в Переяславль, поручил ему — «если услышит о появлении моровой язвы в соседних землях, о том писати г-рю чрез почту», а если получит известие особенной важности, «о том писать г-рю к Москве с нарочными гонцы наскоро»[621]. Но почты в этих местах, очевидно, уже не оказалось, потому что 20 августа 1677 года кн. В В. Голицыну с товарищами было послано уведомление, что от Москвы по Калужской дороге до Севска и до Малороссийских городов велено «учинить почту, чтобы в гоньбе

---

[619] В сент. 1699 г. он отмечает в книге своих черновиков: «В Сибирь к боярину и воеводе, к архиерею, о Ремезовых чертежах и о костях больших змеиных на Тюмень и поповы грамотки тут же послал» (Моск. Архив М. Ин. Дел, Почтовые Дела, карт. 6, л. 195 об.).

[620] М. Архив М. Юст. кн. Разр. пр. Ден. стола. № 250, л. 22 об.

[621] А. А. Э., IV, № 24.

мотчания не было и потому» «вы б, боярин наш и воеводы, о вестях к нам, в. г-рю, писали почасту с нарочными гонцы чрез уставленую почту, чтобы нам, в. г-рю, о тамошних поведениях было ведомо подлинно, скорыми днями и для того, по нашему в. г-ря указу, и почта учинена». При этом приложена была и роспись станов. 1) на Москве, 2) 35 вер. от Москвы, в дер. Пахре, 3) в с. Спасском, от дер. Пахры — 25 вер., 4) через 25 вер. — у Покрова Пресв. Богородицы, 5) через 24 вер. — в с. Недельном, 6) через 20 вер., в с. Гурьеве, 7) через 20 вер. — в Калуге, 8) через 30 вер. — в Лихвине, 9) через 30 вер. — в Белеве, 10) через 40 вер. — в Болхове, 11) через 40 вер. — в Новой Слободке, 12) через 30 вер. — в Карачеве, 13) через 45 верст — в с. Чаянках, 14) через 30 вер. — в с. Любокше, 15) через 40 вер. — в Севске, 16) через 30 вер. — в с. Фетишах и 17) через 30 вер. — в Глухове[622]. «А от Глухова», читаем в другом расписании, «в Малороссийских городех почты не бывало; а по сказке гетманского сына стряпчего Василия Скоропацкого от Глухова до Бужинского перевозу дорога; от Глухова на Конотоп — 70 верст, от Конотона на Ромен — 70 верст, от Ромна степью до Днепра — 100 верст, а городов и местечек и сел и деревень нет, все в сторонах»[623].

Следовательно, только от Глухова кн. Голицын мог рассчитывать на правильную доставку своих отписок. Год спустя, 8 августа 1678 г., Севский воевода, Леонтий Роман. Неклюев, получил новую грамоту о Малороссийской почте: для скорых посылок с Москвы в полк кн. Гр. Гр Ромодановского — учинить почту от Севска до Глухова, Конотопа, Ромен. Днепра и до самого полку так, чтобы стан от стану был не далее 30 верст[624]. То же распоряжение было повторено в декабре

---

[622] Моск. Архив Мин. Юст., Белгор ст. Разр. столбцы, № 847, л. 167—9. В другом месте между Москвой и Калугой упоминается стан лишь в Царе (ibidem, № 870, л. 736).

[623] Ibidem, № 870, л. 736—737.

[624] Моск. Архив Мин. Юст., Белгор стола Разр. столбцы, № 880, л. 170.

(для посылки почты к гетм. Самойловичу и в Киев к бояр. и господе кн. Никите Сем. Урусову и в другие города)[625]. Такое же распоряжение об устройстве Малороссийской почты послано было кн. Мих. Алегук. Черкасскому 4 июня 1679 г.[626] Вероятно, на этот раз удалось установить ее окончательно. По крайней мере к 1680 г. говорится о почтовых лошадях в Киев, а в указе 20 июня 1695 года прямо предписывается посылать отписки из войска этою почтою[627].

Запорожская почта. 4 августа 1686 года генерал и воевода Гр. Ив. Косагов писал в. г-рю, что для посылки вестовых отписок и всяких дел к Москве у него не хватает посыльщиков, а полковники, сотники и урядники не дают подвод. Государи указали: «учинить почту по городам Украиным и Слободскими до Переволочны и до Кодака и до Запорожской Сечи пристойными месты, которыми б проезд, был, от неприятелей безопасно». Грамота была послана Севскому воеводе, Леонтию Неклюеву[628]. Неклюев послал Стародубца Ивана Дубровского к гетману Самойловичу и просил дать распоряжение Полтавскому полковнику, чтобы тот дал гонцу людей, знающих этот путь. Полковник дал Дубровскому нужных

---

[625] При этом единственный раз в истории правит. почт упоминается, что почта должна ходить 2 *раза в неделю* — во вторник и в пятницу (ibidem, № 958, *л.* 223, 231). О почтовом сношении южного Переяславля с Киевом см. А. А. Э., IV, № 211.

[626] М. А. М. Ю., Белгор ст. Разр. столбцы, № 1105, *л.* 48.

[627] Там же, № 1443, *л.* 32. По другим известиям, существовал еще такой почтовый путь до Киева: Москва — *Вязьма* — Калуга — Севск — *Брянск* — Киева. По моему мнению, нет основания думать, что частная корреспонденция из Москвы до Киева не доставлялась, и притом даже надо предполагать, была значительной. К сожалению, в Московских архивах мы не достали сведений о той почте, которая, по свидетельству Закревского, принимала письма в Киеве, Нежине и Батурине еще в эпоху Марселисов.

[628] Там же, № 1198, *л.* 812. В другом месте начальным пунктом этой дороги назван Китай-город на р. Орсли (ibidem. № 1081. *л.* 84—88).

людей[629]. Но в 1687 г. почта стояла только «от Москвы до Ахтырска и Коломка в 16 местах»[630].

Белгородская почта. Начало Белгородской почты уловить довольно трудно; определенно о ней можно говорить только с 1689 г.; между тем постановка почты по пути Тула — Чернь — Мценск началась еще в мае 1687 года. Капитану Московских стрельцов Мих. Шпанееву поручено было поставить почту в 4 местах. Один из станов был им устроен в с. Скуратове (1 1/4 вер. от Черни), другой — во Мценске[631]. Тогда же, 2 июня 1687 г., Хотмыжский воевода Г. Елагин, получил указ поставить почту (до Белгорода?), который он и исполнил[632]. Наконец, в феврале 1689 года в Серпухов, Тулу, Мценск, Курск воеводам и приказным людям было послано извещение, что для скорой посылки грамот в полки учреждается почта от Москвы до Рублевки(?), на 20 станах[633]. Есть указание, что между Белгородом и Азовом также существовало почтовое сообщение в военное время (через Новый Оскол или Валуйку, в 1695 г.)[634].

Воронежская и Азовская почта. Почта на Воронеж вызвана была, по-видимому, «корабельным строением», а на Азов — знаменитыми Азовскими походами. Перечисление городов, где находятся почтовые станы от Москвы до Валуйки дошло до нас от 1695 года. Это перечисление таково: Москва — 90 вер. — Серпухов — 90 в. — Тула—120 в. — Новосиль — 120 в. — Ливны — 60 в. — Старый Оскол — 70 в. — Новый

---

[629] Моск. Архив М. Юст., Белгор стола Разр. столбцы, № 1081, л. 84—88.

[630] Там же, № 1098, л. 45.

[631] Там же, № 1275, л. 585.

[632] Там же, л. 667—669.

[633] Там же, № 1322, л. 130-131. Между Белгородом и Курском упоминается еще Обоянск. (Там же, № 1673, л. 444).

[634] Там же, № 1406, л. 639.

Оскол — 70 в. — Валуйка[635]. За Валуйкой несколько позже упоминается Гундорово. В 1096 году на время Азовских походов была поставлена почта от Москвы до Воронежа из Разряду. Почту гоняли между Москвой Тулой и Ефремовым — Московские и Тульские ямщики, а в Ефремове, Ельце и Воронеже выборные дети боярские городовой службы. Последним велено быть по 2 или 6 чел. на стану с добрыми лошадьми по числу людей[636]. От 1699 года дошло перечисление станов до Воронежа: Москва, Серпухов, Тула — 20 в. — Дедилово — 20 в. — Богородицкое — 30 в. — с. Плотовое — 30 вер. — Ефремово — 25 вер. — Поленки — 25 вер. Елец — 30 в. перевоз через р. Дон — 30 в. Подхлевное или Хлевное — 40 вер. — Воронеж[637]. 12 февр. 1700 г. из Разряда был послан указ в Ямской приказ, чтобы поставить почту от Москвы до Воронежа через Молоди, Серпухов, Вашану, Тулу, Дедилов, Богородицкое, Никитское, Ефремово, Елец, Дон и Хлевное[638]. На почте велено было поставить посадских и городских людей; на каждом стану велено иметь по 2 лошади со всякой гонебной рухлядью и гонять почту в указные числа и часы. Об этом были посланы также грамоты воеводам и указ в Ратушу. В Разряде была произведена выписка из переписных книг о количестве, посадских и служилых людей в Серпухове, Туле, Ефремове и Ельце, и согласно с этой выпиской гоньба почты в Серпухове, Туле и Ельце была возложена на посадских людей, а в Ефремове на драгун («10 дворам самым добрым людем»).

От Воронежа до Азова шел почтовый путь еще в 1697 г. так: Воронеж, Коротояк, Острогожск, Новый-Оскол, Валуйка,

---

[635] Моск. Архив М. Юст. Белгор. стола Разр. столбцы, № 1424. Упоминается еще почтовый стан в новом городе Сергиеве (ibidem, № 1417, л. 214).

[636] См. т. II, № 104.

[637] Там же, № 1693, л. 511—513.

[638] См. т. II, № 104, «Записная тетрадь, как шли дьяки под Азов», П.-Тел. Журн., 1899, сент., 962.

Гундорово, Черкаск, Азов[639]. Таким образом путь от Москвы до Тулы и от Азова до Нового Оскола был один; а между Тулою и Новым Осколом было 2 почтовых пути: один через Новосиль, другой — через Воронеж.

Тамбовская почта. В 1677 или 1678 г. была послана царская грамота на Коломну об учреждении почтовых станов от Москвы до Тамбова для переписки с Тамбов. воеводой, думн. двор. Як. Тим. Хитрово. Между Москвой и Коломной упоминается стан в Бронницах, а за Коломной — Неревитск[640].

На западе от Москвы за последнюю четверть XVII века видим только две попытки устройства правительственных почт.

В 1683 году, в эпоху полного упадка Виленской почты, правительство наскоро завело курьерское сообщение по Смоленской дороге, от Москвы до Смоленска и до Мигнович. Велено было в Москве и по селам поставить нарочных ямщиков с 4 хорошими лошадьми на каждом месте. Такие станции были устроены: в Кубенском, Можайске, Будаеве-городище, Цареве-Займище, Вязьме, Чоботове, Дорогобуже, Пневе, Смоленске, Досугове. В марте следующего 1684 г. возникло дело о вознаграждении ямщиков за эту чрезвычайную гоньбу[641].

Второй правительственной почтой была почта от Смоленска до Пскова. 24 июня 1697 г. царь Петр Алексеевич велел устроить почтовую гоньбу от Великих Лук до Пскова, расставив по пути 5 почтарей — стрельцов с лошадьми и подводами. Поставка подвод была возложена на указные места[642]. Станы были: Великие-Луки — 50 в. — Навлицы — 50 в. —

---

639 Воронежский Юбил. Сборник, ст. Л. Вейнберга, стр. 429. Есть упоминовение, что почта из Воронежа в Азов была послана через Старый Оскол (Моск. Архив М. Юст., Белгор. стола Разр. столбцы, № 1895, л. 300).

640 Моск. Архив М. Юст., Белгор. ст. Разр. столбцы, № 870, л. 732—735.

641 Т. II, № 96.

642 Т. II, № 98.

Калково — 40 в.— Вороночь — 50 в. — Остров — 50 в. — Псков. Позже почта эта ходила до Литовской границы, станы были в 3 местах и гоняли почту Псковские ямщики[643].

16 ноября 1700 г. А. А. Виниус получил из Ругодива от фельдмаршала Ф. А. Головина письмо (помеченное 6 ноября). В этом письме Головин сообщает, что государю угодно, чтобы Виленская почта имела ветвь на Псков, либо прямо из Вильны, либо из Смоленска. Виниус списался по этому вопросу с Шретером и его товарищем, Шульцем. Те сообщили, что через Литву гнать почту от Вильны до Пскова невозможно, потому что «никогда тем путем почта не хаживала». Тогда Виниус предложил следующее: послать грамоты к воеводам в Смоленск, чтобы оттуда послали «доброго» подъячего для постановки почтовых станов, на расстоянии 60—100 верст, а на этих станах чтобы воеводы и приказные люди поставили по 2 чел. почтарей с лошадьми, выборных «из какого чину пристойно» и дать им обычные почтовые правила. Во Псков также послать грамоту, чтобы воевода назначил особого подьячего для присмотру за правильным хождением почты и ведения тетради с записью приемов и отпусков почты. Почтарь, привезший почту во Псков, может быть из Пскова отправлен в полки для доставки почты по назначению. От себя Виниус послал опытного в деле Гаврилу Петрова и просил дать ему от Москвы до Смоленска и обратно подводу с проводником.

Совет Виниуса был исполнен. 22 ноября послана была грамота во Псков о приготовлении всего нужного для почты; 25 ноября — в Смоленск о посылке доброго старого подъячего для постановки почтовых перемен и соответствующих распоряжений. Эта грамота была послана с Гаврилой Петровым.

Воевода Смоленский, Вл. П. Шереметев, 7 декабря послал для постановки почты подъячего Федота Дементьева.

[643] См. ниже.

Последний сделал все по наказу. На переменах поставил признаки (столб с колесом); попам и дьячкам поручил записывать в тетради почтовые приемы и отпуски. Расписание перемен следующее:

Смоленск — Стабиа — Помогайлово — Духовщина — 40 верст.

Духовщина — Тянолово — Матвеева — Дурново — Рудня — Гринцово — Дмитрово — Добрино — 60 верст.

Добрино — Погорелово — Горки — Задорье — пустошь Груехово — Егорье — Милятина — Аверково — Полки — Силиченская — Горбачи — Сковородники — погост Прилук — 80 верст.

Погост Прилук — Ямица — Шиблово — Устье-погост на дер. Плехтино — Столпище — Вабино — Быково — Волково — Пухтево — Щукина — Красное сельцо — Тараканово — Кунево — Великие Луки — 60 верст.

Великие Луки — Манкино — Дружининио — Пущино — Враг — Заболотье — Ровня — Дроздово — Улицы — погост Петровское —погост Иванково — Утехино — 70 верст.

Утехино — Фишново — Бежаницы — Руса — Мухино — Михалкина — Ядриницы — Хохалево — Попово — Приезжий двор, пустой пригород у деревни Деревицы — 60 в.

Деревня Деревицы — Степановское — Котельное — Лиственка — погост Верхний мост — Давыжья гора — Рябово — Псков — 90 верст. Всего от Смоленска до Пскова 460 верст.

Путь этот был признан удобным во всякое время года.

К своему доезду Федот Дементьев приложил и почтарские выборные, обычного содержания; особые места в них отметим — Выборная села Духовщины упоминает, что от Смоленска до Духовщины (40 верст) почтарь может доехать в 10 часов (стало быть всего по 4 версты в час! значит, дорога была очень тяжелая). Выборная деревни Добрино упоминает о том, то от этой деревни по направлению к Пскову верст на 30 никакого жилья нет «которые и были жильцы и ныне те от ратных людей, от казаков разорены». В выборной погоста

Прилук упоминается, что подъячий Дементьев дал тамошнему попу для записки «тетрадь бумаги».

На запрос Псковского воеводы В. Б. Бухвостова о том, как быть с прежде установленной почтой от Пскова до Литовской границы в 3 местах (из Псковских ямщиков), 13 декабря был послан ответ, что этой почты до указу сводить не следует. Таким образом из Пскова на юг было уже 2 почтовых пути.

5 января 1701 г. подъячий Федор Дементьев вернулся в Смоленск и представил доезд, роспись станов и выборные. Все это В. П. Шереметев препроводил 20 января в Москву[644].

Позже эта почтовая дорога шла до Смоленска, через Торонец: был послан подъячий, который устроил станы, разместил почтарей и пр. (кажется, при этом был снят почтовый стан в Вел.-Луках)[645].

Закончив перечисление всех известных нам дорог правительственных почт, бросим беглый взгляд на их жизнь и распорядок.

Очень редко бывает, что во главе такой почты стоит одно лицо. Два случая, которые нам известны, как раз относятся к тем почтам, где принимались письма частных лиц, а именно Сибирской, во главе которой стоял А. А. Виниус, и Воронежской (письма из Воронежа в Москву велено доставлять Фед. Алексеев. Головину)[646]. Обычно каждая почта состоит в ведении того или другого приказа Большая часть почт учреждалась Разрядным приказом, так как имела военные цели; но в качестве организаторов почт, иногда, по почину Разряда, выступают также Ямской приказ, Приказ Малыя России, Конюшенный, Пушкарский, Владимирский, Судный и др. Строилась почта обычно стрельцами или вообще служилыми

[644] См. т. II, № 106.

[645] Моск. Архив М. Юст., Новг. стола Разр. столбцы, № 250, л. 318—321.

[646] Свои письма Е. И. Украинцеву в Константинополь Виниус посылал «чрез гетмана» (Моск. Архив М. Ин. Дел, Почт. Дела, карт. 6, л. 273 об.).

людьми[647]; иногда почтари выбирались из жителей или ямщиков. Для устройства почты посылались капитаны стрелецкие или подъячие, с наказами. Так напр., когда Разряд был озабочен устройством белгородской почты, то капит. Ив. Рукин предъявлял воеводам такой наказ: предписывается оказывать ему содействие; давать для постою стрельцов, посланных с ним — пространные дворы на дороге, а не в переулках, с крытыми конюшнями и сараями, а равно и житницы для сена и овса; за стрельцами смотреть накрепко, чтобы они не пили и не бражничали и ни за каким дурном не ходили», из станов никуда не отлучались; чтоб лошади у них были всегда оседланы и были готовы к гоньбе; чтоб, приняв почтовые письма, они ездили от стану до стану наскоро, не мешкая нигде ни за чем; чтоб лошадей кормили овсом и сеном, чтоб те лошади беспрестанно были готовы к гоньбе (1689 г.)[648].

Почтари получали знаки, хотя и не всегда (обычно — металлические, с изображением двуглавого орла). Есть один случай, когда почтари подавали челобитную о выдаче им таковых знаков, потому что без знаков — воровские люди не верят, что они почтари, бьют их, грабят, отнимают епанчи и лошадей (1696 г.)[649]. Иногда и знак помогал мало: один сотник (в Боронле) отколотил почтового стрельца, а его жена, сняв с почтаря знак, бросила его «в непристойное место»[650]. Но правительство все-таки бдительно охраняло своих почтарей: всякая их жалоба вызывает строгое расследование. За только что рассказанное оскорбление почтаря сотник и его жена были раздеты донага и биты нещадно батогами; пуб-

---

[647] От Азова (б. ч. до Валуйки) всегда гоняли почту казаки, и притом преимущественно — казаки Гундоровской станицы (на лев. бер. Донца, в 120 вер. от Новочеркасска).

[648] Моск. Архив М. Юст., Белгор. ст. Разр. столбцы, № 1322, л. 130—131.

[649] Там же, № 1489, л. 857—860.

[650] Там же, № 1291, л. 76—79.

лично было объявлено, что они заслужили смертную казнь и лишь ради их «иноземства» в. г-рь ограничивает им наказание. А Краснокутский воевода только за то, что задержал почтаря, был бит батогами и посажен в тюрьму на 3 дня[651].

Уплата прогонов ямщикам и почтарям шла, по обычаю, туго. 17 апреля 1698 г. Тульские ямщики просят уплатить им прогоны, которых они не получали более 2 лет[652]. Сохранилась грамота Петра I от 1698 г. на имя Азойского воеводы кн. Прозоровского, из которой узнаем, что Гундоровские казаки, гонявшие почту от Валуйки до Черкасска, отказались от нее, несмотря на то, что воевода предлагал им 130 руб. и год (вместо назначенных правительством 100 руб.). 19 августа 1700 года решено было отдать Азовскую почту с торгов. На торг явились полковник Азовских казаков Николай Васильев, пятидесятник Иван Волков и Азовский житель, банщик Григорий Зайцев. Первый просил за доставку почты 240 руб. в год, второй — 260, а третий — 245 р. Сверх денежной суммы Васильев просил еще по 25 четв. ржаной муки и овса. Почта была отдана Николаю Васильеву[653].

Так как почта обслуживала лишь правительственную корреспонденцию[654], то запечатывалась она б. ч. в один пакет или сумочку (в одном случае почтарь говорит, что он письма и деньги запаковал «в подголовок»[655]. Вместо почтовых «записных столбцов» здесь употребляются либо простые расписки в приеме почты, либо же прямо на обертке делаются на каждом стану записи, когда почта пришла (с точностью) и когда она отпущена далее[656]. На станах для этого были

---

651 Моск. Архив М. Юст., Белгор. ст. Разр. столбцы, № 1291, л. 76—79.

652 Там же, № 1673, л. 317—357.

653 Почт.-Тел. Журн., 1899, окт., 1897.

654 Два раза упоминается о посылке курантов: один раз по Киевской почте в Москву, другой — из Москвы (от Виниуса, неоднократно) в Азов к царю Петру.

655 Моск. Архив М. Юст., Белгор. ст. Разр. столбцы, № 1406; ibidem, № 1443, л. 213 упоминается о «холщевом мешочке».

656 В одной записи помечено, что печати «помяты» (ibidem, № 1890).

подъячие, которые поочередно сменялись. Один воевода отказался дать подъячего на почтовый стан; за это он лишился места и был посажен в тюрьму на 1 день[657].

Интересно познакомиться с быстротой правительственного почтового сообщения. Почта от Азова до Москвы приходила в 10 дней: письма, посланные 19 июля 1695 г. из Азова, прибыли в Москву 29 июля[658]. Киевская почта поспевала в Москву через 15—20 дней, но экстренная почта доходила в 6—8 дней[659]. 25 мая 1691 года ямщик Московской Рогожской слободы Спиридон Кондратьев явился в Приказ Малыя России и представил в обертке гетманские листы к государям о «нужных делех». Листы эти были посланы из Батурина в Москву 12 мая, стало быть шли 14 дней, тогда как гетманские гонцы из того же Батурина поспевали в Москву с гетманскими письмами на 5-й или на 6-й день. За такую медленность ямщик был арестован и послан в Ямской приказ для наказания[660].

С заботами о приведении в порядок дорог при устройстве почты приходится встречаться редко, потому что при беспрестанных передвижениях войск, само собою, каждый раз дороги приводились в порядок, устраивались мосты, переправы и т. п. Приведем только два, более или менее интересных случая.

Елецкий воевода Артемий Ив. Ознобишин писал г-рю в 1696 г. следующее. На р. Сосне, подле Ельца, был мост. Этот мост был отдан Знаменскому женскому монастырю «на свечи и на ладан и им на пропитание»; а крестьян и бобылей у этого монастыря нет. И вот теперь этот мост от прибылой воды льдом подняло и водою разнесло, ездить по нему стало невозможно, а за прибылою водою вновь построить его также

---

657 Моск. Архив М. Юст., Белг. ст. Разр. столбцы, № 1269, л. 643—657 и № 1275, л.585.

658 Письма и бумаги Петра В., т. I, стр. 526.

659 Brückner, Russ Postw., 826. Указ 29 мая 1693 г.

660 П. С. З., III, № 1408.

невозможно. Тогда воевода «по великой нужде» для переправы почты, государевой казны и всяких полковых припасов, устроил через р. Сосну 2 гати. Точно также, в 20 вер. от Ельца, по Воронежской дороге, был перевоз через Дон, а теперь «от берегу льды отопрели и переезжать не мочно»; пришлось и тут устроить 3 гати. Обыкновенно в полую воду через Сосну и Дон устраивается перевоз на паромах, но воевода, осмотрев эти паромы, пришел к заключению, что они слишком малы и плохи и потому велел всем окрестным жителям «у кого объявятся комяги и лодки со всякими припасы» изготовить их для казенных надобностей. Обо всем этом воевода доводит до сведения. — Его распоряжения были признаны недостаточными; велено на реке Сосне сделать мост[661].

А вот не лишенное интереса описание Воронежской дороги у одного иностранца (ок. 1701 г.): дорога исправлена; поставлены верстовые столбы, на каждом из которых написано «1701 г.» по-русски и по-немецки (sic). Столбы — выкрашены красною краской. Между столбами посажены деревья по обе стороны дороги, иногда по 3 и по 4 вместе, переплетенные ветвями (вероятно, на случай зимних бурь). Насчитывали 552 столба и не меньше 200 тыс. деревьев по дороге[662]. Через каждые 20 верст по этой дороге стоял «царев кабак». В деревнях ночью крестьяне выходили за ворота с пучками зажженной соломы для освещения пути[663].

Несмотря на то, что дороги были правительственные, почтари нередко подвергались нападениям «воровских людей»[664], а по Азовскому пути нападали и действительно неприятели — Крымские татары.

---

661 Моск. Архив М. Ю. Белгор. ст. Разр. столбцы, № 1436, л. 43—47.

662 Voyages de Corn. Le Brun par la Moscovie etc. Воронеж. Юбил. Сборник, I, 435—436.

663 Устрялов, История Петра В., т. IV ч. 1, стр. 221.

664 Иногда, как мы видели, и служилые люди поступали с почтарями без церемонии. В февр. 1679 г. в Болхове солдаты задержали почтаря, побили его и «печать с писем стерли». Пришлось воеводе

Подводя итоги нашим наблюдениям над порядками правительственных почт, мы ясно видим, что сделанный опыт дал правительству вполне удовлетворительные результаты. Оно быстро развивает почтовые сношения по разным направлениям, энергичной и твердой рукой устраивает пути и станы и блюдет на них порядок, быстро исправляет все замеченные недочеты. Помимо той пользы, которую приносили почты в административных и военных целях, они выраба-вырабатывали в эту эпоху у правительства опыт, сноровку и знание для последующего развития этого дела не только в своих интересах, но и в интересах общества. Правда, многочисленные заботы, лежавшие на Петре В. в первые годы XVIII века, не дали ему возможности сразу взять все почтовое дело в правительственные руки, но, несомненно, он уже пошел по этому пути и осуществил это в 20-х годах. В начале XVIII века Россия имела 3 почтовых дороги, бывшие в руках предпринимателей, 3 правительственные, но доступные для пользования частных лиц[665] и несколько чисто правительственных. Подготовительный период великого культурного дела окончился.

запечатать письма своей печатью. (М. Архив М. Ю., Белг. стола Разр. столбцы, № 1286, л. 186—187).

[665] Сибирская, Азовско-Воронежская и Малороссийская (см. выше, стр. 510).

Заключение

Мы окончили нашу работу. Судьба первых почт, предпринимательских и правительственных, нами рассмотрена. Жизнь первых почтмейстеров, как предпринимателей и как культурных деятелей, прошла перед нами. Остановимся теперь на основной цели нашей работы (насколько мы её достигли, не нам судить).

XVII век был первым веком новой русской истории. Если говорят, что Петр Великий «пробил окно в Европу», то надо сознаться, что отдушина была сделана значительно раньше — вспомним слова Посошкова о «дире», которую сделали «немцы». Сквозь эту отдушину сильной тягой шло к нам западно-европейское влияние. Как и всегда бывает, «культуртрегеры» шли учить нас за дорогую цену; жадной рукой они хватались за эксплуатацию естественных богатств края, пользовались неуменьем и неопытностью Московских жителей для своих личных выгод. Но эти дорого стоившие нам учителя все-таки сделали свое дело. У них явились даровитые ученики, оценившие всю важность культурного прогресса и поведшие страну к нему: Ордин-Нащокин, Матвеев, Голицын, сам царь Петр. Могучий народ, приняв в свои неуклюжие объятия умных и ловких учителей — эксплуататоров, иногда увлекал их самих в свою среду и не выпускал от себя. Таковы были все эти фан-Сведены, Марселисы и даже такие яркие личности не из промышленного мира, как Гордон, Лефорт. Русский народ перекрещивал Яков в Иванов, Леонардов в Леонтиев, Патриков в Петров, Францев в Федоров; иногда это перекрещивание не ограничивалось одним именем. Андрей Андреевич Виниус, сын одного такого же иностранного выходца и его жены — немки, был настоящим, православным русским человеком, хотя и «немецкого происхождения» он не только писал по-русски (даже часто

славянским «штилем»), но и думал по-русски[666]: женился на русской; сына воспитывал в русском, православном духе. Многие другие семьи иностранных выходцев также обрусели и навсегда остались в России, работая рука об руку с коренными русскими. Среди помощников фан-Сведена и Марселиса нам не приходилось видеть русских; а у Виниусов такие помощники — не редкость (Агафонов, Петров и др.), и эти помощники не простая рабочая сила, а помощники действительные, которым Виниус дает ответственные поручения. Наконец, Виниусу мы обязаны привлечением русских торговых людей к участию в почтовом обращении, яркое доказательство чему видим в истории Архангелогородской почты. Прививка западно-европейской культуры шла энергично и Петру Великому пришлось действовать уже в обновленном организме, чем и объясняется успех его реформ, столь резко расходившихся иногда с Московской стариной. Русский народ, в массе еще темный, в лице лучших своих представителей проявлял частое трезвое отношение к западноевропейским порядкам (вспомним опять Посошкова). Отдавая все наше внимание вопросам истории русской культуры, мы не могли не остановиться для частного исследования — на почтах, о значении которых много говорилось в настоящей работе; этот сюжет, как нам кажется, дал возможность, хотя с немногих сторон, осветить ход русского прогресса в столь интересный период русской истории, показав хотя на небольшой группе явлений процесс их переработки под влиянием более высокой цивилизации.

„Eine Fahrposteinrichtung besland in Russland schon früh, indem dieselbe nach dem Muster asialischer Inslitullionen sich ausgebildet hatte. Die Einrichtung der Briefpost dagegen war ein Ergebniss der Annäherung an den Westen im Laufe des 17 Jahrhunderts. Beiderlei lnstitututionen illustrieren gleichsam die zwei

[666]Достаточно заглянуть в его книгу черновых писем, о которой мы часто говорили, и мы заметим, что все приписки к немецким письмам, все примечания он делает на русском языке.

Hauptphasen der Entwickelung Russlands. Der tatarische Einfluss wird von dem europäischen abgelöst. Indem es seine Lehrmeister wechselte, gewann Russland Unermessliches. Der Verkehr mit dem Abendlande machle der Stagnation der m Russland herrschenden orientalischen Verhällnisse ein Ende»[667]. Этими, несколько напыщенными словами крупного ученого историка, беспристрастно осветившего перед западноевропейской наукой многие явления русской исторической жизни, мы и закончим нашу заключительную беседу.

[667] Brückner, Russ. Postwesen, 881—882.

Дополнения и поправки

К стр. 4. Значение почтовых сношений блестяще доказано и обстоятельно мотивировано в брошюре проф. И. Озерова «Почта в России и заграницей», Спб., 1903.

К стр. 27. Описание тогдашних дорог чрезвычайно обстоятельно сделано в кн. «Краткий исторический очерк развития водяных и сухопутных сообщений и торговых портов в России», Спб., 1900 (г. А. С. Николаевым).

К стр. 38. К мелким библиографическим указаниям надо прибавить еще следующие: 1) «Von dem russischen Poslwesen bis zu Ende des 17 Jahrh.» в «Archiv für wissensch. Kunde v. Russland, hrsg. v. Erman, 2-r Band, 1842. (по поводу статьи проф. Домбровского о ямах в Ж. М. Н. П. 1841, ч. XXXI); 2) статьи, представляющие воспроизведение брошюры «Описание постеп. развития почт. гоньбы в России» изд. Почт. Деп., в журн.: Сев. Почта 1860, № 290; Труды Вольн. Экон. О-ва, 1861, № 1; Русский Мир за 1861 г., № 3 и 5; Znr Geschichte des Postwesens in Russland в Baltische Monalschrifl 1861, Bd IV, lift 4 и А. Забелин, «Почтовая гоньба в России» в Моск. Вед. 1861, № 42.

К стр. 45. При цитате из Крижанича пропущена ссылка: «Русское государство в половине XVII в. Изд. Бессонов. М. 1859, т. 1, стр. 20».

К стр. 58. В «Материалах по истории медицины в России» изд. П. Новомбергским, нам попались еще некоторые данные для биографии семьи Марселисов. В 1637 г. «гости» иноземцы, а среди них А. Д. Виниус и П. Г. Марселис, были приглашены для дачи показаний о враче Рейнере Пауве, просившемся на службу в Москву, Виниус сказал, что отец его, Денис Виниус, писал ему об этом врач из Голландии, но сам он этого врача не знает, потому что «в Галанской земле не бывал давно». Марселис засвидетельствовал, что он об этом враче слышал много хорошего (II. стр. 185—186). В 1638 году «торговой человек города Амборха», Петр Марселис с женой,

сыном, с несколькими другими лицами и с девкой был отпущен к отцу, Гавриле Марселису. Псковскому воеводе было предписано отпустить его за границу, а когда возвратится, отписать в Москву, сколько человек с ним приедет; с товаров, которые он привезет, велено было взять законную пошлину. 30 марта 1639 г. Петр Марселис снова был отпущен из Москвы в Гамбург и Псковскому воеводе предписано, чтобы, если он пришлет какое-либо «письмо, или печать, или иную какую признаку», немедленно послать это в Москву (очевидно, ему дано было какое-то секретное предписание). До 21 ноября от Марселиса никаких вестей не было; а 21 ноября он приехал сам и сообщил, что, по поручению государя, был в Голландии и Франции и привез с собой семью доктора Рейнера Паува (сам доктор поехал через Архангельск); при этом Марселис сообщил некоторые сведения о войне между Францией и Германией (II, 192—193).

К стр. 65. В 1655 г. Аптекарский приказ заплатил иноземцу Петру Марселису 10000 руб. за большой пирог (Новомбергский, Очерки по истории аптечного дела в до-Петров. Руси, Спб., 1902. Стр. 29).

— В марте 1664 г. дом Марселиса на Поганом пруде был временно предоставлен правительством доктору Самуилу Коллинсу (Мат. по ист. мед., I, стр. 72).

К стр. 68. В ноябре 1668 г. поселился в Москве доктор датчанин, Нильс Андерсон, с женой и детьми. Леонтий Марселис принимал в нем участие (Мат. по ист. мед., II 62).

К стр. 157. О Христофоре Синорацком известно еще то, что в 1662 г. ему было поручено перевести на слав. яз. Pharmacopea medico chymika sivc thesaurus Pharmacologicus etc. (Новомбергский).

К стр. 135. А. Д. Виниус был также посредником в сношениях Московского правительства с Генрихом Оранским по поводу приглашения из Голландии врача Реннера Паува (в 1638—9 г.). См. Материалы по ист. медицины, т. II, стр. 184—188).

К стр. 431. В примечании 637 под словом «Тамже» подразумевается «Моск. Архив М. Юст., Белгор. стола Разр. столбцы».

В *таблице 1-й* под 22 июля надо отметить, что Разряд послал не 1 пакет, а 2.

В *таблице 3-й* вкралось несколько опечаток. Григорьев Матвей послал пакет также 26 октября; Овошников Григорий — 5 октября; а Панкратьев Иван этого числа не посылал пакетов. Малороссийский приказ 28 апреля также не послал ни одного пакета.

Прилагаемая к настоящему тому карта имеет целью дать возможность читателям ориентироваться в путях почтового сообщения и местностях, упоминаемых в книге. В основание карты положена одна из карт известного Атласа проф. Замысловского. Очень сожалеем, что не могли представить точного изображения почтовых дорог того времени; это потребовало бы основательного географического исследования и сильно увеличенного масштаба карты. Идея нашей работы не требовала такого исследования, а между тем оно отняло бы чересчур много времени.

КАРТА
МОСКОВСКАГО
ГОСУДАРСТВА

ТАБЛИЦА 1-я.

Отсылка 1698 года.

	Январь			Февраль		Мартъ		Апрѣль		Май				Іюнь				
	5	20	27	20	24	10	24	7	21	5	12	19	26	2	9	16	23	30
Пакетовъ иноземцевъ	20	21	13	14	7	18	18	17	23	26	17	13	14	30	19	21	31	20
Пакетовъ русскихъ людей:																		
Андреевъ																		
Зоковъ Григорій																		
" Ефремъ																		
" Семенъ																		
Григорьевъ Матвѣй																		
Грутцынъ Василій		1						1										
Гурьевъ Петръ																		
Добрынинъ Логинъ																		
Исаевъ Иванъ					1			1							1	1		
" Илья																		
Ивашовъ Владиміръ								1										
Харлучанинъ (?) Иванъ																		
Матвѣевъ Петръ																		
Нестеровъ Иванъ																		
Носовъ Яковъ																		
Овсянниковъ Григорій																		
Павловъ Петръ																		
Панкратьевъ Иванъ	1	1		1		1	1	1		1	1	1		1		1		1
Петровъ Гавріилъ	[illegible]																	
Ремешниковъ Андрей	1		1	1														
Румянцовъ Михаилъ																		
Сверчковъ Иванъ																		
" Петръ																		
Семенниковъ Осипъ																		
Сыренщиковъ Афанасій					1		1											
" Григорій		1																
Терещенковъ Семенъ																		
Турчаниновъ Тимофей																		
Филатьевъ Василій		1																
Щербаковъ Онисимъ																		
Федоровъ Егоръ																		
Пакетовъ казенныхъ:																		
Большого Дворца	2	4		2		1		3	1		2					1		
Большой Казны		4		4	2		1	11		2	1			3	1	2	2	
Владимірск. Суд. пр.										20								
Иноземскій пр.														3				
Казанскій																		
Конюшенный пр.			1		1	1	1											
Корабельная Палата																		
Костромская Четь								2										
Малороссійск. пр.					1	1												
Москов. Судный		1					1	7					3					
Новгородскій																		
Печатный																		
Посольскій																		
Преображенскій																		
Разрядъ	1																	
Сибирскій пр.		1					1											
Устюжская Четь												1						

	Іюль				Августъ				Сентябрь					Октябрь				Ноябрь				Декабрь				
	7	15	22	28	4	12	19	26	2	9	16	23	30	7	14	21	28	4	11	18	25	2	9	16	23	30
Пакетовъ иноземцевъ	18	26	19	14	24	19	31	28	49	38	33	30	21	29	19	27	30	29	29	28	22	26	19	11	14	18
Пакетовъ русскихъ людей:																										
Андреевъ																			1							
Зоковъ Григорій						1	1						1								1					
" Ефремъ										1	1															
" Семенъ														1	1											
Григорьевъ Матвѣй								1	1	1	1	1	1	1	1	1	1		1	1	1					
Грутцынъ Василій																										
Гурьевъ Петръ														1			1			1	1		1			
Добрынинъ Логинъ							1			1			1	1												
Исаевъ Иванъ				1			1	1	1	1	1	1	1	1	1										1	
" Илья						1																				
Ивашовъ Владиміръ																										
Харлучанинъ (?) Иванъ																		1								
Матвѣевъ Петръ																						1				
Нестеровъ Иванъ									1		1	1	1	1												
Носовъ Яковъ				1																						
Овсянниковъ Григорій				1							1		1	1				1		1						
Павловъ Петръ														1												
Панкратьевъ Иванъ			1	1		1			1	1		1	1	1	1	1	1	1		1		1	1			
Петровъ Гавріилъ																										
Ремешниковъ Андрей																										
Румянцовъ Михаилъ															1											
Сверчковъ Иванъ											1															
" Петръ														1		1	1				1		1			
Семенниковъ Осипъ										1		1	1	1												
Сыренщиковъ Афанасій																1			1							
" Григорій														1												
Терещенковъ Семенъ											1															
Турчаниновъ Тимофей												1	1	1	1				1							
Филатьевъ Василій									1								1						1			
Щербаковъ Онисимъ										1		1	1					1	1	1						
Федоровъ Егоръ															1											
Пакетовъ казенныхъ:																										
Большого Дворца			2		1	1		5	1	1								1					1			5
Большой Казны	5	1	2	2	5	6		7	3	1	5		1	2	1		3	1	3	7	1	1			2	1
Владимірск. Суд. пр.			9									3				2				1			3			1
Иноземскій пр.											1			1								3				
Казанскій													1										1			
Конюшенный пр.							1																			
Корабельная Палата							1						1								2					
Костромская Четь																										
Малороссійск. пр.															1											
Москов. Судный		1	1		1			2						3	1	4	5		1	1		3	1	1	3	
Новгородскій									1																	
Печатный		1					2	2																		
Посольскій		1													1						1			1		
Преображенскій			1	1			3				2		1	2												
Разрядъ											1	1		3			2						4	1		
Сибирскій пр.																										
Устюжская Четь			2												1	2										

ТАБЛИЦА 2-я.

Прiемъ 1668 года.

	Январь		Февраль		Мартъ		Апрѣль		Май			Іюнь				Іюль				Августъ					Сентябрь			Октябрь					Ноябрь				Декабрь					Январь 1669 г.	
	13	27	10	24	3	17	2	15	2	18	31	4	17	24	30	8	14	20	29	5	11	17	24	31	8	14	28	3	5	14	21	29	4	10	17	25	1	8	15	22	29	6	14
Пакетовъ иноземцовъ	7	17	19	24	20	19	20	20	31	33	28	16	30	27	39	20	25	42	21	16	17	10	37	22	24	31	32	31	48	47	40	36	36	35	25	28	17	19	29	20	15	11	14
Пакетовъ русскихъ людей:																																											
Андреева Катерина																										1																	
Боковъ Ефремъ																							1		1			1	1	1		1	1	1		1							
„ Симонъ																													1	1	1			1									
Григорьевъ Матвѣй									1																		1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1					
Гурьевъ Афанасій																													1	1		1		1	1								
Добрынинъ Логинъ																						1		1		1			1			1	1		1		1						
Козловъ Иванъ									1		1		1	1	1									1			1	1	1	1	1	1	1	1									1
„ Илья																1		1	1		1																						
Лабозиновъ Кириллъ																								1		1		1	1		1	1	1		1								
Лукинъ Андрей																									1															1	1		
Матвѣевъ Петръ																										1																	
Посторовъ Иванъ																											1	1	1	1													
Снопниковъ Григорій															1			1											1		1	1		1									
Панкратьевъ Иванъ	1	1	1				1	1	1	1	1	1	1	1				1	1	1			1		1	1	1	1	1	1	1			1	1		1	1	1	1			
Петровъ Гавриилъ	Отставлены къ указаній нѣтъ. Число 24																																										
Поповъ Иванъ				1																																							
Сверчковъ Иванъ																					1	1	1		1					1													
„ Петръ																															1	1			1			1					
Сѣвениковъ Андрей																										1																	
Семенниковъ Иванъ																												1															
„ Феодоръ														1													1																
Сырейщиковъ Афанасій					1		1	1																																			
„ Иванъ																												1				1											
Тимофеевъ Орефій																											1																
Турчаниновъ Тимофей																								1				1			1	1	1		1								
Филатьевъ Василій																															1						1	1					
Щербаковъ Симеонъ																															2	1	1										
Федотовъ Симеонъ																								1																			
Пакетовъ казенныхъ:																																											
Антиохійскій пр.																						1																					
Большого Дворца „																			2			1																					2
Большой Казны „			1			4	2	1	2		1	3	4	1	3	3	1	5	2	5		3	3	4	3	5	3	6	2	5		1	1		1			3		1	3		
Владимірскій Судн. „	2								2		1						1					2				3	1				1												
Земскій „			1																																								
Иноземскій „				1			1		3				1				2																									1	
Казанскій „																										2						1									1		
Конюшенный „						1		1								1																											
Малороссійскій „	1						1	1		1		2				1					1					1			1														1
Новгородскій „								1	2		2		2	1		2	1	1		1	1	3	1	1	3	1				3		1		1		1				1			
Оружейная Палата																						1																					
Посольскій приказъ													2	1			1				1					1											1	1					
Преображенскій „													1									1						1	1		1	1			1				1				
Пушкарскій „																					1					1		1															
Разрядъ									2					2			1				1							1	1		1	1										2	
Рейтарскій приказъ																			1													1											
Сибирскій „	1			1			1																					1			2			1								3	1
Стрѣлецкій „										1			1						2		1					1			1			1		1				1		1			
Сыскной „																						1								1													

ТАБЛИЦА 3-я.

Отсылка 1698 г.

	Январь			Февраль			Мартъ			Апрѣль				Май				Іюнь			Іюль				Августъ					Сентябрь				Октябрь				Ноябрь				Декабрь			
	6	13	22	3	18	24	4	15	25	1	7	21	28	6	12	20	27	3	10	20	1	8	17	25	1	10	16	23	31	7	13	22	28	5	12	19	26	1	10	17	25	2	9	18	24
Пакетовъ иноземцевъ	6	11	20	20	25	21	19	13	12	20	14	34	20	26	17	24	20	21	19	23	20	25	29	20	27	21	24	30	38	30	36	45	41	35	27	24	25	25	32	21	16	19	12	17	19
Пакетовъ русскихъ людей:																																													
Боковъ Ефремъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
" Савва	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Vandorin Jean	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Григорьевъ Матвѣй	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	1	1	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Гурьевъ Михаилъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Добрынинъ Логинъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	1	1	1	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Исаевъ Иванъ	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	1	—	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	1	1	—	—	1	1	1	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
" Илья Ивановъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Лобовъ Кириллъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Мыльниковъ Иванъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Овсянниковъ Григорий	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	1	—	1	1	—	—	—	—	—	—
Панкратьевъ Иванъ	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Петровъ Гавриилъ	[illegible]																								—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Сверчковъ Петръ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Семенниковъ Иванъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
" Өедоръ Матв.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Турченинов Тимофей	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Филатьевъ Василий	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	1	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Федосовъ Онисимъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	1	1	1	1	—	—	1	—	—	—	—	—
Пакетовъ казенныхъ:																																													
Большого Дворца приказъ	—	—	—	2	—	1	1	—	—	—	1	1	—	1	—	—	2	—	1	—	1	—	—	1	—	2	—	—	1	—	1	1	—	1	—	2	2	—	—	1	2	—	2	—	3
Большой Казны приказъ	—	—	—	2	—	2	—	—	—	—	2	—	11	—	—	1	—	2	2	2	—	—	2	2	—	4	—	—	1	—	1	1	—	—	1	—	1	1	—	—	—	—	1	2	—
Бурмистерская Палата	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	1	—	1	3	6	2	1	1	1	3	—	—	—	—
Владимирский Судн. приказъ	5	1	—	—	—	3	1	1	—	1	—	3	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Иноземский приказъ	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Казанский приказъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Конюшенный приказъ	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	2	—
Костромская Четь	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Малороссийский приказъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
Новгородский приказъ	2	1	—	—	—	2	—	—	4	1	1	1	5	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	1
Оружейная Палата	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Печатный приказъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Преображенский приказъ	—	1	2	1	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	11	—	3	—	—	1	2	—	—	—	—	—	—	1	1	—
Пушкарский приказъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	9	—	—	—
Ратуша	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Разрядъ	—	—	—	1	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	3	1	—
Сибирский приказъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Стрѣлецкий приказъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Устюжская Четь	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ямской Приказъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

ТАБЛИЦА 4-ая.

Пріемъ 1699 г.

	Январь		Февраль			Мартъ			Апрѣль			Май			Іюнь				Іюль				Августъ						Сентябрь				Октябрь				Ноябрь					Декабрь				Январь 1700 г.	
	20	25	11	16	23	19	22	28	12	18	30	1	22	28	5	17	19	26	3	6	13	26	2	8	12	17	24	31	4	13	21	27	4	11	18	26	1	9	15	22	29	6	13	19	27	3	9
Пакетовъ иноземцевъ . . .	18	18	24	14	19	29	10	26	21	29	16	13	38	17	23	33	18	41	35	17	27	41	30	26	3	21	16	26	31	26	54	34	42	41	46	36	41	30	36	31	29	46	32	26	19	29	11
Пакетовъ русскихъ людей:																																															
Боковъ Андрей . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
„ Ефремъ . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
„ Семенъ . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Григорьевъ Матвѣй .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	1	—	—	—	—	1	—	1	1	1	1	1	1	1	1	1	—	1	—	—	—	—
Добрынинъ Логинъ .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	1	—	1	1	1	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Исаковъ Иванъ . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	1	—	—	—	1	—	—	1	1	1	1	1	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—
„ Илья . .	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Лабзоновъ Кириллъ .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Лузинъ Семенъ . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Мыльниковъ Иванъ . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Посовъ Григорій . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Овсянниковъ Григорій	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Панкратьевъ Иванъ .	1	—	1	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Петровъ Гаврила . .	Отъ 24 [illegible] указаній нѣтъ. Всего 42.																																														
Скорняковъ Петръ . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
„ Өедоръ .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Семенниковъ Богданъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
„ Иванъ .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
„ Өедоръ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Schopelin Wolodimir .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Турчаниновъ Орефій	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
„ Тимофей	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	1	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Филатьевъ Василій .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	1	1	—	1	—	1	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Осколковъ Онисимъ .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	1	1	1	—	1	1	1	—	1	—	—	—	—
Пакетовъ казенныхъ:																																															
Большого Дворца приказъ . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—
Большой Казны приказъ	—	—	—	1	—	—	2	1	4	—	—	—	1	1	1	—	2	3	3	—	3	4	3	7	—	1	—	2	3	4	3	2	—	1	—	—	1	2	2	3	1	—	—	1	—	—	—
Бурмистерская Палата	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	—	—	1	1	3	3	1	—	—	—	—	—	—
Владимірскій Судный приказъ . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—
Дворцовый Судный приказъ . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
Иноземскій приказъ .	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Казанскій „ .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Каменныхъ Дѣлъ приказъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Конюшенный приказъ	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Корабельная Палата	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Малороссійскій приказъ	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	1	—	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1	—	—	—	—	—	—	4	1	—	—	—
Новгородскій приказъ	—	1	2	—	—	—	2	—	3	—	—	—	2	—	2	1	1	2	—	—	1	—	—	4	—	1	—	1	—	1	1	—	—	—	—	—	3	1	2	1	—	1	—	—	—	1	1
Преображенскій „ .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	2	1	—	—	—	1	2	1	—	1	1
Пушкарскій „ .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—
Разрядъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—
Рагузинъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	2	1	—
Семеновское . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—
Стрѣлецкій приказъ .	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	1	—	1	—	—	—
Сыскной „ .	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Ямской „ .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

ТАБЛИЦА 5-ая.

Отсылка 1700 г.

	Январь		Февраль			Мартъ		Апрѣль			Май				Июнь				Июль					Августъ				Сентябрь					Октябрь				Ноябрь				Декабрь	
	6	16	1	14	28	14	27	11	19	19	5	11	18	26	1	10	17	24	1	7	14	22	29	5	10	19	26	1	8	15	23	30	7	14	21	28	4	12	19	26	7	23
Пакетовъ иноземцевъ . . .	20	12	19	23	19	15	30	27	16	24	10	22	17	23	24	23	38	22	25	23	29	27	23	12	17	33	31	36	37	37	27	28	34	35	28	28	29	23	24	14	31	14
Пакетовъ русскихъ людей:																																										
Боковъ Андрей Савиновъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Боковъ Ефремъ . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—
„ Семенъ . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Григорьевъ Матвей .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	1	1	1	1	1	1	1	1	—	—	—	—	—	—
Гурьевъ Петръ . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
Добрынинъ Логинъ .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—
Козинъ Иванъ . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	1	—	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—
„ Илья Ивановъ.	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Лаботновъ Кириллъ Яковлевъ. . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Лаботновъ Максимъ .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Лутинъ Иванъ Козм.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Михайловъ Иванъ . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—
Несторовъ Иванъ .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Овсянниковъ Григорий	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—
Поповъ Иванъ . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Петровъ Гаврила . .	[illegible] Итого 98.																						—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Сверчковъ Иванъ .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Селиванов Федоръ Матвеевъ. . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	1	1	—	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—
Соколовский Семенъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Давыдъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Сырейщиковъ Дмитрий Наумовъ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—
Терешкинъ Семенъ Павловъ. . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Турченинов Тимофей	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Филатьевъ Алексей .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
„ Георгий Ал.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Филатовъ Онисимъ .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	1	1	1	1	1	1	—	—	—	—	—
Пакетовъ казенныхъ:																																										
Адмиралтейский приказъ	—	—	—	—	—	—	—	—	9	—	—	—	—	4	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Большого Дворца приказъ . . .	—	—	1	3	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	3	1	—	—	—	—	1	7	—	—	1	2	—	1	—	—	1	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—
Большой Казны приказъ	4	—	—	—	6	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Генеральный Дворъ (Преобр.) . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1	—	3	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Житный Дворъ . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Конюшенный приказъ	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Малороссийский „ .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
Новгородский „ .	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—
Оружейная Палата .	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Печатный приказъ .	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	3	1	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	2	2	—	2
Преображенский . .	—	3	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Провиантскихъ дѣлъ приказъ . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
Пушкарский приказъ	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Разрядъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	2	—	1	2	1	3	1	1	—	—	3	1	3	—	2	2	2	5	1	2	2	—	—	6	1	1	3	4	—	1
Ратуша	—	—	1	1	—	—	2	—	4	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Сибирский приказъ .	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Стрелецкий „ .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—
Устюжская Четь . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	2	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Лесной приказъ . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—

ТАБЛИЦА 6-ая.

Пріемъ 1700 г.

	Январь		Февраль			Мартъ			Апрѣль			Май		Іюнь			Іюль			Августъ				Сентябрь					Октябрь					Ноябрь				Декабрь			Январь 1701 г.
	16	30	7	13	25	7	12	20	3	10	24	14	25	12	18	25	8	18	29	3	16	21	28	4	8	12	18	29	4	7	14	21	28	4	11	17	26	2	12	23	7
Пакетовъ иноземцевъ . . .	14	23	20	17	29	17	19	23	33	31	40	36	26	36	31	31	33	33	37	32	31	17	23	21	11	36	43	41	36	36	40	36	36	22	32	30	20	21	42	19	17
Пакетовъ русскихъ людей:																																									
Боковъ Савинъ Тимофеев. . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	1	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—
Григорьевъ Матвѣй .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	1	—	1	1	1	1	1	—	—	—	—	—	—
Гурьевъ Петръ Ивановъ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Добрынинъ Логинъ .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—
Исаевъ Иванъ . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	1	1	1	1	1	1	1	—	—	—	—	—
„ Илья . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	1	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кутузовъ Алексѣй Иванов.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Лабазновъ Кириллъ .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
„ Максимъ .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Матвѣевъ Петръ . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
Михалевъ Иванъ . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	1	1	1	1	—	—	—	—	—
Нестеровъ Иванъ .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Овошниковъ Григорій	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	1	—	—	—	—	—
Петровъ Гаврила . .	О	тъ	ѣ	зъ	з	м	х	ъ	у	нъ	нъ	нѣ	й	к	ѣ	т	ч.	Всего 37.																							
Сверчковъ Афанасій .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Семенниковъ Богданъ Матвѣев. . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Семенниковъ Яковъ Матвѣев. . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Семенниковъ Өедоръ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—
Севадовскій Григорій Иванов. . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—
Сырейщиковъ Алексѣй Яковл. . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Тимофеевъ Арефій .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Турчаниновъ Тимофей	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Фаддѣевъ Алексѣй .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	1	1	—	1	—	—	—	—	—	—
Өедотовъ Онисимъ .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	1	—	—	1	1	—	—	—	—	—
Пакетовъ казенныхъ:																																									
Адмиралтейскій приказъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Большого Дворца приказъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	1	1	—	—	—	—
Большой Казны приказъ	1	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	1	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	1	—	—	—	2	—	—	—
Генеральскій дворъ (Преобр.) . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Иноземскій приказъ .	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Малороссійскій „ .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Московскій Судной приказъ	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Новгородскій приказъ	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—	1	—	1	1	—	1	6	1	1	1	2	—	1	1	3	—	—	—	2	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Оружейная Палата .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Посольскій приказъ .	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Потѣшный Дворъ (Семенов.)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Преображенскій приказъ	3	5	1	—	1	2	—	—	—	—	—	2	1	1	—	1	—	—	—	—	1	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	3	2	—	—	—
Разрядъ	3	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	1	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ратуша	—	2	—	—	1	—	—	—	4	—	2	2	—	1	—	2	3	2	6	—	2	1	5	4	1	1	4	1	2	1	1	1	—	3	2	—	1	—	—	—	—
Рейтарскій приказъ .	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Сибирскій „ .	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
Стрѣлецкій „ .	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	1	—	1	—	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1
Сыскной „ .	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Холопья суда „ .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Ответ рецензентам сочинения «Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве»

Проф. И. П. Козловского.

(«*Научный исторический журнал*», 1914, *№* 3, *— рецензия А. К. Преснякова; «Голос Минувшего»,* 1914, *№ 5, рецензия* г. *В. Пичеты; «Русская Мысль»* 1914, *№ 5, рецензия г. Гневушева).*

Автору настоящей статьи в свое время приходилось касаться вопроса о значении XVII века в русской истории и в своих монографиях о Сильвестре, Медведеве и Ф. М. Ртищеве[668] и в своих двух вступительных лекциях (в Киевском Университете и Нежинском Институте). Всегда с большой осторожностью приступая к выводам и заключениям, автор тогда более зависел от взгляда С. М. Соловьева на этот вопрос. Но продолжительные работы в том же направлении дали автору возможность в позднейшей работе «Первые почта и первые почтмейстеры в Московском государстве» (ниже мы будем называть эту книгу первыми двумя словами) сделать некоторый шаг вперед в деле разработки вышеупомянутого вопроса. В этой работе шаг за шагом проводится та мысль, что не только правительство и верхние слои общества в XVII веке постепенно все более и более проникались преобразовательным духом, но и средние классы начинали сознательно относиться к культурному прогрессу. Тот же С. М. Соловьев в своих «Публичных чтениях о Петре В.» выразился так: «Народ поднялся и собрался в дорогу; но кого-то ждали, ждали вождя». Со временем, может быть, удастся ка-

---

[668]«Предыдущие его (т. е. автора настоящей статьи) работы были плохи» говорит в своей рецензии г. Пичета. Ответим, что за первую работу присуждена золотая медаль Киевским университетом, а за вторую автор получил магистерскую степень от Харьковского университета, и на основании этих работ автор был избран профессором Варшавского университета.

тегорически заявить, что в XVII веке все русское общество сверху до низу было охвачено жаждой улучшения своей политической, общественной и экономической жизни и искало путей к этому улучшению, как в установившихся традицией формах, так и в подражании иностранцам; великий ученый при помощи особого, присущего ему исторического чутья, угадывала, всеобщность реформаторского увлечения эпохи. Но мы пока не настаиваем на столь смелых выводах; они нуждаются еще в серьезных доказательствах... Целью настоящей статьи, является лишь — точно и ясно указать, какой материал дает сочинение о «Первых почтах» для доказательства той мысли (упомянутой выше), что не только правительство и верхние слои общества в XVII веке были проникнуты преобразовательным духом, но и *средние классы* начинали сознательно относиться к культурному прогрессу. Побудили нас взяться за перо рецензии на нашу работу, которые единодушно упрекают нас в отсутствии в нашей работе «широкой перспективы» и в недостаточности выводов и обобщений.

Во введении к «Первым почтам» в достаточной степени выяснено, как введение почтового сообщения в каждой стране следовало за политическими успехами и предшествовало её экономическому и культурному развитию. История появления почтовых сношений в России как раз свидетельствует о том, что в России почты появились при такой же обстановке, при какой они появились и в других странах, и положительные и отрицательные стороны этого явления были везде одни и те же; сначала почты обслуживали исключительно государственные цели, затем они являются орудием экономической эксплуатации страны иностранцами и смелыми предпринимателями, наконец, становятся родством для развития всеобщего культурного и экономического подъема страны. Для такого рода аналогий и понадобилось «введение» к нашей работе, кажущееся не нужным, г. Пичете. Вторая половина «введения», излагающая историю ямских учреждений, (главным образом, по классическому труду г. Гурлянда), как нельзя лучше свидетельствует о том, что

ямские учреждения никаким образом нельзя смешивать с почтовыми в полном смысле этого слова. Г. Пичета, признавая достоинства груда г. Гурлянда. полагает, что она, дает материал для изображения картины организации почты в XVII в. — и жестоко ошибается. Автор «Ямской гоньбы» в своем труде *вовсе не касается почты*, бывшей в ведении Посольского приказа. Да и цели работы г. Гурлянда были другие: он изучает *учреждение,* независимо от культурной его роли.

1-я глава «Первых почт» посвящена между прочим, указанию условий, способствовавших учреждению первой «немецкой» почты. Серьезный рецензент «Первых почт», г. Пресняков, не согласен признать основателем почты фан-Сведена, а признает таковым Леонтия Марселиса. Конечно, почты, устроенные Марселисом, имели более определенную организацию; но современники видели в Марселисе все-таки *продолжателя* фан-Сведена. Во всех приказных выписках, касающихся возникновения почт, видим приблизительно одно и то же начало: «по указу блаженной памяти … царя Алексея Михайловича, *держал почту* иноземец Ивана фан-Сведен». В виду того, что почта фан-Сведена, так же, как и почты Марселиса, одинаково обслуживала и потребности правительства и потребности торговых иноземцев, нет надобности исключать деятельность фан-Сведена из истории почт, и годом начала почты надо считать 1665-й, как это делают современные документы, а не 1668, как это делает г. Пресняков. Неправильно также он полагает, что «почтовая деятельность Сведена, в смысле перевозки корреспонденции, была лишь придатком к предприятию, организованному для иных целей — разных закупок и доставок по поручению тайного приказа». Во всех приказных выписках о поручении ему почты говорится исключительно о «*вестовых письмах*», которые она обязуется привозить *из-за границы.* С этим вовсе не находится в противоречии, как это кажется уважаемому рецензенту, наше примечание на стр. 103 — что по документам не видно, чтобы с этой почтой посылались *заграницу* государевы грамоты или пересылались отписки воевода. Ведь о до-

ставлении закупок и поставок по этой почте также решительно нигде не говорится, это только можно предпо-лагать.

В этой же 1-й главе нами указано, что при учреждении почты политические интересы правительства совпали с интересами торгово-промышленного класса, особенно торговых Иноземцев. Из этого видно, что книга имеет целью выяснить, 1) как почта удовлетворяла потребностям правительства; 2) как средние классы общества отнеслись к культурному нововведению и насколько легко оно у нас привилось. Из дальнейшего изложения явствует, что сначала все экономические выгоды почты доставались торговым иноземцами, которые раньше были знакомы с этими учреждением, а постепенно и русские торговцы и промышленники уразумели всю важность почтовых сношений. Уразумели они это все-таки довольно скоро, потому что к концу века, лет 30 спустя после учреждения «немецкой» почты, русские люди принимают уже оживленное участие в почтовых сношениях не по какому-нибудь принуждению извне, как это бывало часто при Петре В., а по личному наблюдению и опыту убедившись в важности нововведения.

Большое недоумение почти у всех рецензентов вызывает сочетание истории почти с биографиями почтмейстеров, в большей своей части не имеющими отношения к почте. Но на стр. 49 «Первых почт» дается ясный ответ на это недоумение: работа эта не юридическая, а культурно-историческая. Почты интересовали автора не как учреждение, а как культурное явление, нарождающейся и действующей при известной обстановке. Само заглавие работы в *полном* его виде достаточно об этом свидетельствует. Во второй половине его читаем: «опыт исследования некоторых вопросов из истории русской культуры во 2-й половине XVII века». Жизнь почтмейстеров была интересна для автора во всей её полноте, потому что представляла ряд интереснейших эпизодов в истории русской культуры. Мы протестуем только против извращений истины в этом отношении, как это допустил третий рецензент, г. Гневушев, утверждающий, что

«о *заграничной* жизни Марселиса-*деда* даются очень подробные сведения»; эти сведения занимают ровно 4 строки в нашей работе (стр. 75); если же г. Гневушев хотел сказать это о Марселисе-*отце*, между биографией которого во всей её полноте и учреждением почт общего, сравнительно, немного, то заметим, что 1) жизнь Марселиса-отца вся протекла в России, а не заграницей, и 2) он все-таки заведовал почтой вместе со своим сыном с 1668 по 1670 и, после его смерти, до 1674 г. и потому нельзя сказать, что между сведениями о его жизни и учреждением, почтовых сношений нет ничего общего. Кроме того, биография Петра Марселиса — старшего представляет довольно богатый материал для характеристики деятельности иностранцев, в русской промышленной среде; в ней мы наблюдаем как ловкий иностранец, «тершийся в доверенность правительства, создает обширные торгово-промышленные предприятия и беззастенчиво эксплуатирует русское общество; как эта беззастенчивость замечается и вызывает протест и со стороны его братии (Дюкер, Виниус) и со стороны русских людей (в 1646, 1648, 1669 гг.) и даже духовенства (в известной «Повести», нами цитированной). Мы видим из этой биографии, как русский торгово-промышленный класс проходил школу своего развития. Эти обстоятельства дают нам право не раскаиваться в том, что 2-я глава нашей книги, при том небольшая по размерам (21 стр. из 528) посвящена биографии семьи Марселисов, представляющей определенный тип, совершенно иной по сравнению с другим типом, каковым была семья Виниусов.

Третья и пятая главы «Первых почт» посвящены уже всецело почтовому делу. Изображение первых почт в нашей работе вызвало также целый ряд упреков и в общем, и в деталях. Г. Пресняков полагает, что собранный нами материал не дает возможности в первых почтах видеть крупное учреждение. Он видит противоречие между приведенной нами высокой оценкой почт, как культурного учреждения и конечною характеристикой первых почт на Руси, какую можно сделать на основании собранных нами данных. Но

противоречия никакого нет. Начало почтового движения действительно знаменовало собой *вступление* России в новый фазис развития и нами рассмотрена, действительно *подготовительный* период великого культурного дела. Этот подготовительный период продолжался 35 лет и столько же времени продолжалось вступление России в новый фазис развития. Где же тут противоречие? Начало XVIII века — это уже эпоха всесторонних реформ, эпоха использования подготовленных сил и материалов, а уже не вступление в новый фазис развития.

Совершенно справедливо замечает г. Пресняков, что юридическая сторона нашей работы слаба; но мы не считаема, нужным в этом оправдываться, мы ею не интересовались, как предметом исследования. Может быть скажут, что в таком случае, не следовало бы брать темы об учреждениях; но обратим внимание на то, что первые наши почты еще мало заслуживают это название. Это не учреждения в полном смысле этого слова, а лишь предприятия. Поставивши имя «почта» в заглавии нашей работы, мы сочли себя обязанными до крупиц собрать все то, что касается почт, как учреждения; а разработку этого материала представляем специалистам. Зато культурная обстановка, окружавшая это предприятие, воспроизведена нами во всех деталях и, по мере сил, всесторонне освещена. Не обошлось тут и без описания похождений пьяных ямщиков, в чем нас упрекает г. Гневушев, только следует заметить, что в этом описании найдем сведения и о случаях утайки посылаемых денег доставителями, и о нападении разбойников, похищающих важные пакеты по поручению враждебной державы и о приказных крючкотворствах.

Отрицательная оценка экономического значения первых почт распространяется г. Пресняковым и на эпоху Виниусов, потому что уважаемый рецензент придает преувеличенное большое значение мнению Посошкова. Мы старались отрицательную роль первых почт в экономическом отношении локализовать на эпохе Марселисов, хотя определенно на этом не настаивали (см. стр. 166—167). Мы полагаем, что

в эпоху Виниусов, особенно во второй её половине, почты имели уже иное значение, чем сначала. Для 90-х годов на это есть у нас уже неопровержимые доказательства: участие 64 русских торговцев в коммерческой корреспонденции рядом с 74 иноземцами наглядно доказывает, что иностранцам перестала принадлежать монополия на выгоды, приносимые почтой торговыми сношениями. Это и есть достаточное опровержение мнения Посошкова, если его относить строго к тому году, когда оно было записано. Но ведь мы ничем не гарантированы, что Посошков писали, по старым впечатлениям или стояли, здесь в цитируемом, сочинении на чисто теоретической почве.

Ответим теперь на некоторые частные упреки, делаемые нами, рецензентами. Нельзя нас упрекать в том (г. Пичета), что, говоря о почтовых трактах, мы не выясняем, почему правительство остановилось на том или другом направлении. До времен Виниуса все почтовые тракты были не что иное, как древние ямские пути, избранные и устроенные еще в XV веке, в эпоху завоеваний Иоанна III и Василия III. Что же касается южных правительственных почт, то у нас неоднократно указано, что их пути вызывались стратегическими соображениями; это опять-таки, были старинные военные шляхи. Нельзя также упрекать нас в том (тот же рецензент), что мы проходили мимо таких вопросов: что стоила государству организация почтового дела, и как она отразилась на платежных силах населения. Все, довольно скудные материалы по этим вопросам есть на лицо в нашей работе (стр. 153—155, 313—316, 360—361, 416—418, 429—431, 437—438, 444—445, 456—457). Не надо забывать, что государство именно употребляло все усилия к тому, чтобы почта ему *ничего* не стоила (стр. 379), а содержалась исключительно предпринимателями. Но в практическом разрешении этого вопроса встречались препятствия, вызывавшие постоянные колебания правительства: оно в своих приказных резолюциях говорило то так, то этак. Напрасно также г. Пресняков упрекает нас, что мы не отвечаем положительно на вопрос: как именно оплачивалась до-

ставка почты. У нас приведен ряд данных, показывающих, что 1) иногда выборные, почтовые ямщики гоняли без прогонов (стр. 123, 136, особ. 428, 430), 2) иногда им платил предприниматель (особ. стр. 418, а также 428, 429, 434) и 3) иногда уплата производилась из приказа и не всегда из одного и того же, а из разных (стр. 149, 154, 160, 416, особ. 417). На стр. 417 у нас прямо сказано, что число документов об уплате прогонов ямщикам чрезвычайно велико, но правительственные резолюции на них неодинаковы. Очевидно, практика в то время еще не выработала определенного решения вопроса. Стоимость же правительственных почт, устроенных для военных целей и часто на время, подсчитать невозможно, хотя коекакие указания и на это у нас есть (стр. 518—519). Относительно привлечения к почтовой гоньбе посадских людей вместо ямщиков обширной практики не было, у нас приведены лишь исключительные случаи, так как почтовая гоньба возлагалась на посадских людей лишь в тех случаях, когда ямщики разбегались из слобод по разным причинам. Вопреки желанию г. Преснякова, анализировать подобные факты нам нет надобности; надо же было, чтобы письма были доставлены, а раз присяжных почтарей не было, то брались за посадских людей. Правительственный характер предприятия выступает в почтах Архангелогородской и Сибирской не в чем-нибудь другом, как в том, что правительство дало денежную гарантию предприятию потому, что у него не хватило духу возложить целиком протори по содержанию этих мало доходных дорог на предпринимателей, а для правительства они были крайне нужны: юридическая сторона дела, такое или иное устройство почта, тут не при чем и г. Пресняков напрасно думает, что в организации разных почт была какая-либо разница.

Вопреки мнению г. Гневушева, г. Пресняков лучшими главами нашей книги считаете 2-ю и 4-ю. По мнению уважаемого рецензента, деятельность иностранцев в нашей работе, изображена гораздо лучше, чем история почты. На этой деятельности, утверждает г. Преснякова, нам следовало сосредоточить все наше внимание. Но мы не видим причины, почему

почтовое дело, бывшее в руках этих деятелей, не могло послужить предметом особого изложения в нашей работе одновременно с изображением деятельности иностранцев вообще. Прибавим к этому, что деятельность иностранцев в Москве в XVII в., как-никак, все-таки неоднократно была предметом изложения в нашей исторической литературе и вызвала появление нескольких почтенных трудов (Брикнера, Цветаева и др.); а история первых почт, за исключением неудачной и весьма малой по объему монографии Хрущова, не вызвала никакой более или менее обстоятельной работы. Изложение истории первых почт в нашей работе — в значительной доле новинка в русской исторической литературе и если даже следует упрекать нас за недостаточность освещения этой важной страницы из истории русских учреждений, то нельзя отрицать того, что собрав довольно обильный архивный материала, мы предоставили в распоряжение историков-юристов ряда, новых данных. Это открыто признает г. Пресняков, а, судя по некоторым намёкам, даже гг. Пичета и Гневушев. Что касается нашего отношения к различным главам «Первых почта, то мы склонны 5-ю главу ставить выше не только 2-й, но и 4-й. Как бы ни старались мы обстоятельно разработать и всесторонне осветить деятельность любопытной личности А. А. Виниуса[669], все-таки добрая половина данных нам о нем сведений не представляет новинки в исторической литературе; а 5-я глава почти вся сплошь основана на архивном материале и, по объему она составляет едва не половину всей книги. Изучение иностранного предпринимательства в ту эпоху во всем его объеме, и на фоне общеевропейской экономической политики было для нас непосильной задачей, и г. Пресняков не вправе упрекать нас, что мы не

---

[669] 4-я глава «Первых почт» появилась в печати еще в 1911 году в «Русской Старине» и отдельно. Хотя тогда автор имел в виду только составить компилятивный очерк жизни и деятельности А. А. Виниуса, тем не менее и в таком виде эта работа обратила на себя внимание рецензентов (отзыв г. Кизеветтера в «Русской Мысли» 1911 г. окт. и неизвестного в «Русском Богатстве» за тот же год, дек.).

взяли этой точки зрения. Для изображения эпохи с точки зрения этой «широкой перспективы» необходимо солидное, самостоятельное изучение экономической истории Европы в XVII ст., которой мы в таком широком объеме не занимались. Если же мы прибегли бы для такой постановки дела к пособиям, мы обесценили бы с научной стороны нашу работу. Да притом это свело бы нас с общекультурной точки зрения на специально-экономическую, а мы этого не хотели. Всему у нас отведено свое место, никакое из культурных явлений, в том числе и торговля, и промышленность, — ничто не оставлено нами в пренебрежении, но лишь постольку, поскольку это нам надо было для изображения общей культурной эволюции Московского государства в то время.

Между тем именно 5-я глава нашей книги и вызвала наибольшее количество нападок со всех сторон. Г. Пресняков упрекнул нас и за отсутствие «широкой перспективы», и за недостаточную разработку юридической стороны дела. Ему мы уже ответили. Гг. Пичета и Гневушев идут дальше. Они обвиняют нас вообще в отсутствии выводов и обобщений. Против этого заявления мы протестуем самым энергичным образом. Каждая глава и многие параграфы нашей работы заканчиваются рядом выводов из обильного, весьма часто совершенно нового материала (см. стр. 57, 70—71, 95, 165—167, 292—297, 391—393, 499—503, 522—525). Правда, эти выводы весьма осторожны, но эта осторожность не что иное, как плод крайней добросовестности в отношении к материалу: мы ни в каком случае не хотели сказать более того, чем материалы позволяют. Мы отлично понимаем, что для всяких гипотез *одной* работы еще недостаточно, только после появления целого ряда работ, разрабатывающих материал с различных точек зрения, возможно прибегнуть к построению гипотез. Г. Пичета полагает, что всего, нами собранного было бы достаточно для хорошей исторической работы, если бы материал находился в опытных исследовательских руках. Мы не сомневаемся, что какой-нибудь опытный исследователь написал бы хорошую работу на основании собранного нами

материала, но сомневаемся, чтобы он без риска мог бы сказать больше, чем мы сказали. Рецензент сравнивает автора «Первых почт» с «плохим учеником»; смеем уверить г. Пичету, что плохой ученик именно тот, который, не прочитав хорошо урока, фантазирует в своем ответе по своему усмотрению; напротив, хороший ученик всегда будет держаться в пределах неопровержимых истин, ясных и точных выводов. Этому учились мы у наших учителей, этому учим мы и наших учеников.

Что касается г. Гневушева, то он, по-видимому, совсем не считал нужным быть правдивым в своей рецензии. Сперва ответим на одно коварное обвинение его: он упрекает нас за то, что мы отказались от изучения писем Виниуса к заграничным почтмейстерам, которые, по его словам, представляют собою «наиболее интересную часть архивного материала». Прежде чем сказать такую вещь, надо заглянуть в материалы. Автор «Первых почт» не один час и не один день просматривал вышеупомянутые письма и очень хорошо ознакомился с их содержанием, которое кажется столь интересным рецензенту, никогда их не видавшему (намеренной лжи со стороны рецензента мы не допускаем). Мы отказались не от их *изучения,* а от их *издания*, потому что это — черновые наброски, с массой поправок и перечеркнутых мест, писанные крайне неразборчиво. Содержание многих из этих писем известно из памятной книги Виниуса (см. у нас на стр. 271—277 и в разных местах 5-й главы). Изучение их текста (насколько это было возможно) привело нас к твердому убеждению, что ни для истории почт, ни для характеристики Виниуса они не дают ничего такого, чего бы не было в нашей работе: в них Виниус пишет исключительно о своих финансовых и хозяйственных поручениях своим заграничным контрагентам; а таких поручениях в нашей работе сведений более, чем достаточно.

Читаем дальше «рецензию» г. Гневушева. Автор «Первых почт», говорит он — «не потрудился разбить печатаемый материал на части и дать им соответственные заголовки». Отве-

чаем: печатаемый материал разбить на 3 части; 1-я и 3-я часть разбиты на 108 параграфов, заголовки имеются, кроме начала, на стр. 207 и 433. Материалы, по словам рецензента, «как лежали, так изданы»; предлагаем ему прочесть 3-ю страницу введения ко II тому, где перечислены все изменения, сделанные нами в группировке материала. «Нет ни указателя, ни оглавления» — заявляет рецензент и считает это непростительным. Отвечаем: оглавление помещено вслед за заглавным листом; указателей четыре, общим размером на 69 страницах.

Несколько труднее покончить с рецензией г. Пичеты.

Он недоумевает: какое значение имеют для работы голые списки русских торговых людей, иностранцев, пользовавшихся услугами той или другой почты? и прибавляет, что такими выписками заполнена вся работа. Отметив по поводу последнего замечания, что списки корреспондентов занимают в разных местах общим счетом 7 страниц, мы считаем нужным еще раз заявить, что фактическое участие русских людей в почтовых сношениях — дело слишком важное, чтобы оно не нуждалось в точном указании примеров и притом, возможно более обильного числа таких примеров. Общая фраза — «русские люди интересовались тем-то» и «принимали участие в том-то» была бы слишком слаба. Приведенные же нами списки прямо и точно указывают, *кто именно* из русских людей принимал действительное участие в почтовых сношениях здесь встречаем — посланника, вельможу, архиепископа, пастора, майора, учителя, торговца, дворового человека, «мирского челобитчика», нескольких женщин и пр. и пр. Может быть, для г. Пичеты этот материала, не интересен; но не верится, чтобы он ни для кого не был интересен.

Далее г. Пичета полагает, что мы имели намерение в нашей работе развивать ту точку зрения, что развитие почтового дела при Петре объясняется экономической политикой Петра и пр. Неужели г. Пичета не заметил, что заниматься почтою эпохи петровских реформ вовсе не входило в нашу задачу? Ведь изложение истории почт у нас доведено как раз до 1701 года и деятельность Петра В., как реформатора, вовсе

не подлежала нашему изучению. Поэтому то история почтового дела у нас оказалась не связанной с эпохой Петра В.; но только из этого нисколько не следует, что автор «Первых почт» обесценил свою работу и свел её значение на нет. Может быть, рецензент смягчит свой строгий приговор, если мы скажем ему, что написанная нами история первых почты связана с эпохой *предшественников* Петра, касается экономической политики *второй половины XVII века*) торговых и политических сношений *допетровской* эпохи?

Если г. Пичета не разглядел, что г. Гурлянд в своей работе «Ямская гоньба» *ровно ничего* не говорит о почтах, если он не разглядел, что наша работа *ровно ничего* не говорит о почтах в эпоху реформа Петра В., то, конечно, пустою «опечаткой» представляется тот факт, что год издания нашей книги, 1913, заменен у него 1914-м, а цена выставлена вместо 5 р.—6 рублей. Но эти «опечатки» прекрасно гармонируют с общим отношением г. Пичеты к рецензируемой книге.

Мы бы считали ниже своего достоинства отвечать на такие рецензии, как «рецензии» гг. Пичеты и Гневушева, если бы они не появились на страницах таких почтенных журналов, как «Голос Минувшего» и «Русская Мысль». Что же касается рецензии г. Преснякова, то не соглашаясь с громадным большинством её замечаний, считаем своим нравственным долгом принести уважаемому рецензенту нашу глубокую благодарность за обстоятельность и академически выдержанный тон его рецензии. Она именно принадлежит к типу таких рецензий, которые только способствуют уяснению вопроса и пробуждают в авторе не негодование, а лишь горячее желание еще и еще поработать над вопросами, может быть — действительно недостаточно еще выясненными.

Содержание

Введение 4

Глава 1. Начало почты в Московском государстве. Семья фан-Сведена 32

Глава 2. Семья Марселисов 58

Глава 3. Почтовое дело при Марселисах 76

Глава 4. Семья Виниусов 135

Глава 5. Почтовое дело при Виниусах 247

Заключение 441

Дополнения и поправки 444

Ответ рецензентам сочинения «Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве» 454